ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ
ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

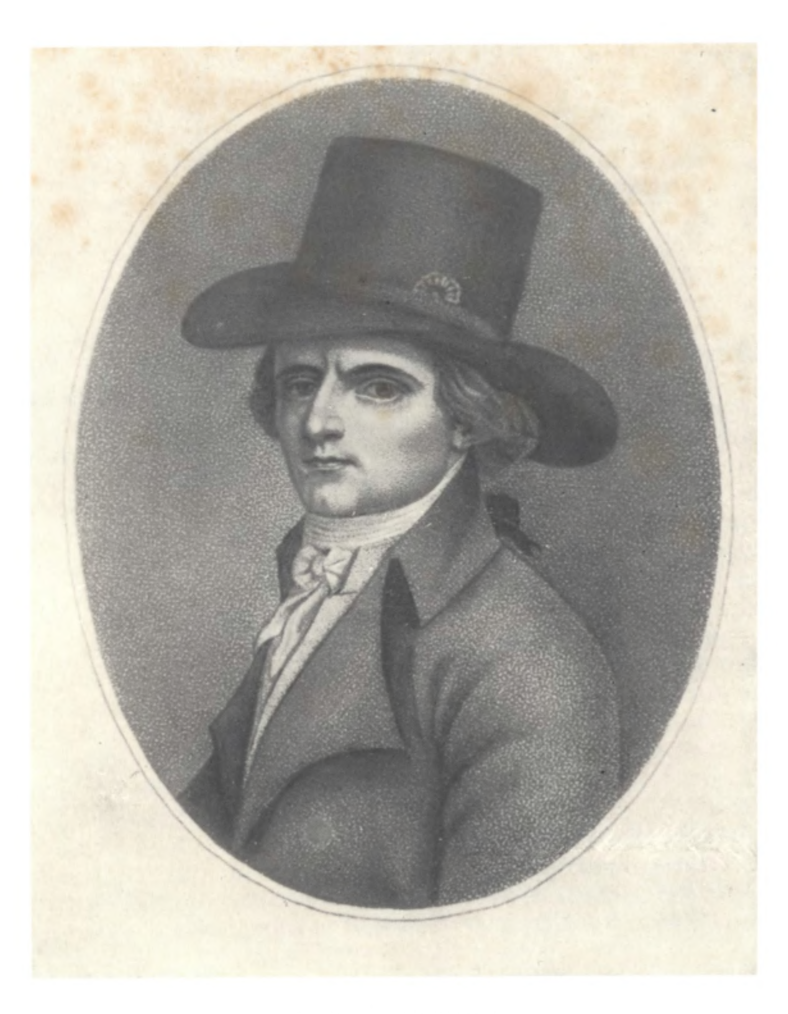
В первом томе «Сочинений Гракха Бабефа» публикуются его письма и произведения с 1779 по 1789 г. включительно начиная с ранних юношеских писем родителям. Из содержания тома видно, как шло интеллектуальное развитие Бабефа, как начинало вырабатываться его коммунистическое мировоззрение. Сочинения и письма 1789 г. показывают, как внимательно и заинтересованно следит он за революционными событиями, неизменно оставаясь на стороне самых обездоленных слоев народа.

Редакционная коллегия:

В. М. ДАЛИН (ответственный редактор),
А. З. МАНФРЕД, О. К. СЕНЕКИНА, А. СОБУЛЬ

Перевод Е. В. РУБИНИНА

Б $\frac{10605-262}{042(02)-75}$ Подписное издание

ГРАКХ БАБЕФ
Гравюра Бонвилля

ОТ РЕДАКЦИИ

«Когда тело мое будет предано земле,— писал Бабеф своему другу Феликсу Лепелетье из башни Тампль после своего последнего ареста в мае 1796 г., предшествовавшего его суду и казни,— от меня останется только множество планов, записей, набросков демократических и революционных произведений, посвященных одной и той же важной цели, человеколюбивой системе, за которую я умираю... Когда-нибудь, когда стихнут преследования, когда люди, возможно, вздохнут свободнее и смогут возложить цветы на наши могилы, когда снова задумаются над средствами обеспечения человечеству счастья, которое мы предлагали, ты разыщешь эти клочки бумаги и представишь всем последователям Равенства, всем нашим друзьям, хранящим в сердцах наши принципы... собрание различных фрагментов, содержащих то, что развращенные современники называют моими мечтами». Только сейчас, почти через 180 лет после казни Бабефа, это его пожелание, наконец, осуществляется.

Рукописное наследство Бабефа, вероятно, в силу привычки, выработанной у него профессией архивиста-февдиста [1], весьма богато. Ни один из деятелей Великой французской революции не оставил после себя такого обширного личного архива, как Франсуа Ноэль Бабеф, вошедший в историю под именем Гракха Бабефа.

Интерес к Бабефу и «движению равных» возник уже давно. Но исследовательских работ, основанных на архивных документах было немного. Важнейшей вехой в изучении истории бабувизма явилась вышедшая в 1828 г. в Брюсселе знаменитая книга Буонарроти «Заговор во имя равенства» [2]. Вторым этапом нужно

---

[1] В обязанности февдистов (feudistes) входило составление описей (terriers) владений сеньеров и приведение в порядок их архивов.

[2] *Ph. Buonarroti.* Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf, v. 1—2. Bruxelles, 1828 (Новейшее французское издание, с пред. Ж. Лефевра.— Париж, 1957; русск. изд.: *Ф. Буонарроти.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. С пред. В. Волгина, перев. Э. А. Желубовской. М., 1963).

считать содержащую большое число документов книгу Адвиелля[3], остававшуюся до начала XX в. основным источником для изучения биографии Трибуна народа.

Важный сдвиг в исследовании движения «равных» наступил после Октябрьской революции. Изучение истории бабувизма с марксистских позиций позволило совершенно по-новому оценить его идейное наследие. Работы В. П. Волгина[4] и ряда других советских ученых, так же как труды французского историка М. Домманже[5], явились ярким тому доказательством. Накануне второй мировой войны и после нее Бабеф и его идеи привлекли к себе пристальное внимание Жоржа Лефевра, направлявшего исследования ряда французских и итальянских ученых (А. Саитта, А. Галанте-Гарроне, Ж. Дотри и др.).

200-летие со дня рождения Бабефа дало вновь толчок к изучению биографии великого французского революционера-коммуниста. В 50—60-е годы появился ряд ценных исследований о Бабефе, а в 1960 г., во время XI Международного конгресса историков в Стокгольме, состоялся коллоквиум, посвященный Бабефу, в работе которого приняли участие историки Франции, СССР, Италии, ГДР, Австрии, Соединенных Штатов и т. д.

Но этот возросший интерес к Бабефу выявил целый ряд спорных проблем. Когда сложилось коммунистическое мировоззрение Бабефа? Был ли он коммунистом уже до революции? Не правильнее ли считать, что до термидорианской реакции Бабеф был только эгалитаристом? Какова социальная база взглядов Бабефа? Имел ли он какую-либо связь с рабочим классом до революции, в первые ее годы или в момент заговора? Носили ли идеалы Бабефа чисто рационалистический характер или были связаны с социальной действительностью? Если идеалы Бабефа рождала «пикардийская долина», как считал Ж. Лефевр, то какие именно слои пикардийской деревни — те, которые отстаивали сохранение старинных общинных отношений, или те, которые в значительной мере жили уже за счет заработной платы? Был ли присущ Бабефу «экономический пессимизм»? Играл ли Бабеф действительно значительную роль в революции или те, кто это утверждал, создавали лишь «миф о Бабефе»? Решение этих и других спорных вопросов требовало прежде всего самого тщательного изучения

---

[3] *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits, v. 1—2. Paris, 1884.

[4] См. *В. П. Волгин.* Идейное наследие бабувизма.— «Вестник социалистической академии», 1922, № 1 (переп. в «Очерках по истории социализма», изд. 1—1923; изд. 4—1935); *он же.* Место бабувизма в истории социальных идей.— «Французский ежегодник. 1960». М., 1961; *он же.* Французский утопический коммунизм. М., 1961.

[5] *M. Dommanget.* Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1922 (русск. пер., Л., 1925); *idem.* La structure et les méthodes de la conjuration des Egaux. Paris, 1924; *idem.* L'hébertisme et la conjuration des Egaux.— «Annales Révolutionnaires», 1923; *idem.* Sur Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1970.

всего рукописного и литературного наследства Бабефа, хранившегося в архивах, но все еще недостаточно исследованного.

Вот почему на бабефовском коллоквиуме в Стокгольме встретило единодушную поддержку предложение, внесенное от имени советских ученых Б. Ф. Поршневым, об издании научного собрания сочинений Бабефа. Осуществление этого издания (на русском и французском языках, в Москве и Париже) взяли на себя Институт истории Академии наук СССР, Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и «Общество робеспьеристских исследований» (Société des études robespierristes) во Франции.

В ноябре 1963 г. в Москве состоялось совещание представителей Института истории АН СССР, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и «Общества робеспьеристских исследований». На этом совещании было принято решение о проведении международной описи рукописных и первопечатных произведений Бабефа во всех архивах и библиотеках, где они хранятся, и об издании на этой базе четырехтомного собрания сочинений. В 1966 г. результаты этой описи, проведенной в архивах и библиотеках, а также в частных коллекциях в СССР, Франции, Италии (Институт Фельтринелли), Нидерландах (Амстердамский институт социальной истории), Соединенных Штатах, были опубликованы [6].

На основании этой описи в настоящее время и осуществляется первое четырехтомное издание сочинений Бабефа. Размеры издания не позволяют включить в него все сохранившиеся печатные произведения, рукописи и письма Бабефа [7]. Но можно с полным основанием утверждать, что в состав четырехтомника войдет все наиболее важное для характеристики его жизни, деятельности и мировоззрения.

В состав первого тома войдут произведения и письма Бабефа начиная с 1779 г. (его первое письмо к отцу из Фликсекура) до 1789 г. включительно. Во втором томе будут опубликованы произведения с 1790 по 1794 г.— до 9 термидора. В состав первых двух томов войдут (за исключением уже опубликованной переписки с секретарем Аррасской академии Фердинаном Дюбуа де Фоссе и «Постоянного кадастра») в основном неизданные рукописи и письма, хранимые в Москве, в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В числе этих материалов — рукописи «Законодательство санкюлотов, или Совершенное равенство», заметки об «аграрном законе», «Новая история Иисуса

---

[6] *V. Daline, A. Saitta, A. Soboul.* Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. Paris, 1966.

[7] В частности, не включена его большая теоретическая тетрадь «Философский свет» (146 страниц in 8°) как ввиду ее объема, так и главным образом вследствие невозможности установить, что в этой рукописи принадлежит самому Бабефу, а что является лишь изложением произведений других авторов.

Христа», черновики статей для издававшейся Бабефом в 1790 г. газеты «Пикардийский корреспондент» (ни один экземпляр ее не сохранился), письма к С. Марешалю, Шометту, мэру Парижа Пашу, Прюдому, Гарену, руководителю бельгийской революции Ван-дер-Ноту, петиции, связанные с участием Бабефа в аграрном движении, в борьбе против косвенных налогов и т. д. Все эти материалы по-новому освещают пикардийский период жизни Бабефа, до сих пор почти совершенно не известный, его аграрную программу, выгодно отличавшую Бабефа и от якобинцев, и от «бешеных», его линию в вопросах религиозной политики революции, его роль в продовольственной администрации Парижа в 1793 г., его участие в секционном движении столицы и т. д. В этих томах будет также впервые опубликован ряд автобиографических фрагментов Бабефа, представляющих значительный интерес.

В третий том будут включены произведения Бабефа за 1794—1795 гг. Сюда войдет его знаменитая газета «Трибун народа», его брошюры термидорианского периода, письма из аррасской тюрьмы. Наконец, четвертый том будет посвящен самому «движению равных» и Вандомскому процессу. В него войдут последние номера «Трибуна народа», газета «Просветитель народа», переписка Бабефа с агентами парижских округов от имени «тайной директории», его выступления, в том числе и последняя речь на суде в Вандоме. В этих двух томах в основном будут опубликованы материалы из французских архивов, но в них будут напечатаны и некоторые документы из московской коллекции, среди них письма Бабефа из вандомской тюрьмы.

Сочинения Бабефа явятся, конечно, важнейшим первоисточником для изучения его биографии и истории бабувизма. Вместе с тем они дадут ценный и интересный материал для изучения истории Великой французской революции. Бабеф очутился в Париже сразу же после взятия Бастилии, он пережил там октябрьские дни 1789 г., он был свидетелем дня Федерации 1790 г. Он снова оказался в Париже в 1793 г. — стал очевидцем и, вполне возможно, участником мартовских событий, восстания 31 мая—2 июня, сентябрьского «народного натиска». Его описания этих событий, его мысли и наблюдения, оценка им таких деятелей революции, как Мирабо, Робеспьер, Дантон, Шометт, представляют живейший интерес как свидетельство умного и очень наблюдательного современника. Но Бабеф был свидетелем и участником революционных событий не только в Париже, но и в глубокой провинции, и для понимания крестьянских настроений, для знакомства с аграрными движениями его петиции, письма, выступления — свидетельства первостепенной важности.

Разумеется, ранние произведения Бабефа, публикуемые в первом томе, еще весьма далеки от литературного совершенства (не забудем, впрочем, что в целом ряде случаев мы имеем дело с черновиками, окончательно не обработанными). Но читатель,

который ознакомится со всеми четырьмя томами Собрания сочинений Бабефа, сможет увидеть, как год от года возрастала не только теоретическая зрелость его мысли, но и его мастерство как «человека пера», профессионального публициста.

Конечно, произведения Бабефа по их литературному стилю и достоинствам не достигают уровня революционной публицистики Марата. Однако в них нет и вульгарности эберовского «Отца Дюшена», к стилю которого Бабеф относился явно отрицательно. Но независимо от того, написаны ли произведения Бабефа рукой начинающего автора или пером уже опытного и зрелого журналиста, им одинаково свойственно одно величайшее достоинство: они созданы человеком, проделавшим весь свой короткий жизненный путь, «упорствуя, волнуясь и спеша». Эта искренняя революционная взволнованность — отличительная особенность всего написанного Бабефом. Выход в свет Собрания его сочинений является поэтому данью глубокого уважения великой памяти Трибуна народа.

Расшифровка рукописей Бабефа, хранящихся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, была осуществлена научными сотрудниками ЦПА ИМЛ Н. И. Непомнящей и Е. В. Киселевой. Большую подготовительную работу к изданию провела Г. С. Черткова, которой редакционная коллегия приносит сердечную благодарность.

Редакция выражает признательность лицам, оказавшим содействие при подготовке настоящего издания, акад. Е. М. Жукову, Н. Е. Застенкеру, И. И. Зильберфарбу, Г. Д. Обичкину, Б. Ф. Поршневу, А. А. Соловьеву, акад. В. М. Хвостову. Мы глубоко признательны также иностранным ученым, оказавшим нам содействие, в том числе С. Бернстайну (США), Д. Дель Бо и А. Саитта (Италия), М. Домманже, Р. Леграну (Франция), В. Маркову (ГДР).

При публикации соблюдались следующие правила: все подчеркивания, сделанные рукой Бабефа, выделены разрядкой, а все подстрочные примечания от редакции даны курсивом. Названия произведений, озаглавленных составителями, даны в квадратных скобках. Всюду, где приводятся французские тексты, сохранена орфография подлинника. Документы, публикуемые впервые, отмечены в оглавлении звездочками. Комментарии составлены В. М. Далиным. Именной указатель подготовлен Е. А. Телишевой.

БАБЕФ, БАБУВИЗМ И «ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА»

I

Бабеф первым среди деятелей Французской революции преодолел противоречие, с которым столкнулись все политики, преданные народному делу, противоречие между правом человека на существование и сохранением частной собственности и экономической свободы. Своей мыслью и своими действиями он опередил свое время и стал зачинателем нового общества.

Подобно санкюлотам и якобинцам, Бабеф провозгласил, что целью общества является «всеобщее благоденствие» и что революция должна обеспечить всем гражданам равенство пользования благами. Но частная собственность неизбежно создает неравенство, а аграрный закон, т. е. уравнительный передел земельных владений, «не просуществует и дня» («ибо на следующий же день после его установления восстановилось бы неравенство»); поэтому единственное средство достигнуть «подлинного равенства» и «обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, и не более, чем достаток», состоит в «установлении *общественного управления;* в отмене частной собственности; в том, чтобы каждый человек занимался делом, к которому у него есть способности, производством, которое он знает, причем он обязан сдавать плоды своего труда на общий склад; в организации для распределения предметов потребления простой администрации, которая будет вести списки всех людей и всех предметов потребления и будет распределять эти последние при тщательном соблюдении равенства» [1].

Эта программа, изложенная в «Манифесте плебеев», опубликованном в «Трибуне народа» 9 фримера IV года (30 ноября 1795 г.), представляет собой, по сравнению с идеями якобинцев и санкюлотов (и те и другие были привязаны к собственности, основанной на личном труде), определенное новшество или, точнее, резкий поворот: общность благ и труда, проповедуемая Бабефом, стала первой формой революционной идеологии но-

[1] «Pages chosies de Babeuf». Recueillies, commentées, annotées avec une introduction et une bibliographie critique par M. Dommanget. Paris, 1935, p. 261—262.

вого общества, рожденного самой революцией. Благодаря бабувизму и «Заговору во имя равенства» коммунизм, хотя и утопический, занял свое место в истории социальной и политической борьбы.

Подъем международного рабочего движения дал толчок к новому изучению бабувизма. Последние полвека отмечены появлением публикаций текстов, которые составляют эпоху. Однако, несмотря на многочисленные публикации и исследования, еще не нашелся историк, который ценой тяжелого исследовательского труда обобщил бы посвященную Бабефу обширную документацию, разбросанную в различных местах, но в основном хранящуюся во французских хранилищах, главным образом в Национальном архиве и в архиве департамента Соммы, а также в архиве Института марксизма-ленинизма в Москве. Трудность такого начинания бесспорна. В то время как московские бабувистские архивы, состоящие из личных бумаг Бабефа, особенно богаты материалами, касающимися первого периода его жизни вплоть до Термидора, история его деятельности после падения революционного правительства, связанной с «Заговором во имя равенства», опирается в основном на французские архивные фонды. Несомненно, этой зависимостью от документации и объясняются некоторые характерные особенности бабувистской библиографии.

При таком состоянии исследовательской работы для успешного изучения бабувизма было очень важно прежде всего составление перечня рукописей и печатных трудов Бабефа, точного перечня архивных документов, где бы они ни находились [2]. На основе этого перечня осуществляется настоящее издание Сочинений Трибуна народа, предпринимаемое коллективно и являющееся результатом братского сотрудничества международной группы специалистов, использующих в своей работе документы, находящиеся в разных французских хранилищах, и богатые московские бабувистские фонды. Оно и позволит нарисовать точную и полную картину жизни и деятельности Бабефа, начиная с того периода, когда он был пикардийским февдистом, и кончая тем, когда он стал Вандомским мучеником,— картину, соответствующую его огромной роли во Французской революции.

Бабувизм неизбежно несет на себе печать своего времени. У Бабефа, бывшего самоучкой, коммунистический идеал, несомненно, зародился в результате чтения. Но он не ограничился одними мечтаниями. Бабеф на протяжении всей революции был человеком действия. Именно в столкновении с социальной действительностью его родной Пикардии, в ходе революционной борьбы, которую он вел, постепенно формировалась система идей Бабефа. И действительно, бабувизм нельзя изображать как нечто догма-

---

[2] *V. Daline, A. Saitta, A. Soboul.* Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. Paris, 1966.

тическое, а лишь как возобновление милленаристских надежд разумеется, внушенных книгами, но обогатившихся и проверенных наблюдением общественной жизни и революционной деятельностью и в конце концов возведенных в систему.

При изучении переписки Бабефа с Дюбуа де Фоссе с 1785 по 1788 г. происхождение коммунизма Бабефа из книг не внушает сомнений. Обрисовывая его идеологические истоки, Жорж Лефевр подчеркивает влияние Руссо, Мабли и особенно Морелли [3]. Об этом же свидетельствуют полезные и точные сведения, которые приводит В. М. Далин. Руссо оказал на Бабефа глубокое влияние: Бабеф занялся добросовестным изучением его основных произведений, и не по изложению, сделанному другими авторами, как предполагал Клод Мазорик относительно лет, предшествовавших 1789 г.; Бабеф читал «Общественный договор», размышлял о нем и делал заметки. «Исповедь» Руссо он считал «шедевром анализа»; «Речь о происхождении неравенства» он подверг подробному рассмотрению. Именно у Мабли Бабеф заимствовал формулировку «совершенное равенство», точнее — из его труда «Законодательство, или Принципы законов», опубликованного в Амстердаме в 1776 г. Что касается влияния Морелли, то В. М. Далин согласен с предположением В. П. Волгина, что оно было значительно более поздним [4].

Для понимания образа мыслей Бабефа и установления этапов изменения его идеологии нелишне упомянуть об утописте Колиньоне, брошюра которого вызвала у будущего Трибуна народа одновременно и энтузиам и критические размышления.

В 1786 г. появилась брошюра, долгое время известная только по названию и по многочисленным упоминаниям о ней в переписке, которую Бабеф вел с постоянным секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе. Наконец, было доподлинно установлено, что эта брошюра была написана неким Колиньоном и называлась «Предвестник полного изменения мира. благодаря благосостоянию, хорошему воспитанию и всеобщему процветанию всех людей» [5] с подзаголовком «Проспект патриотического мемуара о причинах существующей повсюду великой нищеты и средствах ее полного уничтожения». «Полное изменение мира» относится к разряду утопий о странах с молочными реками в кисельных берегах. Дюбуа де Фоссе отзывается об этом «Проспекте» в несколько ироническом тоне, но Бабеф принимает его всерьез. Выйдя сам из народа, он не мог не быть чувствителен к старой теме народных мечтаний. В обществе, где самый изнуряющий труд и

---

[3] *G. Lefebvre.* Les origines du communisme de Babeuf.— *G. Lefebvre.* Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954.

[4] *В. М. Далин.* Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963, стр. 116.

[5] «L'Avant-coureur du changement du monde entier par l'aisance, la bonne éducation et la prospérité générale de tous les hommes». Londres, 1786.

самая ужасающая нищета были уделом огромного числа людей, сказочная страна могла быть только мечтой об изобилии и радости. Отметим, однако, что в своем изображении эгалитарного общества Колиньон как бы заранее отмежевывался от экономического пессимизма Бабефа: его вера в технический прогресс и в развитие средств производства позволяет предчувствовать появление промышленного социализма Сен-Симона.

Брошюра Колиньона произвела на Бабефа сильное впечатление и, по его собственному признанию, вызвала у него энтузиазм. В письме к Дюбуа де Фоссе от 21 марта 1787 г. он задал «некоторые вопросы, которые родились в его мозгу, склонном к мечтаниям». Среди них был такой: «С учетом общей суммы ныне достигнутых знаний каково было бы состояние народа, если б его общественные учреждения были таковы, что между всеми его членами царило бы самое полное равенство, что земля, на которой он живет, не была бы ничьей и принадлежала бы всем, что все, наконец, было бы общим, вплоть до произведений всех видов промышленности. Были бы такие учреждения основаны на естественном законе? Возможно ли, чтобы такое общество существовало и чтобы можно было найти средства абсолютно равного распределения?» [6]

Восхищенный обещаниями «Предвестника», Бабеф в своем письме от 8 июля 1787 г. одобрил «систему реформатора», находя прекрасным, «чтобы всем людям без различия была предоставлена равная доля всех имуществ и выгод, которыми можно пользоваться в нашем грешном мире». Сравнивая Колиньона с Руссо, он пишет: «Мне кажется, что наш реформатор достигает большего, чем гражданин Женевы, о котором мне иногда приходилось слышать как о пустом мечтателе. Он, конечно, мечтал хорошо, но наш человек мечтает лучше. Подобно Жан Жаку, он утверждает, что, поскольку люди абсолютно равны, они не должны ничем владеть индивидуально, а пользоваться всем сообща... Но вместо того, чтобы отослать нас, как это делает г-н Руссо, жить в лесах, насыщаться под сенью дуба, утолять жажду из первого же попавшегося на пути ручейка... наш реформатор предлагает нам четыре добрых трапезы в день, очень изящно одевает нас и каждому, кто является главой семьи, дает хороший дом, стоимостью в тысячу луидоров. Вот что значит уметь сочетать радости общественной жизни с приятными сторонами жизни естественной и примитивной» [7].

Но Бабеф думает о практическом применении системы реформатора, и именно в этом его своеобразие для того времени, когда он жил. «Мне очень нравится всеобщий реформатор.

---

[6] «Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788)». Publ. sous la rédaction de M. Reinhard. Paris, 1961, p. 72 (см. также стр. 153 настоящего тома).

[7] Ibid., p. 109 (см. также ниже, стр. 178).

Как жаль, что он ничего не говорит о способах, которыми он собирается действовать!» Для Бабефа коммунизм — это не литературные труды, не сентиментальные мечты или моральная система; это общество, которое надо строить.

Несомненно, что именно пикардийский опыт Бабефа имел решающее значение для формирования его взглядов. Он родился в 1760 г. в Сен-Кантене. Его отец был служащим на одной из застав по взиманию соляной подати, мать — неграмотной служанкой. Бабеф поселился в Руа, в Сантерре, районе крупного земельного хозяйства. В этих пикардийских деревнях, задавленных сеньериальной эксплуатацией, «система» которой не могла ускользнуть от внимания Бабефа, бывшего февдистом и комиссаром по составлению описей сеньерий, к концу старого порядка происходили важные социальные перемены: «объединение» ферм, т. е. концентрация хозяйств, и развитие мануфактур.

Сохранившие еще силу и объединившиеся для защиты своих коллективных прав и общинных обычаев пикардийские деревенские общины вели ожесточенную борьбу против сеньериальной эксплуатации и концентрации хозяйств в руках крупных фермеров-капиталистов. Благодаря своей профессии Бабеф в 80-е годы приобрел непосредственный опыт, был знаком с жизнью пикардийских крестьян, с их проблемами и с их борьбой. «В пыли сеньериальных архивов мне открылись тайны захватов земель кастой дворянства». Жорж Лефевр уже указывал на этот «деревенский опыт» Бабефа. В. М. Далин согласен с Лефевром и подчеркивает влияние этой социальной среды на формирование взглядов Бабефа [8]. Соприкасаясь с деревенскими общинами он еще до революции утвердился в идее «подлинного равенства».

С этой точки зрения важен документ, обнаруженный В. М. Далиным,— письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссе из Руа, написанное после 1 июня 1786 года [9]. Оно ставит вопрос о характере коммунизма Бабефа. Для Жоржа Лефевра речь идет в основном о коммунизме распределения и потребления. В. М. Далин придает значение тому месту в этом письме, где Бабеф предусматривает организацию «коллективных ферм», настоящих «братских общин». «... я заменяю ферму, которую снимает один человек, коллективной фермой: 50, 40, 30, 20 человек будут вместе работать на этой ферме; прежде, когда они жили в одиночку, они прозябали в бедности; теперь они быстро станут зажиточными». Бабеф подчеркивал преимущество коллективного труда. «На коллективной ферме... все делается вовремя, всегда есть возможность и достаточно работников для выполнения всех работ». Они обладают одновременно и моральными и материальными преимущест-

---

[8] *В. М. Далин.* Указ. соч., гл. III.

[9] В «Переписке Бабефа с Аррасской академией» этого письма нет. Оно публикуется в данном томе, стр. 60—102.

вами: «Среди других весьма ценных результатов коллективных ферм было бы то преимущество, что они сближали бы людей. В них несколько бедных семейств слились бы, так сказать, в одно зажиточное семейство. Эти семейства перешли бы от состояния крайней неуверенности в состояние устойчивости. Они освободились бы от всех своих бедствий в настоящем и от тревог за свое будущее».

Это уже «коллективный труд». Таким образом, еще за десять лет до «Заговора во имя равенства» Бабеф не только ставил вопрос о подлинном равенстве прав и, следовательно, о равенстве распределения, но и указывал на преимущества коллективного способа ведения хозяйства: «Раздробить землю на равные наделы между всеми значит уничтожить те ресурсы, которые земля дала бы объединенному труду...» Но это еще не было «общностью пользования благами»: «Я не хотел бы ставить вопрос о законности крупных земельных владений и прийти, таким образом, к радикальному решению относительно крупных ферм, которое подвергло бы сомнению самый принцип их существования. Сейчас либо слишком поздно, либо слишком рано ставить такой вопрос». Бабефа занимает только вопрос о коллективном использовании земли: «Ферма сохраняется как целое, но эксплуатируется она уже не одним фермером. На его место я ставлю группу работников в соответствии с размерами фермы, объединенных общим договором на предмет ее эксплуатации» [10].

Говорить здесь о коллективном владении, несомненно, значило бы совершать некоторое насилие над текстом. Но в такое время, когда идеи социального освобождения были неизбежно связаны с принципами буржуазного индивидуализма, этот проект создания коллективных ферм и братских общин свидетельствовал о большой смелости мысли. Правда, Бабеф более не возвращается к этой теме. Тем не менее он еще до революции предчувствовал необходимость в коллективной организации труда.

Одновременно с усилением концентрации земли увеличивалось проникновение промышленной деятельности и капитализма в пикардийскую деревню, капитализма, представлявшего собой мануфактурную стадию — «рассеянную мануфактуру». В. М. Далин подчеркивает то внимание, которое Бабеф уделял «особому классу рабочих», «классу работающих по найму», их требованиям, касавшимся дороговизны и безработицы [11]. Под этим углом зрения он дает анализ «Вступительной речи» к «Постоянному кадастру» и приводит относящуюся к 1789 г. петицию о нищенстве и предложения собранию выборщиков Аббевилля в 1792 г. С этой точки зрения важна еще рукопись «Философский свет». «Горько даже подумать, что те классы населения, единственным источником существования которых является заработная плата, не являются

---

[10] См. настоящий том, стр. 63—67, 97.
[11] *В. М. Далин.* Указ. соч., стр. 180 и след.

частью нации»[12]. Ухудшение условий существования наемных тружеников в 80-е годы тоже в значительной степени отразилось в сознании Бабефа. Хотя его замечания, несомненно, поверхностны, тем не менее они открывают еще одно направление для исследования: какую роль в формировании взглядов Бабефа сыграло его знакомство с социальными проблемами, связанными с пикардийской мануфактурой?

В 1789 г. Бабеф изложил свои идеи во «Вступительной речи» к «Постоянному кадастру»[13]. Он резко критиковал организацию общества и собственности: «...Общественные законы дали возможность интриге, хитрости и изворотливости ловко овладеть общественной собственностью». Бабеф устанавливал, что социальное неравенство есть результат концентрации собственности, которая увеличивает число работающих по найму и влечет за собой уменьшение заработной платы; он писал это на основании своего опыта, приобретенного им в пикардийской деревне. Тогда он склонялся к аграрному закону, к социализму разделителей, по выражению 1848 г.: к равному разделу поместий, причем надел того, кто им пользовался, был неотчуждаем, а после его смерти вновь поступал в распоряжение общины. «Общая мать-земля могла бы подлежать разделу только пожизненно, и каждый надел стал бы неотчуждаемым, чтобы достояние каждого гражданина всегда было прочно обеспечено...» Во Франции имелось 70 млн. арпанов земли. Предполагая численность населения равной 24 млн. человек, а состав семьи — 4 членам, Бабеф из расчета 6 млн. семей определял размеры каждой усадьбы в 11 арпанов (в 1775 г. Ретиф де ла Бретонн в своем «Развращенном крестьянине» («Le Paysan perverti») делил землю на наделы в 10 арпанов). «Каким хорошеньким участком мог бы пользоваться каждый глава семьи...». «Какой приличный средний достаток можно было бы обеспечить с такой площадью хорошо обрабатываемой земли! Какое чистосердечие, какая простота нравов, какой неизменный порядок царил бы в народе, который принял бы столь подлинно мудрый строй, точно соответствующий предначертанным природой общим законам, которые только род человеческий позволил себе нарушить!»

«Вступительная речь» к «Постоянному кадастру» была важной вехой в развитии идей Бабефа. Инстинктивно и как бы ощупью Бабеф старался связать социальные требования со своей повседневной профессиональной деятельностью. Из неопределенной утопии рождалась социальная практика. Но от разделения земель до общности имущества путь был еще долог. Решающее значение для развития и созревания коммунистической системы Бабефа имела его революционная деятельность.

---

[12] *В. М. Далин.* Указ. соч., стр. 354.

[13] Бабеф был февдистом и мог судить о феодальной реакции. Но февдист должен был быть и архивариусом и землемером. Так возник «Постоянный кадастр».

II

Изложив в 1789 г. во «Вступительной речи» свои эгалитаристские идеи, Бабеф, борец революции, теперь подвергает их испытанию на практике. Декларация прав 1789 г. провозгласила равенство прав. Очень скоро, когда в разгар революции встал вопрос о средствах к существованию и, следовательно, о хлебе насущном, обнаружилось, что это равенство не более чем «химера».

Теоретические размышления Бабефа сливаются с борьбой за конкретные социальные требования. Коммунистические идеи не были чем-то внешним по отношению к его деятельности, как это утверждал Матьез, своего рода украшением, мало связанным с его подлинной политикой. По мнению М. Домманже и Ж. Лефевра, а еще более В. М. Далина, коммунистические идеи Бабефа, напротив, были главным стержнем его политики. Они вдохновляли не только «Заговор во имя равенства» 1796 г., но и революционную деятельность Бабефа с 1789 по 1794 г.

Теоретик Бабеф обладал также и «умом тактика». Это вслед за М. Домманже и К. Д. Тепессеном [14] усиленно подчеркивает В. М. Далин. Будучи искусным тактиком, Бабеф не хотел преждевременно себя разоблачать. Он объясняет это в письме от 10 сентября 1791 г. к Купе из Уазы: «Я вновь повторяю, что это были бы такие намерения, которые отнюдь не следовало бы разглашать с самого начала» [15]. Но, идя окольными путями, Бабеф всегда имел в виду «конечную цель». В пору всех революционных перипетий он оставался сторонником «совершенного равенства». Это выражение, которое он употребил в 1786—1787 гг., снова вышло из-под его пера в 1791 г. в его письмах к Купе, в 1793 г. в его проекте «Законодательства санкюлотов»; в 1794 г. (15 плювиоза II года) в письме к сыну он писал: «...Я постараюсь разъяснить в то же время, что французский народ, вполне вероятно, *доведет свою революцию до счастливого конца — до установления этой системы совершенного равенства*» [16].

Бабеф считал своей миссией направлять революцию к этой цели. В апреле 1793 г., обвиненный в подлоге, преследуемый, находящийся в тревоге за своих детей, «не имеющих хлеба», он утешал себя: «Надеюсь, что они увидят во мне отца, которого будет благословлять вся вселенная и которого все народы, все века будут считать спасителем человеческого рода» [17]. Домманже

---

[14] *Käre D. Tønesson.* The Babouvists: from utopian to practical socialism.— «Past and Present», 1962, N 22.

[15] «Pages choisies de Babeuf...», p. 127

[16] *В. М. Далин.* Указ. соч., стр. 590—592.

[17] Там же, стр. 526.

уже указывал на эти черты мессианства в характере Бабефа [18]. Только человек, убежденный в необходимости полного переустройства общества и в своей исторической миссии, мог написать такие строки. В этом, по мнению В. М. Далина, один из ключей к пониманию деятельности Бабефа.

Участие Бабефа в пикардийском аграрном движении в 1790—1792 гг. представляет собой его первый серьезный опыт революционной борьбы. Оно важно не только для ознакомления с его деятельностью, но и для глубокого понимания революции, по существу направленной против феодального порядка и аристократии. Хотя его деятельность по необходимости была ограничена рамками данной местности, Бабеф формулирует последовательную аграрную программу, бесспорно, отвечавшую требованиям крестьянских масс всей Франции, особенно неимущих крестьян. Он разоблачает мнимое упразднение феодального порядка декретами от 5—11 августа. С 1789 вплоть до 1792 г. «...мнимая ликвидация, о которой так часто упоминалось в декретах Учредительного собрания, существовала только на словах, а самый строй полностью сохранялся» [19]. Бабеф требовал полной отмены феодальных повинностей без выкупа и, кроме того, конфискации феодальных владений: «Земли, входившие в состав фьефов и сеньерий, должны сейчас же поступить в продажу (январь 1792 г.)» [20]. Он требовал также постановления о продаже церковных имуществ и о их раздаче «неимущим крестьянам» в форме долгосрочной аренды (май 1790 г.), раздела общинных земель не для передачи их в собственность, а для пользования доходами, которые они дают, в конечном итоге — аграрного закона.

Жорж Лефевр подчеркнул отсутствие у робеспьеристов «действенной всеобъемлющей аграрной политики» [21]. То же самое относилось к группе кордельеров, обычно называемой группой эбертистов, и к «бешеным». Бабеф, столкнувшись с пикардийской действительностью, сумел выработать программу, которая удовлетворила бы деревенских санкюлотов: установление этого — ценный вклад В. М. Далина, внесенный им в исследования, посвященные Бабефу, благодаря изучению личных документов Бабефа, относящихся к 1790—1792 гг. Однако, будучи борцом, но еще не государственным деятелем, Бабеф не мог, подобно робеспьеристам во II году, поддерживать равновесие революционных сил, чтобы обеспечить единство антиаристократического фронта. Тот, кто явно становился на сторону безземельных крестьян, поденщиков и мелких землевладельцев, рисковал восстановить против себя крестьян — земельных собственников и фер-

---

[18] *M. Dommanget*. Tempérament et formation de Babeuf.— «Babeuf et les problèmes du babouvisme». Paris, 1963, p. 11.
[19] *В. М. Далин*. Указ. соч., стр. 462.
[20] Там же, стр. 386.
[21] *G. Lefebvre*. Questions agraires au temps de la Terreur. La Roche-sur-Yon. 1954, p. 131.

меров. Деревенское население в Пикардии, как и в остальной Франции, было далеко не однородным: оно всегда было объединено только против аристократии.

Среди всех этих перипетий и революционных битв Бабеф не терял из виду «конечной цели» — достижения совершенного равенства, и поэтому аграрный закон был для него шагом к этой цели. «Кто может стоять за номинальное равенство?» — пишет он в письме к Купе 20 августа 1791 г. Словом «равенство» нельзя освящать незначительную сделку; равенство должно привести к огромным и положительным результатам, к явно ощутимым последствиям, а не оставаться химерической абстракцией. Оно не может быть вопросом грамматической и законодательной схоластики. В области равенства двусмысленное толкование возможно не более, чем в области чисел. Все здесь можно выразить в цифрах [22]. В своем письме от 10 сентября 1791 г. он писал: «...Отсюда обязанность и необходимость дать средства к существованию огромному большинству народа, которое, при всем своем желании работать, не имеет работы. Аграрный закон, подлинное равенство... Из всего этого неизбежно должно вытекать... требование основных прав человека и, следовательно, хлеба, честно гарантированного всем, т. е. требование аграрного закона» [23].

Пребывание Бабефа в Парижской продовольственной администрации весной и летом 1793 г. и, еще более, его размышления об экономической и социальной политике революционного правительства указали Бабефу на практическую возможность эгалитарного распределения. Этот опыт послужил для него новым этапом к достижению «конечной цели». Именно в это время Бабеф написал «Законодательство санкюлотов, или Совершенное равенство». Для этого периода характерны еще два момента.

В религиозном отношении Бабеф пошел дальше робеспьеристского деизма, явно отличаясь этим от Буонарроти. Он не ограничился тем, что отверг католицизм: «...Я открыто отрекся от католицизма в 1790 г. ...» Он объявил себя дехристианизатором, а также протестовал против робеспьеристской политики свободы культов: «Робеспьер призвал всех французов хранить молчание по вопросам религии». Бабеф ополчился против Руссо: «Руссо никогда не казался мне столь ничтожным, как тогда, когда он хвалил его [Христа] и его справедливость»; против Эбера, превозносившего «санкюлота Иисуса» [24]; Бабеф задумал написать «Новую историю жизни Иисуса Христа», «труд, полезный для всеобщего образования», где бы он показал, «чем была эта слишком прославленная личность и какова была цель ее действий» [25].

---

[22] «Pages choisies de Babeuf...», p. 108.
[23] Ibid., p. 125.
[24] *В. М. Далин.* Указ. соч., стр. 564, 569, 574.
[25] Там же, стр. 571; см. также «Pages choisies de Babeuf...», p. 262; «Annales historiques de la Révolution française», 1964, p. 100.

В политическом плане в период революционного правительства и якобинской централизации Бабеф проявил себя сторонником прямой демократии. С конца 1789 г. возникло недоверие к законодателям и выборным собраниям: «Народ должен иметь право вето». Во втором письме Бабефа к Купе от 10 сентября 1791 г. вновь прозвучал лозунг: «Пусть вето как подлинный атрибут суверенитета принадлежит народу» [26]. В 1790 г. Бабеф отстаивал автономию парижских дистриктов [27]. Следует подчеркнуть, что эта мысль Бабефа отнюдь не оригинальна. Очевидно ее прямое происхождение от Руссо [28] и ее явное совпадение с политическими тенденциями борцов из числа парижских санкюлотов.

Эта преданность прямой демократии, несомненно, объясняет позицию Бабефа на следующий день после термидора (27 июля 1794 г.): он оказывается непримиримым антиробеспьеристом. В своей брошюре «О системе обезлюдения» [29] он в начале III года осуждает революционное правительство и режим террора. Но опустошения, вызванные инфляцией, и ужасающая нищета народа в течение страшной зимы III года (1794—1795 гг.) показали Бабефу после переворота значение максимума, таксации и регламентации, управляемой экономики и национализации производства и распределения, даже частичной, короче говоря, важность экономической политики революционного правительства, примененной, в частности, к армии. «Ведь такое управление [общественное управление], — напишет вскоре (30 ноября 1795 г.) Бабеф в «Манифесте плебеев»,— оказалось осуществимым на практике, поскольку его применили 1200 тысяч человек в наших двенадцати армиях (то, что возможно в малом масштабе, возможно и в большом); ведь такое управление только и может привести к всеобщему благоденствию, к непоколебимому и неизменному всеобщему благоденствию — цели общества» [30].

III

Трудный шаг был сделан. 10 термидора III года (28 июля 1795 г.) в письме к Жермену Бабеф разъяснял механизм действия своей системы [31].

Бабеф начинает с критики торговли «человекоубийственной и хищнической»; он осуждает «варварский закон, диктуемый капиталом». «Торговля в том виде, в каком она ведется в этом

---

[26] «Pages choisies de Babeuf...», p. 126.
[27] «Annales historiques de la Révolution française», 1958, p. 84.
[28] *В. М. Далин.* Указ. соч., стр. 262.
[29] *G. Babeuf.* Du système de dépopulation, ou la vie et les crimes de Carrier, son procès et celui du Comité révolutionnaire de Nantes. Paris, an III.
[30] «Pages choisies de Babeuf»..., p. 262.
[31] Ibid., p. 207.

смешении лжи и бесчисленных несправедливостей, из которых состоит наше нынешнее общественное устройство, является лишь огромным скопищем самых убийственных злоупотреблений». Бабеф противопоставляет «жиреющему, потребляющему меньшинству, только и занятому заботой об удовлетворении своей ненасытной алчности», «огромное большинство, которое производит и действительно работает». Пусть среди этого большинства «все будут одновременно производителями и потребителями в таком соотношении, при котором будут удовлетворены все потребности, никто не будет страдать ни от нужды, ни от утомления ... Там не должно быть ни высших, ни низших, ни первых, ни последних; усилия, как и намерения всех членов ассоциации (именно их представляют собой отдельные люди, из которых состоит общество) должны быть постоянно направлены к великой братской цели, к всеобщему процветанию, неисчерпаемому кладезю вечного благоденствия».

Перейдя затем к средствам достижения цели, Бабеф указал, как следует организовать производство и распределение. «Пусть у каждого будут свои обязанности, которые он будет выполнять добросовестно и которые позволят ему жить в довольстве и не более». Никаких торговцев и купцов, а лишь «агенты по распределению». «... Все лица, занятые сельскохозяйственным и промышленным производством, будут работать на общественный склад; каждый работник будет посылать туда натурой продукт своего индивидуального труда, а лица, занимающиеся распределением, уже не от себя лично, а по поручению великой семьи, будут направлять каждому гражданину его равную и разнообразную долю общей массы продукции всей ассоциации».

Это письмо к Жермену от 10 термидора III года составляет как бы основу бабувистской социальной критики и планов коммунистического переустройства общества. Наиболее существенная его часть была включена в «Манифест плебеев», напечатанный в «Трибуне народа» 9 фримера IV года (30 ноября 1795 г.). Коммунистические идеи Бабефа излагаются там на нескольких пламенных страницах [32]. Отправной точкой для него служит критика частной собственности. «Мы определим, что такое собственность. Мы докажем, что земля не принадлежит никому в отдельности, а принадлежит всем. Мы докажем, что земля, захваченная одним человеком сверх того количества, которое может его прокормить,— воровство у общества. Мы докажем, что мнимое право отчуждения — подлое посягательство, пагубное для народа. Мы докажем, что семейное наследование — не меньшее зло. Мы докажем, что, если у человека нет всего того, что необходимо для удовлетворения его каждодневных потребностей, это результат присвоения его естественной личной собственности, совершенного похитителями общественного имущества; что, соответственно, все имеющееся

[32] Ibid., p. 250.

у человека в количестве, превышающем удовлетворение им своих каждодневных потребностей, есть результат воровства, совершенного у других членов ассоциации...» «Так вы хотите аграрного закона?— воскликнет тысяча голосов. Нет, большего, чем аграрный закон. Мы знаем, какой неопровержимый довод можно было бы выдвинуть против него. Нам бы с полным основанием сказали, что аграрный закон не просуществует и дня; что на следующий же день после его установления вновь возникло бы неравенство». Общественное благоденствие требует подлинного равенства; это отнюдь не химера. «Единственное средство достигнуть этого состоит в установлении общественного управления; в отмене частной собственности; в том, чтобы каждый человек занимался делом, к которому у него есть способности, производством, которое он знает; при этом его надо обязать сдавать натурой плоды своего труда на общий склад; в организации, для распределения предметов потребления, простой администрации, которая будет вести списки всех людей и всех предметов потребления и будет распределять эти последние при самом тщательном соблюдении равенства».

Таким образом, судьба всех будет определена; таким образом, ни один член ассоциации не будет зависеть от счастливых или несчастливых обстоятельств. Общественные установления должны отнять у каждого отдельного человека надежду стать когда-либо богаче, могущественнее или знаменитее благодаря своим знаниям, чем кто-нибудь из равных ему. «Насколько чудовищно образование, если оно неравное,— утверждает Бабеф,— если оно — исключительное достояние лишь части членов ассоциации». Этому земельному эгалитаризму не чужды и некоторые моральные вопросы: «Обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, и не более, чем достаток». Тогда исчезнут не только «межи, изгороди, стены, замки на дверях», но и споры и судебные процессы, кражи и убийства, «все преступления», а также и «зависть, ревность, алчность, гордость, обман, двоедушие, наконец, все пороки». Исчезнет также и грызущий нас, всех вместе и каждого в отдельности, червь вечного беспокойства об участи, которая нас постигнет завтра, через месяц, через год, о нашей старости, о наших детях и об их детях». «Манифест» заканчивался пророческим призывом: «Народ! Проснись для надежды! ...Радуйся наступлению счастливого будущего... Все бедствия достигли предела; они не могут стать еще больше; они устранимы только путем полного переворота! Так пусть же разрушится все! Пусть все стихии перепутаются, смешаются и столкнутся! Пусть все превратится в хаос и из этого хаоса возникает новый возрожденный мир!»

Бабувизм не сводится к этим знаменитым текстам, относящимся к 1795 г. и выработанным самим Бабефом. В последующие месяцы своей жизни Трибун народа, поглощенный политической деятельностью и организацией заговора, меньше занимал-

ся размышлениями идеологического характера. Тем не менее следует указать на черновые наброски других текстов, сделанные Бабефом, на «Анализ доктрины Трибуна народа» и на «Проект экономического декрета», составленные Буонарроти[33]; на знаменитый «Манифест равных» Сильвена Марешаля[34] и, конечно, на историю «Заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабефа», опубликованную Буонарроти в Брюсселе в 1828 г.[35] Из коммунистической группы деятелей IV года Бабеф был наиболее крупным: он был гигантом мысли и действия. И все же бабувизм, как революционная общественная и практическая система, был плодом коллективного труда.

* * *

Бабувизм обычно считали коммунизмом в области распределения и потребления: «общность благ», коллективная собственность. А как же общность труда? Точнее, как обстоит дело с организацией труда? Если посмотреть на весь путь развития идей Бабефа, то можно установить, что в 1785 — 1786 гг., в свете аграрных проблем своей родной Пикардии, он предчувствовал необходимость коллективной организации земледельческого труда. Но можно ли на основании наброска о «коллективных фермах» сделать вывод о коммунизме в производстве? С другой стороны, надо отметить, что Бабеф никогда более не возвращался к этой проблеме и никогда не уточнял, как он имел в виду организовать «общность труда».

Опять-таки говорилось об аграрном характере коммунизма Бабефа. Он, несомненно, интересовался участью наемных тружеников; ему были хорошо известны социальные проблемы пикардийской мануфактуры, как и положение парижских трудовых классов. Отсюда и его некоторые формулировки. Но от него ускользнул важный факт подъема промышленного производства, связанный с капиталистической концентрацией и введением машин.

Критическая мысль Бабефа направлена главным образом на формы сельскохозяйственного производства и обмена, на сохранившиеся феодальные отношения и зарождающийся аграрный капитализм, на торговый капитализм; он не увидел появления промышленного капитализма внутри старого общества. Предпочтение, какое Бабеф отдавал старым экономическим формам, в частности ремеслу, полное отсутствие у него описания коммунисти-

---

[33] Эти тексты составляют восьмой и двадцать девятый оправдательные документы, опубликованные Буонарроти как дополнение к его истории «Заговора во имя равенства».

[34] Седьмой оправдательный документ, опубликованный Буонарроти.

[35] *Ph. Buonarroti.* Conspiration pour l'Egalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle donna lieu et des pièces justicatives. Bruxelles, 1828. Последнее издание см. прим. 2.

ческого общества, основанного на изобилии продуктов потребления, объясняют, почему можно было бы говорить об его экономическом пессимизме [36].

Бабеф не занимался специально экономикой; более всего его интересует общественное устройство. Экономическая жизнь при старом порядке и в революционный период определялась для Бабефа одним соображением, «более веским, чем все прочие,— голодом, священным голодом», как он выразился в пятом номере газеты «Просветитель народа» в жерминале IV года. Что означают слова «богатство наций», когда народ умирает от голода? Как убедить себя в том, что налицо подъем производительных сил и экономический рост, когда люди прозябают, как и сам Бабеф, без надежды на лучшее?

Поэтому принципом коммунистического общества не будет ни «каждому по его потребностям», ни «каждому по его труду», а «каждому в соответствии с возможностями»: речь идет о том, чтобы равно распределять скудость. Потребности ограничены самым необходимым: достаточной и разнообразной пищей, прочной одеждой, здоровым жилищем, элементарным обучением, доступным всем «искусством исцелять». Все излишнее изгоняется, но будущее обеспечено. Благоденствие, которое Бабеф видит в равенстве, состоит — повторим выражение Ж. Дотри — в «своего рода общественной гарантии, в приобретенной, наконец, уверенности в прожиточном минимуме» [37].

Мы уже подчеркнули душевные тревоги Бабефа. Как и Руссо, он ценил «честное умеренное благосостояние» как гарантию чистоты нравов; он осуждал роскошь. Это значило в некотором смысле превращать необходимость в добродетель. Условия того времени в преимущественно крестьянской и ремесленной Франции, слабая степень капиталистической концентрации и отсутствие массового производства, а также и характер самого Бабефа и его социальный опыт позволяют понять скромность его обещаний. Изобилие должно было наступить еще не скоро; воспоминания о максимуме и о рационировании рисовали красноречивую картину близкого будущего. Таким образом, определяется место бабувизма — между морализирующей коммунистической утопией века Просвещения и промышленным социализмом Сен-Симона.

---

[36] *J. Dautry*. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies.— «Annales historiques de la Révolution française», 1961, p. 215.

[37] Эта точка зрения Ж. Дотри требует, однако, дальнейшего уточнения и серьезного анализа.

* * *

Однако бабувизм нельзя считать только системой идей. Бабеф, настоящий революционер, был также и человеком действия. «Заговор равных» был первой попыткой превратить коммунизм в общественную и политическую реальность. Следует вспомнить историю этого заговора, по меньшей мере подчеркнуть его некоторые особенности.

Организация заговора характеризуется отказом от методов, которые до тех пор использовало народное движение. В революционную историю и практику она вносила несомненное изменение, однако менее значительное, чем это часто считали. Обычно говорят, что заговор был организован сверху; это, несомненно, так, но при всем том он опирался на народное восстание, а не на государственный переворот или на смелое нападение врасплох в духе Бланки. Было твердо установлено требование сохранения тайны и разработаны необходимые правила подпольных действий [38]. Но разве события 10 августа 1792 г. не были подготовлены тайно созданной повстанческой коммуной? А народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. — тайным комитетом Епископства?

Что касается организации самого заговора, то она, по выражению М. Домманже, характеризовалась «сильным руководством». В центре тайной организации стояла возглавляемая Бабефом маленькая группа, осуществлявшая коллегиальное руководство, — Тайная директория: эти люди «соединяют в одной точке разбросанные нити демократии, дабы одинаково их направлять». Таким образом, выявилась необходимость централизации, бывшей уже основной чертой якобинизма. Руководящее ядро опиралось на небольшое число подпольных испытанных борцов, «главных» и «промежуточных» агентов связи — «революционных агентов» [39]. Затем шли сочувствовавшие — патриоты и демократы в духе II года, не посвященные в тайну заговора, не знавшие «конечной цели»; они, вероятно, не разделили бы нового революционного идеала; это были низовые борцы, занимавшиеся пропагандой и вербовкой; и, наконец, народные массы, которые надо было увлечь за собой. Следовательно, заговор был организован сверху. Это несомненно, но задача установления необходимых связей с массами, по-видимому, была решена неполностью. Была ли она вообще поставлена? Директивы, запреты и лозунги легко передавались от вершины к низам; но информация — от секций к агентам, от агентов к Тайной директории — не поступала или

[38] См.: «Première instruction du Directoire secret, adressée à chacun des agents révolutionnaires principaux» — шестой оправдательный документ, опубликованный Буонарроти.

[39] См. «Organisation des agents principaux au nombre de douze, et des agents intermédiaires. Premières fonctions de chacun d'eux» — пятый оправдательный документ, опубликованный Буонарроти.

поступала плохо. Ни один документ не указывает на то, как устанавливалась на уровне округа связь между собранием патриотов и массами. Было еще далеко до концепции четко организованной партии. Революционный авангард казался как бы отделенным от народных масс, которые он хотел увлечь за собой. Маратистское требование назначения диктатора вылилось в централизованное коллегиальное руководство. Но связь этого руководства с массами была менее тесной, чем в практике секций, о которой свидетельствуют великие народные выступления времен революции.

После победы восстания и достижения первой цели, а именно разрушения старого государства (а также и конституции III года «как незаконной по своему происхождению, притеснительной по своему духу и тиранической по своему замыслу»), возникает проблема революционной власти. Здесь выявилась необходимость, как это следует из опубликованной Буонарроти истории «Заговора во имя равенства», промежуточного этапа «между свержением власти аристократии и окончательным установлением народной конституции» [39]. После захвата власти наивно было бы полагаться на собрание, избранное на основе принципов политической демократии даже путем всеобщих выборов. «Народ, столь странным образом лишенный естественного порядка, отнюдь не способен сделать правильный выбор и нуждается в каком-нибудь чрезвычайном средстве, которое смогло бы вновь поставить его в такое положение, когда он мог бы действительно, а не фиктивно, осуществлять свой суверенитет». Следовательно, главным образом необходима «чрезвычайная власть», всегда нужная для переделки общества и для установления новых институтов: «революционная и временная власть, установленная таким образом, чтобы навсегда уничтожить влияние на народ естественных врагов равенства, вернуть ему единство и волю, необходимые для введения революционных институтов» [40].

Какова была бы эта промежуточная власть? Судя по обсуждению этого вопроса Тайной директорией в том виде, как оно описано в труде Буонарроти, было предложено три решения [41]: созыв прошедшего чистку Конвента, который считался «еще существующим по праву»,— предложение якобинцев; передача верховной власти «одному человеку, который именовался бы дикта-

---

[39] «Autorité à substituer au gouvernement de l'an III», «Autorité à substituer à l'autorité existante».— *Ph. Bounarroti.* La Conspiration pour l'Egalité... Paris, 1957, v. I, p. 84, 109.

[40] Об этой точке зрения см. замечание Буонарроти: «Опыт Французской революции и особенно тревоги и колебания Национального Конвента, мне кажется, достаточно показали, что народ, чьи взгляды сформировались при режиме неравенства и деспотизма, мало способен в начале возрождающей его революции назначить путем выборов людей, которым было бы поручено ею руководить и ее завершить». *Ph. Buonarroti.* La Conspiration pour l'Egalité... Ed. 1957, v. I, p. 85.

[41] Ibidem.

тором или руководителем», в соответствии с маратистской традицией; назначение «восставшим парижским народом» временного правительства Республики, в соответствии с «популярной концепцией, неправильно называемой эбертистской». Первые два решения были отвергнуты: что касается прошедшего чистку Конвента, то требование работоспособности одержало верх над соображениями законности; относительно диктатора выбор оказался труден, более того, «казалось невозможным победить всеобщее предубеждение», т. е. враждебность народа к любой форме личной власти, даже революционного происхождения. Что до третьего решения, то Тайная директория сомневалась в том, что оно даст необходимые гарантии революционной действенности. Отсюда принятие двух решений, причем оба они направлены на то, чтобы выяснить волю народа и руководить ею: сначала самым тщательным образом собрать сведения о демократах, кандидатуры которых будут предложены на выборах; затем решение о том, что, «когда революция совершится, [Тайная директория] не прекратит своей работы и будет следить за действиями нового собрания» [42].

Мы указали на эти проблемы только для того, чтобы подчеркнуть значение бабувизма в истории современного революционного опыта. Унаследовав двоякую революционную традицию — традицию санкюлотов и традицию якобинцев, бабувизм сумел выйти за рамки этих традиций, чтобы завещать XIX в. более разработанную революционную практику и революционную теорию. Связь бабувизма с бланкизмом, каковы бы ни были их различия, ясна. Обогащенные опытом Парижской Коммуны 1871 г., эти идеи сыграли большую роль в дальнейшем развитии революционной теории.

Конец известен... 7 прериаля V года (26 мая 1797 г.) вандомский Верховный суд приговорил Бабефа и Дарте к смертной казни. По примеру героев античного мира они пытались покончить с собой; окровавленных их отправили на эшафот. «Напишите моей матери и моим сестрам. Расскажите им, как я умер, и постарайтесь, чтобы эти добрые люди поняли, что такая смерть славна, а совсем не позорна, — написал Бабеф в своем последнем письме к жене и детям. — Прощайте навеки, я погружаюсь в благостный сон» [43].

Значение «Заговора во имя равенства» и бабувизма возможно оценить только в масштабах следующего, XIX в. В истории Революции и Директории они представляли собой не более чем эпизод, несомненно, изменивший политическое равновесие, но не имевший глубокого общественного отклика. Но коммунистическая

---

[42] «Предложить восставшему парижскому народу создать орган, в который войдет от каждого департамента по одному демократу». *Ph. Buonarroti.* La Conspiration pour l'Egalité... Ed. 1957, v. I, p. 114.

[43] «Pages choisies de Babeuf...», p. 300 (письмо без даты).

идея тогда впервые обрела политическую силу. Отсюда значение Бабефа, бабувизма и «Заговора равных» в истории социализма.

В 1828 г. Буонарроти, исполняя предсмертную волю Бабефа, опубликовал в Брюсселе историю «Заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабефа». Этот труд оказал глубокое влияние на возрождение революционного движения в 30-е годы. Благодаря ему бабувизм сделался одним из необходимых звеньев в развитии коммунистической мысли.

Именно поэтому за 150 лет, истекшие со времени публикации книги Буонарроти, не угасал интерес к Бабефу и бабувизму. Выход в свет настоящего, самого полного собрания его сочинений — яркое подтверждение этого все растущего интереса.

Альбер Собуль

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ФОНДА БАБЕФА

Большое литературное наследство Бабефа сохранилось до наших дней и в своей подавляющей части находится в Москве — столице первого социалистического государства. Именно здесь почти через 200 лет после его смерти на основе хранящегося в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС собрания рукописных материалов Бабефа, которые все были прочтены и расшифрованы, впервые издается Собрание его сочинений в 4 томах.

Тем, что литературное и эпистолярное наследие Бабефа, его сокровенные мысли о лучшем устройстве человеческого общества стали теперь предметом изучения историков ряда стран, мы обязаны в первую очередь самому Бабефу. Работая в архивах феодальных сеньеров в качестве февдиста, Бабеф понимал значение документов и сохранил в своем личном архиве многочисленные материалы, которые позволяют характеризовать его теоретические и политические взгляды и его практическую деятельность.

Черновые рукописи статей для издаваемых им газет «Journal de la Confédération» и «Correspondant Picard», петиции, направленные им Учредительному и Законодательному собраниям или отдельным влиятельным политическим деятелям, обращения от имени коммун и отдельных граждан, черновики его речей, мемуаров, наброски статей, посвященных анализу революции,— такова далеко не полная характеристика сохранившихся после него рукописных материалов, с большой полнотой развертывающих перед исследователем картину развития его утопических, но проникнутых страстной убежденностью идей. Сюда надо добавить его обширную переписку с друзьями и единомышленниками, издателями и лицами, которым он излагал свои взгляды, и его семейную переписку, охватывающую период с 1779 по 1797 г. Эти документы дают большой биографический материал и во многом помогают пополнить сведения о его практической деятельности и развитии идей, за которые он боролся.

Жизнь и деятельность Бабефа привлекали внимание историков с конца 20-х годов XIX в.[1]

---

[1] См. *M. Dommanget.* Introduction et bibliographie sommaire.— «Pages choisies de Babeuf...». Paris, 1935, p. 1—42; *В. М. Далин.* Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1965, стр. 5—38; *V. Daline, A. Saitta, A. Soboul.* Avant-propos et bibliographie.— «Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf». Paris, 1966, p. IX—XXX.

Началом исследования и первым источником сведений о Бабефе и «движении во имя равенства» была книга его друга и единомышленника Буонарроти, выпущенная в 1828 г. [2], в которой история «заговора равных» излагалась живым свидетелем и по воспоминаниям ряда оставшихся в живых участников заговора и впервые получила правдивое освещение. Эта книга, написанная в изгнании, сыграла значительную роль в распространении коммунистических идей и в возникновении необабувизма. Книга Буонарроти привлекла внимание К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в ряде работ 40-х годов и позднее, в 70-х годах, касались этой книги и дали в ряде высказываний оценку бабувизма и его социальных корней.

В дальнейшем историки для освещения деятельности Бабефа в ранний период начали обращаться в местные архивы. И действительно, в архиве Аррасской академии, в архивах департаментов Соммы и Эны и городов, где проходила деятельность Бабефа, сохранился ряд документов. Об этом, в частности, свидетельствуют работы ряда французских историков. Э. Коэ в своей книге о деятельности Бабефа в Пикардии уточнил дату рождения Бабефа на основе обнаруженного в архиве г. Руа акта о рождении, нашел свидетельство о браке Бабефа, документы о его участии в 1790—1791 гг. в движении против косвенных налогов и за раздел общинных муниципальных владений [3]. В книге Бовилле по истории г. Мондидье были впервые опубликованы речь Бабефа от 3 декабря 1792 г. и письмо к Менесье от 22 ноября 1793 г. [4] Однако эти историки использовали далеко не все документы местных архивов, которые были в их распоряжении.

Часть документов после ареста Бабефа попала в руки полиции и позднее была передана в Национальный архив в Париже. Эти документы относятся главным образом к процессу Бабефа и деятельности его в последние годы. Значительная часть документов была опубликована в двух томах «Pièces saisies» [5]. Кроме того, документы сохранились в архивах Учредительного и Законодательного собраний, куда Бабеф направлял свои петиции и другие документы, в материалах различных комитетов, в частности по конституционным и финансовым делам. Все эти материалы также перешли в Национальный архив.

Многочисленные документы из личного архива Бабефа попали в середине XIX в. в руки коллекционеров. Одной из крупней-

---

[2] *Ph. Buonarroti.* Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf. Bruxelles, 1828 (*Ф. Буонарроти.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. М., 1963).

[3] *E. Coët.* Babeuf à Roye. Péronne, 1865; *idem.* Histoire de la ville de Roye, v. I. Paris, 1880, p. 430—433, 441.

[4] *V. de Beauvillé.* Histoire de Mondidier, v. 2. Paris. 1875, p. 136—142, 474—480.

[5] «Haute cour de Justice. Copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation», v. 1—2. Paris, frimaire — nivôse an V.

ших коллекций, где были собраны книги, листовки, пресса и рукописи революционной эпохи 1789—1794 гг., была коллекция богатого фабриканта стекла и фарфора, библиофила Поше-Дероша, находившаяся в его поместье в Франконвилле. Он начал ее собирать в 1848 г. В состав ее вскоре вошла коллекция полковника Морена или, вернее, часть ее. Морен, выпустивший в 1849 г. в Париже книгу «Gallerie historique de la Révolution française», собирал еще до революции 1848 г. главным образом издания Бабефа.

После смерти Поше-Дероша в 1881 г. его коллекция была объявлена к продаже с аукциона. Согласно каталогу [6], находившиеся в коллекции рукописи Бабефа составляли более тысячи документов. В ней значилось 100 писем Бабефа его жене и сыну 1789—1797 гг., 29 писем разным лицам за 1783—1796 гг. и 10 писем за 1790 г., 45 писем жены Бабефа, 23 письма его сына Эмиля и 13 писем брата Жана Батиста. В коллекцию входили около 500 писем Бабефа разным лицам с 1789 по 1796 г., защитительная речь, произнесенная Бабефом на процессе (оригинал и копия), около 300 писем разных лиц в адрес Бабефа за 1787—1796 гг. и другие бумаги Бабефа, собранные в одном досье без раскрытия содержания и указания точного количества документов. В состав коллекции Поше-Дероша входили также полные комплекты издававшихся Бабефом газет «Journal de la Liberté de la Presse» и «Tribun du Peuple ou le Défenseur des Droits de l'Homme» вместе с проспектом Бабефа «Tribun du Peuple à ses concitoyens».

Материалами этого богатейшего личного архива пользовался в 70-е и 80-е годы В. Адвиелль, написавший о Бабефе двухтомное исследование и опубликовавший в нем в выдержках и полностью значительное количество впервые ставших известными документов [7]. Здесь были впервые опубликованы письма Бабефа к жене и сыну, представлявшие большой интерес для изучения его биографии, ряд писем Бабефа за годы революции, в частности письмо жене после взятия Бастилии, Жермену из аррасской тюрьмы в 1795 г., характеризующие его коммунистические воззрения. Весь второй том был посвящен публикации новых материалов. В него вошла защитительная речь Бабефа на Вандомском процессе и обширная переписка 1785—1788 гг. между Бабефом и секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе, весьма важная для характеристики предреволюционных взглядов Бабефа.

Хотя продажа коллекции Поше-Дероша, как было указано в каталоге, намечалась на март 1882 г., продажа рукописей, по-видимому, состоялась в январе 1883 г. [8] Она была куплена коллекционером, издателем и историком Этьеном Шаравэ, выступав-

[6] «Catalogue de livres, manuscrits et autographes sur la révolution française, composant la bibliothèque de feu M. Pochet-Deroche...» Paris, 1882, p. 229—230.

[7] *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'après de nombreux documents inédits, v. 1—2. Paris, 1884.

[8] ЦПА ИМЛ, ф. 71, д. 62.

шим на аукционе в качестве эксперта рукописных материалов. В 80-х годах Э. Шаравэ опубликовал в журнале «La révolution française» документы об аресте жены Бабефа и письмо Бабефа к Гюффруа[9]. Хотя коллекция была закуплена целиком, на каком-то этапе, возможно уже при наследниках Шаравэ, часть коллекции, видимо, была перепродана другим лицам.

Кроме Адвиелля, к коллекции Поше-Дероша никто из историков больше не имел доступа. Из литературы, посвященной Бабефу и бабувизму, можно сделать вывод о том, что после перехода коллекции в руки Шаравэ некоторым историкам становились известными лишь отдельные документы из этой коллекции. Так, в 1885 г. Лекок опубликовал письмо Бабефа от 3 ноября 1794 г. с предложением реорганизовать Электоральный клуб[10]. В 1898 г. яростный противник взглядов Бабефа Эспинас опубликовал предоставленное ему Э. Шаравэ письмо Бабефа депутату Законодательного собрания аббату Купе от 10 сентября 1791 г., раскрывающее развитие идей Бабефа в первые годы революции[11].

Новые архивные документы были обнаружены в местных департаментских архивах в 1905 г. французским историком Габриелем Девиллем. В Бове, в департаментском архиве Уазы, он нашел следственное дело Бабефа 1793—1794 гг.; оно было направлено туда из Лапа в целях возобновления уголовного процесса против Бабефа. Там же Девилль нашел автобиографию Бабефа и опубликовал эти документы[12]. Домманже отмечает, что утрата в настоящее время в архиве досье, содержавшего эти документы, сделала эту публикацию особенно ценной[13].

В последующее десятилетие, несмотря на то что научная литература о Бабефе появлялась в ряде стран, новых документов о нем почти не было введено в научный оборот. Следует упомянуть лишь работу Пату[14], выпущенную в 1913 г. в городе, где родился Бабеф, в которой было опубликовано письмо Бабефа маркизу Суаекуру от 23 июля 1788 г. и несколько документов, относящихся к периоду деятельности Бабефа в Мондидье, но освещение их дано тенденциозно и неправильно.

Новым этапом в собирании архивных материалов и изучении движения Бабефа явилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России, пробудившая большой интерес к изу-

---

[9] *E. Charavay*. Documents et autographes révolutionnaires. III. Arrestation de la femme de Babeuf.— «La Révolution française», 1881, v. I, p. 214—220; *idem*. Autographes des documents révolutionnaires.— «La Révolution française», 1885, v. VIII, p. 734—736.

[10] *G. Lecocq*. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, 1885, p. 15—50.

[11] *A. Espinas*. La Philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. Paris, 1898, p. 404—410.

[12] *G. Deville*. Notes inédites de Babeuf sur lui-même.— «La Révolution française», 1905, v. XLIX, p. 37—44.

[13] «Pages choisies de Babeuf...». p. 37.

[14] *A. Patoux*. Le faux de Gracchus Babeuf. Saint-Quentin, 1913, p. 3—4, 34—36, 59—66.

чению истории революций, в частности к истории Великой французской революции 1789—1794 гг. В 1921 г. по инициативе В. И. Ленина был создан Институт К. Маркса и Ф. Энгельса для изучения и издания произведений классиков марксизма. Возник интерес и к предшественникам марксизма — утопическим социалистам. Помимо собирания документов и писем К. Маркса и Ф. Энгельса, что являлось основной задачей института и созданного в нем кабинета по истории Германии, кабинет по истории Франции развернул большую работу по собиранию документов по истории Великой французской революции, в частности документов Гракха Бабефа.

Первую небольшую коллекцию из 32 рукописей Бабефа институту удалось приобрести уже зимой 1925/26 г. у Шарля Велле, бывшего редактора журнала «Revue historique de la Révolution française et de l'Empire» [15]. К сожалению, в настоящее время невозможно установить, что входило в состав коллекции. К 130-летию казни Бабефа Институт К. Маркса и Ф. Энгельса начал готовить выставку по истории Великой французской революции, которая и открылась в 1927 г., причем один из залов освещал жизнь и деятельность Гракха Бабефа и «движение во имя равенства» [16]. В связи с этим встал вопрос о том, где же находится коллекция Поше-Дероша, купленная Э. Шаравэ.

В 1924 г. или около этого времени коллекция, купленная Э. Шаравэ у Поше-Дероша, попала в руки другого коллекционера, Анри Роллена. С ним и начал вести переговоры Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, связавшись предварительно с наследниками Шаравэ.

Через год, зимой 1926/27 г., у А. Роллена удалось приобрести большую коллекцию, являвшуюся значительной частью коллекции Поше-Дероша [17]. Здесь было 209 различных рукописей — речи Бабефа, несколько его мемуаров, статьи в газеты «Journal de la Confédération», «Correspondant Picard», документы, характеризующие деятельность Бабефа в Руа и Мондидье. В этой части коллекции, полученной институтом, имелось 45 писем Бабефа жене и 17 сыну Эмилю Роберу, 35 писем жены Бабефа Виктуар Лангле и 15 писем сына Эмиля Робера, 93 письма Бабефа разным лицам с 1779 по 1796 г., 42 письма Дюбуа де Фоссе вместе с отчетом о заседаниях Аррасской академии, 14 писем к нему Бабефа, 224 письма в адрес Бабефа, 13 документов, относящихся к процессу Бабефа, и 95 документов, написанных не его рукой. Всего в этой коллекции оказалось 858 документов [18].

---

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 71. д. 61. Письмо А. Д. Удальцова 29.XII 1929 г.

[16] См. «Летописи марксизма», 1928, кн. V, стр. 126—156. На выставке было экспонировано 300 документов Г. Бабефа.

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 71, д. 61. Письмо А. Д. Удальцова 29.XII 1929 г.

[18] «Бюллетень архива Института К. Маркса и Ф. Энгельса», № 8, июль — август 1929, стр. 18—75.

При сравнении с данными каталога коллекции Поше-Дероша становилось ясным, что недоставало ряда важных документов как из семейной переписки, так, особенно, из переписки Бабефа с различными лицами. Из более чем 500 писем, указанных в каталоге, было приобретено только 93. Недоставало также рукописи защитительной речи Бабефа.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса дал указания своему корреспонденту во Франции Л. Бернштейну (а несколько позднее к этой работе была привлечена в качестве научного корреспондента А. Гийен) провести работу во французских архивах по выявлению документов Бабефа, приобрести печатные издания Бабефа и принять все меры к выяснению вопроса о дальнейшей судьбе коллекции Поше-Дероша.

В своем письме представителю института в Париже руководитель кабинета по истории Франции А. Д. Удальцов, работавший сам над темой о Бабефе и прилагавший большие усилия к собиранию рукописей Бабефа и материалов о нем, писал: «Вы знаете, как тщательно собираем мы все, касающееся Бабефа... Для розыска материалов, касающихся Бабефа и его участия в революции в Пикардии (Руа, Мондидье, Нуайон, Амьен, Перонн), большое значение имели бы пикардийские архивы и библиотеки... Особый интерес представляет газета Бабефа «Correspondant Picard», черновики отдельных номеров которой у нас имеются. Эту газету до сих пор не видал еще ни один исследователь Бабефа... Нет ли каких-либо способов узнать, не имеется ли эта газета в какой-либо общественной или частной библиотеке Нуайона, Пикардии или вообще Франции и нельзя ли ее сфотографировать?» [19]

В Национальном архиве Франции были просмотрены все дела, касающиеся эпохи Великой французской революции, а также о Бабефе и «заговоре равных». Было достигнуто соглашение о фотокопировании нужных Институту К. Маркса и Ф. Энгельса документов, в частности материалов по процессу Бабефа, о гренельском лагере, о клубе Пантеон, досье о волнениях в Руа, материалы из архива департамента Соммы и другие. Просмотрены были материалы, хранящиеся в архиве секции Обсерватории и других архивах. В Национальной библиотеке шло фотокопирование газет, издававшихся Бабефом, его брошюр и других печатных изданий.

Поиски остальной части коллекции Поше-Дероша продолжались в течение 1929—1930 гг. Было ясно, что коллекция, купленная Шаравэ целиком, на каком-то этапе была частично перепродана его наследниками. В письме Института К. Маркса и Ф. Энгельса от 29 февраля 1929 г. говорится: «Наша коллекция по Бабефу, купленная нами у Роллена, ведет свое происхождение от коллекции Поше-Дероша, попавшей в руки Этьена Ша-

---

[19] ЦПА ИМЛ, ф. 71, д. 61. Письмо А. Д. Удальцова 5.XI 1928 г.

равэ, а затем Ноэля Шаравэ и от последнего к Роллену, продавшему ее нам. Но наша коллекция представляет собой лишь часть этой коллекции Поше-Дероша, хотя, быть может, и бóльшую часть. Перед нами встает вопрос, где находится остальная часть этой коллекции Поше-Дероша? Можно предполагать, что эта часть осталась у Ноэля Шаравэ (следует навести об этом справки) или что она находится у Роллена, или что она имеется у кого-либо из других наследников Шаравэ. Вам следует продолжать ваши поиски в этом направлении» [20].

В сентябре 1929 г. Л. Бернштейн сообщил, что он напал на след бумаг Бабефа, которые были у историка Гюстава Борда. О том, когда именно документы попали к Борду, никаких сведений не было. Историк Шарль Велле помнил, что коллекция Борда была назначена к продаже с аукциона в 1906 г. [21] При дальнейшем расследовании этого вопроса выяснилось, что Борд вынужден был для покупки коллекции залезть в долги. Его кредиторами был проведен 3 марта 1906 г. аукцион, на котором по чрезвычайно низким ценам была продана часть коллекции — документы, относившиеся к Французской революции. Второй аукцион, назначенный на 30 мая 1906 г., не состоялся ввиду неудовлетворительных результатов первого, и, таким образом, документы Бабефа, предназначенные к продаже, не были проданы. Следы этой коллекции документов теряются на много лет. Кто был владельцами документов, осталось неизвестным. В одном из писем Л. Бернштейна говорится о группе лиц, в том числе об одной великосветской даме [22]. Таким образом, было ясно, что коллекция Борда разделилась на две части, и предстояло теперь выяснить, где они находятся.

К концу 1929 г. удалось напасть на следы, по всей видимости, коллекции Борда, проданной в свое время, в 1906 г., с аукциона. Более двух тысяч документов этой коллекции содержали материалы, касавшиеся деятельности администрации, клубов, обществ в провинции. Документы давали картину хода революции по ряду департаментов, но главным образом по департаменту Эн. Они были приобретены институтом.

Другая же часть коллекции была обнаружена при помощи А. Роллена, через которого Институт К. Маркса и Ф. Энгельса приобрел ее в мае 1930 г. Владельцы коллекции по-прежнему остались неизвестными. Она представляла собой весьма ценное собрание, существенно дополнившее имевшуюся ранее коллекцию документов Бабефа. В ней находилась рукопись Бабефа «Законодательство санкюлотов, или Совершенное равенство», ряд рукописей о путях установления подлинного народного суверенитета, его статьи для газет «Correspondant Picard» N 1, «Journal de la Confédération» N 2, 3, 4, «Tribun du peuple. Prospectus»,

---

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 71, д. 62. Письмо А. Д. Удальцова 29.II 1929 г.
[21] Там же. Письмо Л. Бернштейна 31.I 1930 г.
[22] Там же. Письмо Л. Бернштейна 16.IX 1929 г.

петиции Национальному собранию. Здесь были также письма Бабефа к Прюдому, Карра, аббату Купе, семейная переписка, заявления Бабефа Верховному суду и рукописная копия его допроса, а также письма Жермена и Купе Бабефу [23].

В мае же 1930 г. через антиквара Франсена также у неизвестных владельцев была приобретена еще группа рукописей, относившихся к Вандомскому процессу. Сюда входил рукописный сборник в 822 страницы, содержавший как документы, написанные судейскими делопроизводителями, так и рукописи самого Бабефа, например его декларацию председателю Верховного суда в связи с допросами 4 — 13 февраля 1796 г., документы, захваченные при аресте Бабефа вместе с рукописными материалами Таффуро, речи обвинителей и недостававшие тома процесса [24]. Таким образом, после приобретения этих двух последних групп документов удалось воссоединить подавляющую часть того, что имелось в коллекции Поше-Дероша.

Помимо этих крупных поступлений институту удалось приобрести в тот период и отдельные документы, появлявшиеся в продаже у антикваров, например письмо Бабефа жене из тюрьмы в 1794 г. Несколько документов Бабефа оказались в полученной в этот же период коллекции документов деятеля Французской революции М. А. Жюльена.

Можно с уверенностью сказать, что ни от одного деятеля Французской революции конца XVIII в. не осталось такого большого количества подлинных документов, как от Бабефа, составивших в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС фонд 223, насчитывающий в настоящее время почти 900 рукописных документов и, кроме того, большое количество фотокопий, а также печатных изданий. Находящиеся в департаментских архивах Франции и сосредоточенные в Национальном архиве в Париже документы, относящиеся главным образом к последним годам жизни Бабефа, конечно, дополняют имеющиеся в ЦПА ИМЛ материалы, но эта часть документов в большей мере известна, и часть их является копиями имеющихся в ЦПА оригиналов.

После того как основная коллекция документов Бабефа была перевезена в Москву, во Франции продолжалось изучение источников и их публикация. Особая заслуга в этом принадлежит известному французскому историку Морису Домманже, опубликовавшему в 1935 г. «Избранные произведения Г. Бабефа».

В этой публикации он сообщал о коллекции, находящейся в Москве, как наиболее важной и значительной, в которой была «почти полностью восстановлена богатая коллекция Поше-Дероша, недостаточно использованная Адвиеллем» [25]. Его публикация

---

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 71, д. 62. Письмо Л. Бернштейна 10.IV 1930 г.
[24] Там же.
[25] «Pages choisies de Babeuf...», p. 10.

избранных произведений Бабефа содержала довольно большое количество новых документов, которые он почерпнул из архива департамента Соммы, куда они поступили лишь в конце 20-х годов XX в. Кроме того, в эту книгу им были включены несколько интересных документов из предоставленной в его распоряжение коллекции Роллена, в которой были копии многих документов, сделанные, по его предположению, еще Адвиеллем с оригиналов, находившихся у Поше-Дероша. Все эти документы хранятся в личной коллекции М. Домманже.

Домманже опубликовал впервые еще одно письмо Бабефа к аббату Купе от 20 августа 1791 г., дополнявшее во многом письмо, опубликованное А. Эспинасом. Кроме того, им были опубликованы письмо Шометту от 7 мая 1793 г., очень важное для характеристики взглядов Бабефа в период установления якобинской диктатуры, а также письмо С. Марешалю. Впервые получила известность одна из статей Бабефа в его газете «Correspondant Picard», тщетно разыскиваемой до сих пор. Полностью было опубликовано письмо жене и сыну из Вандома и письмо Шарлю Жермену. Однако в распоряжении Домманже не было подлинного рукописного архива Бабефа, поэтому многие весьма важные документы ему остались неизвестными.

В течение последующих десятилетий французские историки извлекли из различных архивов Франции целый ряд новых документов, расширивших круг архивных источников.

А. Матьез в 1925 г. и Палу в 1956 г. опубликовали письма Бабефа Дантону и Ф. Лепелетье, находившиеся в Исторической библиотеке Парижа [26]. Было также опубликовано письмо Бабефа Андре Дюмону от 27 ноября 1793 г., переданное в качестве подарка М. Торезу [27]. Ж. Буржен обнаружил ряд новых документов в Национальном архиве в Париже и опубликовал их в 1959 г., среди них — письмо Бабефа Ролану, посланное из Амьена в сентябре 1793 г. [28]

После того как в 50-х годах Л. Берт обнаружил в замке Фоссе подлинники писем Бабефа, посланных Дюбуа де Фоссе, в том числе и те, которых Адвиелль не видел [29], Институтом истории Французской революции было опубликовано под редакцией М. Рейнара новое издание переписки, в которую вошло 20 новых писем Бабефа [30].

---

[26] *A. Mathiez.* Une lettre de Babeuf.— «Annales historiques de la Révolution française», 1925, N 9, p. 488; *J. Palou.* Lettre de Gracchus Babeuf à Félix Lepeletier.— «Annales historiques de la Révolution française», 1956, N 144, p. 307—309.

[27] «Lettres françaises», N 309, 26.IV 1950.

[28] *G. Bourgin.* Quelques inédits de Babeuf.— «Annales historiques de la Révolution française», 1959, N 156, p. 146—153.

[29] *L. Berthe.* Une grande collection d'autographes. La correspondance de Ferdinand Dubois de Fosseux (1742—1817).— «Le vieux Papier», N 192, 1960.

[30] «Correspondance de Babeuf avec l'Academie d'Arras (1785—1788)». Paris, 1961.

Очень тщательно был обследован французским историком Р. Леграном архив департамента Соммы для изучения пикардийского периода деятельности Бабефа. Им была опубликована речь Бабефа на предвыборном собрании в Руа 26 августа 1792 г., правда, в несколько сокращенном виде по сравнению с подлинником, имеющимся в ЦПА ИМЛ, а также переписка о Бабефе 1790—1791 гг. между муниципалитетом г. Руа, департаментской администрацией и парижскими властями [31]. Отдельные документы — письмо Бабефа Эзину (полностью) и парижскому муниципалитету от 28 мая 1793 г., а также письма жене и сыну от 5 сентября 1796 г. (частично) — были опубликованы А. Собулем [32].

Широко отмечавшаяся в 1960 г. двухсотлетняя годовщина со дня рождения Бабефа вызвала значительное количество научных исследований в ряде стран, особенно во Франции, ГДР и СССР. Появились также и новые публикации материалов, хранящихся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС.

Советский историк В. М. Далин, начавший свои исследования о Бабефе в середине 50-х годов и выпустивший в 1963 г. большую монографию о нем [33], опубликовал на французском языке три статьи о Бабефе, его Лондонскую корреспонденцию 1789 г. [34], три письма Бабефа от имени заключенных в Плесси 1795 г. [35] На русском языке В. М. Далин совместно с Н. И. Непомнящей опубликовали пять писем Бабефа жене 1793 и 1796 гг., а также письма в адрес Рютледжа и Лораге 1790 г. [36] Теми же авторами были опубликованы письма Бабефа к жене и сыну и письма, отражающие деятельность Бабефа в Руа, Мондидье и Париже, а также его письма из тюрьмы 1793 и 1796 гг. [37] Другая публикация содержала рукопись Бабефа «Набросок работы по истории французской республики» и письма к Рютледжу, Одиффре 1790 г., муниципалитетам департамента Уазы 1792 г. и письмо из вандомской тюрьмы 1796 г. Был также дан перевод опубликованного ранее Домманже письма А. Шометту 7 мая 1793 г. [38]

---

[31] *R. Legrand*. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 21—22, 32—35.

[32] *A. Soboul*. Une lettre de Babeuf à Hésine (16 décembre 1796). Une lettre de Babeuf du 28 mai 1793. Une lettre de Babeuf à sa femme et son fils du 5 septembre 1796.— «Annales historiques de la Révolution française», 1963, N 171, p. 75, 78—83.

[33] *В. М. Далин*. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963.

[34] «Un inédit de Babeuf: sa correspondance de Londres».— «Annales historiques de la Révolution française», 1958, N 151, p. 31—59.

[35] *V. Daline*. Marc-Antoine Jullien.— «Annales historiques de la Révolution française», 1964, N 176, p. 169—173.

[36] «Неопубликованные письма Бабефа».— «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 252—274.

[37] «Неопубликованные письма Г. Бабефа».— «Новая и новейшая история», 1960, № 5, стр. 97—111.

[38] «Новые документы Гракха Бабефа».— «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 109—116

Интересно, что одно из писем Бабефа к членам законодательного комитета от 12 мая 1794 г. попало в Ленинград в коллекцию академика Н. П. Лихачева и обнаружено было в архиве Ленинградского филиала Института истории АН СССР [39]. Одна из последних публикаций писем Бабефа осуществлена Г. С. Чертковой [40].

В других странах мира документы Бабефа насчитываются лишь единицами. В Милане, в Библиотеке Фельтринелли, хранятся 4 письма, одно из них — жене Бабефа 1794 г., в Международном институте социальной истории в Амстердаме имеются подлинники 3 писем, среди них — письмо Купе 7 октября 1791 г. В США, в Библиотеке Корнеллского университета, имеется рукопись первоначального проекта «Постоянного кадастра» (1787 г.) и два письма, одно — жене и сыну и другое — А. Лами, опубликованное С. Бернстайном [41].

Если подвести итоги всей проделанной работы по публикации литературного наследия Бабефа, то можно сказать, что сделано немало. Но еще много важных и представляющих большой научный интерес документов оставалось неизвестными ни специалистам-историкам, ни широкому читателю. Только теперь в публикуемых Сочинениях Бабефа раскроется с большей полнотой его литературное наследие, сохранившееся в архивах СССР, Франции и других стран мира.

О. К. Сенекина

---

[39] *С. С. Волк, А. Г. Катушкина.* Из истории Французской революции (неизданные документы).— «Французский ежегодник. 1958». М., 1959, 568—573.

[40] «Письмо Г. Бабефа к Тибодо из аррасской тюрьмы».— «Французский ежегодник. 1970». М., 1972, стр. 219—221.

[41] *S. Bernstein.* Une lettre de Babeuf à Antoine Lamy (21 février 1791).— «Annales historiques de la Révolution française», 1963, N 171, p. 71—74.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

В первый том сочинений Бабефа вошли его печатные и рукописные произведения до 1789 г. включительно. Первую часть тома составляют дореволюционные произведения.

Франсуа Ноэль Бабеф — в начале революции он стал называть себя Камиллом, а с 1793 г. Гракхом — родился 23 ноября 1760 г. в Сен-Кантене. О детских годах сохранилось собственное его свидетельство. «Я родился в грязи, — писал о себе Бабеф в 1793 г.— Я пользуюсь этим выражением, чтобы подчеркнуть, что я начал свое существование на самых низших ступенях нужды, а следовательно, на первых ступенях санкюлотизма. Мой отец, старый солдат, вынужден был довольствоваться самой скромной должностью стражника у генеральных откупщиков. Его жалованье, насколько мне известно, составляло от 19 до 23 ливров в месяц... На такое скудное жалованье он вырастил частично 13 детей — я был среди них старшим. Я говорю «вырастил частично», так как глубокая нищета, которая лишала его жену возможности удовлетворять самые насущные их потребности, привела к смерти девяти из них в самом раннем детстве. Выжили только я и трое моих братьев и сестер».

Первые девятнадцать лет Бабеф провел в отцовской семье, причем в последние годы он работал на сооружении Пикардийского канала. Он не получил никакого школьного образования, его единственным учителем был отец. В 1779 г. Франсуа Ноэль становится письмоводителем у одного нотариуса-февдиста в районе Аббевилля. В 1781 г. он работает уже самостоятельно как февдист. В этом же году он женится и с 1782 г. поселяется в Руа, где его застала революция. От первых лет его жизни сохранилось только три письма к отцу, которыми и начинается наш том (лишь одно из них было опубликовано В. Адвиеллем). О последующих годах его жизни, вплоть до 1785 г., не сохранилось почти никаких документов. Но именно за эти годы в идейном развитии Бабефа произошел огромный скачок. В письмах к отцу мы знакомимся с юношей, делающим свои первые самостоятельные шаги. Ничто не говорит еще о его духовных запросах. Тем более удивительна его переписка, начавшаяся в конце 1785 г., с секретарем Аррасской академии Фердинаном Дюбуа де Фоссе.

Эта переписка, в которой затрагивались самые разнообразные вопросы как социальной, так и научно-литературной жизни тогдашней Франции, обнаруживает уже достаточно высокий интеллектуальный уровень Бабефа, чего он достиг, очевидно, путем напряженных умственных занятий, упорного, обширного и очень разнообразного чтения. В этой переписке впервые нашли свое выражение и коммунистические взгляды Бабефа, уже достаточно ясно сложившиеся у него в эти предреволюционные годы.

Переписка с Дюбуа де Фоссе, исключительно важная для понимания идейного облика Бабефа накануне революции и для изучения генезиса его коммунистических взглядов, составляет значительную часть первого тома. Она впервые была опубликована в 1884 г. В. Адвиеллем на основании коллекции Поше-Дероша[1] (на русском языке она публикуется впервые).

В свое время эта публикация была подлинным откровением. Она чрезвычайно обогатила представление об идейном развитии Бабефа до революции. Она имела, однако, ряд существенных недочетов. Письма Дюбуа де Фоссе были опубликованы на основании оригиналов, полученных Бабефом и сохранившихся в его бумагах. Но его собственные письма были воспроизведены только по черновикам, уцелевшим в бабефовском архиве. Поэтому Адвиелль опубликовал 57 писем Дюбуа и только 39 писем самого Бабефа (даже в коллекции Поше-Дероша их было больше, но по непонятным причинам они были опущены при издании). С научной стороны публикация была не безупречна — в печатном тексте (как и во всей книге Адвиелля) имелось много разночтений с оригиналом. Публикации этих писем Адвиелль предпослал «мемуар» Бабефа на тему конкурса, объявленного Аррасской академией о «сокращении числа дорог в Артуа», считая, что этот «мемуар» и ответ на него Дюбуа явились началом переписки[2]. В действительности же первый «мемуар», посланный Бабефом в ноябре 1785 г. и до сих пор не разысканный, посвящен был совершенно иной, очень острой социальной теме — целесообразности раздела ферм.

Большинство этих недочетов было устранено во втором издании переписки, осуществленном в 1961 г. под руководством М. Рейнара[3]. Расширенное издание стало возможным благодаря тому, что в частном архиве семьи Дюбуа де Фоссе аббату Л. Берту удалось обнаружить подлинники писем, полученных от Бабефа[4]. В новое издание вместо 39 писем, опубликованных Ад-

---

[1] *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf..., v. 2. Paris, 1884, p. 1—264.

[2] Ibid., p. 1—14. («Est-il avantageux de réduire le nombre des chemins dans le territoire des villages de la province d'Artois...»).

[3] «Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788)». Sous la rédaction de Marcel Reinhard. Paris, 1961 (165 p. +X).

[4] Abbé *L. Berthe.* Une grande collection d'autographes: La correspondance de Ferdinand Dubois de Fosseux (1742—1817). Paris. Le Vieux papier. N 192, 1960; *idem.* Dubois de Fosseux, secrétaire de l'Académie d'Arras, 1785—1792 et son bureau de correspondance. Arras, 1969

виеллем, вошло 59 писем. Некоторые из них существенны для уяснения социальных идей Бабефа. Адвиелль предполагал, что Бабеф прекратил свою переписку с Дюбуа еще в 1787 г. Изучение архива Дюбуа дало возможность обнаружить еще три письма, посланных Бабефом в конце 1787 г. и в начале 1788 г. Удалось установить также, что только часть текста писем Дюбуа была адресована одному Бабефу,— значительная часть текста повторялась также в других письмах Дюбуа его многочисленным корреспондентам (со времени своего назначения «постоянным секретарем», 3 декабря 1785 г., и до 11 марта 1788 г. Дюбуа успел разослать 4819 писем).

Новое издание во многом выгодно отличалось от издания Адвиелля, за которым остается, однако, заслуга первого публикатора этого важнейшего источника для изучения идейной биографии Бабефа.

Наше издание этих писем. имеет существенное отличие и от публикации М. Рейнара. В него впервые включено обширное письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссе, хранящееся в архиве ИМЛ в копии, сделанной рукой Адвиелля [5]. Письмо это не датировано, но, поскольку оно представляет собой ответ на письмо Дюбуа от 1 июня 1786 г. и, судя по содержанию, предшествует письму, отправленному Бабефом 22 июня того же года, оно, несомненно, было написано в середине июня 1786 г. Для изучения социальных идей Бабефа в предреволюционный период оно представляет совершенно исключительный интерес.

Вопрос о характере взглядов Бабефа в это время остается предметом дискуссий. Та точка зрения, которая в XX в. нашла наиболее яркое подтверждение в работах М. Домманже и Ж. Лефевра, встретила возражения А. Матьеза и некоторых новейших исследователей истории коммунистических идей в годы Французской революции [6]. Публикуемое нами письмо Бабефа значительно расширяет представления о его социальных взглядах накануне революции; из него впервые выяснилось, что еще в 1785 г. Бабеф разработал проект создания коллективных ферм. Его коммунизм уже тогда, таким образом, носил не только потребительский характер. Письмо, как нам представляется, подтверждает позиции тех, кто считает, что еще до революции Бабеф выступал как убежденный сторонник «общества совершенного равенства», хотя, конечно, в годы революции и особенно якобинской диктатуры его коммунистические идеи значительно развились и обогатились. Письмо поражает смелостью социальных

---

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 12.

[6] См. *А. Р. Иоаннисян.* Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; *C. Mazauric.* Babeuf et la conspiration pour l'égalité. Paris, 1962; *idem.* Babouvisme et conscience de classe.— *C. Mazauric.* Sur la Révolution française. Paris, 1970. Критику этих работ см.: *A. Pelletier.*— «Pensée», 1971, N 155; *idem.* Babeuf-feudiste.— «Annales Historiques de la Révolution française», 1965, N 179.

идей Бабефа, нашедших свое выражение в оценке существовавших тогда общественных отношений во Франции, в установлении губительной роли собственности. Его мысли о положении и роли женщины явно перекликаются с идеями, высказанными передовым социальным мыслителем Франции первой трети XIX в. Шарлем Фурье, и стоят несравненно выше взглядов Прудона по этому же вопросу. В письме содержится также очень интересная положительная оценка Максимилиана Робеспьера в связи с его речью о незаконнорожденных в Аррасской академии. Помимо этого большого письма к Дюбуа де Фоссе в томе впервые публикуются 37 новых документов (они помечены в оглавлении звездочками).

Из рукописного наследия предреволюционного периода, кроме писем к Дюбуа де Фоссе, нами включены в том 17 писем Бабефа к разным лицам, в том числе к его издателю, нуайонскому типографу Девену, к Ж. П. Одиффре, к королевскому цензору аббату Купе, а также к ряду лиц, связанных с февдистской деятельностью Бабефа, — графу Кастежа, Бюке, Бигору, младшему брату Бабефа, Жану Батисту и т. д. За исключением писем к Кастежа и Купе, все они публикуются впервые. Одно из этих писем — к сен-кантенскому аббату (1788 г.) — представляет большой интерес для знакомства с детскими и отроческими годами Бабефа. К истории своего детства Бабеф вернулся позднее — в наброске автобиографии, написанном в 1793 г., во время его пребывания в парижской тюрьме. Этот отрывок будет опубликован во втором томе сочинений.

Письма к графу Кастежа относятся к концу февдистской деятельности Бабефа. Одно время Бабеф возлагал большие надежды на деловое сотрудничество с Кастежа. Разрыв с ним предшествовал конфликту с другим видным пикардийским сеньером — маркизом Суаекуром; это столкновение находит свое отражение в ряде писем, также впервые воспроизводимых в настоящем томе. «Новый Давид», как писал по этому поводу Девен, бросал вызов «Голиафу» — пикардийской аристократии.

Собственно литературная деятельность Бабефа начинается в эти же годы. В 1786 г. в нуайонской типографии Девена появляется первая его печатная работа о составлении описей и приведении в порядок архивов сеньерий [7]. Со свойственной ему нетерпеливостью Бабеф почти сейчас же публикует новую работу, посвященную обоснованию предложенных им новых методов февдистской практики,— проспект, озаглавленный им «Archiviste-terriste». Но от этого пространного проспекта сохранилось только одно небольшое объявление.

В начале 1787 г. финансовый кризис монархии привел к созыву собрания нотаблей, и к этому моменту Бабеф выступает с про-

---

[7] «Mémoire peut-être important pour les Propriétaires de Terres et de Seigneuries ou Idées sur la manutention des fiefs». Этот «мемуар» войдет в состав французского издания и не включен в русское издание, поскольку он посвящен чисто техническим вопросам февдистской практики.

ектом реформы налогообложения. Уже с конца 1786 г. и, во всяком случае, с начала 1787 г. он увлеченно занимался новым литературным произведением — «Précis d'un projet de Cadastre perpétuel» («Краткий очерк проекта Постоянного кадастра»).

Этот проект был непосредственно связан с его февдистской практикой. Основное преимущество своего метода составления описей сеньерий (terriers) Бабеф видел в том, что ему удается добиться «постоянства» (perpétuité) — при его системе отпадает нужда в частом составлении новых описей. «Le Terrier perpétuel» («Постоянная опись») — так была озаглавлена одна из его последних февдистских рукописей, сохранившаяся в личном фонде графа Кастежа, в архиве департамента Соммы[8]. Но если возможно составление постоянной описи имения, в которой зафиксированы все сеньериальные повинности (и в дальнейшем достаточно отмечать только происшедшие изменения), то почему бы и государству не применить тот же метод для составления «Постоянного кадастра», который давал бы возможность раз и навсегда установить размеры налогов, падающих па земельную собственность? Этот проект Бабеф и изложил в своем очерке постоянного кадастра, который был им закончен к маю 1787 г. Эта рукопись долгое время считалась утерянной и лишь недавно была обнаружена в библиотеке Корнеллского университета (США).

Оказалось, что существовало два (а не один, как сообщал Адвиелль) варианта «Précis». Первый носил более прикладной характер, и социально-политические проблемы в нем не ставились. В проекте излагалась постоянная и пропорциональная система единого налога на земельную собственность. В нем усиленно подчеркивалось сходство методов составления кадастра и сеньериальных описей, предложенных Бабефом.

Во втором варианте «Précis», также находящемся в Корнеллском университете, сохранен почти без изменений текст, касающийся техники составления кадастра. Еще резче подчеркнуты преимущества «постоянства» (perpétuation): кадастр, составленный в духе его предложений, будет годен «не менее чем па полвека». Основное же отличие второго варианта состояло в добавлении нескольких вводных страниц, озаглавленных «Предварительные идеи» («Idées préliminaires»), из которых впоследствии, в 1789 г., когда работа Бабефа была дополнена и напечатана, выросла целая большая глава «Вступительная речь» («Discours préliminaire»).

В первом своем проекте Бабеф ни словом не обмолвился об «ужасающих злоупотреблениях» в области налогового обложения. Но за несколько недель или месяцев, которые разделяют два варианта, во Франции начался политический сдвиг, и то, о чем Бабеф прежде считал совершенно невозможным упоминать, он уже

---

[8] О рукописях Бабефа в фонде Кастежа см. *A. Pelletier.* Babeuf-feudiste.— «Annales Historiques de la Révolution française», 1965, N 1.

открыто высказал в своих «Предварительных идеях». Он подчеркнул, что осуществление его кадастра приведет к устранению части «огромного количества порочных принципов, которые он вместе со всей нацией пытается вырвать с корнем... Каждый подлинно просвещенный человек, всякое разумное существо не может не страдать за своих братьев, видя, что наиболее слабые из них беспощадно обременены часто произвольным распределением общественных налогов... Сейчас не сомневаются больше в том, что в интересах этого единственного класса следует заботиться об устранении множества злоупотреблений, вызывающих общее возмущение страдающего человечества». Эти слова об «общем возмущении страдающего человечества» перекликаются с июньским письмом 1786 г. — в них слышится уже голос будущего «Трибуна народа».

Оба проекта заканчивались одинаково: «Пусть общество извлечет из этого какое-нибудь благо! Это — главное вознаграждение, которого ждет мое сердце». Они подписаны: «Бабеф, архивист-февдист в Руа, в Пикардии» [9].

В мае 1787 г. Бабеф отвез свою рукопись в Париж. Здесь, по рекомендации Девена, он встретился с геометром Ж. П. Одиффре, который ознакомил его со своим изобретением — тригонометрическим графометром (graphomètre trigonométrique), годным для быстрого проведения землемерных работ, необходимых при составлении кадастра. Бабеф пытался в дальнейшем объединить проект кадастра с применением изобретения Одиффре, надеясь заинтересовать последнего в осуществлении своего плана. При помощи Одиффре Бабеф передал свой проект известному левому публицисту Джеймсу Рютледжу, обещавшему продвинуть его дальше. Бабеф вернулся в Руа, окрыленный надеждами. Но, как видно из публикуемых в томе писем к Одиффре, они не оправдались. Собрание нотаблей было распущено, и вопрос о реформе налогообложения временно отпал. Прошло еще два года, пока «Постоянный кадастр» вышел в свет.

В том же, 1787 г. Бабеф попытался издать и чисто политическое произведение. Судя по письму Бабефа к его брату Жану Батисту от 19 сентября 1787 г., этот первый политический памфлет, написанный Бабефом, назывался «Народ, осведомленный о своих подлинных интересах, или Изложение коварной политики привилегированных всех сословий в нынешних условиях». Из сохранившегося в архиве ИМЛ письма Девена, отклонившего предложение Бабефа об издании этой брошюры, явствует, что издателя смутило критическое отношение Бабефа к либерализму дворянских верхов. Эта позиция, занятая Бабефом уже осенью 1787 г., делает более понятной ту резкую критику, которой он подверг весной 1789 г. Александра Ламета — человека, еще ле-

[9] Все цитаты — по фотокопии рукописи, хранящейся в Корнеллском университете, приобщенной к фонду Бабефа (ф. 223) в ЦПА ИМЛ.

том 1790 г., до событий в Нанси, казавшегося даже Марату одним из наиболее последовательных левых лидеров Учредительного собрания.

* * *

Вторая часть тома посвящена деятельности Бабефа в первый год революции. Накануне ее он оказался в очень трудном положении. Конфликт Бабефа с маркизом Суаекуром, а также некоторыми духовными феодалами привел почти к полному его разорению. С этих пор и надолго он не выходил из материальных затруднений, и ему постоянно приходилось задумываться над тем, как прокормить семью. Революция эти трудности даже усугубила: с уничтожением феодальных повинностей рушилась безвозвратно его февдистская профессия. Но зато отныне Бабеф мог целиком предаться политической деятельности. «Мне кажется,— писал он в августе 1791 г.,— что революция меня совершенно испортила; я часто ловлю себя на мысли, что я больше непригоден ни для какой деятельности, кроме общественной; политика и размышления об истинных принципах законов и способах их осуществления имеют для меня непреодолимую привлекательность, и я склоняюсь к тому, что это мое единственное призвание».

Биография Бабефа в 1789 г. не богата внешними событиями. До июля он находился в Руа, где выступил во время обсуждения наказа в Генеральные Штаты. Он возобновил также переговоры с Одиффре об издании «Постоянного кадастра». 17 июля, уже после падения Бастилии, он выехал в Париж. Он покинул столицу 16 или 17 октября, увозя с собой первые экземпляры своей книги.

Документов, относящихся к первой половине 1789 г., сохранилось немного — это последнее письмо, относящееся к делу Суаекура, проект речи при обсуждении наказа (в которой Бабеф соглашался еще с принципом выкупа феодальных прав), резкая критика выступления Ламета и письма к Одиффре относительно «Кадастра». Несравненно богаче представлена в томе вторая половина 1789 г.

Сюда относятся прежде всего письма к жене, в особенности первое из них, от 25 июля 1789 г., на которое давно уже обратил внимание Жорес. Свидетель расправы парижской толпы с Фулоном и его зятем Бертье де Совиньи, Бабеф с горечью писал: «О, как больно было мне видеть эту радость... Я понимаю, что народ мстит за себя, я оправдываю это народное правосудие, когда оно находит удовлетворение в уничтожении преступников, но может ли оно теперь не быть жестоким? Всякого рода казни, четвертование, пытки, колесование, костры, кнут, виселицы, палачи, которых развелось повсюду так много,— все это развратило наши нравы! Наши правители вместо того, чтобы цивилизовать нас, превратили нас в варваров, потому что сами они таковы. Они пожинают и будут еще пожинать то, что посеяли, ибо все это,

бедная моя женушка, будет иметь, по-видимому, страшное продолжение: мы еще только вначале».

В томе публикуется также корреспонденция, написанная Бабефом для газеты «Европейский курьер», которая должна была издаваться в Лондоне на французском языке[10]. Первая ее часть содержит описание знаменитых октябрьских дней (5 и 6 октября), похода «женщин и рабочих» (по словам Бабефа) на Версаль[11]. В этой корреспонденции выявлено также отношение Бабефа к первым номерам маратовской газеты «Друг народа» — критически сдержанное, но весьма заинтересованное. Из всего потока парижской публицистики этого периода Бабеф сосредоточил свое внимание именно на газете Марата, и это, конечно, было не случайно.

Вторая часть корреспонденции, законченной уже по возвращении Бабефа в Руа, посвящена деятельности Учредительного собрания после переезда из Версаля и содержит критические замечания в его адрес, вызванные прежде всего принятием цензовой системы избирательного права. Все симпатии Бабефа на стороне левого крыла собрания и, в частности, Робеспьера. Но Бабеф еще очень сочувственно отзывался и о Мирабо, хотя в то же время критиковал одно из его выступлений в собрании в небольшой брошюре «Новое различие сословий в представлении г-на де Мирабо», также воспроизведенной в томе.

Наиболее крупным произведением Бабефа, публикуемым в настоящем томе, является «Постоянный кадастр». В основу его была положена рукопись 1787 г., о которой мы говорили выше, но значительно расширенная. Важнейшим дополнением явилась вступительная глава, озаглавленная Бабефом «Discours préliminaire» («Вступительная речь»). Впервые в ней Бабеф публично излагает уже не только свои идеи о введении единого налога, но делится рядом своих заветных мыслей, в том числе и о всеобщем переделе земельной собственности.

В этой вводной главе Бабеф ставит тот основной вопрос, который волновал его с тех пор, как ему еще в середине 80-х годов стала ясна необходимость коренного общественного преобразования: «Обездоленные классы (classes malheureuses)! Что же сделать, чтобы как-нибудь облегчить ваше положение? Что сделать, чтобы вы сохранили желание продолжать свое мучительное существование?» При этом весьма характерно для Бабефа, что его особенно волнует положение рабочих, тех, кто существует за счет заработной платы; их «заработок сократился почти до нуля. Но этим зло не ограничилось: даже этот труд стал для них почти недоступен. Поскольку все способствовало поглощению ма-

---

[10] Первый номер этой газеты, по-видимому, вышел, но до сих пор не найден.

[11] Эта первая часть корреспонденции была опубликована в журн.: «Annales Historiques de la Révolution française», 1958, N 151 («Un inédit de Babeuf. Sa «Correspondance de Londres» (1—8 Octobre 1789)).

лых состояний крупными, численность рабочих чрезвычайно возросла. Вследствие этого не только очень понизилась заработная плата, но все большее число граждан лишалось возможности найти работу даже за ничтожно малое вознаграждение, установленное тираническим и беспощадным богатством, вознаграждение, на которое нужда заставляла искусного труженика соглашаться»[12]. Как тут не вспомнить ту оценку, которую Маркс и Энгельс давали Бабефу еще в «Коммунистическом манифесте»: «Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала *требования пролетариата* (*сочинения Бабефа* и т. д.)»[13].

Сам Бабеф придавал «Постоянному кадастру» большое значение. В ноябре 1793 г. он писал о нем Рессону, одному из руководителей центральной продовольственной администрации: «Теория налога, принципы, при которых он становится законным, способы честного и справедливого его распределения, необходимость кадастра для достижения этого результата, механизм создания этого кадастра, средства, обеспечивающие его превращение в постоянный,— таковы были темы, которые я стремился затронуть в этой книге. Но, начав с налогов, я попутно затронул все наиболее важные вопросы великой революции, которую мы тогда подготовляли и конечную цель которой не всем было дано тогда даже заподозрить. Если ты прочтешь мою книгу, ты увидишь, что один только я, возможно, был в то время достаточно смелым, чтобы предсказать и предложить: уменьшение крупных сеньерий; почетное и обеспеченное существование для всех санкюлотов на основе труда; равное и бесплатное образование; бесплатное судопроизводство; передача имуществ святой церкви государству; уничтожение десятины; упразднение монашества и, наконец, упразднение культа; уничтожение права нераздельного наследования по старшинству, затем дворянства, затем всего строя феодализма... Я явился в Париж из глубины тогдашней Пикардии, чтобы распространить эти смелые предложения»[14]. Разумеется, в 1793 г. Бабеф гораздо яснее формулировал свои идеи, чем в 1789 г., но во всяком случае в «Кадастре» он впервые открыто, в печати выступил как защитник интересов «классов, получающих заработную плату» (classes salariées).

Заботой о них, мыслью о необходимости «обеспечить существование на основе труда» проникнута и заключительная часть проекта петиции, написанной Бабефом в конце 1789 г.,— одной из первых его многочисленных петиций, составленных в первые годы революции,— «О бедствиях, связанных с нищенством, которых следует опасаться в наступающую зиму, и о способах не-

---

[12] См. настоящий том, стр. 294, 296—297.
[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 455 (курсив наш.— *В. Д.*).
[14] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 404. Письмо будет опубликовано во втором томе.

сколько их смягчить». Полный текст этой петиции также впервые публикуется в настоящем томе. По существу в ней шла речь о безработных, число которых чрезвычайно возросло во Франции в 1788—1789 гг. «Вероятно, эти бедняки,—писал Бабеф,—труженики, лишившиеся работы, или заработки которых столь ничтожны, что их не хватает более на приобретение необходимых продуктов... Поэтому было бы справедливо найти и применить средства, способные спасти от нищенства человека, который может и хочет работать. Если бы общество, в соответствии с мнением всех наших честных авторов, предоставляло всем людям возможность трудом обеспечить себе средства существования, разве кто-нибудь захотел бы унизиться до нищенства...» [15] Так от июньского письма 1786 г. и вплоть до этой петиции красной нитью проходит эта непрерывная забота Бабефа об «обездоленных классах».

В томе впервые воспроизводится составленное Бабефом после возвращения в Руа «Уведомление», предназначенное для земельных собственников и обосновывающее необходимость сохранения февдистов. Для его понимания нужно учесть, что с момента разрыва с маркизом Суаекуром материальное положение Бабефа чрезвычайно ухудшилось — с этого времени и до конца жизни он почти никогда не выходил из тяжелейших затруднений. Уезжая в Париж летом 1789 г., он вынужден был оставить семью без всяких средств существования, и это его крайне угнетало. «Я в отчаяньи,— писал он жене 16 августа,— что оставляю тебя в столь бедственном положении... Я поглощен этими мыслями... я умираю от этого, мой бедный друг». «Ты раздираешь мне сердце...— отвечал он жене 28 августа на ее жалобы,— мне не хватает слов, когда я думаю о нашем положении, а я думаю о нем постоянно» [16].— «Я уже давно совершенно разорен и растратил все свои средства, так как за последние 8 месяцев я не заработал ни гроша»,— сообщал он брату 25 января 1790 г. Тогда же он писал: «Я живо ощущаю потрясение, связанное с крушением фьефов». «Уведомление» было последней попыткой Бабефа обеспечить себе средства к существованию путем использования старой профессии, но, конечно, у него было мало иллюзий на успех этой попытки.

Однако главный интерес «Уведомления» заключается в той оценке, которую дает Бабеф законодательству 4—11 августа 1789 г. Совершенно не разделяя восторгов своих современников, Бабеф проявил большую дальновидность и проницательность, доказывая, что эти решения представляют собой только «мнимую отмену» феодализма, поскольку «мелкие владельцы, составляющие в сеньериях огромное большинство плательщиков, не смогут выкупить свои феодальные повинности, «пожалуй, и за сто лет» [17]. Виднейшие ис-

---

[15] См. настоящий том, стр. 336—338.
[16] Там же, стр. 237, 239, 241.
[17] Там же, стр. 339, 340.

следователи аграрной истории революции Ж. Лефевр, Ф. Саньяк и др. в своих последних работах целиком подтвердили эту оценку августовского законодательства. Но за Бабефом остается та заслуга, что он правильно оценил это законодательство уже через несколько недель после 4 августа.

Несколько нарушая хронологическую последовательность, мы публикуем в заключительной части тома документ, написанный Бабефом в конце мая—июне 1790 г. в парижской тюрьме Консьержери, куда он был заключен по решению Верховного податного суда как руководитель борьбы в Пикардии против уплаты косвенных налогов. Документ этот чрезвычайно ярко освещает весь период жизни Бабефа в Руа в 1781—1790 гг. и является как бы естественным эпилогом, завершающим первый том сочинений.

С весны 1790 г. в его жизни начинается новый период, богатый рядом событий: борьба против косвенных налогов, первый арест, издание «Пикардийского корреспондента», новый арест, руководство аграрным движением в Пикардии, давенекурский и бюльский процессы, выдвижение кандидатуры Бабефа в Конвент, избрание его администратором дистрикта Мондидье, дело о «подлоге», работа в парижской продовольственной администрации, участие в августовском движении парижских секций, новый, третий, арест. Все эти события полно отражены в сохранившихся архивных документах московского фонда Бабефа. Они и составят основное содержание второго тома его сочинений.

В. М. Далин

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

ПИСЬМО РОДИТЕЛЯМ

Фликсекур[1], 12 мая 1779 г.

Дорогой отец и дорогая мать[2]!

С великой радостью получил я ваше письмо, читая которое, я узнал, что вы пребываете в добром здоровье, равно как и мой брат и мои сестры. Ибо об этом я молю непрестанно господа, да сохранит он здоровье всех нас. Это самое большое счастье, которого мы можем желать. Я страдал в течение восьми дней от тяжелой лихорадки, сопровождаемой сильной головной болью и смертельным отвращением; не знаю, чем объяснить эту болезнь, но думаю, что это все мне причинили черви, ибо у меня были симптомы, которые указывали только на это: у меня в носу постоянно чесалось, глаза все время блестели, как две раскаленные лампы, язык был очень белый и, наконец, отвращение, которое я испытывал,— что бы я ни ел, все казалось мне безвкусным. Но я не могу пожаловаться на г-на и г-жу Юллен[3]. Они заботились обо мне как о своем ребенке, по части медикаментов я не испытывал ни малейшего недостатка. Я принял лишь одно лекарство, которое сразу же поставило меня на ноги, а именно девять больших пилюль, которые врач предписал мне принимать в вареном яблоке на протяжении трех дней. А так как я знаю, что мое тело трудно поколебать, я принял разом все девять, и это испытание очень хорошо удалось. У меня была большая рвота, и я испустил нижними путями много дряни, полной маленьких червячков с булавку. И я думаю, что это и причиняло мне столь сильные неприятности в течение восьми дней. Но я очень быстро поправился, ибо уже на следующий день после приема тройной дозы лекарства я навестил господина Юллена, находившегося в пяти льё от Фликсекура, и не почувствовал никакой боли. И с тех пор я чувствую себя хорошо. Вы, может быть, упрекаете меня, мой дорогой отец, в том, что я очень долго не писал Вам. Но я могу сказать в свое оправдание, что обстоятельства мне не позволяли этого, ибо в течение месяца мы

почти постоянно находимся в пути. Мы работали в одном имении, расположенном в пяти льё от Фликсекура, а так как у г-на Юллена много дел, приходилось возвращаться на несколько дней и затем ехать обратно, и мы трижды проделали это путешествие. Все это лишило меня возможности написать вам ранее. Я никак не смогу прибыть к вам раньше праздника в Ла Невилль, ибо, если б это было возможно, я не хотел бы возвращаться. С тех пор, как я сюда прибыл, моя одежда пришла в состояние почти полной негодности; как вы знаете, вещи, которые носишь все время, быстро теряют свой вид. Дорогой отец, хорошо если бы вы могли прислать мне деньги для приобретения штанов, а то мне стыдно ходить в тех, что на мне сейчас,—они никуда не годятся, совсем рваные. Между тем я постоянно нахожусь в замках. Чтобы все было хорошо, надо иметь пристойный вид. Вы пишете, что советуете не говорить с г-ном Юлленом о том, какое жалованье он мог бы мне платить. Это очень хорошо, но надо иметь возможность прилично одеться. Та одежда, что у меня есть, мой камзол и куртка (если бы к ним еще штаны), была бы очень хороша в рабочие дни, но надо бы иметь приличный костюм для праздников и воскресений. У меня все обстоит хорошо с питанием, лучше быть не может. Я ем то же, что и г-н Юллен, и за его столом. Стесняет меня только жалованье. И я не думаю, чтобы он мне еще что-нибудь дал, потому что он со мной уговорился так же, как г-н Гидэ с г-ном Дело, который, конечно, понимает больше, чем я. И, однако, г-н Гидэ договорился с ним на четыре года, что он получает харчи, жилье, отопление, постель и освещение, но без стирки; а я, хоть мы и не заключили никакого соглашения, получаю все это, и еще мне стирают белье. Стало быть, если бы пока что вы могли дать мне на штаны, вы могли бы передать деньги г-ну Дело, который отправляется на местный праздник в Брэ. У меня осталось сорок су от тех трех ливров, которые вы мне прислали. Я сделал глупость, когда отослал свои гетры и полотняные штаны, сейчас я хотел бы их иметь. Я не знал, что мне так понадобятся гетры, а они мне очень пригодились бы, так как часто бывают поездки. Этот г-н работает для тех, кто его вызывает, и ему платят за сделанную работу. Что касается гетр и полотняных штанов, пошлите их не с г-ном Дело, а через торговку рыбой в Этинане. Г-жа Юллен сказала мне, что будь у меня еще две рубашки, то, так как она каждые шесть недель стирает для своих детей, она могла бы выстирать и мои рубашки, что ей нетрудно помыть их с мылом. Если бы вы могли послать полотна, она мне сшила бы эти две рубашки. Если вы можете, сделайте это, но если это вам трудно, будем считать, что я ничего не сказал. Мне здесь по-прежнему нравится. Г-н Юллен мною доволен. Это человек очень горячий, у него есть недостаток — он легко раздражается, но он так же легко снова приходит в хорошее настроение. Это единственный недостаток, который я за ним знаю, и никто не знает за ним других недостатков. Он родом из Ландре-

сн, а его жена из Парижа, но очень порядочная и очень разумная. Г-н Луи, наверно, говорил вам, что он имел разговор в Амьене с г-ном Юлленом. Больше мне нечего вам сообщить кроме того, что я заканчиваю, целую Вас, мой дорогой отец и моя дражайшая мать, от всего сердца, а равно моего брата и моих сестер и всех наших господ.

Пребываю со всем возможным уважением, мой дорогой отец,

Ваш покорнейший слуга и сын Бабеф

ПИСЬМО ОТЦУ

Фликсекур, 26 мая 1780 г.

Глубокочтимый отец!

Вчера, в день вознесения, получил я Ваше датированное 17 сего месяца письмо, которым Вы меня извещаете, что Вы, моя дорогая матушка, мой брат и мои сестры в добром здравии, чему я очень рад; я был очень огорчен, узнав из письма, написанного Вами мне 18 марта, которое я получил лишь через месяц — Вы боялись, что оно ко мне не дошло,— что моя мать была больна. Я надеюсь в соответствии с тем, что Вы мне пишете в последнем письме, что ей лучше. Что касается меня, я чувствую себя очень хорошо, благодарение богу.

В своем последнем письме Вы спрашиваете о моем положении. Я Вам обрисовал его в письме, которое послал Вам в ответ на Ваше от 18 марта; мое письмо датировано 11 сего месяца. Вы его теперь уже, вероятно, получили, потому что я его послал с г-ном Дело, который сказал мне, что сдал его на почту в Амьене. Я не счел возможным ответить Вам до соглашения с г-ном Юлленом, с которым мы договорились, что я буду получать 3 ливра в месяц начиная с минувшего 22 марта, дня истечения первого года моей службы, в течение которого я ничего не получил, и он заказал для меня одежду и пару обуви к минувшему празднику пасхи. Это соглашение очень скромное, но сейчас я не могу рассчитывать на лучшее. Я останусь на этих условиях с названным г-ном Юлленом до тех пор, пока не найду лучшего места. Таково, дражайший отец, положение, в котором я пребываю, оно не очень выгодное, но когда я сравниваю с тем, в котором Вы, вероятно, находитесь, я забываю о своем и нахожу его более чем удовлетворительным.

Я отправлюсь повидаться с Вами к Иванову дню, как Вы мне это указываете, но это вовсе не в надежде получить что-либо от Вас. Ваше положение этого не позволяет, я слишком хорошо это знаю, дорогой отец, только родительская нежность Вас к этому побуждает, но сыновние чувства не позволяют мне принять предложения отца, подавленного нуждой и лишенного средств для

приобретения самого необходимого. Нет, мой отец, я на это не согласен и думаю, что Вы не обидитесь на то, что я отклоняю Ваши слишком щедрые предложения, зная, что при той нужде, в которой Вы находитесь, Вы должны были бы испытать слишком большие затруднения, чтобы что-нибудь сделать для меня.

Но когда я раздумываю, я вижу, что в нашей семье еще не каждый может иметь три ливра в месяц, и я испытал бы угрызения совести, если бы получал что-нибудь от отца, который больше меня достоин сожаления. Я постараюсь, если это возможно, похлопотать у некоторых почтенных людей, которых я знаю, и через посредство г-на Юллена, по списку Ваших начальников, который Вы мне прислали при письме Вашем от 18 марта, чтобы как-нибудь продвинуть дело Вашего восстановления в должности.

Больше ничего Вам не могу сообщить, мы собираемся в дорогу, едем работать в Бурдон, г-н Юллен торопит меня. Кончаю, обнимая Вас равно, как и всю семью, от всего сердца, и льщу себя надеждой остаться всю жизнь и быть признанным Вами,

мой глубокочтимый отец, Вашим покорнейшим
и почтительнейшим сыном

Бабеф

Ждите меня с уверенностью к Иванову дню.
Мои приветы только Вам.

ПИСЬМО ОТЦУ

Фликсекур, 6 сентября 1780 г.

Вы мне обещали, дорогой отец, что напишете мне самое позднее около 15 августа, а между тем этот месяц уже прошел, а я не получил от Вас никаких известий. Это наводит меня на мысль, что пока еще не произошло ничего благоприятного для Вас. Я хотел бы, однако, знать, каков был результат прошения, поданного нами касательно вашего устройства, говорили ли Вы об этом с г-ном Дермиги, показали ли Вы ему снятую мною копию этого прошения, которую я Вам нарочно для этого оставил, что он Вам об этом сказал, одним словом, имели ли Вы какие-нибудь сведения об этом или нет. Для меня очень мучительно, что я этого не знаю ввиду того, что дело это очень важно для меня и еще больше для Вас. До сих пор я ждал, полагая, что письмо, может быть, задержалось на почте, но так как я ничего не получаю, я решаюсь послать Вам, дорогой отец, настоящее письмо с просьбой, как только Вы его получите, соблаговолить ответить мне и откровенно поведать без всяких околичностей последствия и результат нашего прошения. Я не надеюсь на то, что это прошение увенчалось успехом, ибо, как Вы знаете лучше меня из Вашего долгого опыта, мы обычно несчастливы, нам ничто не удается. Но делать нечего, с этим надо примириться. Итак, ответьте мне, пожалуйста,

на то, о чем я Вас спрашиваю, как только Вы получите настоящее письмо, и опишите мне подробно все обстоятельства, происшедшие после моего отъезда и относящиеся к той цели, которой мы старались добиться. Я того мнения, что если таким путем мы не достигнем успеха, то попытаемся хлопотать, чтобы добиться Вашей отставки с правом розничной продажи соли и табака. Ибо, мой бедный отец, во время моего последнего приезда я заметил, что Ваше состояние таково, что Вы уже не можете больше переносить трудов, которых требует Ваша должность, и бремя лет начинает сильно утомлять Вас. В Вашем ответном письме Вы можете указать мне, считаете ли Вы, что прошение, которое мы направили г-ну Делавиллю, будет успешно, и, если Вы полагаете, что оно не будет успешно, я составлю, если Вы считаете это полезным, письмо с просьбой о Вашей отставке и о розничной лавке, которое Вы передадите упомянутому г-ну Делавиллю.

Сообщите мне о состоянии здоровья Вашего и моей доброй матери, а также моих братьев и сестер, которых я обнимаю самым сердечным образом и со всеми чувствами уважения и благодарности, которыми я Вам обязан, пребываю,

дорогой отец,

Ваш сын

Бабеф

Большой привет нашему соседу г-ну Теодору и всей его семье и г-ну Дюфрену. Вы можете сказать упомянутому г-ну Дюфрену, что молодой человек, проживавший у г-на Фолие, тот, с которым он развлекался на местном празднике в Ла Невилль, служит в половине льё от Фликсекура и что мы с ним познакомились.

В Моркуре есть приказчик у рыботорговца (проживающий рядом с кордегардией), по имени Шарль Пи, родом из Анже около Бурдона, у которого его шурин Жак Дюбуа был свидетелем в акте признания его прав на журналь луга [4], которым он владеет сообща с другими на землях Бурдона. Этот акт был составлен мною. Если Вы знаете этого Шарля Пи, скажите ему об этом, если хотите. Но это отнюдь не самое интересное для нас, прощайте, дорогой отец, ответьте мне возможно скорее.

ПИСЬМО БЮКЕ [5]

Руа, 12 апреля 1785 г.

Г-н Бурсон сообщил мне содержание письма, которое Вы ему недавно написали и которое отчасти касается меня, и я спешу ответить на него, так как имею обыкновение быстро действовать во всех тех случаях, которые имеют некоторое отношение ко мне.

Четыре года тому назад я с величайшим удовольствием принял Ваше любезное предложение, но с тех пор положение вещей настолько изменилось, что мне не представляется возможным снова

его принять, по крайней мере на тех условиях, которые Вы, как кажется, собираетесь мне предложить. Хотя в данный момент я и не веду каких-либо особенно значительных дел, у меня тем не менее есть работа более чем на два года вперед, и я располагаю заверениями многих сеньеров, что они ожидают только окончания начатых мною дел, чтобы поручить мне работы, которые они считают нужным провести в своих владениях. Кроме того, если бы у меня и не было столь выгодных дел в перспективе, я все равно не смог бы, милостивый государь, воспользоваться высоко ценимой мною возможностью разделить с Вами Ваши неустанные труды, ибо теперь я женат [6], и жалованья в 100 экю, совсем не плохого для холостяка, не может, как вы сами понимаете, хватить на содержание семьи.

Но, как я уже имел честь сообщить Вам в своем письме, написанном прошлым летом, можно было бы найти способ заключить между нами иного рода соглашение, одинаково выгодное как для Вас, так и для меня. Земли, находящиеся в ленной зависимости от нуайонского капитула, представляют собой, несомненно, весьма обширное поле деятельности, и, действуя в одиночку, Вы только очень медленно сможете добиться признания всех связанных с ними повинностей. Но так как у Вас уже есть договор с капитулом на выполнение всех этих работ (в своих предложениях я исхожу из того, что этот договор меня не касается), передайте мне сколь угодно малую часть этой работы, хотя бы одну маленькую сеньерию или простой фьеф, состоящий только из цензивных владений, и если после этого испытания Вы найдете, что я хорошо справился с делом, мы повторим этот опыт. Кроме того, со мной живет мой младший брат, шестнадцати лет [7], который начинает уже довольно хорошо работать, и если через полтора-два года он усовершенствуется настолько, чтобы быть в состоянии Вам помогать, как это мог бы сделать я, если бы обстоятельства мне позволяли, я отдам Вам его в подручные.

Вот, милостивый государь, все, что я могу сказать Вам по этому поводу, еще лучше было бы нам объясниться лично, и если Вы найдете мои предложения приемлемыми, соблаговолите ответить мне и укажите день, когда я смог бы найти Вас в Нуайоне, чтобы повидаться и переговорить с Вами.

Имею честь пребывать со всем уважением, которое надлежит испытывать к своему наставнику.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ [8]

Руа, 15 декабря 1785 г.

Милостивый государь!

Поистине, когда мне пришла в голову мысль ответить на вопрос, предложенный академией, мною руководили не столько корыстные соображения, сколько стремление сообщить ей свое мне-

ние по поводу проблемы, открывающей перед людьми с чувствительным сердцем широкий простор для защиты прав человечества. Нет сомнения, что этот вопрос мог бы быть лучше изложен человеком, обладающим более искусным пером, чем мое, но я сомневаюсь, что нашелся бы кто-нибудь, кого эта проблема сильнее взволновала бы и глубже проникла бы в душу.

Тем не менее я не скрываю, милостивый государь, что был бы в восторге, если бы мой «Мемуар» хоть на минуту привлек внимание того прославленного сообщества, членом которого Вы являетесь благодаря Вашим талантам. Только этой милостью и ограничиваются мои желания, ибо я отнюдь не льщу себя мыслью, будто это сочинение способно удовлетворить академию с точки зрения предложенной темы и что она, следовательно, должна отличить его среди многих других, которые, несомненно, были ей представлены и, вероятно, гораздо более заслуживают награды; таким образом, я не слишком жалею о том, что не удосужился узнать об объявленных 6 апреля условиях конкурса, каждое из которых я, кажется, нарушил [9]. Я Вам чрезвычайно признателен, милостивый государь, за ту любезность и внимание, которые Вы проявили, прислав мне программу конкурса, и хотя моя слабая попытка не увенчалась успехом, я не стану падать духом и воспользуюсь теми возможностями, которые Вам угодно было мне предоставить как бы в виде поощрения. Только это воистину и сможет пробудить остатки моего усердия и, возможно, увеличит мои малые таланты, когда я попытаюсь добиться удачи, разрабатывая — на этот раз уже в соответствии с установленными требованиями — второй вопрос программы, которым я и ограничу свои притязания, поскольку тема первого вопроса такова, что я не имею о ней ни малейшего понятия [10].

Имею честь быть, милостивый государь,
с совершеннейшим почтением
Вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО СИНДИКУ АМЬЕНСКОГО КАПИТУЛА

Руа, 17 декабря 1785 г.

М. г., поскольку учрежденное в Суассоне управление имуществом монастыря целестинцев Св. Креста под Офемоном поручило мне получить от вассалов сеньерии дю Кенуа новые акты о феодальных правах, касающиеся всех дворянских владений, находящихся на этой земле, которая через целестинцев монастыря св. Антуана в Амьене частично принадлежит Вашему капитулу совместно с представителями вышеназванных целестинцев из Офемона, я счел нужным, прежде чем осуществить это мероприятие, испросить Вашего согласия и разрешения на поиски документов,

касающихся расположенных на этой земле фьефов, которые либо полностью зависят от Вашего капитула, либо подчиняются как ему, так и вышеназванной организации, управляющей имуществом офемонского монастыря. Это тем более необходимо, что эти фьефы достаточно многочисленны и достаточно велики по размерам, и потому с них надо будет взыскать большое возмещение по прежним феодальным правам. Уже сейчас мне известны многие права, которые заслуживают того, чтобы быть восстановленными, и организация, управляющая имуществом офемонского монастыря, уже получила свою долю, не касаясь Вашей. Беспорядок, в котором находятся титулы [11] этих земельных владений, приводит к тому, что часть этих прав остается неизвестной сторонам, заинтересованным в их восстановлении; между тем, как следуя строго упорядоченному методу, описание которого я прилагаю [12], можно быть уверенным, что сразу же удастся восстановить многие из этих прав, а в будущем удастся избежать потерь от того, что они забываются.

В этих обстоятельствах амьенский капитул может мне помочь, ознакомив меня с имеющимися в его распоряжении титулами, касающимися этих фьефов, подобно тому, как управление имуществом офемонского монастыря собирается предоставить ему возможность ознакомиться со всеми своими титулами.

В качестве платы за мою работу я попрошу у капитула такое же вознаграждение, что и у лиц, управляющих имуществом монастыря Св. Креста, и я удовольствуюсь тем, чтобы за все права, которые я вновь обнаружу, мне передали сумму того штрафа, который вассалам не пришлось бы вносить, если бы они уплатили вовремя, и таким образом сеньеры получат то, что им причитается, практически ничего при этом не потеряв.

В ожидании Вашего ответа имею честь оставаться
с величайшим почтением.

ПИСЬМО Ж. Ф. А. ДЕВЕНУ [13]

Руа, 28 марта 1786 г.

Ваше предложение относительно самого надежного способа напечатать план вместе с «Мемуаром» [14], о котором идет речь, кажется мне как нельзя более удачным. У меня есть все основания многого ждать от этого «Мемуара», коль скоро он уже заслужил самый лестный отзыв с Вашей стороны. Хотя похвалы нас обычно ослепляют, я полагаю, м. г., что Ваши высказывания, как Вы и говорите, вполне искренни; моя уверенность в этом покоится на глубоком убеждении, что Ваши заслуги не ограничиваются тем, что Вы посвятили себя самой замечательной из профессий и что Ваши обширные познания в области литературы позволяют Вам высказывать вполне справедливые суждения. Про-

шу Вас постараться по возможности сдержать данное мне слово относительно сроков, в которые Вы обещали передать мне мой «Мемуар», и оставаться в уверенности, что никто не может более, чем я, гордиться званием Вашего, м. г., и т. д.

Я продолжаю переписку с автором книги [15], о которой я говорю в своем «Мемуаре»,— переписку, в ходе которой этот автор, очень уверенно разглагольствующий на страницах своей книги, играет, в свете моих возражений, довольно жалкую роль, как я буду иметь честь Вам продемонстрировать (если сочту, что это достойно Вашего внимания) во время поездки в Нуайон, которую я собираюсь предпринять после пасхи. Так вот, поскольку я поддерживаю эту переписку, я не буду иметь ничего против, если Вы, м. г., добавите ее к моему «Мемуару» в виде продолжения.

Если этот очерк будет благосклонно принят лицами, которые его прочтут, и они проявят некоторое желание ознакомиться с продолжением критического разбора «Описей, которым придан постоянный характер», автор «Мемуара» поспешит выполнить это пожелание, сообщив им продолжение своей переписки с г-ном де Сен-Вибером, что даст еще одну возможность сопоставить мысли обоих авторов относительно кардинального усовершенствования описей, а также о составлении постоянного руководства и постоянного регистра.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 21 мая 1786 г.

Милостивый государь!

Я только что получил письмо, которое Вы соблаговолили написать мне 11 числа сего месяца, вместе с программой конкурсов на 1787 и 1788 гг., со штемпелями Аррасской академии на первом конверте и г-на де Калонна — на втором.

Я с удовольствием прочту выдержку из отчета о Вашем последнем заседании, которую Вы, милостивый государь, со свойственной Вам добротой обещали мне прислать и из которой я с большим удовлетворением узнаю имя человека, заслужившего награду академии. Я бесконечно признателен Вам за любезность, которую Вы проявляете, описывая мне приятную и интересную обстановку, в которой проходило это заседание. Я разделяю испытанное Вами удовлетворение от большого стечения зрителей и считаю, что это — еще слишком малая дань уважения, которую г-да академики могли ожидать от людей, душевное величие и благородство чувств которых позволили им понять все значение проблем, занимающих внимание Вашего высокого собрания. Это и заставило их проникнуться благородным стремлением присутствовать на обсуждении столь важных вопросов, способных по своему значению заинтересовать самые разнообразные слои общества.

Да, милостивый государь, как я уже имел честь Вам сообщить, я по-прежнему намереваюсь, особенно после Вашего любезного поощрения, участвовать в конкурсе по вопросу о сокращении числа дорог. Эта тема отнюдь не чужда моей профессии — профессии, с помощью которой я, возможно, смогу быть Вам до некоторой степени полезным, поскольку Вы являетесь сеньером своего прихода: по этому случаю я имею честь отправить Вам экземпляр небольшого сочинения, которое я только что написал и которое можно рассматривать в некотором смысле как проспект произведения, посвященного *ведению сеньериальных архивов, а также составлению описей и приданию им постоянного характера*[16]. Я собираюсь написать такой труд и рассмотреть в нем основы нового метода, который я считаю более правильным, чем принятые до сих пор, как Вы сами сможете это заметить, если соблаговолите прочесть этот небольшой плод моих размышлений; и я убежден, что Вы сумеете разглядеть в нем подлинный мотив моих действий, каковым отнюдь не являлось, как мог бы кое-кто подумать, предосудительное желание очернить моего парижского собрата[17].

Честь имею быть, с совершеннейшим почтением,
Вашим, милостивый государь, смиреннейшим и
покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ[18]

[Руа, июнь 1786 г.]

Милостивый государь!

Я с большим интересом прочитал любезно присланную Вами выдержку из отчета о двух публичных заседаниях, которые Ваше славное общество имело 26 и 27 апреля сего года[19], и я сегодня же воспользуюсь разрешением, которое Вы мне столь великодушно предоставляете, поддерживать переписку с Вами, чтобы изложить Вам свое мнение относительно некоторых предметов, коими занимались на этих двух достопамятных заседаниях.

Доклад г-на Делегорга[20] представляется мне замечательным трудом, но мои взгляды побуждают меня отдать предпочтение докладу г-на Делестре дю Терраж[21]; его система равенства и пропорциональности имуществ свидетельствует о нем как о друге человечества и более соответствует намерениям природы, которая может желать существования человеческого общества лишь при том условии, что каждый из его членов сможет найти в нем полное удовлетворение своих жизненных потребностей. Если общество не таково, то оно противоестественно, оно уже является не организацией, а прискорбным результатом случая; оно способно под случайным воздействием к недолговечным изменениям во имя принципа справедливости, который, увы! чрезвычайно быстро пре-

дается забвению. Поверьте мне, милостивый государь, до тех пор, пока не будет снесено здание, неприспособленное для счастья большинства людей, с тем чтобы построить новое, начиная с фундамента, по новому плану и в совершенной гармонии с требованиями их свободного и полного развития, все будет подлежать уничтожению, все надо будет переделывать. Я восхищаюсь вашим славным обществом, но, должен признаться, меня удивляет, что оно осмеливается высказать свое мнение лишь о форме сочинений, рассмотрение которых оно поставило своей задачей. Странно, что оно наградило мемуар г-на Делегорга, который даже выдвинул требование, чтобы администрация провинции Артуа и мудрость правительства воспротивились делению ферм, и в то же время дало похвальную оценку г-ну Делестре дю Терраж, который добивается этого деления, как очевидного благодеяния. Таким образом, оно одной рукой награждает того, кто говорит «нет», а другой награждает того, кто говорит «да», с чрезмерною сдержанностью избегая высказаться как в пользу «да», так и в пользу «нет». Прошу прощения за это замечание, будь я опытным писателем, я бы[22] вопрос о роскоши *... посвящать себя, в соответствии со своими склонностями, различным видам промысла, придумывать и изыскивать способ получения от богатого каких-либо средств к существованию, доставлять ему бесконечное количество предметов, способных льстить его тщеславию, его изнеженности, его изменчивым вкусам и всем прочим его страстям, предметов, ранее неведомых и которыми устыдились бы пользоваться во времена невинности и чистоты, простоты и скромности, когда человек был в состоянии обходиться собственными силами (без излишних посредников), когда люди были действительно рады не обладать никаким превосходством и пользоваться лишь той утварью, которая была явно и несомненно полезна. И вот уже роскошь расцвела, и, когда дело дошло до этого, мы видим, что она стала необходимой для существования большого числа людей, поскольку она стала единственным ресурсом для всех тех, кто лишен наследственного имущества.

Много слышно жалоб на участившуюся эмиграцию жителей деревень, при этом оплакивают судьбу сельского хозяйства — увы! Между тем как в академиях высказываются против деления хозяйств, постоянно остается достаточно сельскохозяйственных рабочих. Если в приходе три или четыре крупных сельских хозяина держат в своих руках обработку всей земли, то они справляются со всей работой при небольшом числе наемных рабочих, и тогда оказывается, что все остальные жители не могут найти места, даже чтобы работать на других. Они вынуждены обратиться к ремеслу, а так как в деревне они не могут им заняться, а иногда там и научиться ему нельзя, то сельский житель направляется в город, и это вполне естественно. Положение вещей не позво-

* *Пропуски в оригинале.*

ляет ему остаться в обители простоты, и поневоле он ищет спасения в обители разврата, и все идет наилучшим образом.

До сих пор он был чужд роскоши, он не был ни производителем, ни распространителем роскоши, теперь он станет тем и другим. Может случиться, что он найдет какую-нибудь выгодную отрасль, доходы от которой его ослепят, и, не зная, что делать со своими деньгами, он бросится, не раздумывая, в запутанные дела, и существующее состояние порчи нравов создаст в его лице новую причину этой порчи, а за этим могут последовать многие другие не менее прискорбные последствия. Ибо не будет ничего удивительного, если после всяких передряг наш испорченный человек легко докатится в конце концов до полного и непоправимого разорения, а тем временем мастера искусств и ремесел, содействующие сохранению и увековечению роскоши и политики, т. е. те, кто нами управляет, сначала сделают его своей жертвой, извлекая из него прибыль, затем еще обложат его огромным налогом с роскоши — и все это ради общих интересов, ради общего блага, и опять-таки все будет к лучшему.

(...) * монастырей, казармы и прихожей. И это же внушает даже фермерам отвращение к их положению, потому что ничто не гарантирует им, что их сыновья, слишком многочисленные или слишком молодые для того, чтобы занять их место в случае их смерти, не окажутся в свою очередь угнетенными. Наконец, этим же следует объяснить уход из деревни бедных жителей, вынужденных покинуть места, где они лишены отныне возможности добывать себе пропитание.

Так же, как и я, г-н Делестре понял, что подлежащий решению вопрос был выдвинут владельцами, которые хотят знать, извлекут ли они больший доход, деля фермы или не деля их. Так же, как и г-н Делегорг, выводы которого, однако, направлены против раздела, он не упустил из виду того, что богатые, наверно, захотят извлечь пользу из того, что люди заинтересованы в получении земельных участков, и будут сдавать их в аренду за крайне высокую плату. Поэтому он патетически убеждает богатых не поддаваться в этом случае чувству жадности и сдавать свои земли по частям за такую же плату, за какую они сдали бы их в целом фермерам.

В итоге все те (за исключением г-на Делегорга), кто мог бы быть моим соперником, если бы я действительно намеревался участвовать в конкурсе, высказались за раздел ферм. Г-н I. H. F. M. H. A. R. D. R. A. **, которого Вы удостоили первого почетного отзыва, высказывается за такой раздел, который соответствовал бы возможностям арендатора и качествам территории. Г-н Ж. Б. Бизе[23] из Амьена, получивший второй почетный отзыв,— сторонник раздела, доведенного до крайнего предела. Он

---

* *Пропуск в оригинале.*

** *Так в оригинале.*

заявляет, что такой раздел принесет пользу владельцам, сельскому хозяйству, сельским жителям, провинции Артуа, королевству Франции. Автор третьей отмеченной почетным отзывом записки г-н Кокле [24], каноник первой коллегиальной церкви в Камбре, тоже высказывается за раздел. Все сходятся в убеждении, что вопрос о разделе следует рассматривать единственно с точки зрения увеличения общего благосостояния, а не с точки зрения увеличения доходов земельного собственника. Все утверждают, и я сам в этом твердо убежден, что раздел положил бы конец бедности, порождаемым ею преступлениям и нищенству. Если Вы имели терпение прочесть мой мемуар, Вы могли убедиться, что я допускаю этот раздел ферм лишь при соблюдении определенных правил и что, на мой взгляд, делить не значит ломать. Я придерживаюсь мнения, что всякий чрезмерный раздел, т. е. охватывающий даже незначительные участки, будет более вреден, чем полезен [25]. Применяя мой способ раздела, я не рву на куски, не крошу и ничего не изолирую. В отношении владельца ферма сохраняется в целости. Разделу, как я его понимаю, подлежит собранный урожай. Ферма сохраняется как целое, но эксплуатируется она уже не одним фермером. На его место я ставлю группу работников, в соответствии с размерами фермы, объединенных общим договором на предмет ее эксплуатации.

Чтобы производить то, что она способна произвести, каждая ферма требует приложения труда определенного числа людей. Это-то число и надо знать с самого начала. Когда этот вопрос будет выяснен, можно легко определить, что́ необходимо для того, чтобы эти люди имели приличное питание, жилье и содержание.

По данным десяти—пятнадцати предшествующих лет можно подсчитать вероятный средний размер урожая различных культур. Из этого надо будет вычесть, во-первых, все, что пойдет на пропитание работников или поступит в их пользование, во-вторых, то, что пойдет на семена и на уплату десятины. Часть излишка, предназначенного для продажи, пойдет на возмещение владельцу или умеренную арендную плату, которая должна быть рассчитана таким образом, чтобы работникам осталась прибыль в денежном выражении, которую они между собой разделят. Справедливость требует, чтобы эта прибыль была удовлетворительной, а она может быть таковой лишь при условии, если за 20 лет, после возмещения всех разумных расходов работников, она позволит им разделить капитал, равный по меньшей мере четверти общей стоимости земельного владения.

Основой для определения размера арендной платы должны быть средние цены на продукты, установленные по данным рыночных цен за десять—пятнадцать лет. Чтобы ничего не оставить на волю случая при количественной оценке урожаев, важно, как я это указываю, принять во внимание хорошие и плохие урожаи на протяжении достаточно большого промежутка времени

так, чтобы получалось правильное представление. Точно так же для оценки денежного дохода от продажи того, что не пошло на потребление, надо будет обратиться к рыночным ценам за такой же промежуток времени. Таким образом достигается справедливый результат путем уравновешивания нехватки и изобилия, чрезмерно низких цен и дороговизны. Таким образом отпадает всякий предлог обращаться к владельцу с требованиями скидок или отказа от арендной платы, поскольку все было предусмотрено в среднем, считая хорошие и плохие годы.

Раз я знаю, сколько работников требуется для эксплуатации фермы и сколько, по справедливости, она должна приносить дохода своему владельцу, оставляя в стороне случайные доходы, зависящие от большего или меньшего трудолюбия жены фермера, я заменяю ферму, которую снимает один человек, коллективной фермой: 50, 40, 30, 20 человек будут вместе работать на этой ферме; прежде, когда они жили в одиночку, они прозябали в бедности, теперь они быстро станут зажиточными.

Выгоды для землевладельца. За арендную плату несет ответственность перед ним не один земледелец; все, кто договорился сообща эксплуатировать его земли, гарантируют ему арендную плату. Если он предоставляет им аванс, он более уверен в получении его обратно, ибо ему больше не приходится бояться дурного поведения, беспорядков, неспособности, неудачных спекуляций или нечестности единоличного фермера, каждая серьезная болезнь которого также может подорвать его интересы. Там, где многие люди объединяются, чтобы сообща, помогая друг другу, идти к одной цели, руководство всегда доверяется самому умному, самому опытному, самому честному. Всегда в подобных случаях все наблюдают друг за другом, и возникает взаимное соревнование, затрудняющее всякое пагубное расточительство и хищения. Каждый следит за собой, чтобы не быть замеченным в небрежности или неловкости: известно, что между равными глаз хозяина — всюду и нигде. Если один из них заболевает, от этого никто не пострадает — ни жена его, ни ферма, потому что тогда все удваивают активность, и каждый с охотою берет на себя небольшую дополнительную работу. Никакой несчастный случай, даже смерть, не может ни замедлить, ни приостановить работу. Лошади всегда содержатся в чистоте, у быков всегда свой пастух, всегда есть кому присмотреть за коровами и подоить их; если хозяйка заболеет, птичий двор от этого не пострадает — в этом братском сообществе все друг другу помогают. Все стараются с большим пониманием сделать все возможно лучше, ибо двадцать умов лучше одного, и все работают с большим рвением, потому что никто не хочет заслужить упрек в недостатке мужества.

Единоличный фермер, если ему надо рыть ямы, поднимать пустоши, прорывать канавы, рубить кустарник, сеять, косить, жать, свозить сено или снопы, молотить, хорошенько подумает, прежде чем раскошелиться на плату поденщикам. Часто он от-

кладывает на завтра то, что должно быть сделано сегодня, а тем временем приходят ненастные дни, и то, что было отсрочено, так и остается несделанным. На коллективной ферме, наоборот, все делается вовремя, всегда есть возможность и достаточно работников для выполнения всех работ.

В этом обширном хозяйстве ни один уголок не пропадает, каждое поле в совершенстве изучено и оценено: где лучше родится пшеница, там сеют пшеницу, где лучше родится лен, там сеют лен, где самый богатый урожай дает рапс, там сеют рапс. Но нельзя не повторить — для успеха совершенно необходимы долгосрочные арендные договоры; лучше всего была бы бессрочная аренда, это имело бы самые выгодные последствия и для совладельцев-фермеров, и для собственника земли, и для данной местности, и для страны. Договоры о бессрочной аренде пересматривались бы каждые двадцать лет, и если бы для этого были основания, могли бы быть изменены экспертами в отдельных статьях по различным причинам, поскольку перемены могут стать необходимыми: известно, что ценность золота и серебра снижается по мере того, как оба эти металла становятся более распространенными — на сегодняшний экю я не могу приобрести того, что приобрел бы сто лет тому назад [26].

Среди других весьма ценных результатов коллективных ферм было бы то преимущество, что они сближали бы людей. В них несколько бедных семейств слились бы, так сказать, в одно зажиточное семейство. Эти семейства перешли бы от состояния крайней неуверенности в состояние устойчивости. Они освободились бы от всех своих бедствий в настоящем и от тревог относительно будущего. После учреждения коллективных ферм мы не видели бы больше бедных старух, худых и грязных настолько, что их можно испугаться, ведущих по краю дороги жалких шелудивых коров, от которых они надеются получить немного молока, мы не видели бы больше полуголодных матерей, надрывающих свое здоровье и преждевременно старящихся от того, что они продают свою грудь городским детям. Семья стала бы более красивой и более сильной. Сельский мясник не стал бы торговать плохим мясом; бдительность сельского сторожа стала бы, так сказать, излишней, потому что никто не стал бы пасти свой скот украдкой на чужом поле или лугу; ведь скот, который ныне разбредается, измученный, больной коростой, был бы сосредоточен на ферме, где все имеющиеся запасы питания, сверх подножного, доставлялись бы ему женщинами, девушками и детьми, которые продолжали бы собирать траву, но для использования ее сообща. Много растений и побегов, которые пропадают без пользы для кого бы то ни было, превратились бы в корм или подстилку и увеличили бы в конечном счете благосостояние фермеров.

Чтобы полностью достигнуть цели, которую следует себе поставить, принимая идею коллективных ферм, создание которых было бы гораздо предпочтительнее, чем раздел ферм, поскольку

они лишены его неудобств, было бы полезно внести большие изменения в конструкцию, распределение и размеры построек. Сеньеры и духовенство должны были бы в своих обширных владениях дать пример этих изменений, которые они могут осуществить, так как имеют огромные ресурсы. Расходы, которые это повлекло бы за собой, не были бы в действительности жертвой, это означало бы — немного посеять и много собрать; через несколько лет богатство земли поразительно возросло бы. Для нравственности и счастья сельских жителей лучше облегчить их объединение, чем предоставить им возможность держаться в стороне друг от друга, каждому в своей норе. Связанным как бы в один пучок, им легче будет помогать друг другу, и они будут менее склонны вредить друг другу; у них не будет больше тех дурных мыслей, которые вынашиваются в одиночестве и осуществляются в темноте. При постоянном общении всякий подозрительный замысел, всякое действие имеет свидетеля, хижина не станет более угрожать хижине, и замок также будет в полной безопасности; не будет больше ни воров, ни поджигателей, ни виселицы, ни палача. Множество опасных предрассудков и суеверий исчезнет немедля; ибо там, где люди объединились, чтобы жить сообща, разум вскоре займет среди них свое место: он их просвещает, он их убеждает и руководит ими благодаря своему авторитету.

Практическое осуществление моих взглядов было бы очень легким, если бы материальное превращение фермы, которая из индивидуальной должна превратиться в коллективную, могло быть произведено мгновенно, как бы по мановению волшебной палочки. Но даже если брать вещи такими, как они есть, учитывая и то, что в них немало неудобств, мне кажется, что практическое осуществление этого могло бы уже сейчас стать весьма благотворным обновлением.

Господин Делегорг видит в нынешних фермерах как бы наших естественных кладовщиков, с которыми никогда не приходится опасаться монополии на зерно. Но система коллективных фермеров и подавно направлена против монополистов, крупных или мелких. Нынешние фермеры перед тем, как сбыть свое зерно, почти совсем не заботятся, имеют ли живущие по соседству поденщики, подручные, помогавшие им в их работах, достаточные запасы продовольствия, чтобы избежать голода. Их амбары тщательно заперты в надежде на вздорожание; как только оно наступает, они все отправляют на городской рынок, не беспокоясь о местных нуждах. Наоборот, при коллективных фермах сохраняется в запасе продовольствие для всех работников, и их снабжение считается главным делом. Они не должны будут ждать ненадежного дохода в несколько экю, чтобы добыть себе несколько мер ржи по непомерно вздутой цене, тащиться за ними за семь или восемь льё, а потом еще носить их на мельницу, где грабят, как хотят. На рынок отправляется лишь то, что превышает нужды потребления, и продажа этих излишков уже не зависит от злоб-

ного расчета или каприза какого-либо скряги, а подходящий случай используется, как только он представится.

В своем мемуаре я не говорил об объединениях коллективных ферм. Две-три коллективные фермы, расположенные близко друг от друга, могли бы объединиться между собою. Они при этом выиграли бы в пространстве, это облегчило бы выбор участков в зависимости от их природных качеств и расположения. Так, например, участки одной фермы, представляющие собой превосходные луга, но вследствие рутины или по какой-либо другой причине используемые под различные культуры, могли бы снабжать кормами другие фермы, которые в этом отношении плохо обеспечены. Я очень мало сказал о женщинах и детях. А между тем в сельском хозяйстве те и другие не сидят сложа руки: стало быть, их труд был бы оценен, чтобы можно было определить, что им следует при распределении.

Я не хотел бы ставить вопрос о законности крупных земельных владений и прийти, таким образом, к радикальному решению относительно крупных ферм, которое подвергло бы сомнению сам принцип их существования. Сейчас либо слишком поздно, либо слишком рано ставить такой вопрос [27]. С точки зрения философа, отыскивающего происхождение всех вещей, крупные владельцы не стали бы таковыми, если бы не счастливая случайность их рождения. Крупный владелец, который был бы обязан своим богатством только своему труду или труду своих предков,— величайшая редкость, его отмечают, приводят в пример; другие — и они тоже отнюдь не часто встречаются — обязаны своими крупными имениями своим предкам, которые при разделе земель проявили достаточно ловкости, чтобы поживиться в ущерб себе подобным и не только отнять у них право, данное творцом природы всем представителям рода человеческого, пользоваться в равной мере великим и общим наследством земного шара, но и лишить их свободы, обременив их ненавистными цепями, кои лишь постепенно могут быть порваны похвальными усилиями немногих чувствительных людей. Так несправедливость и тирания слились и взаимно друг друга поддерживали. Так упрочился прискорбный общественный строй, заставляющий каждое разумное, т. е. справедливое, существо краснеть за прошлые поколения и стенать о судьбе поколения нынешнего, не смея надеяться на что-либо лучшее для того поколения, которое за ним последует. Вы согласитесь, милостивый государь, что перед лицом всего того, с чем мы сейчас должны считаться, самые интересные вопросы не могут быть ни поставлены в должной форме, ни решены в верном направлении. Повсюду царит условное право, право власти, противное подлинному праву, похороненному насильем или хитростью, скрытому благодаря обладанию собственностью. Разумеется, чем более мы переносимся мыслью в отдаленные времена, намного предшествующие нашему, тем более мы убеждаемся в том, что уважение к этому сомнительному праву зиждется на слепой вере.

Какое это было бы страшное потрясение, если бы когда-нибудь массы задали себе вопрос: почему одни имеют все, а другие ничего! Титулы, которыми теперь кичатся, превратились бы в фикцию; о них перестали бы спорить. Г-н Делегорг, который так гордо выступает против раздела ферм, по-видимому, не заметил, что этот раздел, разумно проведенный, есть отличный способ замаскировать в какой-то степени, по крайней мере на некоторое время, как давит крупная собственность на бедного человека. Если бы богатые могли лучше понять свои собственные интересы, они, несомненно, позаботились бы о смягчении положения вещей, побуждающего бедных задумываться о несправедливости их судьбы; они поспешили бы обезопасить себя от грядущего требования возмещения. Раздел ферм есть первое и самое малое удовлетворение, которое они должны поторопиться дать. Бедный не завистлив, его легко удовлетворить, он довольствуется малым. Но когда его убивают труд и нищета, когда первый не дает ему возможности избежать второй, когда он страдает одновременно от усталости и от лишений, когда он сравнивает это с бесконечными досугами и безудержными наслаждениями любимцев фортуны, то контраст между его столь печальным положением и их столь блестящим повергнет его в смущение. Но если его мысль проснется, это сравнение станет для него лучом света. Он скажет себе: я — человек, и они тоже только люди и ничего больше; природа не сделала их более людьми, чем я; все, чего она хотела для них, она хотела и для меня; кто же мог допустить, чтобы святые законы природы были попраны и нарушены? В мире непрерывно свершается великое преступление — и с этой минуты луч солнца пронзит тучи, омрачившие ум несчастного, в головах тысяч и тысяч подобных ему людей сверкнут одни и те же догадки, и однажды повязка упадет с глаз, и уже не луч их осветит, а солнце истины просияет во всем своем блеске,— и все старые авторитеты рассеются.

К сожалению, в Артуа, как и в других местах, богатые землевладельцы не прозорливы; поэтому они мало заботятся о разделе их ферм, исходя из плохо обоснованного убеждения, что землепашцем, желающим быть поставленным во главе крупного хозяйства, может быть лишь зажиточный человек, имеющий поручителей, способный поддерживать землю в хорошем состоянии, получать хорошие урожаи и, следовательно, хорошо платить. Всегда предполагается, что такой фермер получил воспитание, которое его отличает от сельского простонародья; предполагается, что он более способен приобретать познания, которых требует его положение; воображают, что он обязательно обладает заметным превосходством над обыкновенными земледельцами, чересчур рутинными, лишенными способности считаться с тысячей обстоятельств, относящихся к различным качествам почвы, к колебаниям погоды и различиям, которые бывают от года к году. Все это — чистейшая иллюзия, а в результате землепашцы, кото-

рым всего охотнее сдают фермы, это как раз те, которые меньше всего занимались земледелием. Это — люди самые развязные, самые шустрые, самые изворотливые, самые наглые игроки, самые хитрые жулики в обмене и торговле; это, наконец, те, кто на ярмарках и в кабаке самые разбитные и самые развращенные. В городе они были бы интриганами, в деревне — это хитрые шельмы, обладающие всеми пороками горожан, но ни одной из их добродетелей. Некоторые из них получили, правда, кое-какие начатки образования, но, оттого ли, что они оказались неспособными продвинуться дальше, оттого ли, что их родители сочли, что с них хватит, то немногое, чему они научились, приводит лишь к тому, что они надуваются спесью и с жестоким презрением относятся ко всякому, кто с детства вынужден орошать землю своим потом. Добавьте к этому, что они чванятся своим наследственным имуществом, которое, как бы оно ни было подорвано, повышает доверие к ним, что они чванятся своей одеждой, дающей им более или менее отдаленное сходство с «господами», что они чванятся своей якобы городской речью, делающей их более представительными и обеспечивающей им прием, которым, быть может, не была бы удостоена речь более откровенно деревенская. Если бы они со всей скромностью посвятили себя обработке своего небольшого наследственного участка, они были бы вполне счастливы; у них была бы некоторая независимость и меньше забот. Но они испытывают потребность командовать, хотят важничать и, чтобы получить крупную ферму, которая создаст им уйму затруднений, они оставляют свое небольшое владение на попечение чужих, и, лишенное присмотра, оно приходит в упадок и ничего не приносит. Часто случалось также, что, желая разделить заботы между своим малым владением и крупной фермой, они теряли голову в этой путанице, так что одинаково плохо приходилось и крупной ферме и малому владению. Сколько таких безумцев, имевших возможность спокойно жить, обрабатывая свои поля, достигли лишь того, что лишились их! Некоторые крупные фермеры процветают, но это процветание зависит больше от случая, чем от способностей земледельца, а чаще всего оно достигается только благодаря спекуляции на зерне и на нищете нанимаемых батраков. Если крупные фермы доступны только земледельцам, богатым благодаря их собственным участкам, а они, как известно, очень редки, то очевидно, что сохранение крупных ферм создает некую монополию в сельском хозяйстве, находящуюся в руках самого немногочисленного класса. Это приведет ко все большему росту имущественного неравенства. Крупные фермеры будут опасаться обильных урожаев; чтобы иметь возможность вносить свою арендную плату, они займутся торговлей зерном и будут нанимать возможно меньше людей для работ на полях, урезая до предела заработную плату каждого, сводя ее к нулю, если только это возможно. Что станет тогда с огромным большинством сельских жителей, предназначенных с детства и как бы в

силу естественного инстинкта к сельским трудам, этому единственному занятию наших предков? Дрожь берет при мысли о гибельных и неизбежных последствиях подобного рода злоупотреблений.

Я не льщу себя надеждой, что система коллективных ферм может быть скоро принята. Она слишком далека от принятых обычаев, а мы слишком часто имеем возможность убедиться, что привычка — почти неизлечимая болезнь. Однако всякая по существу своему правильная мысль, как бы плохо она ни была высказана или принята, в конце концов становится предметом серьезного внимания, и приходит момент, когда доказательство ее правильности доведено до такой очевидности, что лишь извращенные или чересчур пропитанные предрассудками умы оказывают ей сопротивление. Тогда люди удивляются тому, что так долго не могли излечиться от привычки. Но пока что, милостивый государь, чтобы не злоупотреблять вашим терпением, мне надо вернуться к обсуждаемым проблемам, т. е. следует или не следует делить фермы. Вы знаете, что я безжалостно осуждаю отказ от раздела. Но как произвести раздел? Я поясню: слишком дробное деление ферм имело бы самые пагубные последствия. Оно привело бы к упадку сельского хозяйства: незначительные парцеллы не привлекали бы подлинных землепашцев, и они быстро исчезли бы, и вместо них мы видели бы лишь тех, кого называют бедными огородниками.

Вот почему я считаю, что было бы более сообразно с общими интересами и счастьем человечества разделить фермы так, чтобы каждый арендатор не имел в своем распоряжении ни слишком много, ни слишком мало для своего благосостояния и для своего труда. Резюмируя мои последние соображения, я говорю: не каждое крупное хозяйство выгодно для того, кто его ведет, и так как при отсутствии знаний оно может поддерживаться лишь с помощью алчного скопидомства или другими, чуждыми сельскому хозяйству, приемами, оно никогда не создаст благосостояния тем, кто в нем работает. И, наоборот, всякий чрезмерный раздел земли является большим препятствием прогрессу сельского хозяйства. Нельзя ставить опыты или собирать наблюдения, позволяющие делать определенные выводы, на небольшом клочке земли. Такое дробление на мелкие участки, как правило, привело бы лишь к жалким урожаям и отнюдь не способствовало бы уничтожению нищеты. Я осудил индивидуальные фермы слишком крупных размеров и в этом вопросе я оказался единомышленником всех отмеченных участников конкурса, за исключением г-на Делегорга. Можно, стало быть, предположить, что многие богатые землевладельцы думают так же, как я. Теперь спрашивается, какие размеры следует определить этим индивидуальным фермам? Вот, мне кажется, что было бы лучше всего: каждая такая ферма, ограниченная по размерам, но всегда в целом построенная так, чтобы на ней в небольших размерах были

бы представлены все местные культуры, должна соответствовать тому, что обычно называют «работа одного доброго плуга». Таким образом, площадь данного хозяйства не должна быть лишена выпасов, она должна кроме того допускать различные посевы, в зависимости от времени года, чтобы в случае неурожая одной культуры другая была бы в достатке. Отсутствие такой возможности на маленьком и ограниченном клочке земли часто бывает причиной уныния и отчаяния. Такое дробное деление земли превращает ее из доброй матери в мачеху.

Похоже на то, что мне не надоедает излагать Вам свои взгляды, а между тем эти длинноты должны утомлять Вас, и, чтобы не слишком злоупотреблять Вашим терпением, я перейду к другим предметам. Я читал размышления графа де Галамеца[28] о счастье; они, без сомнения, высоко нравственны и прежде всего очень остроумны. Но зачем повторять людям, как это делается испокон веков, что нет ничего менее долговечного, чем счастье? Разве не было бы в тысячу раз предпочтительнее заняться изысканием подлинных элементов счастья для всего общества в целом? Мне кажется, что такое исследование было бы плодотворно, тем более что речь шла бы тогда не о некоем идеальном счастье, а о реальном счастье, условия которого легко определить в соответствии с требованиями человеческой природы. Желания могут бесконечно множиться, из удовлетворенного желания рождается другое желание; воображение является для них неисчерпаемым источником. Потребности, наоборот, ограниченны, каждая наша потребность как бы начертана и определена в нашей организации. Потребность одного человека в точности совпадает с потребностью другого человека, и если нет какого-либо извращения сердца или ума, то все сводится к небольшой разнице в ту или в другую сторону, столь небольшой, что можно считать всех на одном уровне. Когда общество имеет в достатке все нужное для пропитания или содержания и физического и интеллектуального развития всех его членов, это общество обладает всем, что составляет общее счастье,— а в общем благоденствии, которое есть не что иное, как счастье всех, неизбежно окажется и счастье отдельного человека. Г-н де Галамец мыслит о счастье как человек, который никогда ни в чем не нуждался. Что может тревожить этих любимцев фортуны, живущих в излишестве? Если они недовольны, пусть смотрят вниз вместо того, чтобы смотреть вверх. Счастье! Спросите того, кто страдает от голода, жажды, холода, чрезмерной усталости или от собственного невежества, в чем оно заключается. Ответ будет ясный, четкий, категорический. Вам все будет объяснено в нескольких словах; все, что вне этого, не более как капризы и фантазии. Слишком многие пишут о счастье ради развлечения; они находят в этом отдых от безделья. Идиллии и пасторали на эту тему пишутся вдали от рабочих, стонущих в наших предместьях, и от раздирающих душу жалоб несчастных жителей наших сел. Это мечтания, порожденные опья-

нением излишествами. И адвокат Легэ [29] поступил правильно, озаглавив одно из двух стихотворений, которые он Вам прочитал, «Счастье, греза».

Я должен признать, что г-н Легэ достаточно складно составляет стихи, но, на мой взгляд, это талант слишком мало серьезный, чтобы я его ценил: прохожу мимо этих пустячков как истинный варвар и перехожу к его рассуждениям о разводе, против которого он высказывается. Я рад тому, что он выступает как защитник нерасторжимости брака, которую, независимо от какой-либо религиозной идеи, я считаю основой семьи. С какой силой красноречья и как убедительно излагает он свои чувства, которые совпадают с чувствами всякого честного человека. Однако мне не нравится, что он слишком уж категорически выступает в качестве противника развода.

Г-н Легэ высказывает более справедливые суждения, когда резко нападает на безбрачие, которое он считал бы нужным запретить, особенно в странах, где введено безбрачие духовенства. Я разделяю его мнение. Если заботиться о добрых нравах, надо запретить безбрачие даже тем, кто избрал служение религии: не должно быть холостяков, будь то духовное лицо или мирянин. Только серьезные увечья, уродства или наследственные болезни могут освободить от повиновения одному из главных законов природы. Этот закон природы является божественным законом, и любое противоположное установление является его нарушением. Желание пребывать в безбрачии есть акт преступного эгоизма: упразднить безбрачие значит упразднить проституцию и самый предлог для разврата. Я не знаю, какими средствами можно было бы осуществить это упразднение: надо ли прибегнуть к принуждению или к поощрению? Подвергнуть ли холостых обложению податью или какими-либо повинностями, от которых женатые были бы освобождены? Все это требует размышления. Но можно было бы поощрить к браку хотя бы освобождением его от всего, внесенного патриархальным режимом и древним иудаизмом. Муж не должен больше быть господином, а жена — рабыней. Как мужья или как отцы наши предки притязали на слишком большую власть. Традиции рабства у языческих народов и крепостного права у христиан отравили наши нравы, заразили их деспотизмом и низостью вплоть до самого домашнего очага, вплоть до святилища семьи, где все должно быть проникнуто любовью, симпатией, взаимной доброжелательностью. Муж и жена должны обладать равными правами, и нельзя, не впадая в пристрастие, допустить, чтобы они не пользовались одинаковой свободой, разумеется, при условии, что они будут выполнять свои обязанности, которые у них не всегда тождественны. Если муж не будет больше господином, облеченным законом возможностью злоупотреблять, то жена, сознавая, что она восстановлена в правах, будет гордиться защитой, которую окажет ей муж, так же, как она будет счастлива заботиться о нем. Семьи будут тогда проникнуты чувствами любви

и преданности, и когда дети вырастут под сенью нежности родителей, последние будут иметь больше влияния на детей своими советами или возражениями, чем теперь благодаря суровой власти, которой их вооружили. Дурной пример получают дети, когда видят свою мать в состоянии подчинения отцу. Не может быть сомнения в том, что это ее умаляет в их сознании, и когда они замечают, что она лишь служанка в доме и что она отстранена от малейшего участия в общественной жизни, то из этого они делают вывод, что одна половина общества презирает другую и обращается к ней только тогда, когда хочет получить от нее какую-либо услугу. Вот почему так часто бывает, что брачная жизнь превращается в ад. Если в нее вступать с мыслями более святыми, чем те, которые в наше время привлекают к ней, этот ад превратится в рай, и тогда я стану столь же абсолютным противником развода, как г-н Легэ.

То, что я Вам сейчас скажу, — дело, быть может, весьма деликатное, но это такая струна, которую я не могу не затронуть; если я при этом задену Ваши убеждения, я заранее прошу Вашего снисхождения. Принуждение к браку или противодействие ему при наличии взаимной склонности — два величайших преступления отцовской власти. Они должны рассматриваться как подлинное детоубийство, как предумышленное убийство, которое закон должен предотвращать, а не поощрять. Я знаю только один неравный брак: добродетели с пороком. В этом случае одна сторона ослеплена, и долг родителей сделать все, чтобы рассеять это ослепление. Но если дворянство соединяется браком с мещанством, тем лучше! Буржуазия — с мелкой торговлей, тем лучше! Мелкая торговля — с ремеслом, еще лучше! Наконец, богатство — с бедностью, тем лучше, тем лучше! От всех этих мнимых мезальянсов общество может только выиграть в отношении равенства и полного согласия. Принуждение к браку или запрещение брака, пагубные плоды спеси или жадности, будут иметь совершенно противоположные последствия; предоставить отцовской власти возможность продолжать такие злоупотребления, да еще вместе с правом лишать наследства, это значит сеять причины стремления к разводу, увековечивать бессмысленное иго, защищать то, что является бедствием.

Г-н Легэ одерживает легкую победу над некоторыми соображениями, приводимыми в защиту развода. Но он слишком старался не напрягать свое воображение, чтобы уклониться от других, несомненно более убедительных, соображений. Есть доля правды в его высказываниях, когда он говорит, что сторонники развода ошибаются, утверждая, будто развод сделает супругов более счастливыми, поощрит к заключению браков, сохранит их чистоту, отвратит от незаконных связей, что развод будет крайне редким и очень полезным для общества.

Я согласен с г-ном Легэ во многих отношениях: никаких разводов, пусть это будет общий закон. Следовательно, никаких лег-

комысленно заключенных браков. Имея право на развод, к тому же очень доступный, люди дадут себя увлечь мимолетным соблазнам, всякого рода вспышкам, всякого рода капризам, всякого рода разочарованиям — они будут расходиться так же, как они сошлись, по минутному увлечению, и тогда брак станет чем-то равноценным проституции: люди будут жениться, заранее думая о разводе, только ради утоления страсти.

Да, никаких разводов, таков должен быть общий закон, но этот закон был бы глубоко несправедливым, если б он не допускал некоторых исключений, абсолютно необходимых для предотвращения преступлений в отношениях между супругами. Было бы дурно упорствовать в отрицании явного несоответствия; было бы нелепо считать доказательством такого несоответствия какой-нибудь резкий выпад, но при наличии вполне очевидного несоответствия, почему связь, столь роковая в данном случае, должна длиться до тех пор, пока она не вызовет жестокую ненависть? Я знаю, что между любовниками преступления случаются, возможно, не реже, чем между супругами, но с какой бы стороны ни опасаться преступлений, лучше их предотвращать, и было бы неразумно, если бы законодатель делал их неизбежными.

Г-н Легэ не допускает возможности развода, даже если оба супруга совместно требуют его. Если у них нет детей, я не вижу ни малейшего препятствия к тому, чтобы вернуть им свободу; напротив, если у них есть дети, я бы высказался за более длительное испытание, из которого можно было бы с уверенностью заключить, что никогда в этой семье доброе согласие не возродится. Г-н Легэ считает очень сильным следующее возражение: «Муж, говорит он, который захочет заставить свою жену просить вместе с ним о разводе, мог бы ее вынудить к этому, прибегнув по отношению к ней к насилию». Не все ли равно, применяются ли крайние меры только с этой целью или муж постоянно обращается так со своей женой? Раз злоупотребления имеют место, это значит, что муж явно стал врагом своей жены и что он решил любой ценой избавиться от нее. Тем более необходимо разорвать цепь.

Г-н Легэ утверждает, что только у добродетельного народа разводы были бы очень редкими, и по этому случаю он напоминает о том, что они стали обычным явлением во времена Августа, которые он сравнивает с нашим временем. Меня мало интересует, обосновано ли это сравнение. Но если осведомиться о причинах, которые ныне порождают беспорядки в семьях, то мы вскоре придем к убеждению, что эти причины в значительной своей части исчезли бы, если бы безбрачие было запрещено. Если бы нельзя было оставаться холостяком в возрасте 21 года, или, самое большее, 25 лет, порода соблазнителей всякого рода значительно поредела бы. Возможности адюльтера и поводы для ревности, эти постоянные и неисчерпаемые источники стычек и ссор, появлялись бы все реже. Богатые или бедные, все девушки, красивые, разум-

ные, трудолюбивые, будут устроены, вероятно, по их вкусу, что обеспечит их постоянство и верность мужу, за которого они выйдут. Таким образом, проституция и внебрачные связи, лишенные почвы, исчезнут безвозвратно.

Муж и жена сливаются в супружескую чету: чета есть союз двух половин. Она образует человеческую единицу, или целостного человека. Обе половины ищут друг друга и сближаются с определенной целью — целью воспроизводства рода человеческого, и до тех пор, пока эта цель не достигнута, человек, правда, целостен, но чета остается несовершенной. Чтобы она вышла из этого состояния, ей надо перестать быть бесплодной, ей нужны дети. Супружеская чета с детьми — это семья; пока нет детей, нет семьи. Следовательно, нет никаких препятствий к тому, чтобы обе половины четы разошлись, если они стали антипатичны друг другу и если есть достаточные доказательства того, что в течение года между ними не было никаких половых сношений. В этом случае каждая из половин, которые ошиблись, может по желанию вступить во второй брак. Но если есть дети, то это совсем другой вопрос, поскольку развод тогда не может быть произведен без ущерба для семьи, семья будет как бы обезглавлена, на что можно согласиться лишь в последней крайности, когда уже нет возможности избежать его. После разрыва супружеских уз при наличии детей оба разведенные смогут вступить вновь в брак только друг с другом, если когда-либо им придет добрая мысль восстановить свою близость.

Развод, как и брак, не должен быть игрой. Требуются самые серьезные основания, чтобы отец и мать, эти естественные и первоначальные опоры семьи — священной даже для диких народов, дошли до того, чтобы отстраниться и бежать друг от друга. Однако в интересах нравственности и общества лучше уж допустить расторжение плохого брака, чем превратить детей, от него происходящих, в свидетелей взаимной вражды их родителей. Семья может быть поражена гангреной, и в этом случае развод — это ампутация, перед которой было бы гибельно отступать. Как много еще мне следовало бы сказать, если б я хотел исчерпать этот предмет; но я уже и так слишком увлекся и я опасаюсь, что такая дерзость даст Вам основание предположить, что я собираюсь скрестить шпаги с г-ном Легэ. Однако я вам ручаюсь, что это отнюдь не так: мне выступать против г-на Легэ! О, мне пришлось бы иметь дело со слишком сильным противником!

Я полагаю, что Аррасская академия сделала ценное приобретение в лице г-на де Шанморена [30]. В наше время не приходится удивляться тому, что майор королевского инженерного корпуса успешно подвизается в науках и литературе — у меня перед глазами речь г-на де Шанморена, и я нахожу, что нельзя было дать лучшего доказательства того, сколь полезно военному человеку обладать разнообразными знаниями. Его речь вполне способна

убедить военных отказаться от нелепого предрассудка, под влиянием которого им казалось, что невежество — некая привилегия, которой они якобы должны гордиться. Армия не всегда будет считать для себя делом чести поворачиваться спиной к цивилизации. Будем надеяться, что в конце концов она к ней приобщится. Было бы радостно увидеть, что наши офицеры перестали подражать железным людям феодального времени, давно покрывшимся ржавчиной.

Я был бы Вам бесконечно обязан, милостивый государь, если бы Вы могли мне прислать текст речи г-на доктора Таранже[31]. Ее анализ, который Вы даете в выдержке из протокола двух ваших открытых заседаний, вызывает у меня сильное желание полнее ознакомиться с плодом трудов знаменитого профессора. Трудно найти более интересный предмет, чем «Естественная и философская история женщины», но изучение женщины останется неполным, если его отделить от изучения мужчины: врач может наблюдать исключительно один или другой пол, он озабочен главным образом физическими явлениями, характеризующими развитие каждого из них, и болезни, как и кризисы, являются главным источником сведений. Но надо принять во внимание и другое: девушка, даже с самого раннего детства, развивается под воздействием влияний, столь чуждых ее природе, что все ее способности и все богатства ее душевной организации оказываются сильно уменьшенными и очень часто извращенными. Она растет, связанная всевозможными путами, ее воспитание, начиная с самого нежного возраста, формирует ее для подчинения повелителю, которому она должна будет всегда во всем уступать, даже в самых невинных играх, ей запрещено все, что могло бы ей помочь достигнуть доступного для нее уровня здоровья и ловкости. Ради ложной стыдливости ее вынуждают физически и морально ослаблять себя. Мы приносим женщину в жертву, мы изменяем ее природу, мы ее расслабляем, чтобы сделать ее нашей рабыней. Мы ревниво относимся к ее возможностям и уничтожаем ее самые прекрасные дарования, не позволяя ей упражнять их. Ей закрыт доступ к науке, к искусству, ко всему серьезному, ко всему, что связано с размышлением. Все сводится к фривольности, к пустякам. Все сводится к легкомысленному образу жизни или к прискорбному убожеству — а между тем женщина часто поднимается, благодаря своим талантам, своему мужеству, своим добродетелям и своему уму, над этой атмосферой угнетения, в которой мы стараемся ее удержать. Я очень сожалею, что г-н Таранже так легкомысленно отозвался о назначении женщины, и позволю себе сказать, он меня возмутил своим заявлением, что прямым следствием ее физической организации является «темперамент», из которого, по его мнению, проистекают «слабость и непостоянство», две основы, формирующие моральные качества и качества ума, которые определяются тем же источником.

Все объяснять темпераментом, все сводить к темпераменту,

это можно понять со стороны врача, но я позволю себе заметить, этого никак не ждешь ни от философа, ни от естествоиспытателя. Заключать о том, каков ум женщин, по их темпераменту, это значит придавать темпераменту такое значение, какого он не имеет или, вернее, не имел бы, если бы все не было устроено так, чтобы усыпить у них все, что не является темпераментом. Я не понимаю, на каких наблюдениях основывается г-н доктор Таранже, объясняя возникновение таких чувств, как любовь, дружба, жалость, наступлением половой зрелости. Что же, неужели до этого девушка не любила ни одной из своих подруг? Она не испытывала никаких чувств ни к своему отцу, ни к матери, ни к сестрам, ни к братьям, ни к друзьям тех или других? До тех пор она никогда не сочувствовала ничьим страданиям? Любовь и жалость — чувства, не ожидающие для своего проявления той великой революции, которой является половая зрелость: мы рождаемся с любовью почти ко всему живому. Дети любят друг друга. Как бы малы они ни были, они отдают кому-то предпочтение, будь то ребенок или взрослый. Исключением явилась бы юная девушка, которая не была бы взволнована при виде слез другого человека или слыша стенания скорби. Дружба и жалость свойственны всем возрастам; но в юном возрасте дружба — это некая общая доброжелательность, маленькие девочка и мальчик склонны любить всех, кто их окружает: маленькая маркиза любит маленькую крестьянку или маленького крестьянина. Она любит дочку или сына своего садовника. Она любит своих молочных брата и сестру. Человеческому сердцу присуще чувство братства; для того, чтобы оно исчезло, воспитание должно задушить его. Вначале мы чувствуем, что мы все братья. Но вскоре, во имя двух неравенств, которых природа не создавала и которые она не признает, сословности и богатства, дворянам внушают жестокость и высокомерие, а богатым вдалбливают в голову азбуку самой низменной корысти и расчетливости. А тем, кто не дворяне и не богачи, навязывают чувства уважения и покорности; этим последним оставляют их шкуры ягнят, а на других набрасывают волчьи шкуры. Все лишаются медовой сладости братства. Большинству говорят угрожающе: будь Авелем, оставайся покорным и добродушным, пресмыкайся, льсти, поклоняйся, вот твой удел. Меньшинству, состоящему из дворян и богатых, говорят: будь Каином, угнетай, мори голодом, убивай, души́. Кончено с братством; в едином роде человеческом возникают два инстинкта, которые становятся неизбежно враждебными друг другу. Кончено с дружбой между неравными, она не может сохраниться, так как главной целью последних предписаний системы воспитания является подчинение самого принципа воспитания удовлетворению тщеславия. Маленькая маркиза, став великосветской дамой, забывает крестьянку, свою бывшую подругу, она отталкивает ногой своих молочных сестру или брата, она не осмелится не покраснеть от фамильярности, которая некогда была ей столь мила. Кончено также с дружбой между неравными или счи-

тающимися неравными по мнению света: отныне дружба есть лишь дело расчета или условности и корысти. Это последний и весьма жалкий обломок, оставшийся от братства. Дружба и жалость являются прирожденными склонностями, более отчетливо заметными в детстве, чем в каком-либо другом возрасте. Если б не противоестественное воспитание, эти склонности превратились бы в чувство братства. Их появление у обоих полов предшествует половой зрелости, они тем сильнее, чем человек моложе, они не имеют никакого отношения к половой зрелости. Половая зрелость предшествует лишь любви, этой повелительной страсти, которая для многих лишь тогда перестанет быть несчастием, когда она станет основой и законом брака! Не жестокое ли это страдание для лиц обоего пола быть вынужденными, как это столь часто бывает, насиловать свои самые горячие влечения из уважения к неравенству общественного положения, подрывающему добрые нравы и всякое личное счастье? Когда на смену несправедливо осужденной любви приходит покорность судьбе, лишь одно материнство может смягчить отвращение и даже иногда помочь забыть его; в этом случае женщина, ставшая матерью, достигает вершин достоинства и самопожертвования, ибо выполнение обязанностей, связанных с ее новым состоянием, изменяет ее настолько, что она начинает любить супруга, который раньше внушал ей отвращение. Краткое изложение не все раскрывает, но, не зная подробностей, которые в нем, вероятно, опущены, я очень склонен, я сказал бы даже, что чувствую себя вправе заподозрить, что г-н доктор Таранже подошел к своему предмету со слишком узкой точки зрения, и я считаю, что любая «естественная и философская история женщины» должна вести к неоспоримому выводу, что в любви и преданности женщина по меньшей мере стоит мужчины и что, без всякого сомнения, она не уступила бы ему и в науке и в искусствах, если бы получила воспитание, соответствующее ее способностям. Как правило, чувства у женщины более совершенны, чем у мужчины. Она обладает большей проницательностью, большим тактом, большей деликатностью, большей наблюдательностью, большим самообладанием. Она физически менее сильна, чем мужчина, но какое значение имеет для нее сила? С тех пор как изобрели порох для пушек и огнестрельное оружие, сила даже у мужчины потеряла значительную часть своей ценности. Превосходство колоссов уничтожено. В мире становится уже одним неравенством меньше, так будет при каждом продвижении человечества вперед, до тех пор пока не исчезнет всякое неравенство. Я считаю, что прогресс сводится к уравнению. Если изучить корни генеалогического древа наших знатных родов, мы найдем там обычно в качестве родоначальника воина, единственная заслуга которого заключалась в огромном превосходстве его физической силы: такова была первопричина его дворянства. Но его потомки не сохранили этого наследства, и то превосходство, в силу которого мы их называем благородными, не существует

более. Различие стало чисто фиктивным. Это одно из тех губительных для братства различий, в которые еще продолжает верить простой народ, но которое не может уже устоять ни перед рассуждениями философа, ни перед исследованиями естествоиспытателя. Мнимое превосходство мужчины над женщиной и присвоенная им деспотическая власть над нею имеют такое же происхождение, как и господство дворянства; в обоих случаях налицо узурпация прав и освящение предрассудка, приведшего наших предков к подлинному культу физической силы. Свергнем же этот оскверняющий культ, тем более скверный, что он осуществляется в ущерб справедливости, уничтожим его самые последние остатки, восстановим женщину в ее правах и вернем ей свободу, принадлежащую ей так же, как и нам, признаем, что, если в отношении физической силы она одарена меньше нас, зато она обладает качествами, которых мы лишены и которые стали бы в тысячу раз более заметны, если бы вместо того, чтобы их подавлять или искажать неправильным руководством, сумели бы или захотели бы развить их в верном направлении. Не будем требовать от женщины той силы, которой мы так хвастаем и так злоупотребляем. На что ей эта сила, столь редко сочетающаяся с большим умом и почти всегда несовместимая с грацией? Разве она предназначена для страшных трудов войны, для грубых полевых работ, для изнурительной работы грузчика? И прежде всего, если это не будет переоценкой движения вперед человеческого разума, внушающего мне, между прочим, что Вы прочтете без раздражения все те вольности, которые я позволяю себе писать Вам, разве нет оснований предсказать, что в более или менее близком будущем война, это глупейшее из всех бедствий, ибо она — дело наших рук, исчезнет безвозвратно? Наконец, когда следишь за развитием наук, разве не чувствуешь приближения эпохи, когда изобретение новых машин сделает излишним применение большой мускульной силы?

Задумав написать «Естественную историю женщины», г-н доктор Таранже избрал, по моему мнению, неверную исходную точку. Он изучал женщину согбенную, покорную, оглупленную, порабощенную, всецело измененную почти с колыбели, с целью дать восторжествовать закону нашего жалкого превосходства. Он изучал женщину до такой степени подчиненную, что она уже не смеет и не может вновь подняться собственными силами, до такой степени рабыню, что она боялась бы даже подвергнуть сомнению свое более низкое положение, до такой степени несмышленую, вернее было бы сказать ослепленную, что она даже не сознает тех преимуществ, на которые она могла бы сослаться, чтобы занять равное с мужчиною положение. Г-н Таранже имел в виду женщину, еще подавленную традициями физической силы, уважение к которой есть не что иное, как религия варварства,— он не исходил из предположения, что она вольна распоряжаться собой на протяжении всего своего жизненного пути с того дня, когда за-

кон, если она не находится под властью мужа, объявляет ее находящейся в полном разумении. Он не стремился найти различия между присущими каждому полу естественными склонностями путем беспристрастного сравнения между сложением господствующего и угнетенного пола, между органами того и другого. Не входя в детали этих сравнений, можно уже сейчас сказать по результатам проявления этих склонностей, что есть общие склонности, одинаковые склонности, а есть склонности различные. У обеих сторон есть слух, зрение, осязание, вкус, обоняние и органы, посредством которых они действуют. У обеих сторон есть мозг и сердце, ум и склонность, голос, речь и все, что служит для выражения мыслей и чувств. Что более по душе, что больше чарует, голос мужчины или голос женщины, говорит ли она или поет? Несмотря на сильное влечение одного пола к другому, женщины предпочитают красивый женский голос красивому мужскому голосу. Несмотря на влечение одного пола к другому, красота женщины поражает их чаще, чем красота мужчины, и мы в этом с ними вполне согласны — красота голоса, красота внешности, вот два преимущества, которых мы не можем у них оспаривать. Кто мог бы усомниться в том, что они более чувствительны, более сострадательны, более терпеливы, более выносливы, чем мы? Оба пола имеют одинаковое число способностей, и если, рассматриваемые отдельно, эти способности не всегда равны, то в целом они уравновешиваются. Нет такой способности у мужчины, которую мы не нашли бы и у женщины, у обоих эти способности применяются к одинаковым предметам, хотя и разным образом. Во всем, что относится к области воображения, во всем, что зависит от чувства и от совершенства внешних ощущений, способности мужчины и женщины стремятся усилиться, резко выявиться, приобрести различные оттенки соответственно полу, если только они не были отклонены с естественного пути, если только они не были искажены воспитанием. Таковы мужские способности и женские способности, каждую из которых следует развивать, культивировать, упражнять и раскрывать соответственно полу. В этом смысле женские способности бесспорно равны мужским, одни не ниже других, но если только их смешивают, становится невозможным с уверенностью сказать, каково назначение женщины, поскольку определить его можно, только зная, какой цели служит каждая из ее способностей. Насколько мне известно, никогда еще не было никакой системы воспитания женщины. Повсюду одинаково обращались с мужскими и женскими способностями и одинаково направляли их, безосновательно отдавая всяческое предпочтение физической силе, а потому предполагая, что женские способности попросту меньше мужских. Вследствие этого заблуждения физически слабый пол был оставлен на произвол физически сильного пола. Воспитание женщины, которое следовало обдумать в соответствии с ее способностями, в действительности было лишь урезанным наброском воспитания мужчины

или же уменьшенной копией этого воспитания. Обо всем ей давали лишь самые краткие и общие понятия, лишая ее полных сведений; ей сообщали лишь самые поверхностные знания. Вот почему и в искусствах и в литературе те немногочисленные женщины, для которых в виде исключения сделали больше, но не лучше, стараются создавать мужские произведения, в которых они неизбежно оказываются столь же неуклюжими, как мужчина, который старался бы стать изнеженным, чтобы создавать женские произведения. Женщина не стала бы искать убежища в таких жалких подражаниях, если бы не убили ее гения. В этом случае существовала бы женская литература, женская поэзия, женская музыка, живопись, скульптура. Рядом и наравне с гением мужчины вырос бы гений женщины со своим собственным характером, и оба пола могли бы взаимно очаровывать друг друга и восхищаться друг другом. Сколько счастья и наслаждений могли бы мы испытать благодаря этому!

Наука едина, она является наукой или не является ею. Она не может иметь пола, она, следовательно, относится к области общих склонностей, совершенно тождественных у мужчины и у женщины. Эти склонности не являются ни мужскими, ни женскими. Женщины не могут быть учеными иначе, чем мужчины. Если среди них меньше ученых, то это потому, что из них очень немногие имели возможность учиться. Им отмеривают образование с крайней скупостью, коллежи для них закрыты, профессора гнушались бы посвятить себя преподаванию им. Поборники физической силы боятся их проницательности, они обрекают их на невежество, чтобы всегда иметь предлог для господства над ними. Но вопреки этому старинному заговору одной половины рода человеческого, имеющему целью удержание другой его половины под ярмом, время от времени разительные примеры доказывают, что, приобщившись к какой-либо отрасли науки, женщины достигают таких же успехов, как и мы. Если говорить о языках, то они овладевают ими быстрее, чем мы. Г-жа Ле Массон де Гольфт [32] и мадемуазель де Мериан являются живыми свидетельствами высоких способностей женщин к математике, физике, химии и ко всем отраслям естественной истории. Они могли бы занять самые выдающиеся места среди знаменитостей всех королевских академий наук. Разве в тех случаях, когда женщины держали в своих руках скипетр, они показали себя в политике менее способными, чем короли или наиболее прославленные министры? Примером является Елизавета Английская и многие другие. Если они разбираются в политике, то тем более они поняли бы историю. Не видим ли мы каждый день женщин, успешно ведущих переговоры, в которых мужчины, самые изворотливые мужчины, потерпели бы неудачу? Женщины преуспевали бы в дипломатии. Многие торговые заведения процветали под руководством женщин, немало мужей восстановили свое состояние или свои запущенные дела лишь после того, как они доверили управление ими своей супруге,

более умной и энергичной, чем они сами. Если в хорошо управляемой семье, где царит полное согласие, брюки, по поговорке, носит хозяйка, то какой из этого следует вывод? Тот, что у женщины лучше голова, т. е. у нее больше ума, характера, порядка и бережливости, чем у мужа. Семейные хозяйства, управляемые таким образом, не являются редкостью. Сколько женщин являются оракулами для своих мужей, которые ничего не сделают, не примут никакого сколько-нибудь важного решения, не посоветовавшись с ними! Сколько есть женщин, которые, если б им не был закрыт доступ в адвокатуру, были бы более красноречивы и, главное, более патетичны в защите невинности или несчастья, чем большинство самых прославленных собратьев г-на Жербье [33]. Заботы доброй сиделки или любой другой преданной и бдительной женщины спасли больше больных, чем предписания наших гиппократов. Женщины, девушки, супруги, матери, подруги обладают в высокой степени лекарским инстинктом, вдобавок усиленным их заботливостью: они за всем следят, все замечают, ничто от них не ускользает; малейшее изменение выражения лица, деятельности тела, температуры кожи говорит им о многом. Нежное внимание и проницательность — вот чем они обладают у изголовья больного. Следовательно, они были бы ценными врачами. Их терпение превосходит наше: то же относится к их осторожности, предусмотрительности, кротости. Они также более ловки. И если бы для облегчения страданий и для излечения хирург не был вынужден проливать кровь или резать по живому телу, если б ему не нужна была сила, которой недостает женщинам, они были бы непревзойденными в трудном искусстве операций, настолько они проворно действовали бы, чтобы сократить страдания пациента.

При разделении профессий мужчина, ссылаясь на свою физическую силу, на серьезность своего ума и на некоторые условности, основанные на предрассудке, завладел всеми теми функциями, которые ему приятно выполнять. Он запретил исполнение этих функций женщине, объявив ее не способной на это, чтобы тем надежнее держать ее в зависимости от себя. Но чем глубже мы проникнем в естественную историю женщины, тем более мы будем удивлены при виде того, как ее права, столь отчетливо записанные, столь сильно запечатленные в ее богатой организации, могли быть отрицаемы или, хотя бы на мгновение, поставлены под сомнение. Как бы там ни было, эти права не погибли, женщина могла допустить, чтоб они были забыты во время длительного царства физической силы, но они вновь оживут, и мы сами будем весьма рады оживить их и обеспечить их победу, когда наконец торжество подлинной правды вызовет у нас краску стыда за самую гнусную, самую подлую из несправедливостей. Из добросовестного и просвещенного изучения женщины должно выявиться, что эта половина рода человеческого по своему назначению равна другой половине: в общественном механизме значе-

ние одного пола не меньше значения другого. Допустить неравенство значит согласиться на извращение человеческого рода. Всякое отклонение от единого уровня в условиях человеческого существования является потрясением или следствием потрясения; всякое возвращение к этому уровню есть возвращение к естественному порядку. Подлинная цивилизация, а это название следует давать только той, которая не находится в противоречии с законом нашей природы, но вытекает из него, подлинная цивилизация, говорю я, не допускает этого постоянного движения то вперед, то назад, этого нескончаемого прилива и отлива, где в непрерывном волнении этот уровень то ищет себя, то бежит от себя. Подлинная цивилизация принимает и величественно закрепляет для себя некий уровень, который означает конец всех бед, всех стенаний, всех рыданий, всякого зубовного скрежета. Лишь когда все спокойны за свою судьбу, тогда только достигается цель человеческого общества, ибо, если только оно не является сообществом, враждебным принципам справедливости, оно должно быть установлено с единственной целью, чтобы слабый не был более несчастен, чем сильный, жена не была более несчастной, чем муж, мать — несчастливее, чем отец, чтобы дети не были несчастнее отца и матери, сестры — братьев, младшие — старших. Счастье отдельных личностей, семей, народов, полов может быть лишь следствием уравнения: уравнение способствует совершенству и уничтожает лишь то, что разрушительно. Раньше или позже оно уничтожит порабощение женщины; оно провозгласит ее освобождение. Каковы будут последствия этого освобождения, какие новые законы могут понадобиться, чтобы эти последствия были только благодетельными? Это вопросы, на которые я не могу ответить, но о них когда-нибудь придется подумать.

Я написал почти целую книгу, говоря Вам о книге г-на Таранже, которую я знаю лишь по сделанному Вами краткому изложению. Я позволил себе большую смелость. Если Вы меня за это порицаете, я это приму к сведению и хочу думать, что Вы не рассердитесь на меня, если, в ответ на ожидаемые мной от Вас упреки, я Вам объявлю мое самое искреннее намерение не утомлять Вас впредь моими критическими замечаниями, сделанными на ощупь, и моими бесконечными признаниями. Я буду более краток в том, что мне еще остается сказать.

В наше время перед академиками стоит великая и прекрасная задача, которую они достойно выполняют: они призваны распространять просвещение среди своих современников и направлять нынешнее поколение к блистательному будущему. Они должны осудить прошлое и исправлять настоящее, когда прошлое заслуживает осуждения, когда настоящее имеет пороки. Они должны открывать новые пути, и, если они не могут устранить злоупотребления, они должны все же приложить усилия к тому, чтобы они стали не столь возмутительными. Запретить безбрачие духовным лицам так же, как и мирянам, не допустить того, чтобы

отцовская или материнская власть препятствовала бракам по любви, содействовать в известных границах и при известных условиях розыску отцовства — все это позволило бы достигнуть уменьшения числа незаконнорожденных. Ваш канцлер, г-н де Робеспьер [34], понял, что было бы слишком трудно уже сейчас поразить зло в самом его истоке. Он, как и мы, знает, что незаконнорожденные — чаще всего дети бедных девушек и молодых людей из богатых семейств, которых родители лишили бы наследства, если бы они имели несчастье вступить в неравный брак, чтобы не совершить подлости, не запятнать себя преступлением. Он, как и мы, знает, что монастыри — большие фабрики незаконнорожденных и что у обоих полов обет безбрачия не является обетом целомудрия. Он с горечью взирает на то, как люди, созданные, чтобы следовать законам природы, и в конце концов побежденные этими законами. которым они поклялись сопротивляться до самой смерти, оказываются бессильными исправить свою ошибку и вынуждены отречься от собственной плоти и крови. Г-н де Робеспьер, убежденный в том, что бесполезно выступать в роли философа-реформатора, ограничился некоторыми замечаниями о той части законодательства, которая регулирует права и положение незаконнорожденных. Большего он и не мог сделать, не вызвав вражды тех, кто извлекает для себя пользу из всех предрассудков. Его речь — произведение ученого-правоведа, обладающего душой и логикой.

Г-н де Робеспьер, несомненно, считается одним из светил вашей адвокатуры. Я знаю, что это человек безусловной честности и редкого бескорыстия [35]. Я слышал самые большие похвалы его заслугам от г-на маркиза де Крени, г-на аббата де Сент-Андре и г-на адвоката Демазьера. «Никто из наших коллег,— говорил этот последний,— не мог бы с большим основанием называться защитником вдов и сирот. Ибо г-н де Робеспьер не стремится к обогащению; он есть и всегда будет только адвокатом бедных» [36].

Мне доставила самое большое удовольствие речь, которую г-н аббат Сулави [37] послал вашему славному обществу, чтобы поблагодарить за принятие в число его почетных членов. Г-н аббат Сулави — один из тех страстно влюбленных в природу людей, кто находит счастье в ее непрестанном изучении и проникновении в глубины ее тайн. Я слышал много похвал его талантам и обширности его знаний, но я еще не читал ни одного его сочинения, они, наверное, слишком ученые, чтобы быть доступны мне. Я всецело одобряю то, что он говорит о создании академий в нашем веке: надо создавать возможно больше этих очагов просвещения, ибо в нации, которая просвещается, так же как и в отдельном гражданине, который учится, ширится и растет человеческий разум. Я, при всех моих слабых познаниях, все же обладал от природы кое-какими способностями, но им было очень трудно проявиться, ибо я был совершенно необразован; и вполне

возможно, что среди множества несчастных бедняков, не умеющих ни читать, ни писать, есть люди, обладающие значительно бо́льшими способностями. При содействии академий и существующих между ними отношениях незаметно и повсюду рассеется та тьма, в которой каждый несчастный или обойденный судьбой человек может продвигаться лишь ощупью или, в лучшем случае, доверившись какому-либо лучу света, слишком слабому или слишком ненадежному, чтобы, руководясь им, не заблудиться. Сейчас солнце светит не для всех: так мало прозорливых людей, и на несколько кривых, гордящихся своим глазом, приходятся целые народы слепых. Вокруг каждой академии даже самые густые потемки уступят место свету и постепенно исчезнут полностью. Тогда весь мир будет просвещен. Это революция, которую следует предвидеть; она неизбежно вызовет взрыв гнева у тех, кто издавна обладал знаниями, они будут раздражены тем, что они уже не единственные. Их преимущество незаметно ускользнет от них, а вслед за тем и все другие преимущества, ибо с того момента, как просвещение охватит все умы и достигнет должного уровня, равенство станет всеобщим. Тогда и только тогда, действительно, солнце будет сиять для всех, и все ранее зарытые сокровища засверкают на поверхности.

«Опыт исследования естественного и политического права», представление которого послужило для г-на Лангле[38] способом отблагодарить за принятие его в академическую корпорацию Арраса, отнюдь не привел меня в восторг. Вы скажете, милостивый государь, что я слишком требователен. Но г-н Лангле — адвокат и, к сожалению, гораздо более адвокат, чем г-н де Робеспьер, тогда как следовало бы быть им гораздо менее. Господа адвокаты обычно большие формалисты и слишком преклоняются перед авторитетом юридических текстов, чтобы, как положено, предоставить здравому смыслу просто и быстро сделать свое дело. Вы согласитесь со мной, милостивый государь, что г-н Лангле странным образом сам себе затрудняет задачу, когда исходит из чистых предположений, чтобы обнаружить принципы естественного и политического права. Сначала он набрасывает картину человеческого рода, начиная с первой семьи и до рассеяния первого народа. Он показывает большие общества, то сплоченные, то разделенные в зависимости от их меняющихся интересов, и из этих движений, из этих колебаний, из разнообразия завязывающихся и развязывающихся в это время отношений он последовательно выводит права и обязанности человека, принимая во внимание влияние места, времени и различных переворотов.

Г-на Лангле нельзя упрекнуть в отсутствии метода. Будучи искусным писателем, он собирает и располагает те факты, которые послужат материалом для его выводов. Но какова их ценность? Что мы знаем о первой семье? Что мы знаем о первом народе и о его рассеянии? Знаем ли мы действительно что-нибудь о превратностях этих великих обществ, то сплоченных, то

разделенных в зависимости от их меняющихся интересов, и если бы даже история — чего на самом деле нет и не может быть — давала нам верное представление о них, разве по их закопам и образу жизни следовало бы судить о естественном и политическом праве? Углубляясь в прошлое человечества, на каждой ступени вы найдете одним заблуждением больше, и, наоборот, двигаясь в обратном направлении, вы на каждой ступени находите одним заблуждением меньше. К чему эти бесконечные экскурсии в необозримую тьму веков, когда речь идет о естественном и политическом праве? Истина не может быть выявлена путем сравнения хорошо известных фактов прошлого и тем более путем сравнения плохо известных или даже выдуманных фактов. Обращаясь назад, в прошлое, мы находим либо варварство, либо цивилизацию с примесью варварства.

Зачем же искать так далеко то, что так близко от нас? Зачем плутать в туманном хаосе злоупотреблений силой, традиций насилия, творений лжи? Разве нет у нас желудка, сердца, мозга, органов воспроизводства, которые все учат нас истине? Разве не испытываем мы самые болезненные ощущения при слишком большом холоде, чрезмерной жаре и при всякой непогоде в любое время года? Разве люди во всех концах Земли не умирают от лишений и усталости? И какое значение для познания естественного права или даже политического права имеют законы и обычаи тех или иных народов, будь то древних или современных? Их история не может ничему нас научить относительно проблемы, которая была бы отлично понята всеми поколениями, если бы люди, которые хотят блеснуть эрудицией или превосходством своего ума, не нагромоздили множество совершенно бесполезных свидетельств и своими туманными философскими рассуждениями не затемнили бы вопрос, яснее которого нет и не было ничего на земле. Естественное право человека! Да это тысячу и тысячу раз ясно; это совершенно очевидно. Здесь нет надобности в доказательствах и рассуждениях. Кто их требовал — эти доказательства и рассуждения? Ненасытный и убийственный эгоизм, который в своем возмущении против презираемых им требований справедливости цепляется за любой предлог, чтобы оправдать свою порочность. Дать себя завлечь на этот путь значит облегчить его нечестную игру. Очевидность неоспорима и не нуждается в доказательствах. Ее чувствуют, ее слышат, ее осязают. Это опыт цельный и неизменный. Наше естественное право совершенно очевидно. Оно постоянно записано в нашей физической природе. Мы почувствовали его в тот самый момент, когда были призваны к жизни. О нем свидетельствуют все потребности нашего тела, которые должны быть полностью удовлетворены для того, чтобы оно достигло своего развития и никогда не страдало от нехватки того, что ему необходимо. Нет человека, который не обладал бы сознанием своего естественного права и который не знал бы, что, если он хочет его осуществить, он не должен пребывать в без-

действии, ибо то, что ему следует по праву, находится вне его. Покой, если он порожден беспечностью или ленью, его первый и смертельный враг. Лесные плоды не придут к нему сами, хищные звери не принесут ему ни своих шкур, чтоб он в них оделся, ни своего мяса, чтоб он им питался, птицы не откажутся от своих крыльев, чтобы доставить ему удовольствие, рыбы не покинут своих глубоких обиталищ ради его прекрасных глаз. Львы, тигры, волки, крокодилы и змеи не выкуют ему оружия, чтоб он мог защищаться от их нападений, они не соорудят ему прочного убежища, где бы он мог укрыться и от их свирепости и от суровой зимы. Следовательно, закон или обязанность трудиться связаны с естественным правом, которое первоначально могло осуществляться только посредством труда. В то время ни одно человеческое существо, за исключением детей, калек или старцев, согбенных под бременем лет, не могло ничего добыть без труда и без передвижения. Крики и нечленораздельные звуки, издаваемые новорожденными, являются недвусмысленным выражением их естественного права. Его требуют и осуществляют одинаково все грудные дети, и мы так хорошо понимаем это тождество, что самый тщеславный богач не колеблется дать жене бедняка своего ребенка для кормления грудью. Когда он это делает, он, сам того не ведая, отдает дань уважения первому среди всех законов, великому закону равенства, хотя в дальнейшем он привьет своему ребенку презрение к этому закону, вплоть до его полного забвения.

Естественное право человека осуществляется в пределах потребностей, общих для всех представителей его рода. Поначалу эти потребности, которые воображение еще не умножило до такой степени, как это стало впоследствии, неизбежно должны были быть весьма ограниченными, и, следовательно, для их удовлетворения нужно было только хотеть и действовать соответственно этой воле. С другой стороны, в то время, когда еще не существовало никакого преувеличенного или извращенного эгоизма, у людей не было ни мотивов, ни предлогов для того, чтобы отрицать естественное право своих ближних для того, чтобы завидовать друг другу. Всем хватало с избытком места под солнцем, и сильному еще не пришло в голову морить голодом слабого, жиреть за счет его пота и крови, наконец, превратить его в свою рабочую скотину. Подумаем о том, каково должно было быть поначалу население Земли, которое, несмотря на войны, чуму и голод, непрестанно возрастало в течение долгого ряда веков вплоть до нашего времени. Если смотреть назад, в прошлое, то прогрессия будет столь же заметно убывающей, сколь она возрастает, приближаясь к нам. Следовательно, м и л л и а р д а м, которыми исчисляется современное человечество, соответствуют лишь тысячи: если перенестись мыслью к тому, каковы должны были быть первые члены этой прогрессии в ту эпоху истинной умеренности, ясно, что тогда всего хватало с избытком для всех.

Рождаясь, человек, как я уже сказал, начинает осуществлять свое естественное право. Все дети одинаково чувствуют, что они имеют право жить. Это их естественное право, которому у родителей соответствует обязанность, выполняемая ими с любовью, ибо они счастливы кормить их, одевать, направлять и защищать до тех пор, пока они не будут в состоянии содержать себя собственным трудом. Таким образом, отнюдь не предвидя проявлений благодарности, они поступают так, что, когда они становятся старыми или немощными, их дети чувствуют себя обязанными щедро снабжать их всем, что необходимо для осуществления естественного права родителей.

Право жить — основное из всех прав, на Земле нет ничего более священного, оно незыблемо, покушаться на это право означает совершить величайшее из всех преступлений. Жить не значит страдать и изнемогать, не значит влачить жалкое существование и в сопровождении вечных спутников — нужды и лишений — кое-как брести от колыбели до могилы. Жить значит свободно проходить свой жизненный путь, получая на каждом его этапе то, что более всего соответствует нашему физическому и моральному складу. Естественное право человека есть не что иное, как его право жить, освященное большинством законодательств, которые карают не только детоубийство, но также аборт и даже самоубийство.

Жить, в том смысле, какой следует дать этому слову, есть право более высокое, чем все, что люди правильно или ошибочно окрестили этим именем. Из этого вытекает, что оно должно поддерживаться, сохраняться, его надлежит требовать и отвоевывать всеми возможными средствами, вплоть до хитрости или насилия — в этом случае ничто не может считаться незаконным. Право жить, безусловно, включает право бороться против всего, что так или иначе вредит или препятствует осуществлению этого права; в этом случае нападать значит защищаться.

Любому человеческому существу, достигшему возраста силы и разумения, если оно в добром здравии, природа обычно дает больше сил, чем необходимо для поддержания своего существования. Предусмотрительная природа, заложившая в сердце человека социальный инстинкт, предназначила продукт этого избытка обществу, т. е. той части индивидуальной семьи, которая еще не способна обеспечить удовлетворение своих потребностей,— детям, а также той части как индивидуальной, так и общей семьи, которая временно или окончательно уже не способна,— больным, старикам, увечным. Природа — мать для всех нас, если она нам дала избыток силы, то не для того, чтобы мы им злоупотребляли и выкраивали себе львиную долю: мы все ее дети, и она хочет, чтобы мы обращались друг с другом как братья. Р а с п р е д е л е н и е! Р а с п р е д е л е н и е! На этой столь обширной и столь плодородной земле есть все, что нужно для удовлетворения потребностей каждого. Распределение без исключений, без предпоч-

тений— таково желание и повеление природы. Всякий раз, как ребенок, старец, больной, увечный страдают или умирают вследствие нужды, мрачные последствия этого презрения к их праву на жизнь возлагают страшную ответственность на все общество, но особенно на тех, кто в своей необузданной жадности присвоил себе больше, чем следовало по его естественному праву.

Каждый, кто из любви к праздности, с преступным умыслом эгоиста приравнивает себя к неспособным трудиться, чтобы поглощать предназначенный для них избыток произведенных благ, является паразитом, недостойным никакого сочувствия: ничего не заслуживает тот, кто может и не хочет применить силы и способности, данные ему природой. Такой бездельник отрекся от своего естественного права, и если он не исправится, он будет лишен его. Он сам себе вынес смертный приговор. В любом истинно справедливом и истинно братском обществе такого рода лень была бы чем-то неслыханным, и если б мне позволено было рассмотреть здесь до конца все вопросы, я мог бы без труда доказать, что она будет единственным преступлением, в отношении которого должна быть сохранена смертная казнь; ее исполнение заключалось бы в том, что общество оставило бы такого человека на произвол судьбы.

Право на жизнь, соответствующее всему, чего требует развитие и сохранение человеческого существа, первенствует над правом собственности, правом, вытекающим из договоров или привилегий, которые иногда дают тем, кто ими пользуется, больше того, что им необходимо. Право жить не создает никакого неравенства, это право от рождения — равное для всех. Как право от рождения, оно поистине наследственное, причем для всех без исключения. Можно было бы, пожалуй, сказать, что это единственно законное наследство. Но Вы, милостивый государь, дворянин, Ваши предки оставили Вам довольно хорошее состояние, и с моей стороны было бы не слишком вежливо по отношению к Вам, если бы я не смягчил свою мысль и не ограничился заявлением, что это, бесспорно, самое законное наследство.

В качестве комиссара-февдиста я не могу не знать, как образовалось большинство крупных имений и как они оказались в руках тех, кто ими владеет. Почти все самые старинные титулы — лишь утверждение чудовищных беззаконий и жестоких хищений. Это закон, навязанный крестьянам огнем и мечом; мирные землепашцы, чтобы сохранить свою жизнь, отдавали этим грабителям не только возделанные ими земли, но и самих себя, ибо им некуда было деваться. Эти простые люди стали зависимыми, т. е. стадом, подобно выращиваемому ими скоту, который им уже больше не принадлежал. Если ранее они производили распашку нови в соответствии с размерами своего потребления, то теперь они делали это ради выгоды своих жестоких хозяев, дворян, монахов, аббатов, которые во имя увеличения своих имений изнуряли их работой и заставляли томиться в нужде. Между виселицей и

плетью или палкой, постоянно им угрожавшими, их естественное право было полностью упразднено. Сеньеры и церковь присваивали себе все, что им нравилось, а зависимому, чьим потом было оплодотворено столько ранее невозделанных равнин, оставались лишь глаза, чтобы плакать. Другим источником собственности были конфискации, дары, которыми короли жаловали своих фаворитов, любимчиков и любовниц. Из такого источника, как и из предыдущих, может произойти лишь краденая собственность. Само собой разумеется, что среди всего этого разбоя естественное право, право на жизнь, оказалось непризнанным, было принесено в жертву. Зависимого крестьянина можно было терзать и убивать любыми доступными воображению способами, причинять ему несчастья и страдания, сокращающие дни живого существа. Живя впроголодь, он истощал свои силы на работе, на которой он постоянно переутомлялся, а затем, когда он становился увечным или дряхлым, его неизбежным уделом было просить милостыню на дорогах, пока он не околевал в канаве, где-нибудь в лесу, вдали от родных, лишенных возможности помочь ему, и, главное, вдали от помещичьего замка или от аббатства, дабы избавить своих палачей от зловония и отвратительного вида своего трупа.

Но попробуем отыскать какое-нибудь менее гнусное происхождение собственности.

Прежде чем человек научился возделывать почву и сеять, что давало ему лучший и более надежный способ осуществлять свое право на жизнь, он приручал животных и использовал их молоко и мясо для пропитания, их шкуры и шерсть для защиты от непогоды, их быстроту и силу для дополнения своей силы и своей быстроты. Он был тогда немного пастухом, немного рыбаком, немного охотником, ибо повсюду были пастбища, реки, леса. Стада были, если хотите, собственностью, но собственностью подвижной и смертной. Постоянно передвигаясь, они съедали все кормовые травы то одной области, то другой, меняя свое местопребывание с каждой переменой времени года. Но их хозяева, хотя и брали у земли какой-то урожай, не привязывались к ней и каждый год выбирали другое место. Такое отсутствие оседлости можно представить себе лишь при прекрасном климате, когда человеку приятно, кочуя, наслаждаться своим правом на жизнь. Происхождение собственности такой, какой мы ее знаем, надо искать не здесь. Поищем в другом месте.

Всюду, где человек должен был бороться со слишком суровым климатом, он опасался пагубного перерыва в поступлении средств существования. Ему приходилось делать запасы как для себя, так и для своего скота. Ему приходилось заботиться об укрытии для него и для себя самого. Он мог обеспечить свое право на жизнь, только приобретя оседлость. Он это понял. Представление о необходимости осесть на одном месте было в то время спасительным и неизбежным. Таким образом, чтобы не терпеть ущерба в осуществлении своего естественного права, он остановился и сказал

себе: «Вот — подходящее место, оно не возделано, но выглядит хорошо. Здесь будет мое жилище, вокруг него — земля, которую я возделаю своими руками, поблизости — источник, из которого я буду утолять жажду, вот — луг, где будет пастись мой скот, дальше — лес, который снабдит меня дровами и где я буду охотиться, река, где я буду ловить рыбу». Так, несомненно, родилась недвижимая собственность, дочь предусмотрительности и труда. Все, что занявший место первым оросил своим потом, все, что трудом и сметкой он приспособил для производства, приобретено законно не только им, но и его детьми, которые были его помощниками и будут его продолжателями, ибо в этом случае право наследования и право на жизнь совпадают. Такая семья должна вечно пользоваться своим жилищем и своими пашнями в пределах, предписанных мудрой предусмотрительностью, но никогда не расширяя своих владений в угоду чрезмерным притязаниям ненасытной жадности. Земли, по соседству с уже занятыми, могут быть заняты на таких же условиях и останутся в распоряжении любого, кто придет. Но лес, с его деревьями и дичью, река и живущая в ней рыба, источник, дающий в изобилии пригодную для питья воду, всегда будут принадлежать всем. И это понятно, ибо никто не сажал лес и не населял его дичью, никто не сделал реку и не населил ее рыбой, никто, наконец, не провел источника.

Собственность, в той степени, в какой она является просто способом осуществления права на жизнь, одним из выражений того, что есть наиболее основного, наиболее существенного в естественном праве, заслуживает не меньше уважения, чем само это право, ибо в этом случае она является лишь одним из элементов труда, способность к которому дана была человеку как единственный способ воспрепятствовать тому, чтоб это право стало иллюзорным. Но есть и чрезмерная собственность, которая распространяется за пределы подлинного права. Аппетит к собственности есть что-то всепоглощающее, это страсть не менее жгучая и не менее отвратительная, чем жажда золота. Достаточно пробудиться этому аппетиту, как он возбуждается и возрастает от всего, что человек себе присваивает: под его влиянием собственность становится похожей на масляное пятно, она захватывает все больше и больше и стремится постоянно расширяться, так что нет возможности сказать, где она остановится, или указать какую-нибудь уважительную причину этого движения. Чем больше имеет зараженный этой манией собственник, тем больше он хочет иметь. «У него глаза больше, чем живот» — гласит пословица. Он жаждет все огородить, все захватить, все притянуть к себе — равнину, косогор, холм, все, что охватывает его взор. Все это он хотел бы для себя, для себя одного; красивые виды, перспективы, водные пути, горизонты — все должно быть в его власти, он бы рад завладеть земным шаром. Отсюда эти бесконечные парки, эти огромные охотничьи угодья, эти сады, из которых наименьшего хватило бы для прокормления двадцати се-

мейств, эти столь длинные и широкие аллеи, наконец, все эти земли, которые примыкают к замкам, аббатствам, монастырям и которые именно по этой причине не могут быть разумно использованы.

По своему происхождению собственность бывает двоякого рода. Собственность первого рода, скромная, созданная руками и умением человека, который поселился в определенном месте лишь из предусмотрительности и для того, чтобы получить от земли постоянную возможность осуществлять свое право на жизнь. Собственность второго рода честолюбива, она — невоздержная дочь безграничного вожделения, чаще всего обреченная на бесплодие и все более и более претендующая на исключительные права: такая собственность на землю могла быть создана только эгоистом, желавшим получить много больше, чем ему следовало по его естественному праву, и лишь в такую эпоху, когда места под солнцем было так много, что подобное поведение не могло вызвать беспокойства. Кто знает? Быть может, этот жадный человек вызывал жалость, как безумец? В полноводной реке каждый может черпать сколько угодно, это никого не лишает воды, и потому никому нет до этого дела. Но если вместо реки есть только тоненькая струйка воды, а потребителей много, то, чтобы каждый получал воду, а это право каждого, придется произвести распределение, ибо если один получит больше своей доли, все другие от этого пострадают.

Введенная без сопротивления, когда свободного места было сколько угодно, собственность могла сохраниться позднее и добиться, чтобы ее уважали, только при условии, что она не нанесет ущерба естественному праву кого бы то ни было, что она никогда не будет поставлена выше этого естественного права, наконец, что она никогда не будет подрывать его основы. Если не осталось больше ни одной пяди земли, которую можно занять, если собственность все захватила, тогда очевидно, что она не только затронула право на жизнь всякого, у кого нет ни одного клочка земли, но что она полностью поглотила это право. Следовательно, она и должна ему обеспечить его право на жизнь.

Если вы владеете полем или земельным участком, который вы обрабатываете, доход от которого не превышает необходимого для удовлетворения ваших потребностей, в объеме, отвечающем вашему праву на жизнь, то вы не в долгу перед тем, кто не владеет ни одной пядью земли. Но если вы имеете больше, гораздо больше вашей доли, вы обязаны обеспечить право на жизнь одному или нескольким людям за все то, чем вы владеете сверх своей доли. Каким образом вы расплатитесь? Уступите ли вы свой избыток, предвосхищая нечто вроде аграрного закона? Нет, вы сохраните то, что имеете, вы останетесь владельцем прекрасных поместий, которые льстят вашему самолюбию, а на каждое право на жизнь, которое вы насчитаете, учитывая то, что вы можете себе оставить, вы примете одного землепашца с его плугом; по

это уже не будет человек, работающий за двоих и получающий из убийственно скупых рук недостаточную, грубую, нездоровую пищу, это уже не будет человек, перебивающийся с трудом, еле одетый, почти бездомный, почти без помощи в случае болезни, это уже не будет человек, жизнь которого ради вашей выгоды сокращают тысяча пагубных причин. Нет, это будет человек, который благодаря своим рукам и своему уму получит, без ущерба для вас, все, что он должен получить, т. е. полное осуществление своего естественного права на жизнь, но уже не урезанного, а полного. Само собой разумеется, что оценка права на жизнь и установление справедливого эталона его является делом общества, которое исходит из совокупности как общих, так и местных ресурсов. Право на жизнь образуется из всего необходимого для того, чтобы человеческий организм постоянно имел то, что ему требуется, оно исчисляется подушно, но с учетом возраста. Каждый взрослый, независимо от пола, считается за одну душу. Ребенок до 7 лет — за $^1/_4$ души; до 10 лет — за $^1/_3$ души; до 14 лет — за $^2/_3$; до 18 лет — за $^3/_4$. В остальном это можно регулировать, как в коллективных фермах. Сперва оставляется все, что необходимо для посевов и для потребления; откладывается то, что следует отдать владельцу, и делаются вычеты на уплату общественных налогов; затем производятся продажа или обмен излишков и распределение между всеми заинтересованными лицами. Управление поручается по их выбору наиболее способному, так же поступают и с другими обязанностями. Никто не является ничьим слугой, есть только члены сообщества. Таковым является и собственник. Он входит в сообщество в силу того, что вложил в него свою землю, а также те деньги, которые он счел нужным употребить на улучшение условий обработки земли и повышение ее доходности. Его часть доходов будет состоять из всего того, что произведет земля, которую он, на законном основании и не угнетая работников, сможет прибавить к участкам, обеспечивающим им право на существование.

И, не сомневайтесь, его доля будет совсем не плоха, ибо на полях, которые он передаст членам сообщества, всегда будут обильные урожаи. Ему придется иметь дело не с тщедушными, хворыми, истощенными, отупевшими, унылыми существами, а с людьми сильными, ловкими, энергичными, веселыми, неутомимыми, смышлеными и исполненными духа соревнования. У них все будет процветать, и если бы даже население увеличилось в два или в три раза, на что потребуются века, при таких условиях полностью хватило бы средств существования для всех.

Пока земля была свободна и ее мог занять любой, каждый свободно выбирал кочевую или оседлую жизнь, каждый был волен посвятить себя исключительно охоте, рыболовству, собиранию плодов или вести образ жизни дикаря. Если человеком овладевал дух оседлости, он становился создателем собственности для

себя и для своих родных, продолжая охотиться и ловить рыбу, строя свое жилище, изготовляя орудия для обработки земли, ловушки и снаряжение для охоты и рыбной ловли, мастеря себе одежду и обувь. Но вследствие различия вкусов и склонностей, а также в результате множества столь различных занятий, земледелие неизбежно должно было страдать. Одни лучше разбирались в земледелии, других больше привлекала охота или рыболовство. Одни были более способными строителями, то ли как каменщики, то ли как плотники или столяры, другие отличались в тележном деле или в изготовлении инструментов, у других замечалась способность к гончарному производству, некоторые выделялись изготовлением одежды. То, что делаешь постоянно, делаешь быстро и хорошо; то же бывает, когда делаешь что-то с любовью. Некоторые показали себя очень сведущими и страстно увлеченными одним или другим делом. Как только это было замечено, люди не замедлили убедиться, что, если каждый будет работать в соответствии со своими способностями и склонностями, это сбережет время и труд. Так появились различные профессии, так промыслы и торговля, все искусства и все ремесла братски заняли место рядом с сельским хозяйством, т. е. с созданием земельных владений. Это были рои, вылетевшие из одного улья. Тогда был заключен как бы молчаливый договор, осуществление которого было гарантировано человеческой совестью и общими нуждами. Каждый человек, не бывший создателем земельных владений, имел за свой труд право на все то, что ему дала бы земля, если б он обратился непосредственно к ней за осуществлением своего права на жизнь.

Сначала это право на жизнь осуществлялось с помощью обмена, затем посредством денег, и вскоре появилось несколько видов собственности: люди становились богатыми благодаря фабрике, мануфактуре или любому промыслу. Становились богатыми, имея лишь золото, серебро, алмазы или даже бумаги, представлявшие все то, чем можно было владеть. Когда эти денежные знаки были приняты, началась торговля земельными владениями. Первоначальные обладатели этого вида собственности начали превращать в земельных собственников тех, кто сами неспособны были ее создать и еще менее способны были обрабатывать землю своим трудом. Появились покупатели земельных владений; города стали покупать деревни; приобретали большие площади и часто оставляли их невозделанными; они предназначались лишь для развлечения. Это и было началом крупного землевладения, частью приобретенного, частью захваченного путем вымогательства, но всегда и повсюду всепоглощающего и деспотического, похищающего у земледелия огромные пространства для удовлетворения своих капризов, скапливающего в своих парках бесчисленное множество дичи, вечно голодной и готовой опустошать поля соседей, которые и поныне не могут защищаться от этих нападений, не подвергаясь осуждению на галеры, побоям или

смерти от руки приспешников безжалостного властителя или от руки самого этого властителя.

Все излишества, все злоупотребления собственностью, все обвинения, которые можно ей предъявить, восходят ко времени образования крупных владений. Крупная собственность создает угнетателей и угнетенных, бездельников, надувшихся от чванства, ослабленных изнеженностью, опьяненных наслаждениями и сладострастием, и согбенных рабов, раздавленных бременем непосильного труда, изнывающих от дурного обращения и нищеты. Именно крупная собственность изобрела и поддерживает торговлю белыми и черными, она продает и покупает людей. Это она в Московии, Литве, Польше и Германии держит людей в невежестве и доводит до отупения, перевозит их, как стада животных, из одной местности в другую, не позволяя им иметь ни родины, ни семьи, ни привязанностей, ни воспоминаний, ни надежды на возвращение на родную землю, к родным, с которыми их столь безжалостно разлучили. Это она в колониях дает неграм на наших плантациях больше ударов плетью, чем кусков хлеба.

Сколько преступлений можно поставить в упрек крупной собственности! Но приближается время, когда она почувствует, как это опасно; она исправится, и я уверен, что она от этого выиграет. Рассматривая вопрос о делении ферм, я, мне кажется, указал лучший способ, если не полностью, то хотя бы в значительной мере, устранить недостатки крупной собственности. Разделим ее на участки, обеспечивающие право на жизнь, или, вернее, определим, какому числу таких участков она соответствует по своим размерам, с тем чтобы все было использовано, ничего не оставалось невозделанным, не было бы паразитизма, ничто не пропадало втуне, ничего не было изъято из сферы полезного производства ради мимолетного удовольствия или причудливой фантазии. Все это очень важно соблюсти, не переставая сохранять за владельцем все преимущества и выгоды, совместимые с правом на жизнь трудящихся — его компаньонов.

Никогда не следует упускать из виду, что естественное право, соответствующее тому, чего повелительно требует любой человеческий организм не только для того, чтобы не погибнуть, но и для того, чтобы процветать, выше права собственности и подчиняет его себе всякий раз, когда у собственника оказывается больше того, что требует наша физическая и моральная организация. Так как естественное право, право на жизнь, есть право от рождения, оно имеет абсолютный характер; все остальные права, ставшие наследственными, являются лишь условными. Установленные первоначально насилием или хитростью, сохраненные путем обмана, они, несмотря на так называемые подлинные титулы, существуют лишь в силу обычая, который в конечном счете есть не что иное, как суеверие, которое терпят только по привычке. Всякий такой обычай является злоупотреблением, которое может быть увековечено лишь с помощью дру-

гих злоупотреблений. Но чем больше он стремится свести на нет предписания естественного права, чем больше прикрывается ложной законностью, чтобы ввести в заблуждение бездумное невежество, слабость, наивность, чем больше провозглашает себя лучшим и самым неизменным итогом опыта и мудрости веков, тем чаще бедняки, которых он старается усыпить, нарушают законы, противоречащие закону природы.

Опыт веков, в течение которых естественное право могло безнаказанно оставаться непризнанным, парализованным, нарушаемым, ничего не доказывает; как бы ни старались его уничтожить, как бы глубоко оно ни было погребено, оно должно опять выйти наружу и стать очевидным. Религия зла не может быть вечной. Ослепленное, запуганное, поглупевшее и трусливо пресмыкающееся общество допустило похищение принадлежащего ему права, но оно не могло уступить право будущих поколений. Все, что следует человеку по праву, начертано неизгладимыми буквами во всех частях его существа, знание того, что ему несомненно принадлежит, есть его единственное врожденное знание. Напрасно пытались задавить и удушить его разум под тысячей свинцовых колпаков, под гнетом тысячекратного ярма; напрасно старались затемнить его ум, заставляя его поклоняться ложным кумирам, внушая ему, что покорность, самоотречение и пассивное повиновение являются его священным долгом; тщетно обременяли его ложной совестливостью, противной истине, презренными предрассудками, всякого рода вымыслами и нелепыми верованиями; приходит момент, когда все, что казалось погасшим, задушенным навсегда, оживает и само по себе поднимается снова. Врожденная идея вновь возникла, она окрепла в размышлениях, и, как бы замкнувшись в себе, она углубилась, исследовала себя и укрепилась в ходе этого изучения. И тогда, уверенная в своей силе, она забила ключом, и человеческий мозг стал действовать и укрепляться, используя все, что есть в нем самого глубоко ему присущего и самого нетленного; он уже не парализован, он знает все, что ему дано, все, что ему полагается: свобода мысли, свобода воли, свобода выражения своей мысли, свобода действия. Это то, что касается мозга, этого очага разума, этого солнца человечества. Желудок тоже требует осуществления своего права, и мозг ему отвечает: ты должен получить удовлетворение. Сердце было в отчаянии, потому что оно должно было подавлять все свои симпатии; оно обрекало себя на молчание. Говори, сказал ему мозг, люби и чувствуй свободно, твои склонности не обманывали тебя, все люди — братья, все люди равны. Сердце вернуло себе свои возвышенные порывы, свои трогательные побуждения; все цепи разбиты, человек полностью вернулся к своему естественному праву. У него нет больше властелина, он свободен, все свободы ему принадлежат, но принцип равенства, дополненный чувством братства, открывает ему ту истину, что свобода одних

не должна вредить другим. Таков великий закон свободы. Человек, живи сколько хочешь, пользуйся всем, что должно продлить твою жизнь, но не мешай никому из тебе подобных, удерживая или злостно накапливая излишки, с которыми тебе нечего делать, жить так полно, как дает ему на это право само звание и природа человека.

Раньше или позже люди откроют глаза на совершенные в старину захваты и их гибельные последствия. То, что порождено мраком, не будет более окружено почетом, доверием, уважением, оно будет разоблачено, как плод беззакония, как отвратительное осквернение святой природы. Человечество, еще более измученное, чем ныне, более ясно представляющее причины своих страданий, доведенное самыми размерами этих страданий до открытия средств избавления от них, наконец, человечество, более проникнутое сознанием того, что требует справедливость, не будет уже рассчитывать на войны, чуму и голод для облегчения своего положения. Возмущение будет вызывать отвратительная система распределения, при которой одни имеют в тысячу, в десять тысяч, в пятьдесят тысяч раз больше того, что необходимо даже по самому широкому расчету, другие — в сто, двести, триста, пятьсот, девятьсот раз больше, чем им нужно, третьи — все еще намного больше того, что им нужно, четвертые — ровно столько, сколько им нужно; наконец, есть такие — и их огромное большинство,— которые имеют гораздо меньше того, что им нужно, или почти ничего. Вместе с ростом населения растет и число обреченных бедствовать, между тем как богатство все больше сосредоточивается в руках высокопоставленного меньшинства: существует такая страшная диспропорция между счастливцами, расположенными наверху, и несчастными, находящимися внизу; положение первых является настолько подавляющим, а положение вторых — столь подавленным, что жертвы этого чудовищного неравенства не могут не возроптать. Тогда-то и появляются идеи реформы или восстания. Они овладевают умами, встревоженными или раздраженными подобным положением вещей. Те, кто страдает, равно как и те, кто, не страдая сам, глубоко сочувствует страданиям других, выступают с упреками против высокопоставленных фаворитов собственности. Некоторые уже помышляют во имя высшей справедливости уничтожить все титулы, даже те, что не опорочены обманом или насилием; мечтают о возвращении всех к естественному праву, праву на жизнь, подобному праву пить воду из родника. Но с землей дело обстоит не так, как с родником, почва не дает обильного урожая без мощного содействия человеческих рук и ума. Необходимо объединить силы и волю, чтобы оплодотворить землю, между тем как родник течет сам по себе. Раздробить землю на равные наделы между всеми значит уничтожить те ресурсы, которые земля дала бы объединенному труду, это значит идти кратчайшим путем навстречу голоду и нехватке всего. Раздел земли — совершенно аб-

сурдное мероприятие, которое могло бы быть осуществлено только путем кровопролития и в результате страшного потрясения: если бы он когда-нибудь произошел, каждый был бы предоставлен самому себе, т. е. был бы обессилен, и то, что накануне было уничтожено, неизбежно снова возникло бы уже на следующий день. Аграрный закон, понимаемый как раздел земли на равные доли, означал бы отказ от всех тех занятий, которые необходимы для самого сельского хозяйства, он уничтожил бы все другие профессии, кроме земледелия. Такой закон повлек бы за собой растрату впустую и земли и труда. Его введению предшествовала бы резня, и если бы даже были выделены поля для увечных, престарелых и сирот, совместно обрабатываемые всеми, все равно по своим результатам его применение оказалось бы только химерой. Но, как говорится, «голодный желудок — плохой советчик».

Однако, если и так уже великое зло еще усугубится, по необходимости придется договариваться. Те, кто имеет, будут иметь; но разве для общества, как и для них самих, не было бы лучше, чтобы никогда раньше у них ничего не было и чтобы каждый из нас приходил со знаниями, приобретенными до сего дня, в совершенно новый мир, где все было бы общее. Но поскольку это не так и поскольку нельзя переделать здание общества с основания, надо постараться приспособить то, что есть, путем улучшений; необходимые перемены окажутся достаточно ощутимыми для того, чтобы вызвать сопротивление. Сначала немного поразмыслим.

Общество даже за зародышем признает право жить, хотя это проблематическое существо еще не увидело света и, быть может, никогда его не увидит; оно карает за аборт; оно карает смертью несчастную, бесчеловечную мать, которая убила свое дитя, чтобы самой не быть убитой позором. Этой строгостью, чрезмерной, если вспомнить причину, вызвавшую мысль о преступлении, общество свидетельствует, следовательно, о своей готовности принять любое существо, которое появится на свет, и обеспечить его достаточно действенным образом, чтобы ему никогда не пришлось проклинать свое существование. Общество крайне сурово карает виновного в любом покушении на самоубийство, и оно осуждает на бесчестие память о самоубийце, труп которого оно предает в руки палача. Общество, столь гневно выступающее против последствий отчаяния, которое оно должно было бы предотвратить, запрещает нам убивать себя, следовательно, оно велит нам жить; следовательно, оно считает нашей обязанностью жить; следовательно, оно не хочет, оно не допускает, чтобы мы могли быть когда-либо лишены нашего права на жизнь; следовательно, оно должно гарантировать нам осуществление этого права.

Общество осуждает дуэль, которая является в одно и то же время намеренным убийством и взаимным самоубийством. Обще-

ство осуждает убийство, но оно само оказалось бы виновным в убийстве, если б оно допустило, чтобы хоть один из его членов был обречен на смерть от голода; а следовательно, общество хочет, чтобы право на жизнь имело определенную санкцию. Каким образом может быть осуществлена эта санкция? Природа указала нам это средство — труд. Но разве собственность, во всех формах, которые она способна принимать, не является отныне верховным, единственным работодателем? Стало быть, она и должна предоставить работу тому, у кого ее нет, кто ее просит. И если лодырь добровольно отрекается от всего, что могли бы ему дать его физические силы, будь они полезным образом применены, то собственность не может отказаться дать занятие человеку, желающему работать, не может отказаться кормить, одевать, дать убежище, отопление и уход сироте, увечному, престарелому, больному, которые все тоже имеют право на жизнь.

Собственность поймет, сколь опасно было бы для нее не принять мер, необходимых для того, чтобы ее существование не могло бы уже рассматриваться как гнусность, не совместимая с естественным правом всех. Она поймет, что всякое общество, в котором трудоспособные люди, борющиеся с нуждой, были бы вынуждены, вопреки своей воле, сложить руки и оказаться, таким образом, лишенными своего права жить, есть общество безнравственное, проклятое и пораженное глубокой гангреной, что это противоестественное общество, которое цивилизация, проникавшая в него постепенно, бессистемно и не на основе принципов, не очистила еще от остатков пестрого нагромождения разных видов варварства, насаждавшегося у нас римлянами, готами, вестготами, норманнами в результате множества вторжений и переселений. Быть может, пресыщенное меньшинство, находящее удовольствие в праздности, поймет когда-нибудь, что для того, чтобы избавиться от страха перед изголодавшейся массой, ему лучше всего с ней договориться. Как может осуществиться эта сделка, совершенно очевидно: это перераспределение труда, причем его оплата, в какой бы форме она ни производилась, должна быть для каждого равноценной его праву на жизнь, но уже не урезанному, не сведенному к мутной воде, луку и жалкому черному хлебу, как это можно видеть во многих расположенных по краям торфяников деревнях нашей Пикардии, той самой Пикардии, в которой столько богатых сеньоров, ведущих веселую и беспечную жизнь в прекрасных замках, среди роскошного и великолепного убранства, доставленного из города за большие деньги. Из всех существующих прав право на жизнь есть то, которое менее всех может и должно обмануть человека.

Конечно, не надо быть великим пророком, чтобы предсказать, что придет время, когда эти слова, которые столь грустно слышать, как «нищета», «бродяга», «нищий» или слово «босяк», с презрением бросаемое любому, самому честному бедняку, будут вычеркнуты из наших словарей. Это значит, что счастливые

мира сего не напрасно услышат речь, столь уместную и достойную в устах каждого, кто обладал бы твердой решимостью и способностью справиться со своими делами, если б земля не ускользнула у него из-под ног: «Богатые, братья мои, равные мне, оставаясь хозяевами земли, из которой мои руки и мой ум извлекли бы средства, предназначенные для осуществления моего права на жизнь, вы взяли на себя обязательство снабдить меня всем, что дали бы мне мои руки и мой ум. Пусть у вас будет излишек, если это возможно, я вам не завидую, но прежде всего примите мой ум и мои руки, которые являются и доказательством и средством осуществления моего права на жизнь. Если вы почему либо не хотите принять их, если вы не заботитесь о том, чтобы я своим трудом способствовал увеличению того излишка, который вы так цените и которому я так мало завидую, тогда дайте мне участвовать в вашей праздности, оказывая мне помощь, которая не была бы ни унизительной, ни кратковременной. Богатые, вы по своей воле сделались посредниками между землей и мною, встав между нами, вы заняли место нашей общей матери — природы, выполняйте же ее обязанности — обращайтесь со мною как с братом. А там оставайтесь праздными, если это вам нравится; к тому же каждый сможет быть немного праздным, если все будут призваны трудиться и захотят трудиться».

Какое значение имеет происхождение собственности? Это уже не важно, раз мы согласились, что единственное решение, которое стоит принять, это исходить из существующего порядка вещей. Итак, будь она создана трудом или добыта путем вымогательства, являются ли ее огромные, неоправданные, скандальные размеры, ее рост следствием монополии или любого другого дурного начала, не следует к ней больше придираться; амнистия и мир — вполне искренни, нет больше никаких оснований вспоминать прошлое, поскольку она сама согласилась, что право на жизнь постоянно господствует над ней и что она гарантирует регулярное и действительное осуществление этого права всеми. Но если когда-либо население возрастет до такой степени, что те, кто еще мог иметь какие-то излишки благодаря содействию и активному согласию всех тружеников, не будут иметь полностью даже того, что соответствует их праву на жизнь, это будет для всех великим бедствием.

Однако мы еще далеки от того момента, когда это страшное предвидение может исполниться. До тех пор пройдет еще немало времени, и наука, каждый день продвигающаяся вперед, несомненно, откроет нам, как избежать перенаселения, не бросая в воду новорожденных детей, не отдавая их на съедение животным, как то делают китайцы, наиболее застойный и неподвижный и тем не менее самый мудрый из народов Земли, по словам наших католических миссионеров.

За это время мы, конечно, заметим, что люди плохо распре-

делены по поверхности земного шара. Даже в Европе есть земли, весьма подходящие для обитания и могущие быть плодородными, где людей очень мало. Есть скученные народности, задыхающиеся от перенаселения и от связанного с ним физического и морального истощения; одно влечет за собой другое, примером служит Китай, где столько людей умирают с голоду. В России и Испании население еще очень редкое. Немало почти пустынных областей, обширных безлюдных пространств в Америке, Азии, Африке, и, вероятно, нам еще предстоит открыть новые огромные пространства. Откуда такое плохое распределение людей на Земле? Дело в том, что до настоящего времени человеческого общества не было. Существуют только общества, т. е. более или менее значительные скопления людей, наций, лишенных свободы и просвещения, с которыми честолюбивые и деспотические вожди обращались как со своей собственностью, считали принадлежащими им телом и душой и старались вызвать у них взаимную вражду, чтобы еще сильнее их поработить и иметь возможность, по своему усмотрению, следуя своему капризу или выгоде, бросить их на арену битв и заставить истреблять друг друга. Дело в том, что до сих пор каждое из этих объединений, т. е. отдельное общество, со своим языком, своей одеждой, своими правами, своей религией, своими предрассудками, своими антипатиями, разжигаемыми и поддерживаемыми, имело собственные гражданские законы и собственные политические законы, направленные против всемирного братства. Каждое из этих обществ было загнано в свои границы как скот и тиранической властью своих повелителей удерживалось в состоянии нищеты. В целом в истории человечества были общества, но Общество, это высокопочитаемое единство, на которое всегда ссылаются, от имени которого постоянно говорят, это великое общество существует лишь в воображении. Это общество, единственно подлинное, это общество, прекрасное царящим в нем согласием, не будет иметь правительства, а только администрацию, а это, по-моему, далеко не одно и то же.

Конечно, я сильно отвлекся от «Опыта» г-на Лангле, а я еще ни слова не сказал о «политическом праве». Дело в том, что, с моей точки зрения, естественное право совпадает с политическим правом. Если первое не господствует над вторым и не определяет его и если второе противоречит первому или в какой-то мере ослабляет его, то возникает угнетение людей, которое становится законом. Гражданское право, политическое право, международное право — все это должно быть подчинено естественному праву, все это должно быть лишь применением естественного права к различным областям. Нет такого права, источником которого не было бы естественное право, все, что не вытекает из него,— или выдумка, или узурпация.

Но что могло побудить меня отложить до последнего момента изложение моего мнения о новом хранителе литературных

сокровищ Аррасской академии? [39] Вероятно, порядок обсуждавшихся проблем, а также затруднение, испытываемое при выполнении возложенной Вами на меня задачи изложить Вам свое мнение по множеству вопросов, в большинстве далеких от круга моих весьма несовершенных знаний и часто значительно превышающих мои возможности. Я признаюсь, что с моей стороны очень смело браться высказывать суждение об авторах этих замечательных произведений. Откровенно говоря, если взвесить их заслуги, если сопоставить их со мной, я окажусь совсем ничтожной величиной. Вы не представляете себе, как я был поражен сознанием своей ограниченности, читая Вашу великолепную похвальную речь Вашему предшественнику, прославленному г-ну Ардуэну [40]. Там были приведены доказательства его выдающегося значения как мыслителя, писателя, адвоката, грамматиста, историка, поэта, драматурга и, что еще важнее, как превосходного патриота, как человека глубоко честного и благожелательного. Г-н Ардуэн заслужил честь иметь Вас своим панегиристом.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за интересные материалы, которые Вам угодно было мне прислать. Если Вы не слишком сердитесь на меня за мое длинное письмо и в особенности за те мысли, которые я в нем высказываю, то Вы, надеюсь, соблаговолите выполнить Ваше любезное обещание, продолжая держать меня в курсе работ Ваших прославленных собратьев. Тем самым Вы предоставите мне высоко ценимую мною возможность восхищаться этими счастливыми любимцами Минервы и муз. Поверьте, что вступать в общение с ними, читая их произведения,— чрезвычайно большое удовольствие для меня; и к нему не примешивалось бы никакое другое чувство, если бы у меня не было горькой уверенности, что я никогда не сумею им подражать.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ [41]

Руа, 22 июня 1786 г.

Милостивый государь!

С величайшим интересом прочитал я выдержку, любезно Вами мне присланную, из отчета о двух публичных заседаниях Вашего прославленного общества от 26 и 27 минувшего апреля и, пользуясь свободой, которую Вы были так добры предоставить мне, поддерживать с Вами переписку, являющуюся для меня высокой честью, я осмеливаюсь попытаться изложить свое мнение о некоторых предметах, подвергшихся рассмотрению па этих заседаниях.

Хотя краткое изложение доклада г-на Делегорга мне очень понравилось, я предполагаю, что по меньшей мере с таким же интересом я прочту доклад г-на Делестре дю Терраж, ибо его система равенства и пропорциональности имуществ, показывающая его как друга человечества, больше приближается к устано-

влениям природы. И, на мой взгляд, эта система достигла бы высшей степени совершенства, если бы к излагаемым ею преимуществам можно было бы присоединить опровержение тех отрицательных сторон, которые предвидит г-н Делегорг.

Что касается других вопросов, то можно ли представить себе более законченную картину счастья, чем та, которую нарисовал г-н де Галамец, и можно ли было дать такое определение его без глубочайшего изучения человеческого сердца и без самого совершенного знания движущих его нравственных начал?

Можно ли представить себе более ученые размышления о разводе, чем те, которые представил г-н Легэ? С какой силой красноречия и убедительности он увлекает аудиторию и заставляет всех, кто его слушает, принять его мнение, которое, поистине, есть не что иное, как мнение всякого честного человека. Такое доказательство его таланта должно заранее внушить самое выгодное предубеждение в пользу его «Воспоминаний», его «Мечты о счастье» и его «Послания к душе покойной подруги»!

Большое восхищение вызывает речь г-на де Шанморена, которая как бы предназначена для того, чтобы освободить людей от нелепого предрассудка, будто большинство людей прошлого гордились званием невежд.

Большой интерес вызывает также речь г-на Таранже, и, помимо превосходных исследований, касающихся его своеобразной темы, как много других красот содержит эта речь, которую я охотно назвал бы естественной и философской историей женщины.

Понятно, что лишь большие вопросы занимают академиков, поэтому я вижу, как на заседании 27 апреля господа де Робеспьер, Сулави и Лангле заполняли даже минуты досуга обсуждением важнейших предметов!

Но что побуждает меня откладывать до последнего момента изложение моих мыслей о том, кто является отныне хранителем всех литературных богатств Аррасской академии? Вероятно, распределение тем (с учетом порядка обсуждения, указанного в выдержке из отчета о заседаниях), а также, по правде, испытываемое мной затруднение, ибо что я могу сказать о произведениях, охватывающих множество предметов, большей частью выходящих за пределы моего понимания, кроме того, что, обозрев столь великие предметы и перенося затем свой внутренний взор на мои собственные слабые и жалкие мысли, я чувствую себя ничтожным по сравнению со столь многими великими людьми и мое несчастное самолюбие постоянно упрекает меня в том, что я не в их числе.

Благоволите, милостивый государь, осуществить Ваше обещание и сообщить мне возможно более подробно о благородных трудах тех из Ваших прославленных собратьев, чьи знаменитые имена Вы мне указываете в Вашем последнем письме. Вы мне

доставите таким образом возможность восхищаться этими счастливыми любимцами муз, но у меня остается мучительное сожаление о том, что я никогда не смогу уподобиться им.

Честь имею пребывать с чувствами, которые Вы так хорошо умеете внушать,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

Ваше последнее послание не было скреплено подписью, соответственно не освобождено от платы.

ПИСЬМО Ж. Ф. ДЕВЕНУ [42]

Руа, 22 июня 1786 г.

М[илостивый] г[осударь]! С глубокой скорбью я узнал о тяжком несчастье, только что постигшем Вашего сына. Заслуженное уважение, которое он мне внушал, заставляет меня гораздо живее ощутить это несчастье, чем если бы речь шла о каком-либо другом, заурядном человеке. Я не скрываю, м. г., что смотрю на Вашего сына как на моего друга, и это увеличивает мое чувство сострадания тем более, что я представил себе плачевное состояние, в котором он оставил своего отца, нежного, всеми уважаемого, достойного лучшей участи, любимую супругу, детей, тем более заслуживающих жалости, что они еще, по большей части, не могут понять постигшего их горя. Сколь несчастна вся Ваша семья, которая совершенно не могла ожидать такого рокового оборота событий. Как жаль, что я не могу как-нибудь облегчить Ваши страдания, как был бы я рад увидеть конец Ваших бед. Если мы не можем ускорить этот момент, утешим себя хотя бы сладостной иллюзией, что он, быть может, придет раньше, чем мы смеем на это надеяться. То немногое, что мне известно о Ваших чувствах, милостивый государь, убеждает меня, что эти печальные события, огорчающие меня в силу той симпатии, которую Вы мне внушаете, поразят Вас так, как это неизбежно для человека, преисполненного отцовской любви и прекрасно знающего, какие обязанности она возлагает, особенно имея в виду личные качества, коими Ваш сын столь щедро одарен. Я убежден, однако, что Вы перенесете это несчастье с присущей Вам мудростью, ибо мы должны оставаться людьми при всех обстоятельствах жизни, а кто поддается унынию под влиянием несчастий, неизбежно с ней связанных и к которым всегда надо быть готовыми, обнаруживает самую нелепую гордыню, ибо он хочет возвыситься над тем, что является судьбой человека.

Я желал бы, чтоб это письмо, милостивый государь, пролило в Вашу душу хоть немного покоя, я хотел бы иметь возможность сделать то же и для г-на Вашего сына.

ПИСЬМО Ж. Ф. А. ДЕВЕНУ

Руа, 1 июля 1786 г.

М. г., путешествие, в связи с которым я отлучился на несколько дней, еще не позволило мне ответить на письмо, которым Ваш отец почтил меня 24 минувшего месяца. Это письмо, принесшее мне счастливую весть о Вашем освобождении, наполнило меня несказанной радостью, усугубленной уверенностью в том, что Вы с честью вышли из этого испытания, освободившись из тюрьмы, одно страшное название которой приводит в дрожь тех, кто его слышит, и из которой не всегда легко уйти даже невинному человеку. Но забудем это мрачное место, одно представление о котором внушает скорбные мысли, и возрадуемся Вашему благоприятному возвращению, которое я называю счастливым событием, ибо обычно мы считаем счастливыми такие события, которые по существу являются лишь концом наших несчастий. Судьба людей незаурядных — подвергаться жестоким испытаниям. Таким образом, для Вас должно служить утешением то, что Вы оказались отмеченным своего рода отличием, без которого, допускаю, Вы отлично могли бы обойтись; но оно по крайней мере показало, что Вас не смешивают с тем, кто, по общему мнению, никогда не может быть заподозрен в каком-либо участии в событиях эпохи, ибо известно, что они часто вообще ни на что не пригодны.

Прошу засвидетельствовать мое почтение Вашему достопочтенному отцу, а равно Вашей дорогой половине, которой я не имею еще чести знать. Прошу Вас также полагать меня искренне к вам привязанным.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ [43]

Руа, 21 июля 1786 г.

Милостивый государь!

Все, что Вы мне пишете относительно того, как я получил Ваше предпоследнее послание, поистине трогательно. Меня огорчает, что Вы приняли это так близко к сердцу, потому что я никак не мог сожалеть об этой мелочи, взамен которой я получил неоценимые сокровища. Новый примененный Вами способ освобождения нашей переписки от оплаты очень удачен. Я исполнен благодарности, милостивый государь, за заботу, которую Вы были так добры проявить, чтобы бесплатно доставить мне сочинения, в высшей степени отвечающие моим интересам и склонностям, способные очистить мой неразвитый вкус, оживить скудные силы моего мозга и ободрить мой слабый дух соревнования. Я так же смущен расточаемыми Вами мне лестными похвалами, кажущимися мне незаслуженными, как и удивлен Вашей крайней скромностью, из-за которой Вы возражаете против отнюдь не

преувеличенного одобрения, которое более изощренное перо разукрасило бы, если не с большей искренностью, то по крайней мере более выразительно. Но с моей стороны это лишь слабое выражение тех возвышенных чувств, с которыми я имею честь пребывать с самым глубоким уважением,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 24 августа 1786 г.

Милостивый государь!

Нет границ моей благодарности за любезные и лестные знаки внимания, которыми Вы меня осыпаете. Я прочитал с глубоким интересом, смешанным с подлинным наслаждением, все очаровательные сочинения, которые Вам угодно было мне прислать. Я поспешил снять копии с востребованных Вами обратно и, возвращая Вам оригиналы, я присоединяю эти копии к любезно подаренным Вами мне сочинениям, чтобы увеличить бесценное собрание присланных мне Вами произведений. В них я нахожу множество сюжетов, задевающих чувствительные струны моего сердца, и оно никогда не в состоянии будет выразить все уважение и восхищение, которых они заслуживают. Действительно, все исходящее от ученых бесценно. И как же должны гордиться те, кто имеет счастье наслаждаться беседой и перепиской с такими людьми, людьми, около которых растет дух соревнования, рождается и очищается вкус, раскрывается воображение, формируется талант, совершенствуются все качества ума и сердца! Но не мне, милостивый государь, подобает описать Ваше собственное значение и значение Ваших уважаемых собратьев, ни даже попытаться обрисовать малейшие из тех редких талантов, которые Вас отличают. Своей слабой кистью я тщетно пытался бы сделать это так удачно и с такой силой и правдой, как сделал это г-н де Вогренан [44]. Поскольку я, увы, во всех отношениях далеко не похож на него, было бы весьма неуместно пытаться превзойти мои возможности и некстати вторгнуться в его область, касаясь предмета, который он столь чудесно трактовал, придав ему самый изящный оборот. Так как по роду своих занятий я с некоторых пор часто бываю в деревне, я не всегда мог следить за изданиями, из коих «Mercure de France» — единственное, на которое я подписан совместно с другими лицами. Я с большим удовольствием принимаю Ваше, милостивый государь, любезное предложение предоставить мне возможность читать «Journal de la Langue française» [45], что, как я предполагаю, должно соответствовать моим склонностям, и я столь же чувствителен к Вашим повторным обещаниям любезно продол-

жать нашу переписку и Ваши приятные и интересные посылки. Я никогда не дам Вам основания забыть эти обещания, любезное исполнение которых для меня всегда будет бесконечно ценно, и я приложу усилия к тому, чтобы быть достойным этой чести. Я занят сейчас печатанием проспекта небольшого сочинения, касающегося моей специальности, которое я предполагаю опубликовать, и первой моей заботой будет сообщить Вам план, представление о котором я даю в этом сочинении, путем посылки Вам экземпляра этого проспекта [46].

Имею честь пребывать с чувствами самого глубокого почтения, милостивый государь,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 28 сентября 1786 г.

Милостивый государь!

Вы возлагаете на меня задачу, исполнение которой было бы лишь игрою для многих лиц, но для меня она представляется весьма тяжелой. Вы требуете от меня, чтобы я высказывал свои суждения относительно различных литературных произведений, которые Вы мне любезно присылаете, и делал критические замечания по поводу тех мест, где, как мне кажется, авторы ошибаются. Но поскольку я сам постоянно пребываю в справедливом недоверии к своему собственному суждению, кто же может мне поручиться за точность моих слабых замечаний? Правда, если эти замечания были бы слишком разительно нелепы, а это, несомненно, часто случалось бы, Вы могли бы милостиво указать мне на это, и я знаю, как эти уроки просветили бы меня. Но мне, не смеющему претендовать даже на звание сочинителя-неудачника, отвергнутого Парнасом, не лучше ли мне оставаться по-прежнему постоянным почитателем, что не может вызвать никаких неприятностей, чем пытаться выйти из этой роли и вызвать своими суждениями, которые, возможно, примут лишь с негодованием, чувство жалости у подлинных питомцев муз. Я сознаю, что такая линия поведения может показаться чересчур монотонной и что не слишком интересно постоянно слышать: это — хорошо, а то — прекрасно. Однако не следует удивляться, если тот, кто не является абсолютным знатоком вещей, о которых он должен судить, поражен их красотой, тогда как для того, чтобы разобраться в некоторых недостатках, которые могли случайно в них вкрасться, следует быть чем-то бо́льшим, нежели обыкновенным наблюдателем.

Несмотря на все эти рассуждения, которые я излагаю здесь не для того, чтобы щеголять ложной скромностью, а будучи совершенно искренне убежденным в том, что они имеют ко мне прямое отношение, я все-таки попытаюсь, милостивый государь,

исключительно ради того, чтобы угодить Вам, сделать над собой некоторое усилие и рискну высказать свое суждение относительно нескольких произведений из числа тех, которые Вы прислали мне в прошлый раз; но я делаю это, лишь испросив предварительно Вашего снисхождения и отрекшись от всякого притязания на ценность того, что я скажу. Я полагаю, что мне меньше надо будет остерегаться подводных камней сатирического задора, нежели слабости моих познаний, в которой я должен сознаться, не краснея, коль скоро я хочу иметь право на прощение в случае, если этот ужасный недостаток, над которым я не властен, увлечет меня на путь ложных рассуждений.

Присланные Вами два номера «Journal de la Langue» меня очень настроили в пользу этого издания, полезность которого очевидна; на мой взгляд, оно должно быть тем интереснее, что редактор проявляет себя одновременно и как глубокий грамматист, и как отличный литератор, а это как раз те качества, которые позволяют блистать в этой области. Из четырех переводов оды Горация я, не колеблясь, выскажусь за сделанный им; он очень изящно доказал верность этого перевода очаровательными замечаниями, коими он его сопроводил. А г-н Шас, пожелавший превзойти это искусное произведение, дал, мне кажется, гораздо менее точное подражание, менее удачное и вдобавок значительно более слабое в отношении красоты стиля. Я также могу лишь восхищаться манерой, в которой г-н Десперу [47] обработал свой сюжет, и было бы совсем неплохо, пожалуй, если бы все рифмоплеты познакомились с его произведением и прониклись бы его идеями. Они освободились бы, вероятно, от безумной мании восхищаться всякой чепухой, порождаемой их слабыми мозгами, и избавили бы нас от множества легкомысленных и нелепых сочинений, которыми они столь безжалостно отнимают наше время. Вы совершенно правы, милостивый государь, когда утверждаете, что любое дело рук человеческих не может быть свободным от недостатков. Если такова воля верховного автора вечных законов, то неизбежно, что недостатки встречаются и среди красот, отличающих поэму г-на Десперу: например, их можно было бы найти в следующих стихах:

Тогда добрая дама послужила мне извинением
. . . .
. . . . я ему больше не хозяин,
ответил ему я, некий бог диктует мне закон. *

Мне кажется, что первое определение (добрая дама) несколько фамильярно и довольно плохо согласуется с тем уважением,

* La bonne dame alors fut mon excuse
. . . .
. . . . je n'en suis pas le maître, lui
répondais-je, un Dieu me fait la Loi.

которое каждый писатель должен питать к музам; тогда как второе определение (бог), кажущееся гораздо более приличным, поставлено там вопреки всем правилам грамматики, принимая во внимание несоответствие рода.

Мне кажется, есть некоторые основания быть недовольным обращением, которое г-н Десперу как бы хочет адресовать всему роду человеческому в последних строках своей поэмы, где он сравнивает Вселенную с сумасшедшим домом. Быть может, он прав в каком-то смысле, и этот его эпитет, вероятно, понравится многим философам, но так ли уж необходимо было его употребить в данном случае?

Большое удовольствие доставило мне Ваше письмо журналисту из Фландрии [48]. Невозможно более заинтересовать читателей, чем Вы это сделали, столь удачно описав трогательную сцену; обладая искусством тонкого изображения, Вы сумели увековечить в сердцах сладостное впечатление от нее и в то же время выразить нежную чувствительность Вашей души, а это качество, обнаруживающее любовь к людям, в соединении с возвышенным талантом позволяет увидеть, что Ваше принятие в наиболее достопочтенные корпорации есть лишь справедливое признание Ваших талантов и заслуг. Это искренняя дань уважения, которую я считаю долгом Вам воздать, и я обосновал бы ее со всей энергией, внушаемой моими чувствами, если б не опасался задеть Вашу крайнюю скромность.

Я несколько задержался с ответом Вам, тому причиной были мои дела. Не приписывайте этого, милостивый государь, холодности. Я также умоляю Вас не проявлять ее по отношению ко мне и говорить со мной так же откровенно, как Вы того требуете от меня. Я едва лишь достиг совершеннолетия, и еще есть время воспользоваться советами доброго учителя. Благоволите, милостивый государь, быть этим учителем. Вы обладаете всеми требуемыми для этого способностями. Я становлюсь Вашим учеником, помогите же мне Вашими советами в изучении литературы, к которой я чувствую неодолимое влечение, я прошу Вас об этом, как друга человечества. Признаюсь, Вы найдете во мне не столько высокие умственные качества, сколько послушание, но я всегда буду стремиться извлечь возможно больше плодов из тех уроков, которые Ваши досуги позволят Вам уделить мне. В ожидании этого счастливого времени умоляю Вас верить совершенной благодарности, искренней преданности, глубокому почтению и полному доверию, с каковыми чувствами имею честь быть,

милостивый государь,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ [49]

Руа, 27 октября 1786 г.

Милостивый государь!

Подробности, касающиеся интересных тем, которыми занимается Ваше прославленное общество, не только не могут быть для меня обузой, но я вижу в этой любезности новую милость, добавляющуюся ко многим другим, и я никогда не смогу достаточным образом выразить Вам свою благодарность.

Однако сегодня, свидетельствуя Вам всю свою признательность, я не дам Вам забыть, милостивый государь, даже рискуя показаться назойливым, ни одно из обязательств, принятых Вами в отношении меня. Итак, сейчас благодаря Вашему добросердечию я получаю с каждой обычной посылкой один номер «Journal de la Langue»; с каждой посылкой, следующей за вашими заседаниями,— описание того, что на них происходило, а с ближайшей посылкой я получу проспект сочинения г-на де Сен Мери [50] и различные отрывки из этого труда, по-видимому, весьма заслуженно восхваляемого, напечатанные в «Mémoires de Musée de Paris» [51].

С каким удовольствием я прочитаю первую часть Принципов языка — сочинение г-на де Турнона! [52]

Вы задаете мне, милостивый государь, безумно много труда, требуя моего мнения о критических замечаниях, исходящих от писателей, подготовленных, несомненно, к тому, чтобы судить о вещах с некоторым основанием. Вы хотите, быть может, испытать таким образом мои силы, но Вы очень скоро увидите их границы. Во-первых, следует знать, что я по природе менее склонен к осуждению, чем к восхищению, что обычно свойственно малым талантам. Попытаться выйти из этой роли значило бы рисковать совсем заблудиться. Вот почему я благоразумно попытаюсь справиться со своей задачей, оставаясь постоянно в этой роли.

Однако, оставляя в стороне все другие соображения, я не вижу, милостивый государь, никаких оснований придерживаться другого мнения о стансах г-на де Сен Жоржа [53], чем то лицо, которое Вы называете «подлинным писателем». А что касается того, что Вами отмечено из сказанного другими, замечу, что мое мнение очень сходится с мнением лица, которое Вы цитируете в первую очередь касательно 6-го и 7-го стансов, но я расхожусь с ним относительно мнимого повторения, которое он находит в 8-м. По моему, 7-й выражает, несомненно удачно, мысль о состоянии, естественно испытываемом подлинно чувствительным сердцем при встрече с другим таким же, особенно если это сердце любимого существа, открывающееся ему при виде его печали. Но я лишь говорю, что этот 7-й станс выражает эту мысль, а 8-й ее развивает так, чтобы дать душе почувствовать ее во всей ее силе.

Тому, кто нашел, что эта мысль плохо выражена, я сказал бы, что он вряд ли выразил бы ее лучше и что мне было бы очень трудно выразить ее столь же хорошо.

Я отвечу тому, кто возражает против слова «убийственная», что этот эпитет может быть придан лишь тому, что убивает; что, следовательно, поскольку мы обычно говорим, что смерть режет своей косой нить человеческой жизни, то эта коса «убийственная», стало быть, построение точно.

Фраза «Да здравствует Сюффран...» [54] представляется мне, как и Вам, хорошо передающей образ, и я не вижу, чем более выразительным можно было бы это заменить. Впрочем, признаюсь, я недостаточно сильный грамматист, чтобы найти, чем эта фраза грешит против правил.

Вы открываете мне глаза, милостивый государь, на мое суждение о поэме г-на Десперу и показываете мне в истинном свете те места, которые мне показались двусмысленными и которые я неосновательно счел шокирующими.

Приятная, остроумная и в то же время глубокая манера, в которой г-н Домерг всегда отвечает тем, кто задает ему вопросы, весьма способствует возбуждению интереса у них и у его читателей. И если б у меня была возможность обратиться к нему с вопросами, я испытал бы величайшее удовольствие при получении его ответов.

Погода была весьма неприятной и в наших краях, но все же не так, как это, по Вашему описанию, было у Вас. По крайней мере не было причинено такого ущерба. У нас тоже были постоянные и очень обильные дожди, но так как урожай был снят несколько раньше, то убранные травы и овсы оказались менее влажными. Дороги у нас тоже повреждены меньше, чем у Вас, но, может быть, различие почв было причиной того, что одни дороги портились менее быстро, чем другие. Ураган, о котором идет речь, был и здесь, он сбил довольно много фруктов, сломал много ветвей у деревьев, а некоторые вырвал с корнями. Но в общем, мне кажется, что причиненные ненастьем повреждения здесь меньше, чем в Аррасе. Вероятно, за последние 10—12 дней небо у Вас, как и у нас, несколько очистилось от туч, и строительство Вашей церкви, возможно, возобновится соответственно Вашим пожеланиям?

На сей раз, милостивый государь, я имею удовольствие направить Вам проспект, о котором ранее я имел честь Вам писать. Заметив уже после напечатания, что заглавие произведения и некоторые места этого проспекта не передают точно идею этого сочинения так, как я намерен ее трактовать, я решил внести некоторые изменения и дополнения в заказанный мной второй тираж этого же проспекта, коего посылаю Вам два экземпляра; в один из них я внес мои исправления с тем, чтобы Вы лучше могли уяснить себе мои взгляды.

Сколь для меня лестно и почетно, милостивый государь, пред-

ложение, которое Вы мне делаете! С великой радостью я спешу принять его. Но эта радость была бы гораздо больше, если бы я чувствовал себя способным выполнить связанные с этим предложением условия. Вы соглашаетесь скрепить нашу дружбу лишь при условии, что мы будем взаимно друг друга учить и просвещать. Да, конечно, милостивый государь, Вы можете меня просвещать и учить, но я слабосильный, я могу в ответ лишь выразить чувства глубокого преклонения и искренней привязанности, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
преданным Вам смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 5 ноября 1786 г.

Милостивый государь!

Вы так красиво умеете говорить, что нельзя не быть очарованным даже Вашими упреками. Но, адресуя их мне, Вы не только сумели применить остроумный, тонкий, исполненный изящества оборот, Вы привнесли и крупицу иронии, которая, отнюдь не будучи мне неприятной, позволила мне различить в Вашем стиле немного соли, что было для меня внове и показало мне, до какой степени Вы равно владеете всеми жанрами.

Как Вы и предполагали, две сестры [55] действительно встретились в пути и разминулись с предвиденным Вами взаимным равнодушием. Но, поскольку они неодушевленные и, с другой стороны, не были осведомлены о путешествии друг друга, они менее заслуживают порицания, чем, повторяю я вслед за Вами, пребывающие среди нас родственники, кои чаще всего дают пример такой же отчужденности.

Если, милостивый государь, я не всегда одинаково аккуратно Вам отвечаю, то это потому, что я занят поездками или срочными делами, которые иногда я никак не могу отложить. Умоляю Вас, не обвиняйте меня в небрежности, не откладывайте Ваших писем ко мне и верьте, что я неизменно буду прилагать все старания к тому, чтобы быть достойным продолжения переписки, которую Вы оказываете мне честь вести со мной.

Для решения той задачи, которую Вы передо мной ставите [56], милостивый государь, потребовалось бы, мне кажется, перо гораздо более тонкое и более искусное, чем мое, а также дискуссия, которая не вместилась бы в тесные рамки письма и потребовала бы гораздо больше доводов, чем я в состоянии привести. С другой стороны, речь идет о вопросе столь тонком, что, раздумывая о нем, я склоняюсь то к положительному, то к отрицательному ответу, то к сомнению. В этом последнем положении я даже

чувствую себя менее смущенным. Здесь столько всяких соображений за и против, что, как я полагаю, было бы в самом деле очень трудно рассмотреть этот предмет в его подлинном виде. Все же, если бы мне предстоял выбор между двумя характерами, отношение к которым мне следует определить, я склонился бы к характеру чувствительного человека, ибо если, с одной стороны, его душа часто терзается в связи с печальными положениями и жестокими бедствиями, то, с другой стороны, он испытывает наслаждения, неведомые всегда одинаково настроенному сердцу равнодушного человека. Зато последний считает химерическими беды, которые для первого являются подлинной действительностью и составляют мучения его жизни. Мне кажется, однако, что в большинстве случаев чувствительный человек окажется гуманным, а апатичный человек никак себя не проявит или окажется варваром. Велик также контраст между душевными движениями обоих людей при исполнении ими наиболее приятных жизненных обязанностей, я имею в виду обязанности гражданина, ребенка, супруга, отца, друга и т. д. Одних этих соображений для меня достаточно, чтобы, безусловно, отказаться от бесчувственного спокойствия равнодушного человека.

Таковы, милостивый государь, те краткие соображения, которые приходят на ум после первого взгляда на предложенный вопрос. При более внимательном, более методичном и более пространном анализе можно было бы, несомненно, достигнуть более точных и удовлетворительных результатов. Но я предоставляю сделать это тем, кто лучше меня может справиться с этой задачей.

То, что содержится в Вашем № 2 относительно сочинений г-на де Турнона, меня очень заинтересовало, особенно те замечания, которые касаются языка[57]. Тот дух и метод, которые, по-видимому, в них царят, вызывают у меня горячее желание познакомиться с ними. Всякий раз, когда Вам будет угодно предложить мне познакомиться с такими сочинениями и другими, которые Вы сочтете доступными мне по моим малым знаниям, я приму это предложение со всей благодарностью, на которую я способен.

Имею честь отослать Вам этот № 2 вместе с № 4 «Journal de la Langue», всегда доставляющим мне величайшее удовольствие ясной и приятной манерой, в которой излагаются остроумные ответы на различные поставленные там вопросы. Мне пришлось бы проделать работу, равную сделанной издателем журнала, если б я вздумал изложить те приятные впечатления, которые вызывает у меня красота различных собранных в нем литературных произведений.

Подражая авторам печатаемых в журнале вопросов, я спрошу Вас, милостивый государь, правильна ли фраза из одного современного сочинения, которую я сейчас приведу.

Автор выступает в роли юриста и, касаясь одного пункта обычного права, которое он хвалит, заявляет:

«...Мудрый и умеренный закон, предотвращающий возможность малейшего ропота и способствующий сохранению той счастливой гармонии, которую наблюдают в провинциях, подчиненных его законам».

Меня покоробило при чтении этого места. Я сказал себе: не похоже на то, что здесь хотели говорить о «провинциях, подчиненных гармонии» (это была бы странная и двусмысленно выраженная идея), а о «провинциях, подчиненных законам Мудрого Закона». Разве нельзя было выразить эту мысль, избегая неприятного повторения, написав «в провинциях, ему подчиненных», или «в провинциях, подчиненных этому закону»?

Я собирался, милостивый государь, закончить это письмо, в котором я изложил все, что хотел Вам сказать в связи с Вашим письмом от 19 октября, полученным мной 29-го. Но, получив сегодня, 4 ноября, письмо, датированное Вами 26 октября и при отправлении которого Вы еще не могли получить моего от 29-го, я добавлю здесь свой ответ на указанное письмо от 26 октября.

После всего сказанного мной выше Вы перестанете предполагать, милостивый государь, что я мало интересуюсь всем тем, что Вы хотите мне переслать. Не забудьте лишь, умоляю Вас, исполнять все то, что Вы мне обещаете, а в остальном благоволите быть спокойным, отбросить всякую тревогу и быть более справедливым ко мне, не считая меня слишком равнодушным.

Автор «Предвестника изменения всего мира» [58] мне кажется поистине оригинальным, но его оригинальность мне нравится, и я очень далек от желания порицать его стихи и его намерения, которые мне очень хотелось бы знать во всех подробностях. Он, вероятно, подвергнется глумлению со стороны толпы, но, возможно, что он встретит некоторых людей, которые, подобно ему, будут проникнуты такими же чувствами человечности и патриотизма.

Я в совершенном восторге от глубоких, разнообразных, приятных и полезных талантов несравненной мадемуазель Ле Массон. По-видимому, минувшие века не могут похвалиться появлением подобной женщины, и она будет достойна занять в истории замечательных особ своего очаровательного пола самое выдающееся положение в числе тех, кто, посвятив себя литературе, показал себя ее героинями. Но, хотя мы находим естественным удивляться, когда наши любезные подруги совершают иногда взлет, на который в силу нашего нелепого самолюбия мы считаем способными только самих себя, в этом нет ничего удивительного. Их органы чувств, созданные по меньшей мере столь же хорошо, как и наши, предоставляют им такие же возможности, как и нам; если существует какая-либо разница, она может быть только в их пользу, и когда им удается разбить преграды, которыми наши предрассудки сковывают их свободу, они

L'AVANT-COUREUR

DU CHANGEMENT

DU

MONDE ENTIER

PAR l'aiſance, la bonne éducation & la proſpé-rité générale DE TOUS LES HOMMES, ou

PROSPECTUS

D'UN MÉMOIRE PATRIOTIQUE;

SUR les cauſes DE LA GRANDE MISÈRE qui exiſte par-tout, & ſur les moyens de l'extirper radicale-ment. En 8 vol. in-8°. Avec figures.

M. DCC. LXXXVI.

«Предвестник изменения всего мира»

умеют благодаря тонкой проницательности, от которой мы далеки, достигнуть таких областей, доступ к которым безвозвратно закрыт нашим ограниченным чувствам.

Имею честь пребывать и в дальнейшем с чувствами, взаимными Вашим,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 16 ноября 1786 г.

Милостивый государь!

Я убежден, что, получив мое письмо от 5 сего месяца, вы откажетесь от усвоенной Вами в отношении меня привычки начинать все Ваши письма с намека на опасение, которое, будь оно обоснованно, жестоко уязвило бы мое самолюбие, ибо оно обнаружило бы во мне человека, абсолютно лишенного всякой видимости вкуса.

В самом деле надо быть на редкость неразумным человеком, чтобы не быть в состоянии воздать должное вещам, способным вызывать огромное восхищение, возбуждать самое похвальное любопытство к предметам, столь же приятным, сколь полезным, и служить тем живительным эликсиром, который пробудит к активной деятельности даже самые пассивные умы.

Однако, признаюсь, милостивый государь, и Вы, наверное, не будете этим удивлены, что в Ваших отчетах часто речь идет о вещах, которые вне поля моего зрения. Вы, следовательно, не вмените мне в вину, что я о них не говорю.

В связи с пересланным мне Вами 2 сего месяца ответом одного из Ваших корреспондентов по вопросу о сравнении «апатичных и чувствительных людей» я скажу, что нашел бы его весьма убедительным, если б мне не показалось, что он несколько уходит в сторону от существа вопроса. Ибо я полагаю, что, применяя в данной проблеме слово «апатия», отнюдь не имели в виду ту крайнюю степень, до которой она может дойти, а лишь хотели спросить, «является ли самый чувствительный человек более счастливым в обществе, чем наименее чувствительный?»

К поэтическим красотам, коими отличается послание г-на де Флажи [59] о притязаниях на славу, о чем говорится в Вашем четвертом отчете, присоединяются отрадные чувства, порождаемые новой философией — философией, столь отвечающей правам человека, философией, которую я люблю, наконец, той философией, которая делает честь нашему веку и которая, несомненно, приведет к счастью будущих веков.

Я с удовольствием ознакомился со всем, что составляет содержание Вашего 5-го отчета и, в частности, с брошюрой, при-

сланной г-ном Годфруа из Лилля [60] и с сообщением о получении Вами диплома общества города Бур [61].

Имею честь вернуть Вам эти материалы вместе с № 4 интересного «Journal de la Langue francaise». С нетерпением надеюсь увидеть в № 5 отчет о грамматическом споре, который затеял с бедным и вдвойне несчастным Бонифасом Эспри грубый крючкотвор и придира де Жардинье.

Грамматика г-на Турнона мне настолько нравится, что я не могу еще отослать Вам сегодня первую часть, которую Вы мне прислали.

У меня есть точный список всего, что Вы обещали мне прислать. Если Вы что-либо забудете, я постараюсь Вам об этом напомнить.

В наших краях температура отнюдь не была мягче и ничем не отличалась от Вашей (оттепель здесь началась со вчерашнего дня).

Имею честь постоянно пребывать с любовью и благодарностью,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

[О ДОРОГАХ В АРТУА И ВОЗМОЖНОСТЯХ СОКРАЩЕНИЯ ИХ ЧИСЛА]

Мемуар [62]

25 ноября 1786 г.

Вопрос, предложенный Аррасской академией

Выгодно ли сократить число дорог на землях деревень провинции Артуа и сделать те, которые будут сохранены, достаточно широкими для того, чтобы можно было по обочинам посадить деревья? В случае положительного ответа указать способ осуществить это сокращение.

Хотеть, чтобы все было хорошо,—
желание, достойное философа.

Если существовала когда-либо идея, выраженная просто и в то же время ярко, порожденная самыми благородными чувствами, идея, применение которой способно лишь содействовать всеобщему процветанию, то это, конечно, идея, на которую я осмеливаюсь опереться в этой работе. Об этой идее, заслуживающей повсеместного распространения, следует постоянно помнить при рассмотрении любого вопроса, имеющего практическое значение,

а следовательно, и данного вопроса, важность которого показывает, что он только из нее и исходит. Этот важный вопрос почерпнут непосредственно из законов природы и обнаруживает в его авторе человека, действительно проникнутого той похвальной философией, которой автор нашего эпиграфа дает столь новое определение, отличающееся от других случайных определений этого слова тем, что лишь оно отмечено печатью истины.

Мудрые люди, поставившие задачу, которую они предлагают мне решить, вдохновлялись, по-видимому, в равной мере интересами торговли и сельского хозяйства. Следовательно, при решении этой проблемы и я должен руководствоваться теми же целями, что и они.

1-й пункт

Общие идеи и предположения относительно причин возникновения дорог и последующего увеличения их числа.

Если бы с самого начала все наши дороги возникали по примеру королевских дорог для целей, полезных и всеми признанных в качестве таковых; если бы, определяя направления, в которых следует провести дороги, и их соотношения между собой, предварительно взвесили все удобства и неудобства; если бы планы, составленные в соответствии с теми размерами, которые будут сочтены при этом наиболее соответствующими общему благу, были бы затем представлены на рассмотрение и одобрение представителей разных сословий, подобно тому как было сделано при издании кутюмов [63], то не может быть сомнения, что эти направления и соотношения оказались бы установленными вполне удовлетворительным образом и не было бы нужды вновь рассматривать вопрос о том, не требует ли нынешнее положение с дорогами каких-либо исправлений.

Но если обратиться к истокам возникновения наших дорог, то что мы найдем? Несомненно, ничего определенного. И тем не менее по этому вопросу довольно легко строить предположения, вероятность которых приближается к уверенности. Я изложу их здесь, как они мне представляются.

С тех пор как народы, рассеянные по поверхности земного шара, заключили между собой соглашение об образовании различных объединений и о том, чтобы сблизить в различных местах большее или меньшее число жилищ, для жителей этих мест стало абсолютно необходимым создать пути сообщения со своими соседями. Разумеется, в те времена эти вопросы не подвергались ни серьезному обсуждению, ни тщательному изучению. Еще мало цивилизованные люди того времени, одинаково далекие от понимания, что такое общество и что такое общее благо, в состоянии были предусмотреть лишь то, что касалось непосредственно их. Этим, вероятно, объясняется, что каждый действовал в соот-

ветствии со своими частными соображениями и своими личными нуждами, и потому жители каждой местности, не задумываясь, прокладывали дороги, удобные лишь для них самих и их ближайших соседей.

Простой каприз отдельных людей, а иногда и случай, могли в какой-то мере влиять на возникновение дорог. Достаточно (это и сейчас еще бывает), чтобы одному человеку показалось, что он нашел более удобную и более короткую дорогу, и чтобы он, преодолевая очень легкие препятствия, стоящие на пути таких людей, отважился первым пройти по ней, как сразу же появляется множество новых тропинок. Спачала этими незаконно и неправильно созданными дорогами пользуются от случая к случаю, но постепенно привычка и ссылка на то, что «другие здесь ходят», упрочивают и освящают их существование, и, хотя они скорее вредны, чем полезны, все необдуманно с ними мирятся.

Так, вероятно, и получилось, что одни и те же места соединяют несколько разных путей. Например, между соседними деревнями А и Б могла первоначально быть только одна дорога, соединяющая середины обеих деревень, но жители окраин этих деревень, находя длинной и неудобной эту срединную дорогу, без труда придумали выход, заключающийся в том, чтобы проложить тропинки с каждого конца деревни, и вот сразу вместо одной появились три дороги. Другие жители деревни А, заметив, что деревня В не расположена точно на прямой линии, идущей от них к Б, и заключив из этого, что другая дорога, прямо проложенная по направлению к деревне В, сократит путь, не могли успокоиться до тех пор, пока не пожертвовали частью земли, чтобы выиграть небольшое расстояние, и добились замечательной выгоды, пощадив ноги в ущерб ртам *. Я не буду добавлять другие примеры, их легко можно дополнить воображением, и еще лучше в этом убедиться, бросив взгляд на любую сельскую местность. Мы увидим, что не всегда руководствовались неотложной необходимостью при создании обыкновенных дорог или дорог, ведущих от одной местности к другой, что очень часто действовали различные другие мотивы и что всегда дело завершалось произвольным решением.

С другой стороны, можно отметить, что чрезмерное увеличение числа дорог происходило в такое время, когда сельское хо-

---

* Накопив постепенно новые знания, люди применили их к изобретению многих видов удобств, неведомых их предкам; и «это было первое ярмо, которое они надели на себя, сами того не подозревая, и первый источник тех бедствий, которые они уготовили своим потомкам. Ибо, кроме того, что люди продолжали таким образом изнеживаться и телом и духом, удобства эти, благодаря привычке к ним, потеряли почти всю свою прелесть и выродились в настоящие потребности; не столь приятно было обладать этими удобствами, сколь мучительно их лишиться; и люди чувствовали себя несчастными, потеряв их, хотя они и не чувствовали себя счастливыми, обладая ими».

Руссо: О неравенстве состояний [4].

зяйство не было столь развито, как сейчас, и, следовательно, их образование не встречало, по-видимому, особенных препятствий. К тому же прокладывание дорог производилось обычно лишь в такое время года, когда земля была не занята; но этого было достаточно, чтобы данными дорогами продолжали пользоваться и впоследствии, в этом отношении, как и во многих других, привычка обладает большой силой. В самом деле, если заглянуть в сеньериальные документы, мы редко встретимся со случаем, когда старые дороги перестали существовать, но зато очень часто заметим, что сохраняя эти старые дороги, почти повсюду в разное время прокладывали и новые. Это результат наблюдений, которые по роду моей профессии я мог делать очень часто и сейчас еще делаю повседневно.

2-й пункт

Общие замечания о диспропорции между чрезмерным числом дорог и количеством пунктов, которые они соединяют. Возможные соображения о размерах их сокращения.— Предположения относительно его полезности.

Если бросить взгляд на планы различных земельных владений, то мы обычно увидим, что каждое из этих владений граничит с шестью-семью другими. Казалось, следовало бы иметь на территории одной деревни не более шести-семи дорог для сообщения с каждой из соседних деревень. Я говорю не более, ибо часто может быть, что при небольшом расстоянии одна и та же дорога, проложенная соответствующим образом, окажется достаточной для двух местностей. Но если проверить, как обстоит дело в действительности, то мы, наверное, найдем не меньше, чем двенадцать — четырнадцать дорог. Иначе говоря, около половины дорог бесполезны. А для чего они были нужны до сих пор? — спросите вы. Мы уже это показали. Для того, чтобы вести из одного места в другое разными путями: для того, чтобы спрямить дорогу и т. д. Но могут ли эти мнимые преимущества идти в сравнение с реальными убытками от принесения огромных площадей в жертву подобного рода излишеств? Осмелюсь в этом усомниться, и если я не задерживаюсь специально на этом сопоставлении, то прежде всего потому, что я не хочу уклониться от своего предмета; я думаю также, что оценить по достоинству эти мнимые преимущества — дело слишком уже легкое; наконец, я полагаю, что мое дело — говорить о тех выгодах, которые вытекают из существа изучаемого вопроса.

3-й пункт

Вычисление количества земли, которая будет возвращена земледельцам благодаря сокращению дорог.

Мы только что видели, каковы могут быть размеры этого сокращения. Теперь перенесемся в центр любой деревни; мы сможем заметить, что каждая из окружающих ее деревень обычно находится на расстоянии четверти или половины льё от нее. Стало быть, на те шесть дорог, которые мы нашли возможным упразднить, это составит два льё с четвертью, из коих половина, или одно льё и одна восьмая,— в центре территории, что (исходя из ширины в тридцать футов, указанной дорожным кодексом, кутюмами королевства, в частности кутюмами Сент-Омера, чаще других применяемыми в провинции Артуа, каковую ширину должны иметь и обычно действительно имеют проселочные дороги, или дороги от одной деревни до другой) дает примерно 231 арпан земли на одну деревню. Исходя из этого, легко приблизительно подсчитать размеры восстановления возделываемой земли для всей провинции.

4-й пункт

Какую ширину следовало бы, учитывая все соображения, придать сохраняемым дорогам?

Не следует искать других размеров, кроме 30 футов, как это указано в уже упомянутых нами кутюмах Сент-Омера. Эти размеры являются наиболее подходящими, потому что: 1) они не внесли бы почти никаких изменений в остающиеся дороги, поскольку большинство из них окажутся как раз этой ширины; 2) они устанавливают разумное соотношение между свободой передвижения и той экономией, о которой всегда надо помнить в случаях, когда мы жертвуем землей — главным производительным началом; 3) оно сделало бы возможным обсаживание дорог, к рассмотрению значения которого я немедля перейду.

5-й пункт

Следует ли считать обсаживание дорог полезным или нет?

Вместе со всеми я был бы склонен к отрицательному ответу на этот вопрос, если бы речь шла о высоких деревьях — вязах, линах, тополях и т. п., которые, как своей чрезмерной тенью, так и протяженностью своих истощающих почву корней, причиняют не поддающийся учету ущерб земледельцам; этот ущерб, когда они на него жалуются, часто пытаются представить как мнимый, что еще усугубляет их огорчение. Но я предпочту положительный ответ (и полагаю, что найду много единомышлен-

ников), если речь идет о фруктовых деревьях — яблонях и грушах. Обычай проведения такого рода посадок на дорогах, обычай, введенный и распространенный во многих провинциях на протяжении ряда поколений, заслуживает полного одобрения, поскольку он дает много выгод и почти никаких неудобств. Он соединяет приятное с полезным, предлагая нам последовательно дары Флоры и Помоны. Он оживляет наши поля. Он придает им богатый, цветущий и веселый вид. Тем районам, где нет виноградного сока, он дает напиток, могущий его заменить. В ходе произрастания эти деревья не причиняют почве сколько-нибудь чувствительного ущерба. Если соответственным образом обрезать лишние ветви, они не стесняют путников и не дают ни малейшего затенения, вредного для прилегающих земель. И так как чаще всего владельцы этих земель являются владельцами соседних деревьев, они располагают очень простым средством сделать так, чтобы ничего не терять внизу, выигрывая в то же время наверху: им достаточно несколько увеличить удобрение, вносимое на места, затененные деревьями.

6-й пункт

Способы сокращения дорог.

Если принять во внимание только статью 5 кутюмов провинции Артуа, гласящую:

«Юрисдикция виконта распространяется на водотоки, пути и дороги, проходящие через земли его фьефа, так что, если владения, расположенные по обе стороны дороги, принадлежат ему или зависимым от него людям, таковые дороги, пути и то, что на них произрастает, и все права юрисдикции и сеньерии на таковые принадлежат ему».

Можно было бы предположить, что после принятия предложенной системы упразднения дорог осталось бы для перехода к ее осуществлению лишь добиться общего и единодушного содействия феодальных сеньеров провинции. Но, не говоря уже о том, что упомянутая статья может быть толкуема только в пользу тех, кто имеет виконтскую юрисдикцию, содержащиеся в ней постановления не могут быть применены во всей провинции, принимая во внимание, что статья 15 кутюмов Сент-Омера содержит постановление совершенно противоположного порядка:

«И не могут сеньеры применять дороги для своей пользы или мешать их использованию под угрозой штрафа в шестьдесят парижских су, возлагаемого на виновного сеньера».

Дело в том, что этого не допускает общее право королевства. Предоставим слово авторам, изучавшим эти предметы, и мы от них узнаем, каково общее право по этому вопросу, к какой власти следует обратиться, когда речь идет об операциях, связанных с какими-либо нововведениями на дорогах, и какие формальности необходимо предварительно выполнить.

Автор Дорожного кодекса, том I, страница 224, сопоставив как совпадающие, так и противоречащие друг другу постановления различных кутюмов касательно прав сеньеров на дороги, замечает относительно вышеупомянутой статьи 5 кутюма провинции Артуа, что «это и есть самый сильный аргумент для сеньеров, обладающих высшей юрисдикцией в Артуа, коим он предоставляет полное право юрисдикции в отношении дорог. Но, каким бы благодетельным он им ни казался, он не дает им, однако, юрисдикции, понимаемой в первом из двух смыслов; и слова «все права юрисдикции и сеньерии на таковые» не означают, что они могут их взять и себе присвоить, ибо это противоречит общему праву. Из подлинного значения этих слов можно вывести лишь, что для сбора того, что растет на дорогах, пришлось предоставить право на них сеньеру, иначе травы и плоды деревьев, вырастающие там, принадлежали бы по естественному праву жителям этих мест, и, чтобы лишить их этой привилегии, кутюм и доставил ее сеньеру, имеющему право юрисдикции».

Прежде чем привести тексты законов, в которых излагаются положения общего права относительно собственности на дороги, тот же автор на странице 207 выражается следующим образом:

«Среди аргументов, изложенных мной для уяснения, что в об щем праве ничто не связано с сеньериальной юрисдикцией меньше, чем дорожное право (la voyerie), я указал, что уже одно соображение о противоречиях в кутюмах относительно компетенции сеньеров, о различном смысле слова «дорожное право» и о молчании почти всех кутюмов относительно столь существенного права, безусловно, заставляет прийти к заключению, что старались скорее сохранить проселочные дороги в ведении сеньериальной юрисдикции, чем обосновать это. Но, пожалуй, сколь важными ни были бы мои замечания, они не могут убедить, если их не сопроводить соответствующими выдержками из кутюмов. Следовательно, чтобы все было представлено в надлежащем свете и чтобы предрассудки, проистекающие только из традиции, не имели более решающего значения, я прилагаю к своему исследованию статьи тех кутюмов, из которых я исходил. Этим путем я надеюсь убедить высокочтимых сеньеров отказаться от предубеждения, в котором они утвердились на основании некоторых плохо понятых или чересчур неопределенных положений, и я уверен в том, что мне удастся их убедить».

Страница 211 и следующие той же книги:

«Я согласен, если угодно, что это слово «дорожное право» подразумевает наличие какой-то юрисдикции. Но, спрашиваю я, на что распространяется ее осуществление и на какие случаи? Я знаю только четыре случая, допускающие такого рода юрисдикцию в том смысле, как я ее понимаю: изменение, уничтожение, очищение и дурное состояние дорог. Никакой сеньер не может изменять дороги, будь то проселочные дороги или тропинки, улицы или переулки. Тем более не может он их уничтожать,

это — несомненно; помимо того, что это ему положительно запрещено нижеприведенными кутюмами и что это запрещение относится к праву более древнему, чем сеньериальная юрисдикция, дело также и в том, что дороги необходимы всем людям, они и принадлежат всем, не только жителям деревень, куда они приводят, но и жителям самых отдаленных деревень, сел и городов. Что дороги так же, как и их почва,— общественное достояние, в этом никто не сомневается. Но тогда как их присвоить? Ибо во Франции мы имеем только три способа войти во владение вещами: купля, дарение или наследование. Но поскольку дороги — общее достояние, кто же может их продать? Кто же может их дарить? Каким образом может сеньер получить их в наследство, раз существуют бесспорные и постоянно осуществляющиеся права пользования ими? Можно ли их изменить или упразднить иначе, как с согласия всех, для чьего пользования они предназначены? Для получения этого согласия надо их всех вызвать. Кто это сделает? Это превышает полномочия сеньера, ибо, поскольку его юрисдикция ограничена территорией его сеньерии, он не может ее распространить на чужих вассалов или на лиц, подсудных другой юрисдикции. Даже допуская, что согласие это было бы легко получить, кто соберет сведения об удобстве и необходимости перенесения или упразднения дороги? Сеньер? Это невозможно. Кто будет представлять общественные интересы? Кто распорядится о производстве обследования? Но все эти предположения настолько немыслимы по отношению к сеньерам, что было бы нелепо считать их возможными».

Страница 215:

«В случаях изменения или упразднения дорог необходимо вмешательство королевской власти, так как все дороги, переулки, тропинки, пути, улицы принадлежат королю. Вот почему, безусловно, необходимо, чтобы его величество приказывал делать это на основании протоколов или обследований относительно удобства или неудобства этих изменений; такие обследования должны производиться казначеями Франции, потому что только они могут быть судьями в данных вопросах. И поскольку эти указы, согласно обычаю, не могут быть обращены к сеньерам, обладающим юрисдикцией над дорогами, а только к казначеям Франции, то, следовательно, правильно будет сказать, что они одни осуществляют юрисдикцию над дорогами в этих двух случаях. Таким образом, это так называемое дорожное право, даже если его толковать в самом выгодном для сеньеров смысле, не дает им права на юрисдикцию в обоих этих случаях».

Страница 234:

«Давайте же судить более верно и признаем на основании принципов, что дороги, принадлежащие всем, не попадают ни в чье распоряжение и что помимо королевской власти, осуществляемой именем короля его должностными лицами, нет такого сеньера, который мог бы их упразднить, изменить или сузить».

Все изложенное выше соответствует принципам, записанным в трактате г-на Меллье о дорожном праве, в котором вслед за цитатами из достопочтенных авторов он пишет в главе VI, «что нельзя ни изменять ширину дорог, ни упразднять их, ни заменять их другими, без приказа короля, и что заботиться о том должны казначеи Франции в соответствии с требованиями каждого отдельного случая и уставами дорожного права».

Заключительные выводы

Если признать известную правильность этого изложения, если согласиться, что, действительно, большее число наших дорог, по-видимому, проложены недостаточно продуманно, с ущербом для сельского хозяйства и без учета интересов торговли; что правильно было бы всегда иметь в виду, что нельзя жертвовать никакой землей, если только не будет наглядно доказано, что к этому побуждает безусловная общественная необходимость; и, наконец, что разные развитые в этом мемуаре идеи заслуживают некоторого внимания, то, несомненно, будет очень легко осуществить предлагаемый автором проект. Первое и, быть может, самое значительное, преимущество этого проекта заключалось бы в его благодетельности, ибо там, где люди получают выгоды, они никогда не встречают неодолимых препятствий: план, признанный полезным, этим самым уже наполовину осуществлен. Впрочем, мы уже видели, что дело свелось бы к получению одобрения и к исходатайствованию посредничества суверенной власти и назначения ею комиссии для обследования тех дорог, которые было бы разумно уничтожить с тем, чтобы после соответствующего приказа это было бы осуществлено с соблюдением обычных формальностей.

P. S. Спросят, быть может, кому должна будет принадлежать земля упраздняемых дорог. Разум подсказывает нам, что ее, по-видимому, следует распределить между всеми владельцами прилегающих земель; каждому отойдут части, смежные с его участками, так что если дорога окажется пересекающей участок, то соответствующий отрезок будет полностью принадлежать владельцу этого участка, а если дорога будет пролегать между участками, владельцы полей, расположенных с одной стороны дороги, разделят ее пополам с владельцами полей, расположенных по другую сторону дороги, с единственной обязанностью платить сеньерам за эти земли, как за любые неблагородные держания, повинность, соответствующую уже установленной для каждого участка, и лишь в тех случаях, когда перечисленные в титулах сеньерии повинности не имеют отношения к дорогам. В этом отношении феодальные и аллодиальные объекты не могут создать ни малейшего затруднения.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 27 ноября 1786 г.

Милостивый государь!

Сколь очаровательна семья, члены которой друг за другом наносят мне визиты благодаря Вашему посредничеству[65]. Я ими совершенно очарован. Можно ли не восхищаться столь милыми детьми? Один интереснее другого, и всегда кажется, что наибольшего внимания заслуживает тот, на ком в данный момент остановился взгляд. Таково свойство всего подлинно ценного, оно полностью приковывает к себе обращенную на него мысль и отвлекает ее от всякого другого предмета. Вот почему я не только не склонен жаловаться на большое число этих прекрасных сестер, столь привлекательных, созданных для того, чтобы нравиться, я, наоборот, желаю, чтобы их число все возрастало. К этому побуждает меня также совершенно не могущий встретить возражение довод, а именно то, что я — сторонник хорошо известной системы, берущей свой источник в идее общественного счастья и заключающейся в утверждении, что размеры населения определяют рост общего богатства. Впрочем, я ничем не рискую, придерживаясь такого мнения по отношению к нашим сестрам, ибо, как бы ни увеличивалась эта семья, она никогда не обременит меня большими расходами по ее содержанию.

Иногда я делаю только выписки из речей, которыми этим очаровательным дамам угодно меня почтить, но когда их беседы касаются предметов, не совсем превышающих мое понимание, я их переписываю полностью: это относится к шестому отчету, который я Вам возвращаю. Я откладываю свои замечания о разбираемых в нем произведениях до того времени, когда в соответствии с Вашим обещанием Вы будете добры прислать их мне.

Но знаете ли Вы, милостивый государь, что «Прогулки» г-на Турнона[66] совершенно очаровательны? Ясно видно, что он полностью следует за Руссо и что он отлично усвоил его главное и основное изречение в области нравственного воспитания: «Учить, забавляя». Кажется также, что он целиком проникся идеями этого философа и честного человека, излагая свои советы самым ясным, самым простым, а значит и самым понятным образом, как только можно желать. Надо признать, что сейчас усвоены превосходные взгляды, повсюду подлинно справедливые идеи приходят на смену тем, которые основывались только на заблуждениях. Разумная философия развивается во всех сердцах и приносит наилучшие плоды. Можно ожидать, что она скоро будет господствовать повсеместно и установит, к счастью людей, славное и вечное царство, построенное на развалинах царства роковых предрассудков, жестокого фанатизма и опасного суеверия.

Я имею честь отослать Вам первую часть «нового метода» г-на Турнона. Сопоставляя его с прежним изданием «Прогулок Клариссы», легко заметить то, что отчасти он и сам говорит,

а в остальном дает понять, а именно: что он изъял оттуда некоторые подробности, хотя и приятные и очень интересные, но излишние и стоящие выше понимания молодых особ; к тому же эти подробности могли бы отвлечь их от той подлинной цели, ради которой это сочинение им предложено. Он убрал также оттуда романтическую интригу, которая, действительно, была там довольно неуместна. Ибо, поскольку книга предназначена для молодежи, это могло бы в некоторой степени создать препятствие для успешных занятий, склоняя учеников к тому, чтобы, отложив в сторону глаголы и местоимения, уделять внимание лишь нежным словам, которые Вальзе спрягает с Клариссой в отсутствие ее отца. К тому же г-н Турнон поначалу не учел и собственные интересы. Никогда ни один экземпляр его книги не проник бы ни в один религиозный дом,— а ведь он должен был рассчитывать на распространение там, больше чем где-либо, — если б он в ней оставил интрижку Вальзе, которая, несомненно, вызвала бы протесты всех «преподобных». К этому надо добавить, что обработанное в этой новой манере произведение стало более коротким и еще более методическим.

С Вашего разрешения я оставляю себе еще на несколько дней два первых выпуска «Прогулок», они не в силах произвести на меня то впечатление, которое, по-моему предположению, они могут произвести на наших ханжей. Ибо следует заметить, что я отнюдь не склонен смущаться по такому ничтожному поводу.

В ожидании любезной присылки Вами других выпусков произведения г-на Турнона имею честь пребывать все с теми же неизменными чувствами,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой
Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 6 декабря 1786 г.

Милостивый государь!

Я не такой уж эгоист, но все же я почти в обиде на Ваш муниципалитет за то, что он упорствует в решении возложить на Вас должность [67], о которой, как я понимаю, Вы мало беспокоились и которая, при всем Вашем ко мне расположении, возможно, подчас будет лишать меня чести, радости и удовольствия беседовать с господином де Фоссе, кого я должен вдвойне поздравить с двумя новыми почетными должностями, заслуженными им благодаря репутации, во всех отношениях справедливо приобретенной [68].

В моем письме от 16 ноября я имел честь сказать Вам, милостивый государь, что никогда не премину напоминать о Ваших обещаниях, которые Вы могли затем забыть. Я верен своему

слову, и, следовательно, я пересмотрю в хронологическом порядке все Ваши милые письма. Поверьте, я ничего не хочу упустить. Вот почему я начинаю несколько издалека, и, восходя к началу нашей переписки, я надеюсь показать Вам, как мне приятно пересмотреть все, что я получаю от Вас, как я умею ценить это и какую сильную симпатию к Вам вызывает у меня привычка к этой переписке, о которой Вы любезно сказали, что Вам также было бы тяжело лишиться ее Начинаю свои изыскания.

В письме от 5 июля Вы, милостивый государь, предложили прислать мне на время данный Вам, по Вашим словам, самим автором экземпляр получившего премию мемуара г-на Делегорга-младшего адвоката в совете Артуа, касающегося вопроса о разделе ферм.

Впоследствии продолжу свои изыскания. Похоже на то, как если бы я сказал: продолжение на следующем заседании, не правда ли?

Метафорический оборот, примененный г-ном Опуа[69] в письме, адресованном Вам, и которое Вам угодно было предложить вниманию Ваших корреспондентов, приложив его к Вашему 7-му отчету, показался мне очень остроумным, добросовестным, приятно и отлично написанным.

Если Вы примете во внимание мои требования, то я надеюсь, милостивый государь, что это будет отнюдь не за счет обычных Ваших посылок. Я Вам пока не отсылаю ни одного из выпусков сочинения г-на Турнона, надеюсь, Вы мне их оставите еще на некоторое время. Вместе с тем я рассчитываю на то, что Вы любезно пришлете мне следующие выпуски. В моем последнем письме я Вам высказал свое мнение об этом произведении. Я попрежнему в восторге от этого автора, соединяющего три таланта: обучать разнообразным вещам, нравиться и возбуждать интерес.

Имею честь пребывать постоянно, с чувствами благодарности и привязанности, сопровождаемой благоговением,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО СЕНЬЕРУ ДЕ ЛА БУАССЬЕР

6 декабря 1786 г.

Милостивый государь! Хотя может показаться, что Парки остановили свой выбор на всех февдистах, занимающихся составлением описи поместья Буассьер, я, если на то будет Ваше согласие, буду все же достаточно смел, чтобы бросить им вызов и занять должность покойного господина Массиа, который тоже не был столь малодушен, чтобы не решиться стать на место покойного господина Муане.

Теперь будет уместно сказать Вам, милостивый государь, кто

я. Устроившись 5—6 лет тому назад в Руа в качестве комиссара по составлению описей, я с тех пор последовательно выполнял поручения составить описи Дамери и Гривийе около Руа; Донфрон, Эпайель и Лефритуа около Мондидье; Тиекур и Сюзуа около Нуайона; Одертри, Кенуа и Арманкур опять около Руа. И примечательно то, что при всем этом я не умер.

Как видите, милостивый государь, я бывал в Ваших краях и достаточно хорошо их знаю, чтобы, занявшись делами Вашего поместья, не в пример моим покойным собратьям, которые вели себя неосторожно и оказались неподготовленными, не дать застать себя врасплох.

Имею честь почтительно пребывать.

ПИСЬМО Ж. Ф. А. ДЕВЕНУ

Руа, 9 декабря 1786 г.

Милостивый государь, признаюсь, получив Ваше письмо от 2-го, я почти усомнился в истинности того, что Вы в нем говорите, и в этом состоянии растерянности я, будучи человеком очень восприимчивым к впечатлениям, пришел в довольно скверное расположение духа; но Ваше последнее письмо принесло мне облегчение. По сути дела нельзя полностью осуждать мое нетерпение. Важность моих аргументов и кажущаяся основательность моих жалоб давали мне право на это. Таким образом, я приношу Вам свои извинения. Неужели Вы находите, что я совершенно не прав, и откажетесь стать на мою сторону? [70]

Чтобы еще более успокоиться, я возмечтал о том, что лучшим средством устранить неудобства, связанные с нашим большим опозданием, было бы вооружиться терпением, и от руки изменить в 2 тысячах проспектов все указания сроков подписки.

Что́ меня по-прежнему угнетает, так это сожаление о том, что я составлял этот проспект в такой спешке, и не только потому, что было бы лучше, чтобы я предварительно учел все требования формалистов, но и потому, что я тогда занялся бы составлением этого сочинения в такое время и в таком положении, когда я более свободно отдавался бы своему труду и придал бы ему более подходящую форму, которая, несомненно, способствовала бы созданию благоприятного к нему отношения, а затем и привлекла бы к нему любителей. Я с трудом нашел время, чтобы восстановить в памяти основные мысли, на которых я намеревался основать мой труд: вот почему это начало работы носит отпечаток того недостатка времени, в котором я находился, когда писал проспект. Я замечаю даже, что я не передал точно, как я их понимаю, те методические принципы, которые я предполагаю обстоятельно изложить в своей книге. Другая допущенная мной ошибка заключается в том, что некоторые детали я

изложил слишком обширно и ясно, так что может показаться возможным уловить мои мысли путем одного лишь изучения проспекта; последний может представиться в качестве резюме, позволяющего легко обойтись без более пространного изложения. Решительно, составление проспекта — отнюдь не самая легкая часть работы над произведением. Надо суметь точно уловить подходящий тон, чтобы заинтересовать читателя, но не давать ему в то же время сведений, которые могли бы внушить ему мысль, что само сочинение больше ничего ему не даст. Я намерен взяться за это дело во втором издании моего проспекта, как только выйдет первое и как только я увижу какие-то признаки успеха. Мое самомнение внушает мне мысль, что успех у меня был бы непременно и очень большой, если б я мог уделить достаточно времени составлению сочинения и мог сам оплатить расходы по печатанию и гравюрам. Но я не обольщаю себя надеждой достигнуть этого путем подписки, так как публику осаждают со всех сторон, а в данный момент ей предлагают подписку на сочинение г-на де Сен-Вибера [71], которое, хотя и без больших на то оснований, сумело произвести на нее впечатление. Вам известно, что далеко не всегда лучшая судьба выпадает на долю лучших произведений.

Я писал Вам ранее, что после выхода альманаха книгоиздательства и инструкций об обязательной доставке экземпляров на большую почту становится невозможным отправлять их. Я не получил от Вас положительного ответа по этому вопросу. Со своей стороны я упустил ответить Вам относительно моей поездки в Амьен, которая состоится только по получении новых извещений об ожидании, срок которых почти не ограничен. Я упустил также поблагодарить Вас за услуги, оказанные мне Вами в отношении книг от г-на дю Бюа и жалованных грамот, прибывших из Парижа (Вы меня понимаете). Я упустил ответить Вам относительно известной Вам особы, которая слишком мало теперь интересует меня, чтобы я о ней вспоминал или чтобы я принял за ухаживание за мной те прекрасные слова, которые кто-либо потрудится сказать мне относительно нее. Очарование исчезло, я уже не нахожусь под гипнозом, я вижу в этом существе лишь малопоследовательную личность, едва ли способную содействовать моему счастью и весьма способную причинить мне досадные неприятности. Однако мы расстались отнюдь не плохо; приличия были соблюдены; но если мы и не объяснились открыто, все произошло так, что Д. не могла уже иметь сомнений относительно подлинных чувств, которые не преминут счесть жестоким непостоянством, самой черной неблагодарностью и т. д. и т. д. Так что, если положить на чаши весов наши упущения, я не знаю, какая сторона перевесит. У меня, как и у Вас, нет времени для того, чтобы много читать, но мне очень хотелось бы познакомиться с произведениями г-на Н. Реньо [72]. Пожалуйста, пришлите мне возможно скорее некоторые из них.

Улица в Руа. В последнем доме по правой стороне жила семья Бабефа

Но вернемся к нашим делам. Я умоляю Вас сообщить завтра, как они обстоят. Наилучшие пожелания Вашей семье от всех нас. Остаюсь неизменно с теми же чувствами...

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 13 декабря 1786 г.

Милостивый государь!

Вы считаете совершенно неинтересным последнее письмо, которым Вы меня почтили? Что до меня, я нахожу в нем материал для множества размышлений. В нем 'идет речь о детях. Какой большой интерес вызывает у меня этот предмет! Как приятно уже одно это слово для моего уха! Какую слабость питаю я ко всему, что имеет отношение к детям. Эта чувствительность рано стала господствовать во мне, поэтому я не стал долго отдаваться ей чисто умозрительно. Весьма наглядное доказательство тому: едва достигнув совершеннолетия, я — уже отец двух очаровательных существ, из коих одно, которому четыре года, принадлежит к женскому полу, а другое, в возрасте пятнадцати месяцев, — к противоположному [73]. (Простите, милостивый государь, что, уступая склонности моего сердца, я вхожу в детали,

которые могут показаться очень мелкими... Но, нет, я ошибся, Вы отец, этого достаточно, они Вам не покажутся такими.) Итак, природа, как бы желая заранее вознаградить мою чувствительную склонность, любезно одарила эти маленькие создания самыми приятными качествами: красивое сложение, очаровательные черты, оживленные лица, признаки многообещающего характера. (Но, пожалуй, Вы возразите, что эта картина написана отцом? Не важно. Разрешите мне продолжать. Я Вас заверяю, что, если б я и не был отцом, я, мне кажется, видел бы их такими же.) Наконец, скажу Вам, я испытываю удовлетворение, видя моих детей такими, что лучше я не мог бы желать. Чтобы помочь доброй природе и следовать моей собственной склонности, я счел долгом постоянно работать над формированием, вернее над сохранением, физических качеств моих отпрысков, и ради этого я, как мог, следовал известной системе тех из наших современных мыслителей, которых я считаю самыми разумными. Я имею в виду тех, кто убеждал смягчить судьбу, искони отведенную детству нелепыми предрассудками; тех, кто доказал всю ложность этих предрассудков; тех, кто сумел указать людям, чья достойная осуждения беспечность и предосудительные привычки исказили всякие разумные и естественные чувства, на разительный пример инстинкта животных, доказавших, что отнюдь не естественно, чтобы кто-то другой исполнял обязанности матери, что жестоким варварством было мешать ребенку свободно владеть своими членами, душить его изнутри питанием, не соответствующим слабости его желудка, лишать его удовольствия свободного дыхания, перегружать его к тому же слишком теплой одеждой, приучать его всевозможными способами к изнеженности, подчас истощающей и всегда вредной, и т. д., и т. д. Я счел долгом, повторяю, следовать буквально всем достойным советам этих почтенных людей, и результаты были такими, какими, конечно, они не могли не быть, а именно самыми удовлетворительными.

Но это отнюдь не все. Я всегда старался не делать ничего наполовину. Убежденный на основании широко распространенного опыта в том, как трудно поставить юность под покровительство хороших учреждений, я решил, что мне следует выбрать их отца, как наименее плохого воспитателя моих детей. Скажут, что это решение немного отдает самомнением. Пусть. Но я льщу себя надеждой, что движущие мною чувства — по крайней мере такой же залог успеха, как и чувства, воодушевляющие класс платных учителей, и что мое рвение может заменить все их мнимые таланты.

Одно обстоятельство меня затрудняет. Способности, которые я замечаю у моей дочери, в сочетании с отцовским пылом, увеличивающим, быть может, удовольствие, которое я испытываю, давая ей уроки, побудили бы меня уже сейчас приступить к занятиям, если бы мнения Женевского гражданина * не имели для

* *Жан Жак Руссо.*

меня столь большого веса. Он говорит мне, что, прежде чем перейти к такой «мелочи», как чтение и письмо, есть множество других, более интересных, вещей, которые детям надлежит знать; что отнюдь не следует спешить, обременяя их память словами; что важно даже отложить на завтра то, что не обязательно преподать им сегодня; что больше таланта в том, чтобы некоторым образом отсрочить их продвижение вперед, нежели в том, чтобы создавать видимость продвижения; что приобретение ими полезных знаний должно происходить постепенно — в соответствии со степенью важности этих знаний, что таким образом ученики самостоятельно пройдут большую часть пути и что благодаря этой системе он более чем уверен, что его Эмиль — пусть он только в двенадцать лет узнает первую букву алфавита — в четырнадцать будет отлично читать, не затратив на это никакого труда и ничуть не заботясь о том, чтоб его этому обучили, и что, помимо всего, в этом возрасте молодой человек будет обладать множеством знаний, о которых его сверстники, измученные и задерганные учением, не будут иметь ни малейшего представления. Все это обосновано столь убедительными соображениями, что я совершенно не в состоянии оспорить их.

Благоволите, милостивый государь, сообщить мне свое мнение о степени моего доверия к Жан Жаку. Я осмеливаюсь просить у Вас совета, как у друга, а также как у отца, обладающего большим опытом, чем мой. Надеюсь, что Вы не отнесетесь с пренебрежением к вопросу, о котором я Вам сегодня пишу и который так меня увлек, что я уже не могу говорить Вам о чем-либо другом. Я даже отложу до следующего раза отсылку «8-й сестры» и все остальное.

Имею честь пребывать с чувствами, которые Вы умеете внушать, милостивый государь,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

Удивительно, до какой степени наши отцы придерживались этого заблуждения. Я говорю «наши отцы», ибо представляется, что это их дело в такой же мере, как и матерей и кормилиц. Переводчик Первой декады истории Рима Тита Ливия (г-н Герен) [74] по поводу соображений переводимого им автора относительно произведенной Брутом революции, каковая, по его мнению, превратив монархию в республику, оказала Древнему Риму добрую услугу лишь постольку, поскольку в то время государство достигло уже определенной устойчивости,— так вот по поводу этих соображений г-н Герен сделал следующее примечание: «Здесь уместно аллегорическое сравнение государства с новорожденным ребенком, слабые и нежные члены которого не преминули бы сместиться или искривиться, если бы любящая, но строгая кормилица при помощи своих пеленок не держала их долгое время связанными и прижатыми друг к другу, пока они

не окрепли настолько, чтоб им можно было предоставить ту свободу, к которой их естественно влечет, но которая, как слишком твердая пища, была бы им вредна, если бы им дали пользоваться ею ранее, чем они были бы в состоянии перенести ее». Я не знаю, хорошо ли были обоснованы идеи латинского автора по этому вопросу, но несомненно, что ложность сравнения, к которому прибег переводчик, доказана как разумом, так и опытом. «Еще не надумали, говорит автор Эмиля, стеснять повязками щенят и котят, и тем не менее не заметно, чтобы от этой небрежности последовало для них малейшее неудобство». В моем частном случае мои дети, рожденные на глазах у меня, имели любящую мать, а не строгую кормилицу, которая, подобно описанной г-ном Гереном, длительное время связывала бы и сжимала члены одни с другими, дабы не дать им искривиться. Наоборот, они от самого рождения получали свободу упражнения своих членов. В дальнейшем их не стесняли ни корсетами, ни подушками для сидения, ни какими-либо другими способами, и тем не менее их движения, управляемые одной лишь природой и всегда соответствующие их растущим с возрастом силам, не только не уродовали их и не вредили ни одному из их членов, но помогли последним быстро приобрести необычайные гибкость и подвижность. Впрочем, такого рода вопросы столько раз обсуждались, что было бы почти тривиально вновь о них говорить, если б нельзя было это оправдать их величайшей важностью.

Однако... вот что странно. Сегодня, 20-го, я обнаруживаю, что это письмо до сих пор не отправлено Я поручил одному служащему положить его в конверт и отнести на почту. Ничего подобного. Он просто отложил его в сторону и забыл, о чем я его просил. Простите, милостивый государь, эту небрежность. Я прослежу, чтобы этого не случилось с моим ответом на Ваше письмо от 14-го, который последует вскоре за настоящим письмом.

ЗАПИСЬ О ПИСЬМЕ Ж. Ф. А. ДЕВЕНУ

Руа, 19 декабря 1786 г.

Написал, чтобы прислали мне рубашку с какой угодно оказией, затребовал «Калипсо» и «Бабийаров» [75], поблагодарил за «Военное устройство» [76], написал, что не спрашиваю о положении моих дел потому, что, если бы были у него новости на этот счет, он не стал бы ждать, чтоб я его запросил. Отослал «Исповедь англичанина» [77], выразив по поводу нее удовлетворение.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 20 декабря 1786 г.

Милостивый государь!

Продолжаю напоминать Вам Ваши обещания. Вы по характеру нисколько не похожи на придворного. Поэтому я уверен, что Вы не преминете выполнить все обещанное.

Итак, Вы — мой должник, помимо того, о чем идет речь в моем письме от 6 сего месяца, в отношении проспекта г-на де Сен Мери и отрывков, помещенных в «Le Musée» (судя по отчету № 1 о Ваших заседаниях), в отношении сочинений восхитительной мадемуазель Ле Массон (отчет № 3), Послания о притязаниях на славу, сочиненного г-ном Леруа де Флажи из Дижонской академии, и поэмы преподобного Девьена на смерть принца Леопольда [78] (отчет № 4), сочинений г-на Опуа о государственных праздниках, о погребениях и о розах Провена (отчет № 6), подробностей о любопытном трактате Предвестника изменения и т. д. (письмо от 16 ноября с. г.), поэмы г-на де Флажи, брошюры г-на Годфруа из Лилля и № 6 «Journal de la Langue française» (письмо от 23 ноября), мемуара г-на Дюпати [79] и новых сочинений (письмо от 14 текущего месяца). Я освобождаю Вас от посылки мемуара о девице Сальмон [80], который я прочитал некоторое время тому назад.

Вы видите, милостивый государь, какой я страшный человек, от меня нельзя отделаться обещаниями. Если Вы решите выслушать меня и, не прибегая к признанию недействительными своих обещаний, пожелаете удовлетворить мою крайнюю жадность, придется постоянно увеличивать объем посылок. И, чтобы впредь избежать подобных затруднений, Вам придется быть более осмотрительным, когда будет идти речь о том, чтобы что-то предложить или, если Вам все же захочется опять дать волю естественной склонности к великодушию, сделать так, чтобы не оказаться в долгу перед человеком, с которым шутки плохи.

Откладываю до следующей почты попытку высказать кое-что относительно последних отчетов о заседаниях. Я имею честь отослать Вам их вместе пока что только с первым выпуском «Прогулок», а равно пребывать с чувствами, о которых Вам хорошо известно,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 27 декабря 1786 г.

Милостивый государь!

Различные соображения прервали изложение скромных замечаний относительно присланных Вами разных произведений,

но я хочу вернуться на прежний путь и обращаюсь к № 7 Ваших интересных отчетов.

Я нахожу там куплет из песни о воздушных шарах, в которой г-н Опуа, по-видимому, с достаточным основанием трактует это открытие, произведшее в свое время столь сильное брожение в умах, как ничтожное. Верно, как он очень хорошо говорит, что это лишь безделушка, но она не преминула привлечь особенное внимание и взрослых и малых детей, ибо для тех и других увидеть человека, господствующего над воздухом, было, несомненно, совершенно новым зрелищем. С тех пор только и говорили об аэронавтике. Настоящими учеными считали по преимуществу аэронавтов. Человеческое тщеславие воспламенилось. Каждый стремился найти свою долю славы, занимаясь наукой о воздухоплавании. Но все проходит со временем. Самые полезные изобретения перестали вызывать всеобщий энтузиазм! Впрочем, самые удивительные открытия далеко не всегда приносили наибольшую известность их авторам, ибо чаще всего они обязаны этой известностью больше случаю, чем усилиям их воображения. Аэронавтика находится примерно в этом положении. Пожалуй, лишь ремесла, доставившие нам средства удовлетворения самых насущных потребностей, являются созданиями гения: те, кто их придумал, были, правда, еще дикими людьми, но самые эти потребности сделали их изобретательными.

Имя Вобана я знаю лишь по своему географическому словарю. Оно там многократно упоминается в связи с укреплением многих наших прекраснейших городов, и похвала, воздаваемая этим сооружениям, достаточно свидетельствует о правоте того из Ваших собратьев, кто на последнем заседании, говоря об аррасской цитадели, почтил память этого великого человека [81].

При виде того ожесточения, с которым Отшельник, надувшийся спесью в связи с мнимым открытием способа обогревания комнат посредством наполненных известью цилиндров, выступал в газетах против аптекаря с улицы Бон-фий, претендовавшего на славу конкурента, всякий счел бы долгом оказать изобретению полное доверие и не бояться говорить повсюду, что впредь не будет надобности наполнять дровяные сараи продукцией наших лесов, поскольку лучшее топливо можно найти в карьерах.

Пора положить конец моим сегодняшним размышлениям. Мне остается выполнить одну задачу, милостивый государь, и эта задача, поверите ли, заключается в упреках.— В упреках кому? — Вам. Зачем Вы пожелали мне, чтобы моя жизнь проходила под счастливой звездой (в моем случае это знак Водолея), и тем лишили меня чести пожелать Вам этого первым? Это, что бы Вы ни говорили, чистое коварство. Добавьте к этому другое коварство, заключавшееся в том, чтобы сказать мне вещи столь любезные, что смущение от сознания их незаслуженности затрудняет мой ответ. Однако, милостивый государь, если уста мои,

мало привычные к церемонным речам, способны лишь пролепетать те комплименты, которые они должны были бы произнести ясно и отчетливо, простите мне мою неспособность, примите уверение в искренности моих чувств, поймите их правильно и верьте, что никто в мире не относится к Вам столь чистосердечно, как,

милостивый государь,
Ваш смиреннейший и покорнейший слуга

Бабеф

Прилагаю при сем отчет № 10 и второй выпуск «Прогулок».

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 3 января 1787 г.

Милостивый государь!

В своем последнем письме я занимался тщательным рассмотрением Вашего отчета № 7. А так как, согласно арифметике, после 7 идет 8, я перехожу немедля к последнему номеру.

Среди этих Ваших интересных отчетов он отнюдь не на последнем месте. Сама тема уже представляет чрезвычайно широкое поле для размышлений, и автор, по-видимому, с самого начала приложил все усилия, чтобы извлечь из нее все возможное. И мне кажется, он вполне достиг своей цели. По-видимому, ничто в той значительной картине, которую ему предстояло создать, не ускользнуло от него. Какой у него естественный колорит! Сколько правды в выражении! С какой энергией опровергает он один из самых плачевных и преступных предрассудков! Кто, обладая сердцем, способным чувствовать, отказался бы порвать навсегда с этим предрассудком, обнаружив, благодаря посланию г-на Легэ [82], весь его ужас? Легкость и тонкость его кисти наводит на мысль, что ею водит сама Муза; и если подобные впечатления и были кем-либо испытаны, они оставались до сих пор не выраженными. Вместе с тем то трогательное чувство, которое он умеет внушить, почерпнуто только в самых естественных источниках, для познания которых достаточно быть человеком. Но то, что вызывает обычно волнение во всех сердцах, не всегда может быть выражено людьми, не обладающими особым талантом.

Я не могу воздержаться от восхищения и даже восторга при виде того, как красота сочетается с пользой. Это полностью относится к поэме г-на Легэ. Почерпнутая в одном из лучших источников рукой, управляемой весьма просвещенной чувствительностью, она не содержит ни одного стиха или слова, которые бы не трогали душу и не оживляли каким-то особенным огнем факел сюжета. В ней нельзя найти ни единого бесполезного или лишнего слога. Все в ней существенно, все в ней описыва-

ет то, что относится к предмету, и ничто к нему относящееся не опущено. Звучание каждого из этих стихов очень удачно и естественно. Вот так следует заниматься слаганием стихов. Когда сюжет интересен и в прозе, то цветущий жанр поэзии в надлежащих руках придает ему гораздо большую прелесть и чувство. Это, несомненно, присуще сочинению г-на Легэ. То мнение, против которого он выступает, слишком близко затрагивает все человечество, чтобы можно было видеть в его стихах лишь красоту и развлекательность. Он, по-видимому, сеял с намерением пожать и избрал целью своих трудов освобождение человеческого сердца от пороков — подлинной почвы заблуждений, почвы неблагодарной и сухой, порождения которой бесплодны и с трудом искоренимы; тем труднее посеять вместо них плодородные семена здравой философии. В этой деятельности он проявил самое полное бескорыстие.

О предрассудки, предрассудки! Трепещите пред голосом разума, который должен иметь над вами превосходство, хотя бы уже по праву старшинства. Будем надеяться, что в наш более счастливый век этот голос будет слышен чаще и не преминет уничтожить ваше хрупкое царство, ваш трон, многие основы которого, к счастью, уже поколеблены. В ожидании их окончательного крушения найдем утешение в словах бессмертного человека:

Что сказать в заключение этих долгих речей?
Что предрассудки — это разум дураков;
Нам не надо объявлять друг другу войну из-за них.
Истина приходит к нам с небес, заблуждения приходят с земли.
И среди чертополоха, который нельзя вырвать,
По тайным тропинкам должен идти мудрец.

«Поэма об естественном законе»*.

Боясь заблудиться, я останавливаюсь на этих «тайных тропинках». Возвращаю Вам третий выпуск сочинения г-на Турнона вместе с № 7 «Journal de la Langue française». Не забудьте, что Вы мне должны 6-й, и продолжайте верить искренности чувств, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

---

* Que conclure à la fin de tous mes longs propos?
C'est que les préjugés sont la raison des sots;
Il ne faut pas pour eux se déclarer la guère,
Le vrai nous vient du ciel, l'erreur vient de la tère,
Et parmi les chardons qu'on ne peut aracher
Dans les sentiers secrets le sage doit marcher.

«Poëme sur la Loi Naturèle»

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 17 января 1787 г.

Милостивый государь!

У меня тоже с некоторых пор были отвлекавшие меня обстоятельства. Но хотя они отличались от Ваших и были гораздо менее важными, чем некоторые из тех, о которых Вы мне пишете, именно из-за них я все же на прошлой неделе оказался в долгу перед Вами.

Вот почему на этой неделе я должен постараться возместить урон. Я с интересом прочитал и перечитываю сейчас помещенную в Вашем отчете № 9 выдержку из поэмы г-на Маскле [83] об упадке учебных занятий. Его идеи, отлично выраженные, представляются мне очень естественными и отражающими современные нравы, однако надо признать, что злоупотребления, против которых он выступает, царят только в одном из классов общества, который, сказать по правде, учитывая упадок, вызываемый в нем теми же злоупотреблениями, коим он дает себя поработить, отнюдь не является самым интересным.

С большим основанием, милостивый государь, восклицаете Вы (отчет № 10): кто тот несчастный, чье ухо не чувствительно к языку богов? Этот именно язык во всей его чистоте применил г-н де Саси в своей поэме о рабстве у американцев [84]. Надо быть действительно нечувствительным, чтобы не испытывать божественного очарования от сладости звуков, коими гармония его голоса придает этому языку еще новые красоты. Это отнюдь не то монотонное карканье стаи поэтиков, которые, уподобившись смешным попугаям, тщетно пытаются подражать этому небесному языку. Не всем смертным дано говорить на нем. Это исключительно высокая милость, перед которой человеческая спесь должна склонить свое знамя, если только личность, вздумавшая на нее притязать, признает себя чуждой Священной Горе *. Часто наши поэтические произведения делает интересными не столько их тема, сколько искусная форма, тем более восхитительная, что под покровом кажущейся легкости она скрывает трудности, преодоление которых является приятной наградой авторам за их усилия. Эта обманчивая видимость возрастает в зависимости от степени совершенства произведения. Нет такого человека, который при чтении хорошего стихотворения не почувствовал бы в первый момент стремления сказать: я мог бы написать все это. Одаренный от рождения, смею сказать, душой мирной и способной к состраданию, я давно разобрался во всех оттенках той интересной картины, которую г-н де Саси пишет столь яркими красками. Глядя на нее, я был очень удивлен тем затруднением, которое я испытал, желая согласовать мое восхищение ее прекрасным общим видом с ложным полуубеждением, будто, зная

---

* *Т. е. Парнасу.*

все предметы, из которых она составлена, я мог бы сделать почти то же самое. Какое грубое заблуждение!

Вы пишете, милостивый государь, что прежде, чем прислать, мне эту очаровательную поэму целиком, Вы, возможно, подождете, пока я Вас об этом попрошу! Поэтому я прошу Вас об этом, и самым настоятельным образом. Я согласен с Вами, что, «когда имеешь что-нибудь хорошее, нужно постараться, чтобы это как следует оценили». Ну, что же, в добрый час, заставьте ценить то, что у Вас есть: Вы, согласно этому принципу, имеете на то полное основание, поскольку нельзя ни под каким предлогом отказать сочинению г-на де Саси в эпитете «хорошее», однако теперь, когда все эти условности соблюдены, пришлите мне его. К тому же Вы слишком много сделали до сих пор, чтобы начать отказывать мне в чем-либо.

Я люблю поговорить немного обо всем, что вызывает во мне приятное волнение. Мемуар г-на Делегорга принадлежит к таким вещам. Я нахожу его очень глубоким, очень красноречивым, очень патриотичным, очень убедительным; а, впрочем, лучшим доказательством является то, что он признан достойным одобрения академии. Но позволено ли мне будет указать на нечто вроде грамматической ошибки в следующей фразе на странице 9...[85]

Теперь я подхожу к Вашей последней посылке. Она содержит столь много лестных для меня вещей, что я берусь ответить лишь на приложенное к ней Ваше собственное письмо и на те из вошедших в нее сочинений, которые я Вам возвращаю. Беру на себя смелость оставить до следующей почты сочинения, озаглавленные «Послание о притязаниях на славу» и седьмой выпуск «Прогулок».

Вы проливаете, милостивый государь, яркий свет на путь, которому мне надлежит следовать, чтобы до конца выполнить миссию, возлагаемую на меня моим званием отца. Оригинальность Руссо повергла меня в смущение, от которого Ваш личный опыт, направляемый Вашим верным и проницательным умом, освобождает меня самым полным и приятным образом. Мнение отца-учителя должно иметь перевес над мнением автора чисто умозрительных систем.

Простите, милостивый государь, что я несколько легкомысленно назвал Вас своим должником и что я потребовал от Вас, быть может чересчур развязно, уплаты по всем Вашим мнимым долгам мне. Даже в том случае, если бы эти долги были законно подлежащими востребованию, я понимаю, что это значило бы требовать от Вас сразу слишком многого и что, вопреки своей жадности, я должен был бы отнестись к Вам с более человечными чувствами и по крайней мере предоставить удобное и достаточное время для удовлетворения таких огромных претензий. Согласитесь, что это все же проявление умеренности для человека, столь необыкновенно любознательного, как я. Но Вы полны

снисходительности к любознательным такого рода, тем более что все поборники муз обычно в какой-то мере наделены таким характером.

Сочинение г-на Моро де Сен Мери [86] сможет, по-моему, и, наверное, по мнению многих других, быть только полезным. Пожелаем, чтобы оно стало еще более полезным, чем этого можно ожидать, имея в виду обычную судьбу такого рода книг. Я хочу сказать, что было бы желательно, чтобы автор, толкуя законы колоний в наиболее благоприятном и наименее противоречащем естественной свободе духе, призывал законодателя к смягчению законов, далеких от тех чувств человечности, которые считается честью исповедовать в наш философский век: так, чтобы жители Нового света, живущие под властью Людовика Справедливого, имели, как и мы, основание хвалить мягкость его правления.

Я также с удовлетворением снова встречаю имя г-на де Саси в Вашем 1-м отчете. Именно г-ну де ла Вьевиллю [87] и подобало наградить его лаврами за большие и полезные литературные труды.

С таким же удовольствием я опять нахожу в этом отчете блестящего г-на Легэ... Но что я вижу?.. Ах, милостивый государь, это нехорошо. Как можно так застигать врасплох! Смотрите, в какое состояние Вы меня приводите. Я так ослеплен блеском похвал, которыми Вы осыпаете мое бедное сочинение, что я не могу уже думать ни о чем другом [88]. Я очень хотел бы, чтобы Вы вновь повторили такой поступок. И вот за все это я попрошу Вас разрешить, чтобы г-н аббат Купе [89], королевский цензор, получивший поручение просмотреть это мое сочинение, адресовал мне свои письма на Ваше имя и чтобы эти письма были присоединены к посылкам, которые, я надеюсь, Вам угодно будет продолжать мне посылать.

Прощайте, милостивый государь, примите выражение моей горячей благодарности и повторные заверения в чувствах искренней привязанности и совершенного уважения, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

P. S. Прилагаю 4-й и 5-й выпуски «Прогулок», № 6 «La Langue», отчет № 11, мемуар о разделе ферм и Проспект сочинения о законах и конституциях колоний.

(Прежде чем запечатать письмо, я подумал, что моя просьба легкомысленна, поскольку Вы не располагаете для самого себя порто-франко. Поэтому я беру обратно свою просьбу и постараюсь устранить последствия, какими бы незначительными для Вас они ни были, если я не укажу другого пути г-ну Купе.)

ПИСЬМО Ж. М. Л. КУПЕ

Руа, 18 января 1787 г.

Милостивый государь!

Это верно, что мое сочинение представляет собой еще только собрание материалов, подобранных без особенного порядка [90], потому что, в связи с различными задержками со стороны цензуры, я не очень торопился окончательно отделать это сочинение, которое, судя по ответу, которым Вы меня теперь почтили, я надеюсь наконец вскоре предать гласности.

Несмотря на всю мою заинтересованность в ускорении опубликования, я, однако, не предвижу, милостивый государь, в силу моих личных дел, которые я никак не могу отложить, возможности представить Вам на суждение мой труд ранее чем через несколько недель. Я рад предупредить Вас об этом во избежание всякого подозрения в небрежности с моей стороны.

Пока что я Вам очень признателен, милостивый государь, за своего рода предварительное одобрение, которое Вам угодно было дать моему сочинению, и я буду совершенно счастлив, если оно окажется достойным укрепить то благоприятное мнение, которое зародилось у Вас при первом ознакомлении с ним.

Будьте снисходительны, милостивый государь, к естественному и несколько суетному, если угодно, излиянию чувств автора, охваченного энтузиазмом от первого луча славы. Этот первый порыв восторга, мне кажется, заслуживает прощения, поскольку он довольно обычен среди всякого рода сочинителей. Я хочу перейти сейчас к небольшой награде, которой Аррасская академия недавно удостоила мое сочинение, объявив на одном из своих последних заседаний, отчет о котором содержится в полученных мною материалах, что «г-н секретарь представил проспект большого труда г-на Бабефа, озаглавленный «Земельный архивариус, или Методический трактат о приведении в порядок сеньериальных архивов и о составлении и последующем непрерывном продолжении инвентарей титулов, планов, а также домениальных, феодальных и цензивных описей»; представляется, что это сочинение будет очень полезно для управления поместьями и что автор показал в своем довольно обширном проспекте ростки большого таланта».

Если заглавие и имя автора большого труда, точно такого же рода, по Вашим, милостивый государь, словам, как и мой, не являются тайной и если не будет чрезмерно просить Вас сообщить их мне, я удовлетворил бы свое любопытство, и в результате мой соперник продал бы экземпляр своего сочинения: ибо когда принадлежишь к какой-либо профессии, то всегда приятно знать всё, что к ней относится, будь то хорошее или плохое.

С подлинным удовольствием от более близкого с Вами знакомства имею честь пребывать с полным доверием и совершенным почтением, милостивый государь, Вашим и т. д.

P. S. Если Вы окажете мне честь еще раз ответить, умоляю Вас, применяя путь, который я имел честь Вам указать, соблюсти небольшую предосторожность и запечатать Ваше письмо только алтарной облаткой, потому что на почте разрывают конверты, если внутри них прощупывается печать. Я наблюдал это неоднократно, в последний раз в связи с Вашим письмом, которое дошло до меня по почте со штемпелем Арраса.

ПИСЬМО БИГОРГУ

Руа, 18 января 1787 г.

Милостивый государь, пользуюсь оказией поездки г-на Девена, типографа в Нуайоне, моего друга, который будет иметь честь вручить Вам настоящее письмо, чтобы самым настоятельным образом умолять Вас передать ему, со своей стороны, просто два слова ответа, обращено или нет какое-либо внимание на то, с чем я имел удовольствие обратиться к Вам около месяца тому назад и, не вдаваясь в детали, как в этом отношении обстоят дела сейчас.

Имею честь быть с самой искренней и совершенной преданностью, милостивый государь, Вашим и т. д.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 24 января 1787 г.

Милостивый государь!

Я должен поздравить Вас: 1) по случаю Вашего вступления в Академическое общество Валанса, и я нисколько не удивлен тем, что это новое отличие прибавляется ко многим другим, заслуженным Вами благодаря Вашим блестящим талантам; 2) и с другим, менее важным, событием, а именно с истечением пресловутого недельного срока исполнения обязанностей в качестве эшевена, чего Вы, по-видимому, так боялись; и это тоже нисколько меня не удивляет, поскольку многие другие эшевены, бесспорно, менее способные, чем Вы, удачно заканчивали свои недельные дежурства и часто полагали, что они их провели весьма похвальным образом.

Вы поистине проявили подлинное желание дать мне полное удовлетворение, прислав мне с совершенной точностью все прекрасные сочинения, о получении которых я осмелился выразить Вам свое желание. С каждым днем Вы приобретаете, таким образом, милостивый государь, все новые права на мою благодарность; я также благодарен Вам за то, что Вы любезно продолжаете присылать мне отчеты о Ваших заседаниях, все более и более интересные благодаря Вашему совершенному искусству находить в них все новые красоты.

Я с удовольствием и интересом прочитал мемуар г-на Годфруа [91]. Его взгляды представляются мне верными и хорошо доказанными. Я также нашел, что его план превосходно задуман и способен принести выгоды, которые он отнюдь не преувеличивает. Однако, будучи поглощен своим предметом и, видимо, не рассматривая ничего другого, он, кажется, питает странную симпатию к монахам, которые, по его словам, первые овладели искусством дипломатики, а затем усовершенствовали его и передали последующим поколениям. Это утверждение представляется довольно правдоподобным, но, между нами говоря, если это благо доставлено нам отшельниками, я очень склонен думать, что это единственное благо, которое мы от них получили.

Ответ Парижского музея г-ну Легэ об его послании [92], по правде сказать, представляется мне весьма странным. Он вполне способен подтвердить мнение, что нет другой страны, где так старались бы беречь женщин, как в нашей. Но, быть может, это-то чрезмерное внимание в значительной мере и способствует тому, что их «нервы столь слабы»? Во всяком случае было бы весьма неприятно, если хорошие сочинения будут при самом их рождении обречены на забвение из-за опасения, что какое-либо резкое выражение может вызвать у чувствительной слушательницы обморок. Такого неудобства, конечно, отнюдь не предвидели, когда, желая дать чрезвычайное доказательство философского духа нашего века, решили допустить прекрасный пол в наши литературные собрания! Я не думаю даже, чтобы Мольер или какой-либо другой комедиограф когда-либо отметили удивительные недоразумения подобного рода. Но если несправедливо лишить слабый пол права, которое и без того было ему предоставлено слишком поздно, под благовидным предлогом, что некоторые из особ этого пола не умеют им пользоваться, то следует ли из этого, что ради столь странного предрассудка, поддерживаемого мужчинами, ценнейшие произведения подлинных друзей человечества должны оставаться совершенно неизвестными в стране, как бы созданной для того, чтобы распространять их живительное действие? Не найдется ли средства спасти их от столь всеобщего и столь же неразумного запрещения, прибегнув к небольшой хитрости и проведя их украдкой, без ведома маленьких «слабонервных» созданий, в среду крепких мужчин, способных почерпнуть в них новые силы?

Прилагаю к сему 6-й и 7-й выпуски сочинения г-на де Турнона, которого я считаю самым понятным из наших грамматистов, и извлекаю из его труда выдержки, коими надеюсь воспользоваться. Я сделал также выписки из послания г-на Леруа де Флажи о характерных чертах подлинной славы. Я Вам возвращаю также это высокофилософское сочинение и признаюсь, что неспособен восхвалить его по достоинству. Всякий честный человек может его оценить, ибо он найдет в нем только вещи, которые его доброе сердце радо будет принять. Пусть основы

нашей нравственности зиждятся на таких сочинениях; и в надежде на это я с полной искренностью и независимо от всякого рода освященных обычаем, но ничего не значащих и нелепых формул скажу, что пребываю,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 31 января 1787 г.

Милостивый государь!

Мне не подобало бы злоупотреблять Вашей любезностью и требовать от Вас жертв больших, чем те, которые Вы для меня приносите. Я нахожу их значительно превосходящими все, что я мог бы сделать в знак благодарности. Поэтому Вы, конечно, не увидите ничего странного, если я воздержусь сегодня от подробностей ввиду того, что у меня почти столько же затруднений, как у Вас, хотя они и другого рода. К тому же Вы имеете полное право писать мне коротко и вовсе не обязаны объяснять, какими важными причинами это вызвано, — к таким объяснениям Вас побуждает только Ваша чрезмерная доброта: но если бы я задумал подражать Вам в этом, это не только означало бы, что я забыл все, чем Вам обязан, но и обличало бы во мне человека, не способного понять, что одно Ваше слово стоит больше, чем целые страницы его жалкой болтовни.

Я с большим интересом прочитал первую часть большого мемуара г-на Дюпати [93]. Он носит, на мой взгляд, печать самой полной убежденности. Я очень желал бы увидеть его продолжение, а также объемистую обвинительную речь г-на Сегье [94], о которой много говорят газеты. Смею надеяться получить со временем при Вашем благосклонном содействии, милостивый государь, эти нашумевшие произведения, вызванные событиями, создающими памятную эпоху в летописях нашего века.

Я также с немалым интересом прочитал стихотворение, обращенное к барону де Тотту [95], которого я знал по его турецким мемуарам. Эти стихи представляются мне справедливой и достойной данью уважения к делам, описанным в этих самых мемуарах, которые всегда будут окружать ореолом чести память этого великого человека.

Имею честь быть с постоянством чувств, более глубоких, чем это можно выразить,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 7 февраля 1787 г.

Милостивый государь!

Я поспешил воспользоваться случаем быть Вам полезным. Я хотел бы, чтобы подобные случаи представлялись чаще, и я надеюсь, что Вы не усомнитесь в искренности этого желания, принимая во внимание точность, с которой я составил перечень замечаний, относящихся к предмету, Вами мне порученному; эти замечания при сем прилагаются. С такой же точностью Вы ликвидируете то, что Вы называете Вашими долгами по отношению ко мне. Вы делаете даже больше, чем обещали, посылая мне не только полный текст ценных поэтических произведений господ Маскле и де Саси, которые снова вызвали у меня величайшее восхищение, но и другие интересные сочинения, которые я Вам возвращаю. «Пол цветов», «Диана» и «Пожелания» г-на Романа [96] принадлежат к изящному жанру, и они действительно красивы. Надгробное слово, по самому своему наименованию, есть сочинение патетическое, и этого качества нельзя оспаривать у речи, произнесенной у гроба г-на де Розье [97], этого знаменитого неудачника. По моему мнению, сочинения такого рода часто страдают одним недостатком — преувеличением; но эта речь представляется мне свободной от подобного порока. В ней по заслугам хвалят трудолюбивого и изобретательного химика, но энергично порицают безрассудно смелое поведение и неразумное честолюбие чересчур предприимчивого аэронавта. Вы знаете, с какими чувствами я имею честь быть постоянно,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

P. S. Вы также приняли на себя обязательство прислать мне «Путешествие по Швеции» г-на Криньона [98] и «Теорию ветров» г-на де ла Кудрэ [99]. Ну что ж, милостивый государь, Вы в состоянии платить, так платите же. Конечно, я прошу Вас об этом как об одолжении.

Я думаю, что был бы недостоин Вашей доброты и тех затруднений, которые Вы себе причиняете из-за меня, если бы довольствовался тем, что просто прочел однажды подобные произведения и не использовал возможность, которую Вы мне предоставляете, еще раз прочувствовать их красоту и разделить это удовольствие с друзьями.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 24 февраля 1787 г.

Милостивый государь!

Женщины, о которых Вы мне пишете, отнюдь не принадлежат, если я не ошибаюсь, к числу тех, кто падает в обморок при чтении литературных произведений, значительных как по содержанию, так и по манере изложения. Я, однако, думаю, что они по меньшей мере столь же чувствительны, как и те, но, к чести своего пола, гораздо более способны разумным образом управлять этой чувствительностью. Упоминание имени мадемуазель Ле Массон де Гольфт вызывает в моей памяти, милостивый государь, одно из Ваших любезных писем, датированное 26 октября минувшего года, в котором, или по крайней мере в приложенном к нему отчете № 3, Вы обещали мне прислать некоторые из ее произведений. Вы, конечно, будете столь добры, чтобы не пренебречь исполнением этого обещания, так же как и всех других, которые Ваша добрая воля и Ваша любезная предупредительность побудили Вас сделать мне.

Каждый раз, когда Вы оказываете мне честь Вашим письмом, Вы добавляете новые обязательства к ранее принятым Вами по отношению ко мне. Вы мне опять обещаете первую таблицу Амьенского музея о различных видах воздухов и газов, определения которых дает г-н аббат Ренар [100] (отчет № 15, если, говорите Вы, я хочу с ней ознакомиться. А почему бы нет?). Иными словами, всякий раз, когда я получаю эти письма, Вы приобретаете новые права на мою благодарность.

Каждый раз, когда Вы оказываете мне честь Вашим письмом, милостивый государь, Вы сообщаете мне о новых милостях, оказанных Вам теми, кто обладает дарами муз. Иными словами, всякий раз, получая эти письма, я не должен изощряться в поисках какого-нибудь банального комплимента Вам, а должен удвоить благоговение к тому, чьи редкие заслуги делают его достойным всего, что может быть лестно смертному, и кто, каково бы ни было расстояние между ним и мной, благоволит жаловать меня своими милостями.

Присланный Вами отчет № 16 возбуждает у меня, милостивый государь, непреодолимое желание попросить у Вас сочинение на тему: «Более ли счастлив чувствительный человек...» Вопрос этот тем более в моем вкусе, что Вы уже соблаговолили говорить мне о нем минувшим летом, и Вы мне засвидетельствовали, что почти удовлетворены тем, что я по этому поводу высказал. Вы вспомните, быть может, что сказанное мной не было, по правде говоря, в стиле г-на барона де Курсе [101], но по своим идеям оно было довольно похоже.

Я прочитал «Гений» [102], «Путешествие кузена Жака» [103] и окончание «Мемуара» г-на Дюпати; будь у меня больше времени (причина, вынудившая меня, с большим сожалением, не ответить

на Ваше письмо на прошлой неделе), я бы Вам подробно описал, что испытало мое сердце при чтении этих различных произведений. Но я предполагаю, что Вы соблаговолили достаточно его узнать, чтобы оценить немного его свойства и быть в состоянии угадать, как может повлиять на него каждый из этих жанров.

После этого Вы должны поверить, что письмо Полины к Сенеке [104] могло доставить мне лишь величайшее удовольствие.

Я совершенно не способен выдвинуть какие-либо соображения по поводу искусства исчисления ценности мыслей [105]. Я всегда полагал, что существует тысяча разных способов видеть одну и ту же вещь и что все они зависят от бесконечного различия, существующего в физической и нравственной природе людей; но я не могу понять, каким образом можно подчинить суждение о ценности идей принципам цифровых комбинаций и расчетов, которые дали бы верные и неизменные результаты. Конечно, если бы такой метод был осуществлен, это принесло бы величайшие преимущества: мы не видели бы так много противоположных мнений, из коих каждое считается правильным, хотя в большинстве случаев они ложны. Подлинный талант получил бы наконец достойное вознаграждение: только хорошие произведения были бы приняты и собирали бы должную дань уважения, тогда как плохие были бы безоговорочно исключены и перестали бы, как подлые паразиты, делить с первыми то, что по праву принадлежит только им; никто не высказывал бы больше необдуманных мнений о чем бы то ни было; все предварительно пропускалось бы через горнило этого искусства, ценные вещества были бы выделены из сплава, и все написанное было бы результатом не столько деятельности ума, сколько чисто механических приемов. Разум играл бы тогда лишь подчиненную роль, заключающуюся в подтверждении, а не в суждении. Но как все это может быть сделано? Как это может быть сделано? Поживем, увидим.

Я, кажется, не написал Вам, что я отсылаю «Пол цветов» г-на Романа. Позвольте мне вернуть Вам его через несколько дней вместе с 8-м выпуском «Прогулок».

Имею честь быть с благодарностью за те чувства, которыми Вы меня награждаете,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 7 марта 1787 г.

Милостивый государь!

Знакомое мне лицо пишет 28 минувшего февраля: «Я льстил себя надеждой ввезти в столицу для розничной продажи прилагаемую при сем брошюру [106], но, не имея возможности это сделать, я вынужден решиться на продажу ее в розницу в разных провинциях. Как Вы понимаете, я могу это делать лишь с предосторожностями. Я подумал, что Вы могли бы оказать мне услугу и заинтересовать Вашего корреспондента в Аррасе в устройстве ее розничной продажи. Если б он был столь любезен, я вполне убежден, что в этом городе можно было бы продать много экземпляров. Я бы их уступил по 30 су с тем, чтобы торговец продавал по 48. Нужно было бы, чтобы этот господин соблаговолил придерживаться правила выдавать розничному торговцу только по 12 экземпляров каждый раз с тем, чтобы оплата производилась постепенно, по мере сбыта. Если он будет столь любезен, то по получении его ответа, который я Вас попрошу сообщить мне, я перешлю ему брошюру в Аррас через парижскую почтовую контору. Прилагаемый к сему экземпляр предназначен для этого господина, и я прошу Вас передать его ему с ближайшей оказией».

Я выполняю, милостивый государь, свой долг по отношению к этому лицу, отсылая Вам экземпляр упомянутой брошюры; чтение ее, быть может, не оставит Вас равнодушным и позволит Вам судить о том, захотите ли Вы участвовать в ее распространении. Если Вы можете это сделать, Вы обяжете меня, оказав услугу человеку, чье поручение я сейчас выполняю, и тогда Вы добавите этой новой услугой новые обязательства ко всем тем, по которым я должен с Вами рассчитаться, а я со своей стороны смогу лишь добавить к чувствам, многократно мной Вам выраженным, просьбу считать меня состоящим в вечной от Вас зависимости в качестве,

милостивый государь,
Вашего смиреннейшего и покорнейшего слуги

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 17 марта 1787 г.

Милостивый государь!

Вы имели любезность честно написать мне и повторить, что мы будем отдаваться нашей переписке лишь в меру того, что нам позволяют наши личные дела. Вы знаете, как умеренно я пользуюсь этим разрешением и что лишь непреодолимые обстоя-

тельства могут меня к этому вынудить. Поэтому Вы соблаговолите не слишком сильно меня обвинять за то, что после Вашего последнего письма я позволил себе задержать ответ, успокаивая себя тем, что между нами существует соглашение, коим я пользуюсь всегда только нехотя. Я был бы также огорчен, если бы при отсутствии у Вас обстоятельств, столь повелительно вынуждающих меня к молчанию, Вы приняли обстоятельства, лишающие меня одной из самых больших радостей, как предлог для того, чтобы сделать это лишение еще более чувствительным, оставив меня полностью без внимания. Верьте, милостивый государь, что я буду жестоко наказан, если не смогу больше вкушать удовольствия от беседы с Вами, и что всякий раз, когда я смогу отдаться ей совершенно свободно, это будет для меня невыразимым наслаждением.

Вы одарены слишком доброй душой, чтобы лишить меня этого удовольствия. И даже если моя болтовня покажется Вам, не скажу бессмысленной, но хотя бы скучной, Вы так далеки от малейшего подобия эгоизма, что у Вас хватит терпения меня слушать. А я, менее деликатный, я буду продолжать, дабы удовлетворить мое настоятельное стремление учиться.

Возвращаю Вам много произведений, о которых я мог бы рискнуть высказать некоторые соображения, но у меня пока еще нет времени это сделать. Вероятно, большой потери тут нет. Однако по соображениям, изложенным выше, я обещаю себе больше поболтать в более свободное время.

Я, однако, должен еще попросить Вас порадовать меня присылкой письма мадемуазель Ле Массон де Гольфт и программ конкурсов на премии 1787 и 1788 годов Общества клуба Филадельфов Французского мыса вместе с Проспектом этого общества [107]. Когда Вы мне пишете: «Хотите ли Вы, чтобы я Вам прислал такие-то вещи»,—это то же, как если бы Вы мне написали: «Я вам пришлю», — ибо я принимаю все, что мне предлагают.

Продолжайте, умоляю Вас, верить чувствам почтительного восхищения, благодарности и другим, с которыми я уже имел и постоянно имею честь подписываться,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

«Перечень сочинений, которые г-н де Фоссе, секретарь Аррасской академии, обещал мне прислать, начиная с 6.X 1786 г.» [108]
[Руа, 17.III 1787 г.]

Заглавия сочинений	Письма, в которых обещана присылка	Даты отправки этих посылок и писем об обратной отсылке
Премированный мемуар г-на Делегорга-младшего, адвоката при совете провинции Артуа, по вопросу о делении ферм, предложенному Аррасской академией	Письмо от 5 июля 1786 г.	23.X 86 г. 11.I 87 г.
Проспект г-на Моро де Сен-Мери, председателя Парижского музея, о законах и конституциях француз ских колоний Антильской Америки	Посылка от 12.X 1786 г.	Возвращено 11.I 87 г.
Прогулки Клариссы, сочинение г-на Турнона, из Парижского музея	19.X 86 г.	Различные письма начиная с * до *
Различные сочинения мадемуазель Ле Массон де Гольфт, члена академии, проживающей в Гавре	26.X 86 г.	
Послание о притязаниях на славу, сочинение г-на Леруа де Флажи из Дижонской академии	2 и 23.XI 86 г.	Возвращено 24.I 87 г.
Поэма преподобного Девьена на смерть принца Леопольда Брауншвейгского	2.XI 86 г.	
Брошюра г-на Годфруа, архивариуса в Лилле, озаглавленная: План литературных работ, подлежащих выполнению по приказу его величества для разыскания, собрания и использования исторических документов и памятников государственного права Французской монархии	9 и 23.XI 86 г.	Прислано 11 и возвращено 24.I 87 г.
Сочинение г-на Опуа об общественных праздниках, о похоронах и розах Провена	16.XI 86 г.	
Подробности о своеобразном трактате Предвестник изменения всего мира и т. д.	16.XI 86 г.	

* *Пропуски в тексте.*

Заглавия сочинений	Письма с обещанием их присылки	Даты отправки этой посылки	Мои письма, извещающие об обратной отсылке
Мемуар г-на Дюпати в защиту 3-х человек, приговоренных к колесованию	14.XII 86 г.	24.I 87 г.	31.X 87 г.
Новые пьесы, имеющие успех на наших театрах	14.XII 86 г. 11.I 86 г.		
Поэма г-на Маскле, адвоката при Парижском парламенте, об упадке учебных занятий	14.XII 86 г.	30.I 87 г.	7.II 87 г.
Поэма г-на де Саси, королевского цензора и почетного члена Аррасской академии: о рабстве американцев и негров	23.XII 86 г.	тот же день	7.II 87 г.
Стихи г-на де Таранже, медика в Дуэ и почетного члена Аррасской академии, к барону де Тотту, автору Мемуаров о турках и татарах	24.I 87 г.	тот же день	31.I 87 г.
Сочинения г-на Романа из Дуэ, озаглавленные: Пол цветов, Диана, Анакреонический романс и Мои пожелания	30.I 87 г.	тот же день	
Путешествие по Швеции, сочинение г-на Криньона	30.I 87 г.		
Теория ветров, сочинение г-на де ла Кудрэ, члена многих академий	30.I 87 г.		
Путешествие кузена Жака в аббатство Арруэз	7.II 87 г.	7.II 87 г.	24.II 87 г.
Таблица различных видов воздуха и газов, сочинение г-на аббата Ренара из Амьенской академии, профессора физики в Амьене	7.II 87 г.		
Гений, ода, сочинение г-на аббата Жанти, секретаря Королевского общества сельского хозяйства в Орлеане	14.II 87 г.	14.II 87 г.	24.II 87 г.
Послание в стихах, сочинение г-на Буриньона из Сенто, озаглавленное: Письмо Полины к Сенеке	14.II 87 г.		
Надгробное слово о несчастном Пилатре де Розье, сочинение г-на Юэ де Фробервиля, непременного секретаря Физического и естественноисторического общества в Орлеане	18.I 87 г.	30.I 87 г.	7.II 87 г.
«Journal de la Langue française»	Различные письма от * до *	то же, что и рядом	то же, что и рядом
Письмо г-на Бланшара к гражданам г. Валансьен об его 23 подъеме в марте 1787 г. 1-я пирамидальная группа аэростатов	26.II 1787 г.	то же, что и рядом	17.III 87 г.
Стансы о дружбе	то же	то же	то же

* *Пропуски в оригинале.*

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 21 марта 1787 г.

Милостивый государь!

Сегодня у меня хватает времени только для того, чтобы наспех направить Вам несколько вопросов, зародившихся в моем склонном к мечтаниям мозгу в связи с предложением, которое Вам угодно было мне сделать [109]. Вот эти вопросы:

1

Не является ли расточительной практика ежегодного оставления под паром одной трети лучших земель или даже всей пахотной площади? В случае положительного ответа определить теоретически: 1) выгоды, которые могла бы принести отмена этой практики, за вычетом дополнительных расходов, связанных с введением противоположной практики, 2) наиболее подходящие средства убедить большинство земледельцев следовать этой новой практике [110].

2

Какими средствами можно было бы самым верным образом фиксировать количество, местоположение, границы всех недвижимых имуществ и лежащие на них права и обязанности, каково бы ни было положение этих имуществ по закону, и даже увековечить эту фиксацию независимо от перемен, могущих произойти в распределении и расположении объектов обложения, так чтобы предотвратить какие бы то ни было тяжбы между гражданами, связанные с недвижимой собственностью [111].

3

С учетом общей суммы ныне достигнутых знаний каково было бы состояние народа, если б его общественные учреждения были таковы, что между всеми его членами царило бы совершенное равенство, что земля, на которой он живет, была бы ничьей и принадлежала бы всем, что все, наконец, было бы общим, вплоть до произведений всех видов промышленности. Были ли бы такие учреждения основаны на естественном законе? Возможно ли, чтобы такое общество существовало и чтобы можно было найти средства абсолютно равного распределения? [112]

Вы понимаете, милостивый государь, что мое воображение не могло бы породить все эти вопросы, если бы у меня не было на этот счет более пространных соображений; и в случае, если эти темы будут предложены Вашим ученым обществом, я, несомненно, попытаюсь их разработать.

Имею честь быть неизменно с чувствами, которые Вы знаете, милостивый государь,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 28 марта 1787 г.

Милостивый государь!

Я в большом долгу перед Вами, но я льщу себя надеждой, что смогу довольно быстро выполнить свои обязательства, и предполагаю еще успеть основательно поболтать о многих вопросах, по коим Вы снабдили меня материалами. Но Вы, конечно, понимаете, это будет, как говорится, часто, но понемногу.

Прежде чем вернуть Вам Ваш отчет № 18, я его перечитал с необыкновенным удовольствием. Все в нем представляется мне крайне интересным. Могу ли я питать хоть какую-нибудь надежду прочесть однажды в каталоге произведений, присылка которых мне обещана, «сборник очерков г-на Бутье»? [113] Сколь важные предметы он в них трактует! Как они хорошо выявляют в авторе подлинно честного человека! Как хорошо может развить подобные идеи душа, способная породить их! Сколь много преимуществ у такого проникнутого своими взглядами человека, чтобы убедить, увлечь, даже очаровать любое существо, сколько-нибудь одаренное чувствительностью!

Вопрос, предложенный Безансонской академией (стоит ли талант выше всех правил?), напоминает мне сочинение, помещенное в «Journal de la Langue française», 1786, № 2, страница 48. Это сочинение озаглавлено: «Об опасности установления правил в искусствах». Оно подверглось энергичной критике со стороны г-на Домерга. Мне тоже показалось, что автор построил чисто софистическую систему, о чем свидетельствует следующий отрывок:

...Глухой к голосу божества,
Человек осмелился презреть то, что этот голос ему диктует.
Он подчинился тираническим законам,
Создал сотню химерических кодексов и правил.
Способный творить лишь ценою тяжких трудов,
Он утерял красоту, стараясь избежать ошибок.
Бесплодный обожатель своего нового идола,
Художник превратился в раболепного копииста.
Без этих кандалов он не осмеливается сделать ни шагу *,
и т. д.

---

* ...Sourd à la voix de la Divinité,
L'home osa mépriser ce qu'èle avait dicté
Il s'asservit lui-même à des loix tiraniques
De règles il forma cent codes chimériques
Ne pouvant enfanter qu'à force de travaux,
Il perdit les beautés en fuyant les défauts,
De sa nouvèle idole adorateur stérile
L'artiste ne devint qu'un copiste servile,
Il lui falut des fers pour oser faire un pas, etc.

Если кое-что и верно в этих утверждениях, мне кажется, что они содержат сильные преувеличения и что рассуждения автора покоятся на сомнительной и ложной основе. Ибо без правил как бы сам он построил свою поэму? Мог ли бы он тогда очаровать читателей, что ему удалось сделать своим искусно построенным сочинением? Но я склонен предполагать, что этот отрывок послужил поводом к постановке Безансонской академией вопроса, представляющегося мне, как и Вам, милостивый государь, столь же важным, сколь и трудным для рассмотрения.

Басня о милорде и разносчике представляется мне весьма поучительной, но мне кажется, что мнимый анекдот рассказан в манере несколько чересчур шутовской и отнюдь не остроумной [114].

Сегодня я кончаю на этом, повторно заверив Вас, что с неизменным почтением и симпатией, продиктованной благодарностью, я подписываюсь,

милостивый государь,
Ваш смиреннейший и покорнейший слуга

Бабеф

P. S. Будьте добры пересмотреть мое последнее письмо от 21 сего месяца и заменить там во 2-м вопросе слово «фиксировать», содержащееся там дважды, словом «определить». Не лучше ли будет также заменить в моем 3-м вопросе слово «учреждения», тоже дважды употребленное, словом «установления»?

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 12 апреля 1787 г.

Милостивый государь!

Человек предполагает, а бог располагает. Признаю сейчас правильность этой пословицы. В своем последнем письме от 28 марта я Вас заверил, что начиная с того дня я так все устрою, чтобы в возможно кратчайший срок погасить мои старые долги по отношению к Вам. Необходимость совершить довольно продолжительную поездку встала на пути выполнения этого намерения и лишила меня удовольствия, которое я предвкушал, оплатить столь священный долг. Постараемся же сегодня несколько вознаградить себя за неприятность, причиненную нам властной судьбой. Это тоже старая истина: человеческое сердце так устроено, что самое непреодолимое желание сделать какую-либо вещь у нас возникает только тогда, когда этому противостоят препятствия.

Прежде всего я рад сказать Вам, что, поскольку «Военное устройство» доставило Вам удовольствие, совершенно необходимо, чтобы Вы приняли в дар один экземпляр этого сочинения. С этой целью я здесь прилагаю экземпляр. Что касается знакомства с автором, то это связано с несколько бо́льшими трудностями: не-

обходимо, чтобы я предварительно убедил его в том, что он может совершенно безопасно открыться мудрецу, который ищет встречи с талантливым человеком только потому, что питает к нему расположение.

Вслед за этой брошюрой я отсылаю Вам заметку г-на Марена [115]. Вы увидите, милостивый государь, что листы посланного Вами мне экземпляра в нескольких местах отмечены ногтем. Признаюсь, я не мог воздержаться от нескольких «царапин». Вы меня простите? По крайней мере осмелюсь надеяться на это. Тем более что, скажу Вам, я был еще очень сдержан, ибо, если бы я дал волю своему порыву, я бы совершенно растерзал это жалкое сочинение. Я говорю жалкое, но терпение, не будем забегать вперед, не будем предвосхищать: раньше, чем судить, подобает рассмотреть. Знаете ли, милостивый государь, кто так сильно меня настроил против этого милейшего г-на Марена: это не кто иной, как этот фанфарон Бомарше. Он настолько пропитал меня своим едким умом, что, как только я бросил взгляд на фронтиспис заметки, я обнаружил тождество с чем-то ранее мною виденным и сразу же вспомнил эту насмешливую цитату: «Ла Сиота, маленький городок, где маленькая Мария за маленькую плату мурлыкала на маленьком органе в маленьком приходе». Этого мне было достаточно, чтобы заметить, что в конце страницы 5: «...но сыновья крупных сеньеров и т. д.» — г-н Марен, кажется, собирается сказать... прямо противоположное тому, что говорит на самом деле, т. е. что «Понтюс де Тиар, ослепленный славой своих предков и т. д., и вовсе не ответил на заботы своих учителей». На странице 8: «Сирюс де Тиар, племянник Понтюса, которому он уступил свое епископство, и автор многих достойных уважения трудов, утверждал, как и он, и т. д.». Кто уступил епископство? Кто был автором? Кто утверждал? Почему не сказать во избежание всякой двусмысленности: «Сирюс де Тиар, племянник Понтюса и автор многих достойных уважения трудов, утверждал, как и его дядя, от которого он получил епископство, утверждал, говорю я, с величайшей силой...» На странице 10: «В этот век невежества эрудиция Понтюса считалась чудом». Но это плохая похвала своему герою. Не следовало придавать такое значение глупому энтузиазму невежд. Какое имеет для меня значение, что моим сочинением восхищается человек, не способный оценить его? Надо кончать, милостивый государь, но никто не заставит меня обойти молчанием, что страницы 12 и 13 полны бессмыслицы, общих мест, темных, огромных, дурно построенных фраз, лишенных логики, противоречащих как общепринятым идеям, так и другим высказываниям в той же речи, что в ней много вещей непонятных, может быть, и для самого сочинителя, и т. д., и т. д., и т. д., и, как говорит создатель Фигаро, «это — Марен, это — чистейший Марен, говорю я вам» [116].

Однако, сколько бы мне, милостивый государь, ни говорили о многих других авторах, я не могу думать и говорить о них так,

как об академике из Ла Сиота. Я отнюдь не сравнил бы с ним знаменитую мадемуазель Ле Массон де Гольфт, чьи Письма о воспитании я Вам возвращаю. Какая тонкость стиля! Какая глубина рассуждений! Какая выразительность в описаниях, какая точная логика, какие удачные суждения, какие широкие и отлично изложенные взгляды. О милостивый государь, окажите милость, пришлите мне и другие имеющиеся у Вас произведения этой очаровательной любимицы Муз, которой я восхищаюсь, которой я любуюсь, которая приводит меня в восторг.

Такая женщина могла бы взрастить в душе других женщин те совершенства, которые соответствовали бы характеру, изображенному г-ном Турноном в его книге «Прогулки». Я отсылаю Вам 8-й выпуск этих «Прогулок» с весьма настоятельной просьбой не лишать меня следующих выпусков. Итак, скоро ли этот любезный учитель даст нам еще один плод своих трудолюбивых бдений (Психея)? Я нисколько не сомневаюсь в том, что это сочинение ни в чем не уступит другим сочинениям того же мастера.

Я отсылаю Вам «Письмо Полины к Сенеке», от которого я получил большое удовольствие. До того как приступить к поэме, необходимо было прочитать предшествующие разъяснения о жизни этого древнего ученого, чтобы судить о таланте автора, сумевшего ловко обойти все неблагоприятные моменты из жизни философа и оставить лишь зрелище скорби Полины, которая, горя вечной любовью, оплакивает своего несчастного супруга, чьи добродетели и таланты она постоянно вспоминает, никогда не думая о его недостатках.

Я прочитал также различные басни г-на де ла Вьевилля. Все они представляются мне столь же остроумными, сколь нравственными [117].

Не угодно ли будет Вам, милостивый государь, сообщить мне день, когда состоится ваше публичное заседание, и обещать прислать мне возможно скорее выдержку из отчета о нем?

Неизменно с теми же чувствами я имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

Прилагаю к этой посылке проспекты и программы Клуба филадельфов, прочитанные мной с большим интересом.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 13 апреля 1787 г.

Милостивый государь!

Когда к нам обращаются, надо постараться ответить. В письме от 27 марта, с начала до конца крайне любезном, Вы задаете мне вопрос:

«Чья критика наиболее страшна: человека просвещенного и подлинно образованного или полуученого? Кто более склонен восхищаться? Кто порицает более злобно и более едко?»

Мне не стоит большого труда дать Вам ответ, я очень легко найду его в письме, которым Вы меня почтили 9 ноября минувшего года. В предыдущем моем письме у меня мимоходом вырвалось замечание, что малые таланты, по-видимому, менее склонны к порицанию, чем к восхищению. «Я ничего об этом не знаю,— ответили Вы,— и я часто вижу, что самая едкая критика есть доказательство посредственности. Подлинно образованный человек знает, как трудно что-то сделать хорошо и что даже в лучших произведениях, в которые вложено много труда, остается еще немало недостатков, и это естественно склоняет его к снисходительности».

Что можно сказать, когда слышишь голос самого разума и чувствуешь себя вполне убежденным? Могу ли я придерживаться другого мнения, не противореча своему собственному рассудку? Разве я могу что-нибудь добавить к такому определению или отнять от него, когда я сам признаю, что только оно соответствует предмету и передано самым ясным и выразительным образом?

Будьте добры сообщить мне, кто автор, получивший в 1784 году премию, назначенную Вами за работу по вопросу, который я Вам послал в одном из последних писем, где он был 1-м из 3-х моих вопросов? [118] Не угодно ли Вам будет добавить вкратце кое-какие подробности о средствах, за которые этот автор высказался и которые тогда склонили к нему голоса академии? [119]

Мне весьма лестно Ваше сообщение о том, что Вы сможете использовать мои 2-й и 3-й вопросы и что есть некоторая вероятность, что Вы предложите на 1789 год вопрос, весьма близкий к моему 2-му вопросу. Я бы очень этого хотел, и притом, чтобы в нем ничего не было изменено, разве что будут сделаны некоторые добавления, склоняющиеся к отысканию еще и других преимуществ. Уже сейчас легко предвидеть, как много выгод принесет решение этого вопроса, которое будет столь полезно для общества. А я предвижу полную возможность этого решения. Среди всех уже отмеченных положительных сторон единственная, которая зависела бы от воли правительства, которая бы ему особенно подошла при нынешних обстоятельствах и в осуществлении которой оно даже заинтересовано, поскольку она уменьшит его расходы, по крайней мере в той же степени, что и расходы

населения,— это крайнее облегчение создания кадастра, общего и ПОСТОЯННОГО[120].

Имею честь пребывать неизменно с теми же чувствами,
милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

Отсылаю Вам «Смерть Людовика XI»[121]. Это сочинение отлично изображает ужасы этого злосчастного царствования: плачевное невежество; низкие и недостойные средства; жуткий деспотизм, связывающий самого деспота в тысячу раз более жестоким образом, чем последнего из угнетаемых им подданных; власть, одержимая постоянным страхом, все время борющаяся с терзающим ее ужасом; суеверие; фанатизм, питающий самые возмутительные пороки, и т. д. Но мне нравится в этом сочинении Франсуа де Поль, такие люди редко встречаются среди ему подобных. Этот святой — подлинно честный человек.

P. S. Я только что получил продолжение мемуара г-на Дюпати, от Общества литераторов Клермон-Феррана[122]. Не думайте, что я имею в виду то общество, о котором идет речь в «Journal de Bouillon»[123] от 15 марта, страница 64.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 14 апреля 1787 г.

Милостивый государь!

Настоящее письмо имеет целью не столько сказать Вам что-нибудь существенное, сколько отослать Вам прилагаемые две брошюры.

Первая — это «Скандербег» г-на дю Бюиссона[124]. Я стал на его сторону, прочитав как его пьесу, так и предпосланное ей сдержанное предисловие, в котором он с полным основанием, помоему, выступает и против авторов «Journal de Paris», и против актеров нашего первого театра. Я нахожу, что его произведение очень хорошо написано, а избранный им сюжет трагедии достоин постановки на сцене.

Вторая — это «Веронские могилы». Чтобы похвалить это сочинение, мне достаточно будет сказать, что г-н Мерсье упомянут в моей книге[125]. В самом деле этот автор мне всегда интересен как своим стилем, так и содержанием своих произведений. То и другое относится и к указанной драме.

Как-нибудь на досуге я буду иметь удовольствие сказать Вам, что я думаю о «Изменении всего мира»[126]. У меня есть некоторые мысли (быть может, неверные) о его системе, которая, быть может, оказалась бы не такой плохой, если бы она была принята. Судя по завтраку, можно думать, что и другие трапезы тоже будут сносными и что одежда, жилье, постель, учебные за-

пятия и т. д. тоже будут соответствующими. Не подлежит сомнению, что, раз все будет устроено так, что каждый человек будет иметь во всем такую же долю, как и его товарищи, никто не будет никому завидовать, и тогда не будет больше ни споров, ни расхождений, никаких страстей и т. д., и т. д.— об этом можно было бы написать еще четыре страницы.

Имею честь неизменно пребывать с теми же чувствами,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 4 мая 1787 г.

Милостивый государь!

После того как г-н Опуа, к которому Вы меня давно расположили, привел меня в восхищение глубиной своих познаний в химии и легкостью стиля в части поэтической [127], поскольку такие далеко друг от друга отстоящие дарования могут сочетаться лишь у недюжинного человека, я испытал то же чувство в отношении г-на Девена Дезервилля [128]. Я надеюсь, что со временем Вы соблаговолите, милостивый государь, дать мне возможность постепенно прочитать все названные Вами сочинения первого из них, а также прислать мне полностью письмо второго в стихах и прозе, интересная выдержка из которого имеется в Вашем отчете № 22, тем более что этот автор меня особенно интересует, так как он — мой земляк: как и я, он — настоящий пикардиец (Вы меня понимаете).

Я буду очень краток — через несколько часов я собираюсь отправиться в столицу, где, к счастью, я рассчитываю пробыть лишь очень недолго. Я, пожалуй, вскоре буду иметь честь послать Вам написанное мною сочинение, касающееся весьма полезного предмета [129]. В ожидании этого я прошу Вас, милостивый государь, верить неизменности всех чувств, с которыми я имею честь пребывать,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ГРАФУ ДЕ КАСТЕЖА [130]

Руа, 4 мая 1787 г.

Господин граф! В соответствии с любезным письмом, коим Вы удостоили меня 16 марта сего года, я около месяца тому назад отправился в Ваш замок Фрамервиль, намереваясь засвидетельствовать Вам свое почтение, но, прибыв, узнал о Вашем отсутствии. Я не решился позволить себе приветствовать госпожу гра-

финю, которой я не имел чести быть известен. Я посетил лишь г-на кюре и имел удовольствие принять его приглашение обедать. Он был также столь добр, что сообщил мне по моей просьбе Ваш адрес, г-н граф, и я ему объяснил, что, задумав поездку в Париж, совпадающую со временем Вашего пребывания в столице, я предполагаю иметь честь посетить Вас, предварительно Вам написав. Вы сейчас узнаете, господин граф, по какой причине я не мог до сих пор доставить себе ни одно, ни другое удовольствие.

Обычно я стараюсь отстраниться от всего, что не имеет прямого отношения к моим занятиям, и таково должно быть неизменно поведение всякого последовательного человека. Иначе подвергаешься риску заметить многое и не коснуться ничего. Однако, господин граф, я на некоторое время забыл это похвальное правило. По правде говоря, новый вопрос, который меня увлек, отнюдь не лишен связи с делом, которым я занят повседневно. В данный момент я могу Вам сообщить только заглавие первого из них: Краткий очерк и т. д.

Одно это заглавие, господин граф, может уже дать Вам представление о важности указанного предмета. Хотя я разработал его всего только в «кратком очерке», я смею, однако, думать, что уже достаточно развил свою тему, чтобы можно было без труда составить о ней представление. Нынешние обстоятельства [131], несомненно, вполне подходят для представления такого проекта, но очень важно уловить благоприятный момент. Оборот, который принимают дела, может дать полное основание для предположения, что, как только будут признаны преимущества предлагаемого мною образа действий, обширность охваченных им вопросов и представляемый ими глубокий общий интерес уже не позволят оставить его без внимания; но, быть может, меня извинят, господин граф, если я выражу желание, чтобы по крайней мере у меня не похитили чести изобретения. Мои опасения имеют достаточные основания. Отнюдь не редко можно видеть, особенно при дворах, как низменная интрига бросает алчные взоры на все вокруг и приводит в движение пружины, посредством которых, к несчастью, ей слишком часто удается успешно осуществлять свои преступные замыслы. Можно также опасаться, что ее будут возбуждать и другие, более мелкие, страсти, не менее ревниво стремящиеся к тому, чтобы добиться своей цели. Жестокий эгоизм — божество, коему многие воскуряют фимиам, тоже может прибегнуть к ухищрениям, чтобы добиться провала нововведения, имеющего целью общее благо, которое внушает ужас этому бичу человечества. Может быть, Вы могли бы, господин граф, помочь мне победить этих различных врагов, являющихся, я в этом более чем убежден, по меньшей мере в такой же степени и Вашими врагами, и я осмеливаюсь умолять Вас о поддержке. Если бы дело, которым я занят, не представляло столь большого интереса для всех сословий, я не осмелился бы стать под Ваше покрови-

тельство, но поскольку это дело внушает мне уверенность, что Вы горячо поддержите его всем своим авторитетом, я чувствую себя почти вправе предупредить Вас, господин граф, что на будущей неделе, когда я буду в Париже, я осмелюсь прийти, чтобы изложить Вам это дело более обстоятельно, узнать Ваше мнение на этот счет, воспользоваться этим случаем, чтобы поговорить об описях, в частности о Ваших, и, наконец, заверить Вас, сколь велика почтительная преданность, с которой имею честь и т. д.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 23 мая 1787 г.

Милостивый государь!

Вернувшись из столицы, я нахожу здесь письма от 1, 9 и 15 сего месяца, и вот что у меня остается от чтения как этих писем, так и приложенных к ним сочинений.

Мне представляется, что действия притяжения описаны очень ясно в посланном Вам исследовании. Рассуждения автора вполне убеждают меня, и я склонен с ним согласиться. Но, должен признаться, я теряюсь, пытаясь следовать за его возражениями. Конечно, мое затруднение происходит от недостатка соответствующих знаний в этой области, в чем я должен сознаться. Мне очень досадно, милостивый государь, что в этом случае Вы столь неудачно выбрали адресат, но я надеюсь по крайней мере, что Вы оцените чистосердечие, с которым я заявляю, что я очень охотно сказал бы Вам больше, если б обладал по этому предмету всеми теми знаниями, которые Вы по доброте Вашей мне приписываете.

Я с полным удовольствием прочитал мемуар об обессоливании почвы. Автор, по-моему, в совершенстве разработал этот полезный сюжет, и я нахожу, что он убедительно обосновал систему взглядов, согласно которой вода является главной составной частью питательного сока растений.

Вы обладаете, милостивый государь, таким сверхобилием ресурсов, что с некоторых пор Вы оказались перед необходимостью лишить меня удовольствия, которое сейчас Вы со всей любезностью и заботливостью снова мне доставляете: я имею в виду «Journal de la Langue française», в котором мое восхищение и одобрение вызвали (в № 9) справедливые мысли, содержащиеся в сочинении г-на Турнона, озаглавленном: «О необходимости создания слов».

Ваш отчет № 23 очень интересен. С другой стороны, как хорошо владеете Вы, милостивый государь, искусством выявлять красоты, отличающие то или иное произведение! Вы, наверное, испытали немалое удовлетворение, разбирая сочинение г-на Девен Дезэрвиля, ибо, если я не ошибаюсь, такой разбор никак нельзя считать неблагодарным занятием.

Зачем же впадать в столь крайнюю скромность и краснеть из-за стихотворения, написанного по случаю Вашего вступления в муниципалитет и посвященного Вам другом, умеющим оценить Вас. Узнав об этом событии, все, имеющие счастье знать Вас, испытали те же чувства, что и автор стихотворения, но для того, чтобы выразить эти чувства, не каждый способен был сделать то, что сделал г-н Таранже.

Порядок, установленный Вами в Вашей общей переписке и, в частности, в нашей с Вами, мне лично доставляет такое же удовлетворение, как и Вам, и легко увидеть, что именно приятно мне в этом новом распорядке. Вероятно, милостивый государь, Вы сами это почувствовали, ибо известно, что, лишь доставляя другим удовольствия, испытываешь их и сам; и Вам всегда удается добиться этого счастливого результата, потому что Вы даете волю своему изобретательному воображению только тогда, когда Вы уверены, что сможете его достичь.

К счастью, я еще не испытал неудобств со стороны администрации почт, приключившихся, как Вы мне пишете, с некоторыми из Ваших корреспондентов, и, так как я полагаю, что подобное скорее может повториться с Вашими отправлениями ко мне, чем с моими к Вам, я считаю, что ничем не рискую, отсылая Вам при настоящем письме отчеты № 23, 24 и 25 и другие, упомянутые мною выше сочинения вместе с изящными небольшими произведениями г-на Романа («Пол цветов» и т. д.), которые до сих пор я медлил Вам возвратить.

Я еще на сей раз не могу доставить себе удовольствие и переслать Вам сочинение, которое я имел честь обещать Вам, но зато я с удовлетворением сообщу, что во время поездки в Париж произошло событие, результаты которого могут оказаться весьма полезными. Я познакомился там с одним ученым [132], не пользующимся, быть может, всем тем уважением, которого он заслуживает, но следует сказать, что он мог бы приобрести больше уважения, если бы, с одной стороны, лучше владел искусством изложения своих идей устно или письменно и, с другой, лучше умел бы проявлять ту гибкость, которую, к стыду нашего века, слишком часто принято требовать от людей, и без того наилучшим образом служащих своим ближним. Как бы там ни было, милостивый государь, среди множества полезных открытий, совершенных названным мной человеком в области геометрии, физики, механики, он придумал инструмент, названный им «тригонометрическим графометром», могущий быть чрезвычайно широко примененным к предметам самой большой важности. При помощи этого инструмента он производит самые точные измерения любых предметов, доступных глазу, будь то на небе, на земле или на море, просто наводя его на эти предметы, так что по Вашему требованию, милостивый государь, этот человек тут же скажет Вам, какое расстояние отделяет Вас от того или иного небесного тела, которое Вы назовете. Поставленный в место с удобной перспек-

тивой, он опять-таки тут же составит Вам географическую карту всех мест, которые можно окинуть взором. Он Вам определит также и с такой же легкостью, на каком бы отдалении он ни был от этих предметов, высоту колокольни, диаметр дула пушки, рост человека и т. д., и т. д., и т. д. Среди тысячи всяких преимуществ этот инструмент может принести весьма реальные выгоды в межевом деле, ибо (и я это проверил на Елисейских полях вместе с самим автором в присутствии множества зрителей, в числе которых были знатоки, с полным основанием восторгавшиеся этим изобретением) он дает возможность: 1) мгновенно определить расстояние до границ любого участка путем одной лишь наводки на вехи, поставленные для их указания, не нуждаясь при этом ни в цепи, ни в других приспособлениях; 2) столь успешно выполнить работы, что носитель этого инструмента успевает один сделать столько*, сколько сделали бы пять землемеров, работая обычным способом; 3) определить площадь участка (независимо от естественных неровностей) столь точно, что, если прежде разные замеры давали всегда разные результаты, теперь один раз произведенный подсчет даст результат, который будет в точности повторяться, сколько бы раз его ни производили. Таковы, милостивый государь, самые краткие сведения, которые я могу Вам сообщить о применении и полезности этого изобретения. В другой раз я Вам опишу устройство самого инструмента и постараюсь еще лучше дать Вам понять, насколько он полезен и какой высокой оценки заслуживает.

Я с сожалением прерываю каждую беседу, которой я могу насладиться с человеком, которому я столь многим обязан и который знает, с какими чувствами я имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

* С его помощью легко можно произвести замеры по меньшей мере ста арпанов в день.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 29 мая 1787 г.

Милостивый государь!

Я еще не получил от автора тригонометрического графометра подробного описания устройства этого интересного инструмента. В ожидании этого я попробую обрисовать Вам его главные части в соответствии с тем, что я мог сохранить в памяти; этот первый набросок, как Вы понимаете, может быть лишь весьма несовершенным, поскольку и термины, и сам инструмент знакомы мне не столь хорошо, как автору.

Определение расстояний достигается простой операцией на-

водки на условленный предмет при помощи двух подзорных труб одинакового объема, составляющих часть инструмента и помещенных горизонтально на расстоянии одного фута друг от друга. В соответствии с отдаленностью объекта, расстояние до которого хотят определить, в момент, когда этот объект одинаково виден в обеих подзорных трубах, некая стрелка, благодаря одному лишь движению, необходимому, чтобы достигнуть верного направления обеих подзорных труб к точке наводки, перемещается точно к тому числу геометрического круга (тоже вделанного в графометр), которое выражает величину угла, образуемого этими двумя трубами с точкой, о которой идет речь. При помощи таблицы с расчетами величин в футах, дюймах, линиях и т. д. мы тут же получаем нужное измерение.

Я думаю, что правильно поступлю, если пошлю Вам одно сочинение, тема которого достаточно важна. Вы узнаете автора [133], чье перо, известное и по другим работам, считается далеко не заурядным.

Видели ли Вы то множество эфемерных брошюр, которые появились на тему о собрании нотаблей? Если Вы их еще не видели, я Вам их перешлю с большим удовольствием.

С еще большим, чем когда-либо раньше, удовольствием, еще более благодарный, преданный и глубоко чувствующий Вашу доброту, имею честь подписаться,

милостивый государь,
Ваш смиреннейший и покорнейший слуга

Бабеф

ПИСЬМО Ж. П. ОДИФФРЕ

Руа, 29 мая 1787 г.

Милостивый государь!

Когда я писал Вам о графометре, я отнюдь не притязал, чтобы Вы мне открыли то, что Вы называете «ключом, или теоретическим методом», этого инструмента. Я только хотел выразить Вам свое желание получить от Вас аналитическое изложение результатов, которые он может дать. Я эти результаты знаю приблизительно, но я недостаточно усвоил термины, и это, как Вы сами понимаете, лишает меня возможности объяснить вопрос со всей точностью и ясностью, которые отличали бы данное Вами определение. Вот как я попытался дать хоть некоторое представление об этом предмете в письме от 23 сего месяца к секретарю Аррасской академии:

«Среди множества полезных открытий, совершенных названным мной ученым в области геометрии, физики, механики и т. д., он придумал инструмент, названный им «тригонометрическим графометром», могущий быть чрезвычайно широко примененным к предметам самой большой важности. При помощи этого инструмента он производит самые точные измерения любых предме-

тов, доступных глазу, будь то на небе, на земле или на море, просто наводя его на эти предметы при помощи двух подзорных труб одинакового объема, составляющих часть инструмента и помещенных горизонтально на расстоянии одного фута друг от друга. В соответствии с отдаленностью объекта, расстояние до которого хотят определить, в момент, когда этот объект одинаково виден в обеих подзорных трубах, некая стрелка, благодаря действию, необходимому, чтобы достигнуть верного направления обеих подзорных труб к точке наводки, перемещается точно к тому числу геометрического круга (тоже вделанного в графометр), которое выражает величину угла, образуемого этими двумя трубами с точкой, о которой идет речь. При помощи таблицы с расчетами величин в футах, дюймах, линиях и т. д. всех возможных степеней мы тут же получаем нужное измерение. Так что, по Вашему требованию, милостивый государь, этот человек тут же скажет Вам, какое расстояние отделяет Вас от того или иного небесного тела. Поставленный на достаточно возвышенное место, он опять-таки тут же составит Вам географическую карту всех мест, которые можно окинуть взором. Он Вам определит также и с такой же легкостью, на каком бы отдалении он ни был от этих предметов, высоту колокольни, диаметр дула пушки, рост человека и т. д., и т. д., и т. д. Среди тысячи всяких преимуществ этот инструмент может принести весьма реальные выгоды в межевом деле, ибо (и я это проверил на Елисейских полях вместе с самим автором в присутствии множества зрителей, в числе коих были знатоки, с полным основанием восторгавшиеся этим изобретением) он дает возможность, как Вы это уже, вероятно, поняли из того, что я Вам рассказал: 1) мгновенно определить расстояние до границ любого участка путем одной лишь наводки на вехи, поставленные для их указания, не нуждаясь при этом ни в цепи, ни в других приспособлениях; 2) столь успешно выполнить работы, что носитель этого инструмента успевает один сделать столько *, сколько сделали бы пять землемеров, работая обычным способом; 3) определить площадь участка (независимо от естественных неровностей) столь точно, что, если прежде разные замеры давали всегда разные результаты, теперь один раз произведенный подсчет даст результат, который будет в точности повторяться, сколько бы раз его ни производили».

Вы видите, милостивый государь, что это не очень ясно, но это все, что я мог сделать. Я не могу говорить людям о вещах лучше, чем я сам знаю о них, и пока Вы мне не поможете, я только так смогу говорить о Вашем «тригонометрическом графометре».

Мы начали с беседы о предмете Вашей любви. Теперь, если разрешите, поговорим о том, к чему, пожалуй, я питаю не меньшую слабость. Вы, конечно, сразу же без труда догадались, что

* Он легко может замерить сто арпанов в день.

я опять хочу надоедать Вам кадастром. Что ж, эту пилюлю придется проглотить. Как угодно, иногда приходится кое-что прощать своим друзьям, и я надеюсь, что в качестве такового Вы отнесетесь снисходительно к моей назойливости.

Вы пишете, что еще не можете мне сказать относительно моего кадастра по той причине, что «бурные обстоятельства нынешнего времени поглощают внимание и время той особы, коей был вручен мой мемуар» [134]. Вы обещаете сообщить мне новости, как только они у Вас будут. И, наконец, Вы заверяете меня, что в этом отношении ничего не будет упущено и что мое дело в хороших руках. Я глубоко убежден во всем этом, и мне приятно думать, что никто не сочтет меня столь несправедливым, чтобы в этом усумниться. Первое же слово г-на шевалье [135] внушило мне полное доверие к тому, что он соблаговолил мне обещать, и я сразу же почувствовал, что он отнесся ко мне с подлинным интересом. Но я хотел бы, чтобы «именно в обстоятельствах данного времени он мог привлечь на короткое время к моему проекту внимание особы, которой мой мемуар был вручен». И Вы должны понять, насколько и он, и я заинтересованы в том, чтобы побудить к рассмотрению этого вопроса. Однако я понимаю, что, повидимому, г-н шевалье рассудил по-другому и выжидает подходящего момента, чтобы успешно ввести упомянутую особу в курс этого дела.

По возвращении из Парижа я случайно ознакомился с произведением о кадастрах, о коем ранее я ничего не слыхал. Опубликованное в 1781 году, это сочинение, опять-таки случайно, носит почти то же заглавие, что и мое, хотя, по моему мнению, оно значительно отличается от него в других отношениях. Рассуждения в нем несравненно удачнее, и автор (г-н дю Тийе [136]), написавший, впрочем, гораздо больший по объему труд, значительно лучше и искуснее показал, какие неудобства будут устранены кадастром и какие преимущества он может принести. У него есть на этот счет очень сильные высказывания, например следующие: «Между угнетателем и несчастным, которого он хочет раздавить, поставьте судью, одинаково грозного для обоих. Пусть этот судья не в состоянии будет ни видеть, ни слышать, ни говорить... Пусть его непреклонный голос выносит приговор. Но кто будет этим судьей? Я его уже назвал: это кадастр. Благодаря ему одному будут осчастливлены бесчисленное множество несчастных, стонущих под тиранией произвольных податей, и исчезнут злоупотребления, разоряющие и опустошающие наши провинции».

Но что касается предлагаемых методов, я смею вынести приговор и принять решение по делу, в котором я являюсь стороной; нет никакого сравнения между методами г-на дю Тийе и моими, как в отношении четкости действий, простоты взимания, так и в отношении самого главного — постоянства. Правда, г-н дю Тийе старается найти способ осуществления этого постоянства, но то, что

он предлагает, очень запутанно, темно, одним словом неудовлетворительно. Он требует от землемера проведения множества операций, правда важных, но для него неосуществимых и совершенно выходящих за рамки его обязанностей, и т. д. и т. д. Я посылаю Вам, милостивый государь, № 19, 20 и 21 «Courrier de l'Europe» от сентября 1781 года, содержащие разбор этого сочинения, с просьбой передать их г-ну шевалье вместе с замечаниями, сделанными мною по поводу этого разбора, и просить его также от моего имени благоволить взять на себя труд немного изучить этот вопрос и, если он найдет разумным то, что я говорю, защищать во всеоружии мои непреложные права в случае, если ему противопоставят сочинение г-на дю Тийе, которое, повторяю, я считаю очень удачным в части рассуждений, доказывающих необходимость учреждения кадастра, но малоудовлетворительным и не дающим ничего, или очень мало нового в том, что касается основной части — способа применения на практике.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение всем Вашим близким. Остаюсь с самыми подлинными чувствами, милостивый государь, Вашим и т. д.

Да, Вы мне доставите удовольствие, вернув мне мою рукопись с дилижансом.

И те 3 номера «Courrier de l'Europe», когда в них не будет больше надобности, потому что я должен их вернуть лицу, любезно одолжившему их мне.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 3 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Настоящим признаю, что промежуток от 15 до 29 мая показался мне очень долгим и скучным; что я опасался, не забыли ли Вы обо мне; что Ваше последнее письмо вернуло мне бодрость; что я с большой радостью узнал о приятных для Вас событиях, хотя они и вынудили Вас лишить меня удовольствия, доставлять которое стало для Вас привычкой, столь для меня приятной; что я буду счастлив в связи с праздником, устраиваемым Вами кузену Жаку, увидеть упоминание, которое он сделает об этом в своих «Лунах» [137], коих я не имел счастья читать; что, наконец, я прочитал с большим интересом все, что Вы мне прислали касательно «Val-Muse» г-на Романа [138].

Вот заглавие моего небольшого сочинения, о котором я Вам писал в своем письме от 4 прошлого месяца:

«Краткий очерк проекта «Постоянного кадастра», в котором главным образом изложен способ действий, дающий возможность: 1) сохранять, с небольшой затратой труда, все возможные сведения относительно права собственности и расположения всех недвижимых имуществ королевства и пополнять их так, чтобы они

оставались всегда пригодными; 2) установить самые справедливые пропорции в деле распределения территориального налога или любой другой равноценной формы обложения; 3) осуществлять сбор налогов с такой легкостью, что в дистрикте, состоящем из двухсот приходов, один главный служащий, при содействии только трех помощников, сможет ежегодно, и в течение всего лишь одного месяца, без помощи каких-либо сборщиков и не причиняя никакого беспокойства подданным короля, не только произвести этот сбор, но также собрать самым точным образом необходимые сведения относительно всех изменений в праве собственности на недвижимость и занести эти сведения в кадастр для того, чтобы сочетать возвещенное в нем постоянство с внесением в него данных, соответствующих положению в данный момент»[139].

Я смогу прислать Вам, милостивый государь, через некоторое время мою рукопись, в настоящее время находящуюся у г-на Делессара, генерального интенданта финансов, которому поручено ее рассмотрение.

Постоянно испытываю живость чувств, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

Я чуть не забыл сообщить Вам, как я был рад прочесть в Вашем отчете № 26 об опытах г-на барона де Курсе, касающихся твердой головни, поражающей зерновые[140].

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 5 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Я надеюсь доставить Вам удовольствие, посылая Вам мемуар, в котором Вы найдете патетическое и смелое описание совершаемых людьми гнусностей, каких, благодаря нашей совершенной современной цивилизации, наш континент уже не знает. Но еще более печально то, что виновниками этих гнусностей являются наши братья, и они вынуждают нас своим преступным поведением все больше признавать, что именно мы перенесли в другое полушарие страшные пороки, унижавшие наше полушарие, и похоже на то, что мы отреклись от некоторых из них лишь со странным условием осквернить ими землю, до того сохранявшую, вместе с крайней простотой, все простодушие и чистоту первых веков, как если бы в книге судеб было написано, что эти жестокие враги общества никогда не будут уничтожены.

Упомянутый мемуар мог бы, пожалуй, вдохновить г-на Моро де Сен-Мери, поскольку зверства, на которые приходится жало-

ваться, почти полностью проистекают от нарушения законов и от недостаточной твердости конституций колоний.

Вы знаете, с какими чувствами я имею честь быть,

милостивый государь,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО БЮКЕ [141]

Руа, 8 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Я ожидал, что по возвращении из поездки в Руа Вы почтите меня письмом, которое Вы любезно обещали мне прислать. Мне не терпится узнать, сможет ли осуществиться то, что мы с Вами задумали относительно этого дела, поскольку в противном случае я позаботился бы о том, чтобы успешно завершить другие планы. Будучи молодым и без всякого состояния, я не могу упустить возможности извлечь пользу из тех скромных умственных способностей, которые составляют единственное мое достояние. Благоволите же, милостивый государь, оказать мне милость не держать меня без всякой пользы в напряженном ожидании сведений относительно этого вопроса и уделить мне пару слов для сообщения о результатах Ваших переговоров с г-ном Бонне о нашем деле.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 10 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Хорошее дело, право, хорошее дело — Ваш новый порядок переписки [142]. Это меня вполне устраивает, ибо, признаюсь Вам, я часто с сожалением видел, как из-за пустяка наша переписка замирала. Правда, этот новый порядок приведет к тому, что мои слабые ресурсы, мои очень скромные способности будут чаще использоваться, и иной раз может случиться, что мне не хватит тем; но это меня отнюдь не страшит. У Вас, милостивый государь, их всегда множество, и, обладая подобными запасами, Вы никогда не допустите, я надеюсь, чтобы моя чернильница высохла без употребления. Убежденный в этом, я возобновляю здесь заверения в чувствах, с коими неизменно имею честь называться,

милостивый государь,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

Отчет № 27 будет отослан с ближайшей почтой.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 14 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Вот некоторые новые подробности о свойствах тригонометрического графометра. Они только что присланы мне автором, и я спешу Вам их передать.

«Графометр в нынешнем состоянии может делать замеры с предельной точностью на расстоянии 200 туаз [143]. Но если поставить на него подзорные трубы с двойным увеличением, тогда тот же инструмент мог бы служить для замеров на расстоянии 1800 туаз с такою же точностью. Если удвоить высоту основания инструмента и поставить соответствующие подзорные трубы, можно было бы с такой же точностью производить замеры на расстоянии 7200 туаз.

Если б инструмент имел основание высотой в 3 фута и соответствующие этому подзорные трубы, можно было бы производить замеры на расстоянии 16 200 туаз. Если б основание было 4, 5 или 6-ти футов и т. д., и т. д. и подзорные трубы пропорциональны, можно было бы делать замеры на расстояниях в 4, 9, 16 и т. д. раз больше. Иными словами, расстояния, подлежащие измерению, пропорциональны величине основания и размерам подзорных труб. Квадраты расстояний возрастают пропорционально кубам высоты оснований и размеров подзорных труб.

Вы можете судить о полезности такого инструмента как для составления кадастра по всему королевству, так и для практической работы географов и землемеров. Если поставить этот инструмент на основание высотой два фута, то этого будет достаточно для измерения земельных участков. Но если б речь шла о составлении карты страны, было бы целесообразно увеличить высоту основания на 3, 4, 5, 6 футов, соответственно тому, какой обзор нужно получить.

Самый широкий обзор не может превышать двенадцати льё в радиусе. Этой величиной и надо ограничиться при определении высоты основания инструмента, предназначенного для измерения участков и составления карт; а для применения на море или в астрономии можно увеличить это основание.

В зависимости от высоты основания инструмента он может служить для измерения величины любого тела на расстоянии в 2, 4, 600 или даже 2000 туаз и больше при условии, что оно видно с того места, где будет поставлен инструмент. Отсюда ясна его полезность для определения размеров любого находящегося на земле тела, приблизиться к которому невозможно.

Сверх этого к инструменту приделан другой инструмент, который я назвал бы геометрическим циклометром. При помощи последнего можно измерять углы от 15 секунд до 90 градусов и даже больше. Он, следовательно, очень полезен для снятия карт и еще больше для астрономии, для которой этот вспомогатель-

ный инструмент и был построен, ввиду того, что можно измерить диаметр любого тела с точностью до одной секунды. Отсюда ясна его полезность для наблюдения прохода звезд и планет через меридиан и для определения их меридиональных высот с точностью до одной секунды *.

Таковы вкратце преимущества, которые можно извлечь из этих двух инструментов, объединенных в один.

Я прошу Вас поэтому выправить, в соответствии с этим кратким обзором, те места в Вашем письме к Аррасской академии, которые не соответствуют этим подробностям».

Я счел, милостивый государь, что лучшим способом исправления, порученного мне автором, будет послать Вам эту копию с его письма.

Все с теми же чувствами я имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

* При помощи нового, недавно мною открытого способа я льщу себя надеждой быть в состоянии придать ему такую же точность, какую имел бы стенной квадрант радиусом в 57 футов.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 17 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Поскольку Вы полагаете, что рискованно посылать Вам рукопись «Постоянного кадастра» [144], я удовольствуюсь тем, что возможно скорее пошлю Вам копию с нее, либо рукописную, либо даже печатную, если случится, что это произведение будет напечатано.

Один весьма почтенный (и очень образованный) человек, которому я доверил это сочинение, вызвавшее у него интерес, одобрил его и даже сказал, что «оно несравненно выше всего, что г-н дю Тийе дю Виллар в 1781 году и другие когда-либо написали по этому вопросу». Этот человек взялся представить мой труд нескольким членам нового Комитета финансового совета, заверив меня, что это лучший способ сделать его известным. Однако уже месяц назад мне сообщили, что это представление было сделано, а между тем я не получил никакого ответа. Не могли ли бы Вы, милостивый государь, указать мне какой-либо другой путь вместо избранного мной, на случай, если этот последний не приведет меня ни к чему положительному? Может быть, сообщить мой проект провинциальным собраниям, предать его гласности путем напечатания [145] и т. п.

Имею честь быть с полным доверием и т. д., и т. д., и т. д.,

Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 21 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Давно я не обращался к Вам с просьбами. Не знаю, почему это так, и ловлю себя на том, что сам удивлен такой умеренностью, ибо моему характеру скорее свойственно желание чаще выступать в роли просителя. Может быть, милостивый государь, это потому, что благодаря Вашим великодушным заботам мои желания всегда оказываются более чем удовлетворенными. Однако Вы знаете, что в натуре нашей заложена склонность становиться все более жадными по мере того, как мы приобретаем. Вот почему, несмотря на изобилие, коим я наслаждаюсь благодаря Вам, я не могу противиться желанию прочитать сочинения г-на Куре де Вильнева [146], заглавия которых, показавшиеся мне очень интересными, дает Ваш отчет № 28.

Простите мне это проявление страстного желания все знать, все видеть. Это слабость довольно обычная у любителей всякого рода, особенно у любителей литературы. Я желал бы, чтоб она привела меня если не к тому, чтобы обогатить когда-нибудь литературу каким-либо полезным сочинением, то по крайней мере к использованию ее благодеяний и к тому, чтобы проникнуться из всех столь хорошо ею изображаемых добродетелей теми, которые помогают стать лучше!

Имею честь быть с преданностью и благодарностью,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 24 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Я совсем не знаком с механизмом эвдиометров [147], но я сейчас же напишу моему другу, создателю тригонометрического графометра, который, обладая большими знаниями во всех областях математики, надеюсь, сообщит нам удовлетворительные сведения по этому предмету.

Я рад этому случаю показать Вам свое рвение в выражении благодарности за Вашу доброту и имею честь быть неизменно с теми же чувствами,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 28 июня 1787 г.

Милостивый государь!

Ваш отчет № 29 оказался особенно интересным для меня благодаря подробностям относительно приема в Ваше славное сообщество ученых, знаменитые имена которых Вы там перечисляете [148]. Большая часть этих имен уже хорошо известна в литературном мире, они станут опорой Вашего достоуважаемого лицея, а их принадлежность к нему в свою очередь увеличит уважение, которым уже пользуются на Священной горе эти любимцы богов.

Я с удовольствием прочитал о принятом вашим уважаемым обществом решении впредь проводить выборы почетных академиков два раза в год. Благодаря этому обстоятельству я осмелился подумать, что если когда-либо случится (ибо ни в чем не надо отчаиваться, ведь часто выражается сомнение в том, есть ли что-либо абсолютно невозможное для человека), что мне удастся осуществить что-либо заслуживающее внимания, я воспользуюсь этим, чтобы проявить еще большую смелость, т. е. попросить у этого общества разрешения занять место среди соискателей чести принадлежать к нему.

Благоволите простить мне мою смелость, которую я никогда не обнаружил бы, если бы я не имел чести быть знакомым с Вами и пребывать с чувствами, которые Вы знаете,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 1 июля 1787 г.

Милостивый государь!

С большим интересом прочитал я в Вашем отчете № 32 стихи, обращенные к г-ну Роману детьми того дворянина, воспитанием которых он руководил. Но мой интерес уменьшается, когда я с недоверием думаю о том (иногда плохо быть недоверчивым), что эти стихи могли быть внушены такими же побуждениями, как те, о которых говорит г-н Десперу (из Ларошельской академии) в своем стихотворении, озаглавленном «Поэтические иллюзии»:

Чуть не с колыбели его простодушная невинность
Лепетала безобидные стишки,
Достоинства которых мамы, дяди, крестные
Утверждали конфетами.
Вскоре его отроческие стихи
Были помещены в Меркюре,

Потому что он заботливо отмечал в виде предисловия:
Сочинено господином таким-то, четырнадцати лет от роду.
Он запомнил это и так долго этим пользовался,
Что и в старости к нему относились со снисхождением
Добрые люди, считавшие его ребенком *.

Я желал бы, милостивый государь, чтобы мои подозрения оказались неосновательными, я отнюдь не хотел бы поставить под сомнение таланты г-на Романа, которые я очень высоко ценю. Но как бы заботливо ни отнестись к воспитанию, согласитесь, что мысль о поэте в детской курточке всегда будет только создавать представление, что за ним стоит кто-то взрослый.

Имею честь неизменно с теми же чувствами быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 8 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Система Реформатора всего мира [149], а равно размышления Вашего корреспондента о реформе кодекса [150], вызывают у меня сегодня другие размышления, в ходе которых я попытаюсь рассмотреть, в чем эти разные проекты похожи и в чем отличаются друг от друга.

Оба, по-видимому, стремятся к осуществлению общего блага. Но если сопоставить одну мечту с другой мечтой, один парадокс с другим парадоксом, то я, право, не знаю, кому из этих двух мыслителей отдать предпочтение. Однако у одного из них предмет гораздо шире, чем у другого. Апостол всемирного кодекса желает, по-видимому, чтобы людям всех сословий были предоставлены одинаковые права во всех странах в отношении порядка наследования, и это было бы очень хорошо. Но всеобщий Реформатор хотел бы, чтобы всем людям без различия была предоставлена абсолютно равная доля всех имуществ и выгод, которыми можно пользоваться в нашем грешном мире, и это, мне кажется, было бы намного лучше.

---

*
Presque au berceau sa candide inocence
Balbuciait des petits vers benins
Dont les mamans, les oncles, les parains,
Par des bonbons atestent l'excellence,
Qu'il vit bientôt ses vers adolécents
Dans le Mercure ocuper une place
Qu'avec soin il y métait pour préface,
Par monsieur tel, âgé de quatorze ans.
Qu'il se souvient de l'avril mis long-temps.
Qu'assés vieux il obtenait encore grace
Pour son enfance aux yeux des bones gens.

Вызывает удивление противоречивость наших кутюмов. Но если обратиться ко времени их возникновения, то окажется, что в этом нет ничего удивительного. Тогдашние люди, невежды и варвары, могли совершать только действия, соответствовавшие их характеру. Все, кто был охвачен восторгом завоеваний, стремились, следуя бесчеловечной склонности, усугубленной удивительной феодальной системой, установить обычаи, способные дать удовлетворение их нелепому тщеславию. Удачливый разбойник был лишь наполовину удовлетворен, когда ему удавалось приобрести богатое имение. Его грубая спесь страдала при мысли о том, что это имение, будучи разделено между всеми его потомками, не долго сможет обеспечивать своему владельцу ту глупую важность, которую слепая фортуна обычно придает людям, руководствующимся предрассудками, свойственными тем временам. Во избежание такой неприятности придумали новую гнусность. Во имя хвастовства пришлось подавить голос крови, и младших членов семьи почти что лишали средств к существованию, чтобы осыпать старшего излишествами и придать ему мнимый блеск, передав ему узурпированное имущество и искони ненавистное имя. Таково происхождение так называемых «благородных» и всех возмутительных различий во всех сословиях общества. Всякий, кто был менее жестоким, менее хитрым или более неудачливым в борьбе, мог стать только слугой и предметом презрения для других. Этим также объясняется образование диковинных кодексов, послуживших для узурпаторов документами, подтвердившими и узаконившими их грабежи, а для побежденных семейств — бесповоротным приговором о конфискации их имущества. Это еще не все; сделали так, чтобы последние никогда не смогли подняться из состояния унижения и чтобы, наоборот, они всегда рассматривались классом победителей как некая очень низко стоящая разновидность рода человеческого. Это льстило также спеси мнимых «благородных», и по их сумасбродному требованию было записано, что они будут признавать своим главным наследником только первого своего ребенка мужского пола и что младшие сыновья и даже старшие дочери будут ими рассматриваться лишь как половина, четверть или даже чаще всего как пятая доля ребенка. На собраниях, созывавшихся для составления этих кодексов, те, кто в силу своих богатств имели больше влияния и превосходства, придумали статьи по своему вкусу. Этим объясняется противоречивость и непоследовательность этих произведений, на которые иногда ссылаются как на образцы благоразумия и безупречной справедливости, тогда как, по существу, они представляют собой лишь недвусмысленные доказательства страстей, их направлявших.

Что же мог бы дать такой новый кодекс, который принес бы лишь одно изменение, перестав запрещать в одной провинции то, что законно в другой? Это был бы слабый паллиатив против очень тяжелой болезни. Это не помешало бы

тому, что мои дети рождались бы бедными и были бы лишены самого необходимого, тогда как дети моего соседа-миллионера с момента своего появления на свет жили бы в полной роскоши. Это не помешало бы моему соседу, исполненному спеси от своего огромного богатства, относиться ко мне с крайним презрением только потому, что я всего лишь несчастный, согнувшийся под тяжестью бедности. Это не помешало бы феодальному наследнику этого надменного человека стать большим сеньером, между тем как его младший брат будет по сравнению с ним довольно бедным юношей, а его сестру, нежное сердце которой отнюдь не испытывает отвращения к узам Гименея, заставят, ради вящего увеличения доли старшего брата, замуровать себя в монастыре. Это не помешало бы и т. д., и т. д., и еще много раз т. д.

Но мне очень нравится всеобщий Реформатор! Как жаль, что он ничего не говорит о способах, которыми собирается действовать. Пожелаем ему поскорее закончить сбор подписки для того, чтобы он заполнил этот пробел. Его план, несомненно, всеобъемлющ, и мне кажется, что, после осуществления всего им предлагаемого, останется только одно преступление, подлежащее наказанию, а именно уклонение от общего труда, несомненно, идущего на пользу всего общества. Для этого понадобилось бы, вероятно [151], чтобы все титулованные и влиятельные лица отказались от своих чинов, постов и должностей. Но за этим дело не станет. Чтобы совершить великую революцию, нужно осуществить великие перемены. Да к тому же, что, собственно, означают эти нелепые звания? Не более чем суетные и химерические наименования, придуманные спесью и подтвержденные подлостью. Должны ли существовать какие-нибудь различия между людьми? Для чего придавать больше значения тому, кто носит шпагу, нежели тому, кто сумел ее выковать? Разве природа, способствуя развитию рода человеческого, приказала ему подчиняться иным законам, чем начертанным ею для всех других одушевленных существ? Разве она хотела, чтоб один человек хуже питался, хуже одевался, имел бы худшее жилье, чем другой? Правдоподобно ли, что так было в первые века существования мира? Разве современные познания о естественных нравах наших братьев-американцев, существовавших у них до того, как мы открыли их мирный край и подвергли их столь дурному обращению, не опровергли подобное утверждение? Автор Эмиля говорит, что первый, кто, огородив земельный участок, вздумал заявить: «Это мое», был виновником всех зол, постигших человечество. В другом месте Жан Жак говорит, что эти беды привели к возникновению всех впоследствии приобретенных нами знаний. Но Жан Жак утверждает, что все эти приобретения сделали нас лишь менее счастливыми, чем в первоначальном естественном состоянии; он, следовательно, как бы хочет отослать нас обратно, чтобы предоставить нам то лучшее благосостояние, какое только возможно. Мне кажется, что наш Реформатор достигает большего, чем Гражданин

Женевы, о котором иногда мне приходилось слышать, как о пустом мечтателе. Он, конечно, мечтал хорошо, но наш человек мечтает лучше. Подобно Жан Жаку, он утверждает, что, поскольку люди абсолютно равны, они не должны ничем владеть индивидуально, а пользоваться всем сообща; таким образом, рождаясь, один человек не должен быть ни более, ни менее богат и уважаем, нежели кто-либо другой из окружающих его. Но вместо того, чтобы отослать нас, как это делает г-н Руссо, жить в лесах, насыщаться под сенью дуба, утолять жажду у первого встречного ручейка и отдыхать под тем самым дубом, где мы вначале нашли пищу, наш Реформатор предлагает нам четыре добрых трапезы в день, очень изящно одевает нас и каждому, кто является главой семьи, дает хорошенький дом стоимостью в тысячу луидоров. Вот что значит уметь сочетать радости общественной жизни с приятными сторонами жизни естественной и примитивной [152]. Что до меня, ура! я готов стать одним из первых эмигрантов, которые отправятся заселять новую республику. Я не буду возражать против приспособления ко всем тамошним правилам, только бы мне можно было жить там в счастье и довольстве, без тревоги за судьбу своих детей и за свою собственную. Если, как и здесь, я стану зарабатывать на жизнь своим пером, я буду счастлив, не чувствуя себя презираемым представителями якобы более изысканных профессий, считающими себя вправе бросать на меня покровительственные взоры; со своей стороны, мне отнюдь не трудно будет обращаться на равных началах с ремесленником, который будет меня причесывать, или с тем, который сошьет мне обувь. В самом деле, так это и должно быть. Разве нет необходимости в существовании таких полезных ремесленников? Если их вкус или естественные склонности побудили их выбрать эти профессии, а не изучение законов, следует ли поэтому смотреть на них как на людей менее важных для общества, чем те, кого склонность или способность привели к судебной карьере? Все не могут быть судьями, и достигшие этого положения, может быть, потрудились для этого меньше какого-нибудь несчастного работника, в отношении которого природа оказалась неблагодарной и который мог усвоить лишь самое простое ремесло. Можно ли ставить в вину последнему то, что он при рождении не получил более благоприятных наклонностей? Должен ли он поэтому пользоваться меньшими преимуществами, чем если бы судьбе угодно было наделить его способностью править в качестве главы целой республики? Он научился только вязать? Ну, что же, он будет вязать чулки для землепашцев, для поваров, для виноградарей, для ремесленников, производящих ткани, для портных, для сапожников, для парикмахеров, для каменщиков, для юристов и т. д., а эти со своей стороны обеспечат его хлебом, хорошей едой, вином, платьем, обувью, прической, жильем и охраной всех его прав. Так же точно будет и со всеми другими профессиями, и я надеюсь, что все будут вполне довольны.

Несколько лет тому назад появились печатные выступления против чрезмерного роста роскоши. Жаловались на то, что все ранги оказались смешанными, что стало невозможно отличить по костюму видного сеньера от мужлана, и было предложено для пресечения этого мнимого злоупотребления установить для каждого ранга знак различия. Знак этот к тому же должен был быть выразительным и пояснять род занятий каждого человека, например для дворянина — изображение шпаги, для бакалейщика — изображение сахарной головы, для торговца оливковым маслом — бочонок анчоусов, для владельца харчевни — гусь, для слесаря — наковальня, для портного — ножницы и т. д. Я надеюсь, что когда образуется наша новая республика, подобные вопросы не будут больше подниматься, ибо все полезные профессии (а там, конечно, останутся только такие) будут в одинаковом почете.

Неизменно с теми же чувствами я имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 12 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Я совершенно не знаю кодекса Фридриха, но, судя по похвалам, которые ему повсюду расточают, я хочу думать, что это очень хороший кодекс. Однако две главы там, по-видимому, несколько коварны: об охоте и о рыбной ловле. Возможно, при внимательном рассмотрении в нем найдутся и другие столь же плохо обоснованные главы, заслуживающие по своему значению не меньшего внимания? Фридрих, он, конечно, Фридрих и есть, но мог ли он, будучи королем, обосновать свой закон в части недвижимой собственности по-другому, чем он это сделал в отношении рыбной ловли и охоты? Косвенно или прямо, он, вероятно, основывался всегда на одном и том же принципе, и вот как, несомненно, должен выглядеть еще один его софизм: «Земля является общим достоянием всех людей, следовательно, все, в ней содержащееся и ею производимое, является общим достоянием, принадлежащим обществу, тому политическому объединению, которое эту землю населяет. Кем представлено это объединение? Его главой, королем: следовательно, это общее достояние принадлежит королю; следовательно, никто не может владеть ни одним дюймом земли без его согласия и без уплаты ему подати, которую он употребит для общего блага» [153]. Я никогда не поколеблюсь в выражении неизменных чувств, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО Ж. Ф. А. ДЕВЕНУ

Руа, 13 июля 1787 г.

Милостивый государь и друг!

Какая польза писать, если нельзя изложить ничего, что заслуживало бы этого? Я получил Ваше последнее письмо. Оно было для меня интересно во всех отношениях; однако обстоятельства не позволили мне дать какой-либо ответ на него. Я счел поэтому долгом промолчать. По правде, сегодня я выхожу из этой роли, но пока еще не для того, чтобы говорить о Вас. Я могу говорить только о себе. У меня есть очень важная тема, и природа обязывает меня все забыть, чтобы на ней полностью сосредоточить свою мысль. Узнайте, милостивый государь, и заметьте, сколь дурно расположена ко мне судьба. Я выхожу из одной беды лишь для того, чтобы попасть в другую, еще большую, и моя дурная звезда, кажется, ведет меня, как по ступеням, к одному несчастному положению для того, чтобы, выйдя из него, я был бы в состоянии сопротивляться неизбежности другого, еще худшего. Но хватит предисловий. Достаточно сказать, мой дорогой друг, что четыре дня тому назад я был поражен в самое чувствительное место. Моя дочь, играя, имела несчастье упасть в огонь, несмотря на два железных прута, которые, как Вы знаете, я из предосторожности, оказавшейся, однако, недостаточной, поставил, чтобы уберечь ее и ее брата. Она получила довольно серьезные ожоги обоих бедер от пинты очень горячей воды, которую она разлила при падении. Однако, по-видимому, задета лишь поверхность, и ее нынешнее состояние внушает надежду, чего все мы пламенно желаем, что благодаря небу и нашим заботам мы сможем отделаться испугом.

В этот момент спокойствия я могу Вам написать, просить Вас сказать за меня все, что нужно, и подтвердить Вам уверения в совершенной дружбе, с которой пребываю

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 15 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Я должен Вам ответить по вопросу о наследовании. Насколько приятнее было бы мне, если бы предпочтение было отдано системе Реформатора рода человеческого. Согласно ему каждый ребенок, рождаясь, оказывался бы столь же богатым, как и те, от кого он получил жизнь, а так же, как и его братья, его соседи и все люди. Вступая в брак, каждый приносил бы с собой одинаковое имущество. Умирая, каждый оставлял бы все свое имущество в наследство обществу, и никто не желал бы больше кончины своих близких ради того, чтобы воспользоваться тем, чем они владели, и не возбуждал бы у других таких же желаний. Между тем, по нашим законам, какие бы изменения в них ни

вносить (относительно этого пункта о наследовании), какое бы единообразие ни устанавливать, наследование всегда будет способствовать усугублению диспропорции имуществ. Я располагаю имуществом, равным Вашему, но разница в том, что я отец десяти детей, а у Вас только один наследник. Таким образом, милостивый государь, Ваш сын будет занимать такое же почетное положение, как и Вы, тогда как каждый из моих детей должен будет держать тон ниже на девять десятых и т. д., и т. д., и т. д.

Недостаток времени не позволяет мне дальше развивать мои размышления, и эта причина вынуждает меня столь внезапно прервать письмо, сказав Вам, что никогда не изменятся чувства, с коими имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 19 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Поскольку создатель тригонометрического графометра должен придать этому ценному изобретению ту гласность, которой оно заслуживает, может ли он рассчитывать, что Ваше ученое общество милостиво разрешит ему представить этот инструмент на рассмотрение с тем, чтобы впоследствии он мог получить отчет о результатах [154].

Имею честь быть с должными чувствами в отношении хранителя и главного руководителя полезных изысканий почтенного лицея,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 22 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Я чрезвычайно запоздал с ответом на Ваши письма. Различные затруднения и поездки вынудили меня пропустить несколько почт, не доставив себе удовольствия написать Вам. Вы, вероятно, скоро получите от меня несколько писем, и, возможно, они придут одновременно, ибо, не заблуждайтесь, хоть они и датированы каждое в соответствии с теми Вашими письмами, ответом на которые они являются, все они были написаны 5 августа [155]. Вот как я пытаюсь возместить запоздание. Я не хотел бы (и мне очень жаль, что я не смог Вам это сказать сразу по получении Вашего письма от 16 июля) аннулировать соглашения, предложенные в Вашем предыдущем письме от 5 июня, и мною впоследствии принятые. Я прошу поэтому, милостивый

государь, с получением настоящего письма оказать мне милость и вернуться в отношении меня к Вашему первоначальному решению. Поверьте, я сделаю все, что в моих силах, чтобы отблагодарить за всю Вашу доброту. Я, однако, прошу Вашего снисхождения за все эти письма, написанные одновременно.

Я чувствую, что мои силы не позволяют мне вложить в них даже ту небольшую старательность, которую я пытаюсь внести в составление тех писем, каковые я пишу от времени до времени. Я не стараюсь казаться сильнее, чем в действительности. Признаюсь, необходимость делать столько работы одновременно меня пугает. Вы задали мне так много вопросов, на которые мне следует ответить! Однако не надо унывать. Когда мы устанем, надеюсь, нам дадут передышку. Тише едешь, дальше будешь, говорит пословица. Не будем от нее уклоняться. И раз решено, что на Ваши письма я буду отвечать поочередно, я высморкаюсь, отдохну минутку и продолжу, лишь засвидетельствовав Вам неизменность чувств привязанности и благодарности, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО Ж. Б. БАБЕФУ

Руа, 24 июля 1787 г.

Я получил, мой дорогой друг, твои 15 франков. Старайся и дальше, пожалуйста, наскрести несколько су, чтобы помочь мне во время сбора урожая. Я надеюсь, что в следующий раз, когда буду тебе писать, у меня будет возможность сообщить тебе коекакие добрые вести. Софи в довольно хорошем состоянии; у нее еще есть легкая рана, не совсем зажившая, она много намучилась, и мы тоже. Она часто говорит о тебе, так же, как и Робер, который все повторяет, что ты пошел достать ему конфет.

Всем сердцем

Бабеф, брат

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 26 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Я не слишком доволен Вашим письмом № 43. (Это дерзко с моей стороны, не так ли? Почему Вы разрешили мне говорить все, что я думаю? Не опасно ли иногда ставить людей на слишком равную ногу?) О чем, в самом деле, Вы в нем говорите? 1) О предсказании Вашего старого суеверного моряка, которое подтвердилось благодаря чистейшей случайности. 2) О Вашем предположении, что я нашел плохим Ваше послание к г-ну Легэ [156]. Откуда такое предположение? Вы выводите это из моего

молчания на этот счет; но разве я могу говорить обо всем одновременно? В действительности, мое мнение далеко не таково. Я нашел Ваше послание, наоборот, очень изящно построенным. Правда, вместе с Вашим оппонентом я предпочел бы, чтобы оно было написано «в стиле Пинда», и, хотя считается, что к нему прибегают только бездарные люди, я одобрил бы его тем охотнее, что, на мой взгляд, эти небольшие вещицы, которые по-настоящему интересуют лишь тех, кто их пишет, могут нравиться другим только тогда, когда они сопровождаются, я бы даже сказал, перегружаются, очень большими красотами стиля. 3) О Вашем предположении, что я начинаю утомляться нашей перепиской, и т. д.[157] Если бы я осмелился затруднить Вас (а Вы заслуживаете этого), я потребовал бы от Вас возместить мне все потерянное мной с тех пор, как Вы осуществили принятое Вами... легкомысленно, да, раз уж слово вырвалось — слишком легкомысленно принятое Вами решение аннулировать соглашение от 5 июня. 4) О поэме г-на Маскле? Как будто бы Вы не задали мне уже достаточно работы по этому поводу и как будто я вполне сведущ, чтобы вынести здравое суждение по таким предметам. Только в Вашем втором постскриптуме как будто проявилось желание немного меня приласкать, делая мне комплимент относительно пространности моего письма от 8 июля. Да и то я, может быть, сильно ошибаюсь, и тут было лишь намерение иронизировать по поводу длины этого письма, найденной, вероятно, чрезмерной.

Так или иначе, я имею честь быть с теми же чувствами,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 29 июля 1787 г.

Милостивый государь!

Ради бога, не забудьте, что Вы предложили прислать мне статьи будущего Словаря, или Трактата фигуральных выражений, и я принял это предложение. В дальнейшем я увижу, могу ли я достойным образом высказаться по вопросу об его полезности.

Надеюсь, Вы не откажете мне также в присылке нового выпуска «Прогулок» г-на Турнона; я прочитал первые выпуски со всем тем интересом, которого они заслуживают.

Знаете ли Вы, что взгляды Вашего друга по вопросу о притяжении мне чрезвычайно нравятся и что я очень одобряю его весьма разумные мысли на этот счет? [158]

Знаете ли Вы также, что Ваша речь от 26 апреля 1786 года[159] доставила мне большое удовольствие, что я нашел ее действительно привлекательной и очень достойной быть прочитан-

ной всеми любящими прекрасное и доброе и что испытываю сильнейшее желание прочесть ее продолжение?

Браво! За Ваши изыскания касательно происхождения «Розати»[160]. Я восхищаюсь и тем, как искусно Вы их изложили.

О переводах г-на Экюйе[161] я не смогу, конечно, высказать соображения, которые могли бы сравниться с присланными мне Вами соображениям одного из Ваших корреспондентов. Я ограничиваюсь заявлением, что они представляются мне справедливыми. Только в его критике слова Somier он кажется мне несколько ригористичным.

Неизменно с теми же чувствами имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 2 августа 1787 г.

Милостивый государь!

Вот копия письма, написанного мной к той из наших дам, которую я счел наиболее заслуживающею получения Вашего письма, приложенного к тому, коим Вы меня почтили 3 июля[162]. Я надеюсь, что она отнюдь не из числа женщин, способных над ним заснуть. Поэтому приготовьтесь и самому быть всегда в бодрствующем состоянии. Вот мое письмо, вот мое письмо:

«Милостивая государыня, Вы, конечно, быстро оправитесь от удивления, вызванного неожиданным получением от меня письма, которого я никогда не подумал бы Вам направить, если бы не столь же странное обстоятельство, приключившееся со мной и о котором я должен Вам поведать, если я хочу сохранить надежду на то, что Вы милостиво простите мне мою смелость.

Итак, милостивая государыня, надо Вам сказать, что ко мне прибыл от литератора, оказывающего мне честь перепиской со мной, прилагаемый к сему запечатанный пакет, адресованный, как Вы увидите, «самой передовой из дам в Руа». Вы понимаете, как должна была удивить меня эта надпись. Я сказал себе: «Да это неслыханно, что именно мне поручили передачу такого послания! Это ведь очень щекотливое поручение! Как установить, кто, по общему мнению, в наибольшей степени обладает этим качеством? Тут нельзя довольствоваться собственными взглядами; особа, которая мне может казаться весьма «передовой», в глазах других может сойти за существо весьма вялое». А затем, добавил я, с какой стати литератору иметь отношения со столь легкомысленными, столь непоследовательными существами... какое отношение может он... Но, минуточку, давайте поразмыслим, может быть, академик имеет в виду совсем другое. Можно поразному понимать эпитет «передовой». Есть разные способы быть

передовым, и наш ученый, вероятно, отнюдь не собирается заниматься такого рода «передовыми», которые не заслуживают ничего, кроме равнодушия, а подчас и того не стоят. О, я, кажется, начинаю понимать, да, вот в чем дело. Держу пари, речь идет о живости ума? В таком случае обратим наши взоры в другую сторону. В самом деле, эти «передовые» ценнее многих других. Какое очарование испытываешь, когда они так мило оживляют каждое свое суждение с помощью простых и в то же время возвышенных оборотов речи! Как не прийти в восторг, слушая, как они, будто не задумываясь, придают своим мыслям все новые и новые оттенки, тем более привлекательные, что в них незаметно никакой претенциозности.

Ну что же, раз так, то нет больше никаких затруднений. У нас, в нашем краю, есть такого рода «передовые». У нас есть такого рода таланты, которые своими благородными усилиями нашли счастливый способ приблизиться к вратам знания. Заслуженная репутация, коей пользуется мадемуазель ...внушает мне уверенность в том, что она из их числа, больше того, что она возглавляет это очаровательное сообщество. Следовательно, к ней я должен обратиться, ей по праву принадлежит послание к «самой передовой из дам в Руа».

Если, милостивая государыня, я не ошибаюсь в своих предположениях, побуждающих меня считать, что автор послания имел в виду обратиться к передовой женщине, подобной той, чей заслуживающий похвалы характер я попытался обрисовать, к такой передовой, какой являетесь Вы, я убежден, что Вы поспешите доказать ему и тем самым всему его лицею, что Вы действительно передовая в том смысле, какой он вкладывает в это слово; тогда как я, радуясь случаю предоставить Вам возможность дать тому доказательство, добавлю... все, что смогу добавить, т. е. дань почтительной преданности, с которой имею честь быть и т. д.».

Исследование о глаголе aller представляется мне весьма углубленным и ясно изложенным и не оставляет места для возражений.

Неизменно с теми же чувствами имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 9 августа 1787 г.

Милостивый государь!

Вы могли уже убедиться, что я большой любитель всякого рода мемуаров. Можно ли оправдать такую склонность? Не знаю. Но только мне кажется, когда я разбираюсь в самом себе, что такая сильная склонность порождается чувствительностью, благодаря которой я сострадаю тем, кого угнетают, и в воображении

переношусь на их место. Должен ли я стремиться разделить эту склонность с другими? Опять-таки не знаю. Во всяком случае думаю, что нежные души не найдут в этом ничего достойного порицания. Прилагаемый мемуар заинтересовал меня тем более, что лица, коих он касается, нам знакомы, поскольку они проживают почти у ворот нашего города, и что защитник несчастного клиента — тот самый, который в прошлом году столь заслуженно прославился, выиграв важное дело девицы Сальмон [163].

Неизменно с теми же чувствами имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 12 августа 1787 г.

Милостивый государь!

Прилагаю копию ответа, полученного мной от нашей «передовой». Она немножко жеманится, эта дама, но со временем я надеюсь добиться того, что эта манерность исчезнет. Однако примите во внимание, что это может несколько затянуться, поскольку эта особа отнюдь не моего круга, вернее, я не принадлежу к ее кругу, и, следовательно, мы можем сноситься только письменно. Я сделал все, что мог, и счел долгом все принести в жертву удачному выбору. Рассудите сами, насколько я в этом успел.

«Вы слишком добры, милостивый государь, предполагая, что пересланное Вами письмо предназначалось для меня. Если исходить из тех любезных, но ко многому обязывающих слов, которыми Вы предваряете это письмо, то я его совершенно не заслуживаю; и хотя в молодости я иногда сочиняла кое-какие плохие светские стихи, в этом участвовало больше сердце, чем рассудок. Тогда во мне было много веселья, это могло нравиться, но в моем возрасте можно лишь желать веселья, но уже невозможно добиться того, чтобы оно стало приятным. Я не отвечу на это прекрасное письмо, которое так и дышит весельем. Ваша ошибка нанесла бы слишком большой ущерб тому, кто получил бы этот ответ. Он решил бы, что Вы, милостивый государь, показали себя судьей, скорее вежливым, чем справедливым. Я способна сама себе воздать должное, и любая попытка оценить собственные качества предохраняет меня от ничем не оправданного самомнения.

Вы вольны, милостивый государь, сообщить мою точку зрения Вашему академику, однако я предпочитаю знать своих корреспондентов. Не все, конечно, имеют столь лестное мнение обо мне, как Вы, за что я должна быть Вам признательна. Примите, пожалуйста, выражение моей искренней благодарности».

Чтобы правильно понять это послание, милостивый государь, полезно знать, что дама не совсем точна в указании возраста,

приближения которого, впрочем, она, вполне возможно, опасается. Подобное расположение духа, по-моему, придает некоторую пикантность ее стилю. Из следующего письма Вы увидите, милостивый государь, сумел ли я что-либо противопоставить всем ее притворным отговоркам.

Я никогда не изменю продиктованному моим сердцем выражению подлинных чувств, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 20 августа 1787 г.

Милостивый государь!

Вы обращаетесь ко мне с вопросом относительно сельского хозяйства у римлян [164]. У меня гораздо меньше возможностей, чем те, которые имеются у корреспондента, чей ответ по этому предмету Вы мне сообщаете. Он, по-видимому, настоящий литератор, а я им меньше всего являюсь. Он, вероятно, обладает временем для размышления об этих серьезных вопросах, а я нахожусь в совершенно ином положении. Наконец, видно, что он привлекает к себе на помощь некоторые книги, а я полностью лишен этой возможности. Поэтому я смогу высказать не более чем предположения, и то, что мне покажется разумным, увлечет меня без всякого сопротивления. Вот почему, милостивый государь, я почти не смогу возразить Вашему корреспонденту, который, мне кажется, довольно хорошо разбирается в этих вещах. Единственное в его взглядах, что вызывает мое порицание, это то, что он в смешном виде изображает склонность первых граждан Рима к сельскому хозяйству. Его «добрые пахари, крепкие и умелые», чаще всего, по-моему, лишь простые машины, нуждающиеся для того, чтобы не сломаться, в том, чтобы ими постоянно руководили искусные мастера. Но откуда могли бы взяться такие мастера, если бы граждане, принадлежащие к высшим классам, полагались полностью на свои машины, а сами с презрением отказывались приложить руку к работе? Только практика может совершенствовать теорию. К тому же следовало бы, конечно, пожелать, чтобы все те у нас, кто может быть уподоблен «римским консулам и всем героям с окончанием на us», имели иногда возможность «возложить на плуг свои руки», подчас угнетающие и почти всегда бесполезные (хорошо, если б они всегда были только бесполезными); они, таким образом, лучше научились бы уважать права несчастного землепашца.

Я согласен также с этим корреспондентом в том, что есть основания предполагать, что все виды труда постоянно совершенствовались благодаря своей полезности. Конечно, надо считать, что наше сельское хозяйство сейчас достигло высокой сте-

пени развития, но я думаю, что многое еще остается сделать! Впрочем, сколько открытий остаются неизвестными и гибнут, так сказать, сразу после их рождения! Землепашец изобретает какой-нибудь полезный способ работы, и он один его использует. Соседи, зачастую рабы предрассудков, презирают его, или они слишком ограниченны, или им не хватает мужества для преодоления некоторых незначительных трудностей, встречающихся при его применении. Сам изобретатель отнюдь не стремится распространить свое изобретение. Оно умирает вместе с ним, и вот почему все виды труда продвигаются по пути прогресса такими медленными шагами. Мне кажется, хорошо было бы издать закон, обязывающий каждого гражданина оказать обществу такие же услуги, какие он получил от него, т. е. принести обществу в дань все открытия, которые он мог бы сделать.

Все, только что мною изложенное, объясняет, почему в некоторых кантонах одной и той же провинции землю возделывают лучше, чем в других, что одну и ту же культуру здесь производят лучше, чем в другом месте, хотя почва тут и там одинаковая, что в Руа обрабатывают в течение года лишь две трети земель, тогда как в 5 льё отсюда, около Нуайона и Компьена, где почва даже хуже, никогда ни одна пядь земли не остается необработанной, и т. д., и т. д.

Вот, милостивый государь, все, что могу Вам сказать по вопросу, о котором идет речь. Вы знаете, с какими чувствами я имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 5 сентября 1787 г.

Милостивый государь!

Вернувшись из новой, порядком затянувшейся поездки, нахожу опять три Ваших интересных письма. Так как на этот раз случай помог мне больше, чем Вам, в отношении последовательности писем, я первым открыл письмо от 15 августа. Что же я вижу там? Что Вы забавляетесь, испытывая, сколь велики мои силы, и что Вы, безусловно, решили довести меня до того, чтобы я запросил пощады. Увы, милостивый государь, это не составит для Вас большого труда. Что за варварское удовольствие изнурять таким образом человека, и без того измученного слабостью! Предлагать ему решать такой вопрос, как вопрос о причинах, порождающих роскошь [165]; да разве это не значит желать его скорой кончины? Вы спрашиваете, чему это приписать — политическим интересам или порче нравов. Но прежде всего разрешите мне просить у Вас пощады до тех пор, пока я не изучу политическую историю и историю нравов. Я предпочитаю признать

свое невежество, чем щеголять ложной эрудицией, которая всегда в чем-нибудь проявится и выставит меня в самом смешном виде, разоблачив неуместную самовлюбленность. Однако, оставляя в стороне принципы, есть ли основания так резко выступать против роскоши? Не преувеличивают ли те несчастья, которые ей приписывают? Правда ли, что роскошь так сильно выросла за последние тридцать лет? Прежде всего, кто является главным сторонником роскоши? Нельзя сказать, что это сельские жители. Если бы вкус к роскоши господствовал в этом классе, он мог бы, действительно, причинить большие несчастья. Но поскольку под его власть подпали главным образом жители городов и особенно те, кто составляет великое множество бездельников, постоянно поглощающих бóльшую часть доходов от земли и даже государственных доходов, то какие из этого могут проистечь результаты, кроме сохранения и поощрения ремесел и торговли? Не будь этого, что делало бы все это множество ремесленников и коммерсантов? Что делали бы со своими деньгами рантье и обладатели высоких доходов? Они скупили бы земли и окончательно лишили бы землепашца всякой собственности. К тому же уж если выступают против роскоши, то не против роскоши в одежде. Она нынче очень проста. Где то время, когда носили вышитые шляпы, позументы, трости с золотыми набалдашниками, алмазы, вышивки и т. д., и т. д.?

Так как Вы желаете, милостивый государь, чтобы я был с Вами совершенно откровенен, я выскажу Вам свое мнение о Вашем сочинении по случаю женитьбы г-на Таранже[166]. Отлично известно, что Вы обладаете очаровательной просодией, и я уверен, что эта красивая шутка должна была произвести самое приятное впечатление в данных обстоятельствах; но, по-моему, рифмующиеся слова, хотя и очень остроумно разбросанные, поскольку каждое из них, будучи глаголом, неизбежно выражает действие, реальность которого Вы доказываете, создают, если отвлечься от обстоятельств, некоторую монотонность, причину которой Вы понимаете и которая могла бы внушить кое-кому подозрение, что поэт не приложил особенного труда к этому произведению.

Неизменно с теми же чувствами имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

P. S.[167] Единственный приход — Сен-Пьер. Три мужских монастыря: Минимы, Кордельеры, Братья милосердия. Два женских монастыря: Благовещения и Дочерей креста. Один коллеж: директор г-н Ле Вассер. Один врач — г-н Ван-Митон-Миди. Три хирурга: г-да Лаби, Валанкур и Кювийе. Литераторы: г-н Прево[168], королевский адвокат; г-н Билькок дю Мирай[169], королевский

прокурор; г-н Обер, асессор по уголовным делам; аббат Беланже, капеллан собора; г-н Кассан, негоциант; мадемуазель Горе; городской сборщик налогов; мадемуазель Буатель, проживающая на ферме дю Мулен, предместье Сен-Жиль. Может случиться, что есть еще кое-кто.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 6 сентября 1787 г.

Милостивый государь!

У меня далеко не такое хорошее мнение, как у Вас, относительно успеха нашего начинания в отношении самой передовой и т. д. Может быть, тут есть и моя вина, но если это так, то это вина невольная. Вы хорошо знаете, какой ответ я получил сначала. Так вот, после такого почина я надумал ответить следующим письмом:

«Милостивая государыня! Рискуя показаться Вам назойливым (чего я никак не хотел бы), я осмелюсь ответить на честь, оказанную мне Вашим любезным письмом, прибывшим в мое отсутствие и распечатанным мной сейчас, в момент моего прибытия. Могучее действие, произведенное на меня этим прекрасным письмом, таково, что я упрекаю себя в том, что не был здесь, чтобы получить его два дня тому назад и иметь возможность послать Вам ответ; впрочем, Вы вероятно, смотрите на это совсем не так, как я, и сочтете, что, напротив, этот ответ пришел еще слишком быстро. Так, благодаря различию воззрений, то, что одному представляется небрежностью, другому может показаться чрезмерной поспешностью. Однако, вознамерившись начать курс морали, я забываю, что я прежде всего собрался ответить на Ваше письмо. Вернемся же к нему.

Какую искреннюю симпатию вызывает та крайняя скромность, которую Вы проявляете с таким искусством на всем протяжении этого очаровательного письма! Как сильно привлекает она тех, кто по своему положению имеет возможность оценить это искусство! Да кто может быть на это не способен? Разве Ваш стиль не изобличает то, что Вы, кажется, всячески стараетесь скрыть? Вы сами, сударыня, даете могучее оружие против себя! Впрочем, Вы ведь говорите не с людьми, находящимися от Вас на расстоянии тридцати льё. Тот, кто Вас совсем не знает, мог бы еще дать ввести себя в заблуждение в некоторых отношениях. Ну да, в некоторых отношениях... например, когда для объяснения Вашего отказа от участия в состязании Вы ссылаетесь на то, что Вы якобы недостаточно умны. Вы не рассчитываете, я думаю, сударыня, что кто-нибудь позволит обмануть себя подобной отговоркой? Вы могли поэтому прибегнуть лишь (и то только в отношении людей, проживающих по меньшей мере в тридцати льё отсюда) к извинению, столь же несостоятельному

для тех, кто мог прочесть в Ваших чертах выписку из акта о Вашем крещении, к извинению, повторяю, которое Вы пытаетесь обосновать каким-то мнимым возрастом, изображаемым Вами как возраст отказа от всякого веселья, от всяких возможностей нравиться, от всего, наконец, что может способствовать радостям общества. Тот, кто услышал бы Вас, не видя Вас, сударыня, должен был бы, подняв глаза, хорошенько посмеяться над подобной шуткой.

Но особенно примечательно, сударыня, то, что Вы сумели так искусно построить свое письмо, чтобы одинаково хорошо и одинаково любезным образом ответить одновременно двум лицам. Не задумываясь над этим, Вы одновременно даете самый изящный ответ и мне, и автору того первого послания, которое Вам известно. С Вашего разрешения я пошлю ему Ваше сочинение, дав ему, однако, ключ, дабы позволить ему избежать заблуждения, в которое Вы неизбежно бы его ввели. Я уверен в том, что он останется доволен, и ручаюсь наперед, что через несколько дней он это бесспорным образом засвидетельствует.

А я, сударыня, буду иметь честь еще раз засвидетельствовать Вам глубокое уважение, с которым и т. д.»

И мне кажется, что вот это-то и испортило все. Что поделать, мне казалось, что я поступаю правильно! Но оказывается, что... совсем не так. Увы, милостивый государь, сказать ли Вам? Я в полном изумлении. Знаете ли... Да нет... Однако я должен Вам сказать... Так вот, я не получил ответа... Обескураженный, растерянный, удрученный, грустный, наконец больной, я получил Ваше второе письмо, которое я сразу же переслал коварной.

И после этого Вы хотите, чтоб я послал Вам портреты всех дам города. Право же, надо было бы быть очень смешным, чтобы взяться обрисовать столько характеров. Но, конечно, каким бы я ни был, после такого рода удачи уже не хватит дерзости, чтобы приступить к работе.

Затем Вы меня спрашиваете, почему негры — негры. Если бы даже предыдущая история оставила мне на шесть су мужества, неужели Вы думаете, что я в состоянии ответить на этот вопрос? Это то же, что говорить со мной по-арабски. Уже мое последнее письмо призывало Вас пощадить меня и не задавать столь трудных вопросов. «Почему негры черны?» Вот странный вопрос. Почему европейцы белы? Почему среди них одни — с черными волосами, другие — шатены, третьи — блондины, четвертые — смешанные? Почему существует 50 пород собак? Почему нет в природе двух совершенно похожих друг на друга существ? Почему, почему, почему? Мне кажется потому, что так пожелал создатель. Он распорядился, чтобы в Индии рождались черные люди, и разрешил, чтобы в Европе рождались белые. Среди последних существуют различия в цвете глаз, волос, кожи; весьма вероятно, что он сперва создал эти различные виды, а так как затем семьи перемешались путем союзов, заключаемых между

ними, это породило бесконечное разнообразие в наружности, так же, как черный кот и белая кошка производят пестрых бело-черных кошек. Это, может быть, не совсем совпадает с Книгой бытия, но теперь есть немало лиц, которые уже не верят в Книгу бытия [170].

Да, я действительно был бы очень рад, если б Вам угодно было вернуть мне посланные Вам мною несколько мемуаров. Вот еще один, в отношении которого я прошу Вас поступить таким же образом.

С каждым днем возрастают чувства, с которыми имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 7 сентября 1787 г.

Милостивый государь!

А теперь об электричестве, о магнетизме! [171]... Что за варварские слова! Вот что окончательно меня замучает. Правильно говорят: чем вы лучше, тем меньше вас щадят. Где роза, там и шипы. Сделайте людям немного добра, они вскоре потребуют вдвое больше. Ссудите сегодня два лиарда, завтра у вас попросят су. Надо сперва хорошенько разузнать, прежде чем полюбить. Нельзя узнать человека, находясь от него на расстоянии пятнадцати льё. Красивая внешность, плохая изнанка.

Я положительно заболеваю, когда со мной говорят о месмеризме [172], этой весьма старинной новинке. Как Вам угодно, милостивый государь, но я нисколько не склонен углубляться в эту тему, и, чтобы скорее с этим покончить, я ограничусь тем, что в двух словах изложу, что я всегда думал на этот счет. Я хочу сказать, что я всегда был того мнения, что магнетизм в лучшем случае способен излечивать от несуществующей болезни. По этому поводу я читал отрывок, на который часто ссылаюсь. Это было в одном из сочинений шевалье Рютледжа, автора высоко мною уважаемого, составителя всех мемуаров, посланных Вам мною, и героя того, который я Вам сейчас посылаю. Вот этот отрывок:

[«Вначале были энтузиазм и жадность: во все времена эта старинная чета имела на земле многочисленное потомство. У нас в течение двух столетий она genuit* Nostradamum, Nostradamus autem genuit Raymundum Lullium. Raymondus Lullius genuit Agrippam. Agrippa autem genuit Digby. Digby genuit толстого Фому; толстый Фома genuit графа де Сен-Жермена. Граф де Сен-Жермен genuit графа де Калиостро, де Калиостро проез-

---

* *Породила.*

дом в Вене развратил мадам Университетскую науку, в то время сильно увлеченную старым эмпириком, cujus nomen erat * Себаст. Вирдиг, и продолжение этих двусмысленных отношений привело к моральным родам этой старой дамы, сыном которой и является животный магнетизм».]

Неверно, что Ваш ответ на речь кузена Жака [173] в десять раз слабее этой речи. Осмелюсь считать себя достаточно способным судить, чтобы заверить, что то и другое написано тонко и изящно. Я только предпочел бы опустить там одну фразу, содержащую, мне кажется (простите мне мою смелость, она объясняется лишь особым правом все говорить, которое Вы мне дали), маленькую дозу тщеславия. «Непредвиденные обстоятельства предопределили, что именно я должен был дать ответ, и я выполнил эту задачу за те несколько часов, которые прошли с той минуты, как я был об этом уведомлен».

Осмелюсь ли я после такой выходки, быть может, совершенно необоснованной, просить Вас еще о чем-нибудь. Да, я представляю себе, как Вы воспримете мое замечание в том или другом случае. Если я прав, Вы скажете: что ж, он прав, и надо воспользоваться его замечанием. А если я ошибаюсь: что ж, он ошибается, и то, что он болтает, отнюдь не должно меня огорчать, поскольку он это утверждает без достаточного основания; следовательно, милостивый государь, это ничего не меняет в наших отношениях, следовательно, я могу еще попросить Вас сообщить мне, кто те авторы, чьи мемуары по вопросу о дорогах получили похвальные отзывы, и можете ли Вы прислать мне эти мемуары [174].

Постоянно возрастают чувства, с коими имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО Ж. Б. БАБЕФУ

Руа, 19 сентября 1787 г.

Дорогой мой, милостивый государь! Пожалуйста, пришли мне денег. Я себя чувствую хорошо. Сижу без единого су, в точном смысле, а менять мне нечего... Итак, в воскресенье, непременно, все, что у тебя наберется. Хуже всего, вдобавок, то, что г-н Девен пишет мне, что приедет ко дню св. Флорана. Никто здесь не просит меня передать тебе приветы... Все спят. Сейчас больше одиннадцати часов вечера. Я тоже скоро пожелаю себе спокойной ночи и лягу спать. В таком случае желаю и тебе хорошо спать. Поцелуй себя за меня.

Мой привет г-ну А. Лидие.

Бабеф

* *По имени.*

P. S. Полезно предупредить Вас, что написанное ниже Вам ни к чему. Это... упражнение почерка... для другой цели.

Народ, осведомленный о своих подлинных интересах, или Изложение коварной политики привилегированных всех сословий

в нынешних условиях

1787 [175].

ПИСЬМО ГРАФУ ДЕ КАСТЕЖА [176]

Руа, 3 ноября 1787 г.

Господин граф!

Вы обладаете искусством довольно хорошо судить о людях, однако я с величайшим сожалением вижу, что в результате несчастных обстоятельств у Вас сложилось столь же неблагоприятное, сколь неверное по существу представление обо мне и моем характере. Мне было бы крайне неприятно хотя бы еще раз провести ночь на Ваших землях, не попытавшись рассеять Ваше заблуждение. Вообще говоря, человеческому уму свойственны некие небольшие порывы, но он всегда возвращается к той умеренной основе, которая ему больше всего соответствует. При разрыве с Вами, я сожалею больше всего не о предприятии, которое я мог бы осуществить,— я могу работать с тем или с другим,— но повторяю, я сожалею о том мнении, которое у Вас обо мне останется. Потому лишь, что я ответил колко на колкости г-на Карре, Вы тут же решили, что я по существу человек недостаточно обходительный по отношению к лицам, с которыми я имею дело, и что, следовательно, своими действиями я могу лишь вовлечь своих доверителей в многочисленные судебные процессы. Такое представление, в данном случае основанное лишь на предположении, весьма мало может относиться к человеку, который, безусловно, этого не заслуживает, ибо, господин граф, опросите, пожалуйста, весь кантон Руа, где, могу сказать, я много поработал, и Вы услышите единодушный отзыв, что я никогда не отклонялся от общепринятых правил поведения в отношении кого бы то ни было и что никогда не было слышно, чтобы я вовлек какого-либо сеньера хотя бы в один, я могу это утверждать, хотя бы в один-единственный процесс. Мне хотелось бы, чтобы Вы все это знали и отнеслись ко мне более справедливо. Я хотел бы также довести до Вашего сведения, что у меня не было других намерений, кроме тех, которые были, по-видимому, Вам приятны, т. е. что я намеревался лишь согласовать с г-ном Карре наши воззрения, чтобы прийти к совместным решениям и совместным действиям. Но очень неприятно бывает сближать умы, расходящиеся по причинам, которые, пожалуй, очень трудно было бы определить!..

Имею честь быть с глубочайшим уважением, господин граф.

ПИСЬМО БЮКЕ

[Руа, 13(?) и 16 ноября 1787 г.]

* ... желая Вам услужить, я устраивал все так, чтобы иметь возможность оставить у Вас моего брата, которым Вы, по-видимому, довольны. Для этого я, пойдя на большие расходы, договорился с чужим человеком, который, несмотря на то, что невежество преобладает у него над всеми другими качествами, не захотел все же удовлетвориться теми выгодными условиями, которые я ему обеспечивал. Это вынуждает меня задержать моего брата, которого, однако, я не забираю у Вас, не предложив Вам заместителя, и я полагаю, что он Вам подойдет, ибо считаю возможным заранее Вас заверить, что он так же будет соответствовать Вашим видам, как и наш молодой человек. У него еще есть и то преимущество, что он умеет писать, как это называют, каллиграфически. Он родом из Вуайена, работал у адвоката Бурлона и в настоящее время находится в Сантерре, в замке Франконвиль. Вследствие не очень доброжелательного отношения, которое он встречает в этом месте, он охотно предпочтет Ваш дом, которому я воздал заслуженную хвалу, предупредив его о моем ходатайстве перед Вами в его пользу. Добавлю, что это приятный, разумный и честный молодой человек. Я бы даже взял его к себе, если бы не должен был предоставить кого-то Вам вместо того, кого я забираю. Моя большая работа в Тиллолуа [177] вынуждает меня нанять еще одного человека, если я найду подходящего. Это же предприятие не позволит мне разделить с Вами, как мы это намечали, работу у г-на де Б... **, которая, конечно, от Вас не ускользнет, если Вы этого пожелаете. Я, однако, не откажусь от удовольствия при случае помочь Вам, и, возможно, благодаря преимуществам моего положения, я смогу оказать Вам услугу.

Пятница, 16

О, сударь, в то время, когда я писал Вам, я не предвидел уготованного мне несчастья! Силы небесные! Господи, боже мой! Что я тебе сделал? Я потерял все, сударь, решительно все. Мое самое дорогое благо, мое единственное благо, то благо, которое одно давало мне возможность вкушать все другие, жестоким образом похищено у меня! О горе! Моя дочь, нежное дитя мое, моя дорогая дочь, мой идол, мое все!.. Тебя больше нет!.. Нежный предмет моих забот, ты, которую я с такой любовью воспитывал! Ты, кто так хорошо отвечала моим ожиданиям, ты, к которой постоянно были прикованы мои взоры, ты, которую природа осыпала своими лучшими дарами! Ты, простая ученица твоей мудрой матери! Ты, чье юное сердце обещало столь счастливое развитие!

---

* *Недостает начала.*

** *Фамилия неразборчива.*

Ты, чье чистосердечие, ум, очаровательный характер проявлялись, казалось, необычным для твоего возраста образом! Ты, чья крепость, сила, здоровье возвещали существо, к которому с уважением должна отнестись безжалостная смерть! Ты, ты, ты... О, боги!.. Можно ли выдержать мысль об этом? Твой образ, твои черты, твоя тень следуют за мной всюду, потому что ты сама следовала всегда за каждым моим шагом, потому что я всегда был занят тобой превыше всего, потому что ты была моей жизнью, моей душой, моим божеством [178].

Простите, сударь, эти мучительные содрогания сердца, пронзенного самой острой стрелой, сердца, навсегда погруженного в слезы самого черного отчаяния. Вы — отец, и Вы испытали бы такие же жестокие страдания, если бы подверглись такому же несчастию. Если я еще способен получить какое-то облегчение удручающих меня мук, то, конечно, только оглашая воздух жалобными криками, только распространяя повсюду стоны острой боли, я смогу удерживать иногда свои слезы и получить какую-нибудь передышку.

Да что я говорю? Мне хотеть удалить мысль о том, что мне было так дорого, мне стараться забыть о ней!.. Нет, все мои мгновения будут заняты этим, в этом я найду удовольствие, в этом я буду искать единственное утешение, на которое могу еще надеяться на своем грустном жизненном пути.

Пребываю и т. д. Нам остается, кажется, закончить один маленький счет. Я не знаю, хватит ли мне того, что может остаться после уплаты за Сюзуа, чтобы рассчитаться. Во всяком случае я это сделаю.

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 22 ноября 1787 г.

Милостивый государь!

О, как давно не имел я чести писать Вам! Виной этому грустная и плачевная причина. Сейчас Вы узнаете все подробности. Но изложим все с начала, соблюдая порядок.

К концу сентября письмоносец явился ко мне с пакетом от Вас, милостивый государь, довольно солидного объема, поскольку он подлежал оплате в 6 франков за пересылку (по-видимому, он содержал мемуар шевалье Рютледжа, который Вы должны были мне отослать обратно и который я не получил). Так как Вы меня заверили, что наша переписка остается свободной от оплаты до 1 октября, я счел правильным не принимать этот пакет и намеревался написать Вам, чтобы поставить Вас в известность об этом странном поступке со стороны г-на директора аррасской почты (ибо штемпель об оплате почтового сбора был оттуда). Но тем временем со мной случилось недомогание, задержавшее меня: первая несчастливая помеха.

8 октября Вы мне написали, и несколько дней спустя я полу-

чил письмо, коим Вы доставили мне удовольствие узнать, что наша переписка возобновлена по-прежнему с освобождением от оплаты, как это было до «эдикта об отмене соглашения». Многочисленные приложения к этому письму содержали вопросы, по которым Вы пожелали узнать мое мнение. Я не чувствовал в себе ни достаточных способностей, ни особой склонности, чтобы пуститься в рассуждения по большинству этих вопросов. Только по вопросам о прививке и об оспе я рискнул бы высказать некоторые соображения. Я даже намеревался пространно высказаться по этому поводу. Но, увы! Небо распорядилось по-иному.

Вы соблаговолите, быть может, милостивый государь, выслушать с некоторым интересом горестный рассказ о чувствительнейшем ударе, который мне только что нанесен. Я надеюсь на сочувствие с Вашей стороны, зная Вашу необыкновенную человечность и то расположение, которое Вам угодно постоянно проявлять ко мне.

С того самого момента, когда мои интеллектуальные и физические силы стали быстро развиваться, я испытал сладкое влечение к отцовству и употребил добрую часть моей юности на то, чтобы подготовить себя к обязанностям, которые возлагает звание отца. Мои занятия в этом направлении выработали у меня несомненную склонность и безоговорочную решимость сделать то, что могло помочь мне добиться приобретения этого желанного звания. Поэтому пять лет тому назад, будучи очень молодым (мне был тогда двадцать один год), я связал себя узами Гименея. Мой брачный союз был увенчан появлением двух детей, девочки и мальчика. Небу, кажется, угодно было исполнить все мои пылкие желания. Моя старшая дочь с самого рождения вызывала всеобщее восхищение. Ее лицо, все ее сложение заставляли всех, кто ее видел, говорить: «Вот подлинный шедевр природы! Тщетно было бы искать в этом прекрасном маленьком существе что-либо, о чем можно было бы сказать, что оно могло бы быть лучше! Прекрасный ребенок! Сам Амур, наверное, создал тебя по своему образу».

Вам легко понять, милостивый государь, с какой нежной и совершенной радостью и с каким прилежанием я заботливо растил столь редкостное творение. Все мои мысли, все мое время, все мое внимание — все было направлено на дорогое существо, очаровавшее мою душу. Ничто не могло меня отвлечь от него. Я не довольствовался книгами, бывшими у меня перед глазами, ни приобретенными мной особыми знаниями по физическому воспитанию детей самого раннего возраста. Я стремился лично советоваться с теми, кто считался наиболее выдающимся и преуспевшим в этой похвальной области исследований. Поэтому я обратился к г-ну де Фуркруа[179], известному своим сочинением, озаглавленным «Мать, действующая в соответствии с велениями природы». (Я думаю, что я осмелился бы обратиться за советом к автору Эмиля, если б он еще был жив.)

Этот почтенный гражданин изволил ответить мне пространными общими советами, которые я неизменно находил достойными всеобщего признания. В соответствии с этим, продолжая настойчиво и неослабно уход за возлюбленной сердца моего, я еще более укрепился в моем решении воспитывать ее, как это обычно говорят, в духе системы, но системы, которая не принадлежала в точности ни тому, ни другому, но заимствовала кое-что от всех и немного от меня. Как бы там ни было, мои заботы были щедро вознаграждены, и по прошествии четырех лет моя ученица была во всех отношениях очаровательна. В смысле физическом природа еще более украсила свое произведение: божественные черты, грация, сила, подвижность, полнота, все в ней соединилось. Моральные качества соответствовали этому. Замечательно доброе сердце, ровный характер, сметливый ум, здравые мысли и знания, вполне соответствующие ее возрасту. Короче говоря, Софи (то было ее имя) не была точно такой же, как Софи Жан Жака, которую он подготовил для своего Эмиля, но у нее было много от ее хороших качеств, и вообще смею сказать, что она вполне стоила ее. Такой отец, как я, никогда не может исчерпать похвалы ей, и если бы возможно было войти в подробности, я мог бы написать о ней тома. Вы поймете, что с такими чувствами и с предметом, столь достойным их, вопрос о прививке не мог оставить меня равнодушным. Случай порассуждать об этом пришелся очень кстати. Я собирался высказать то, что я об этом думал, и затем посоветоваться с Вами на этот счет, а равно и с другими разумными особами, чье мнение по этому предмету Вы бы мне сообщили. Но увы!.. Сударь... в то время как я сосредоточенно размышлял над своим ответом, горячка поражает кумир моего сердца. На следующий день я зову на помощь невежественную и смертоносную медицину, которая необдуманно и по грубейшей ошибке определяет ее болезнь, как избыток крови и жидкостей (ребенок был непомерно полный), решает, что надо сперва освободить желудок, якобы перегруженный непереваренной пищей, предписывает ей рвотное как средство, которое легче всего будет убедить ее принять. Когда это было сделано, мой несчастный ребенок тут же упал в странных судорогах, и четыре часа спустя... о горе!... ее не стало...

. . . .

О, сударь! Надо быть на моем месте, чтобы почувствовать всю силу страдания, причиненного мне этим событием! Всегда, о да, всегда моя грудь будет чувствовать последствия жестокой муки, испытанной мной в этих смертельных обстоятельствах! [180] Бесполезно, сударь, распространяться более, чтобы дать Вам представление о тех размышлениях, коим я предавался в эти минуты ужаса. Вы — отец, этого достаточно. Представьте себе горечь воспоминаний обо всем, что в прошлом так пленяло меня в этом ребенке, столь любящем и столь любимом. Да что я говорю?.. Быть

может, и Вы испытали некогда столь же жгучую боль; думая об этом, я умолкаю, дабы не бередить мучительных ран.

После этого рассказа Вы простите, сударь, что, получив Ваши письма, я ничего не написал Вам по поводу приложенных к ним исследований. Вы сами согласитесь, что время для этого было неподходящее, и сохраните уверенность в чувствах, с которыми я, как всегда, имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 28 декабря 1787 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше последнее письмо с теми утешениями, которое оно содержит. О! Как Вы умеете чувствовать и понимать всю глубину потери, подобной той, которую я перенес. Приятно получить продиктованные дружбой слова утешения, выраженные с таким чувством и так правдиво. Пожалуйста, сударь, еще несколько таких добрых слов, и Вы чувствительно уменьшите мои острые страдания. Заявляю Вам, что Вы всегда найдете во мне послушного пациента, следующего Вашим спасительным советам. Чтобы доказать это, поскольку Вы уверяете, что возобновление моих занятий, несомненно, поможет вернуть немного покоя моему взволнованному сердцу, я спешу повиноваться Вам.

Один из Ваших корреспондентов выступил против автора отрывка из путешествий современного Ментора по поводу выражения «подземный гром» [181]. Вы сочли это суждение неправильным, а другой корреспондент согласился с Вами. Мне тем легче присоединиться к более сильной стороне, что я, как и Вы, нахожу этот оборот очень выразительным; кроме того, я хотел бы, чтобы всякий раз, когда что-то порицают, взамен осужденного выражения предлагали другое, излагающее ту же идею в других словах, с тем, чтобы путем сравнения можно было судить, что лучше, и, следовательно, обладает ли критик качествами, необходимыми для того, чтобы быть им. Однако чаще всего довольствуются одним осуждением очень хороших вещей под прекрасным предлогом, будто они выражены непривычными словами или составлены в форме, плохо согласующейся с принципами языка. Я отнюдь так не думаю. Я не стану повторять привычные жалобы, уже высказанные многими до меня, на те преграды, которые кое-кто старается противопоставить обогащению нашего языка. Если бы всегда действовали таким образом, мы не пользовались бы сейчас ценным преимуществом, заключающимся в том, что мы можем до бесконечности варьировать представления, возникающие в нашем воображении.

«Подлинное счастие пребывает», как мне кажется, вполне на месте и очень удачно завершает очаровательное описание прелестной местности, различные красоты которой рисует поэт.

Я ничего не скажу по поводу замечания относительно соотношения между временем цветения лилии и временем сбора винограда [162]. Мне никогда не доводилось, и даже в голову не приходило, заниматься этими наблюдениями, быть может, вовсе не лишенными основания, поскольку раннее или позднее наступление теплого или холодного времени года постоянно влияет на развитие растительных культур. Если учесть, что каждый вид растений всегда развивается примерно одинаковым образом, то из сказанного вытекает, что коль скоро такое-то растение начинает развиваться, проходит разные этапы роста и, наконец, достигает зрелости за столько-то времени до или после какого-то другого растения, то это соотношение между стадиями их развития (которые зависят как от времени наступления тепла или холода, так и от времени, необходимого для полного развития каждого из этих растений) всегда должно быть одним и тем же. И вполне возможно, что связь между временем цветения лилий и временем сбора винограда распространяется и на многие другие существующие в природе растения и что даже два названных вида связаны подобным образом не только между собой, но и с многими другими растительными видами.

Имею честь оставаться со всеми чувствами, которые Вам известны,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО АББАТУ ИЗ СЕН-КАНТЕНА [183]

Руа, 22 февраля 1788 г.

Милостивый государь!

Лишь недавно я узнал, что Вы изволили исполнить обещание, данное мне в письме, коим Вы меня почтили... предыдущего месяца, принять во внимание рекомендацию, которую я осмелился представить Вам в моем письме от... предыдущего месяца, в пользу некоего Ватиньи. Прибегнуть к обычным и стократно избитым словам признательности и благодарности значило бы весьма слабо выразить, какую большую услугу Вы мне оказали при этой нашей первой встрече. Я Вам дам об этом, пожалуй, гораздо более точное представление, если, к некоторому ущербу для моей скромности, похвалюсь перед Вами одним достойным уважения качеством, коим, полагаю, я основательно наделен: крайней чувствительностью по отношению к людям, подверженным несчастьям. И даже это беглое знакомство с тем, что, может быть, есть лучшего в моем нравственном облике, без труда при-

ведет Вас, милостивый государь, к неизбежному выводу, который состоит в том, что при подобном характере моей главной страстью должно быть облегчение судьбы несчастных и что всякий раз, когда мне представляется случай преуспеть в этом, я чувствую, как растет моя радость.

Это вступление уже позволяет Вам, милостивый государь, предчувствовать, что я, вероятно, собираюсь обратиться к Вашей обычной любезности в пользу какого-нибудь нового претендента на Вашу доброту. Господи, ну, конечно! Вы не ошибаетесь. Только знакомство с таким человеком, как Вы, помогло извлечь из глубочайшего забвения другое несчастное существо. Я говорю «знакомство с Вами», потому что я льщу себя мыслью, что приобрел права на Ваше покровительство, осмелюсь сказать, на Вашу дружбу, даже в гораздо большей мере, чем Вы можете предположить. Но каким же образом, спросите Вы. Это так, сударь, и следующее повествование, которое я полагаю полезным и даже существенным для моего дела, объяснит Вам, что я имею в виду.

Мой отец был сыном честного земледельца из прихода Муши-Ла-Гаш, в бальяже Перонн. Его воспитанию уделялось мало внимания, так что, едва выйдя из детского возраста, полный отваги, воспламененный рвением ко благу своей страны, стремясь способствовать славе своего государя, одним словом исполненный самого высокого чувства патриотизма, он поступил на службу в прекрасный конный полк. Во время службы он выполнял свои обязанности с величайшей точностью: история даже гласит (и не приходится сомневаться в ее правдивости, поскольку она исходит от него самого), повторяю, история гласит, что в делах он проявил чудеса храбрости. Но, по-видимому, какие-то неприятности, которые очень часто испытывают благородные сыны Марса, рассеяли очарование и внушили ему вскоре мысль оставить общие интересы в покое и заняться тем, что он считал своим личным благом.

Он подписал новый контракт на другой срок службы, но лишь только он его подписал и получил деньги на руки, мой дорогой отец, тогда для меня еще только будущий, который уже таил в душе желание отомстить, стал сверх того еще и неверным подданным и решил, не прощаясь со своей ротой, осуществить при помощи этого небольшого богатства давно задуманную поездку за пределы королевства. Попав туда, он воспринял за границей как новость то, что ранее 100 тысяч других людей уже рассказывали ему 100 тысяч раз, а именно, что во Франции солдату не всегда предоставлена свобода действовать в соответствии со своими желаниями, и он заметил, что не так обстоит дело у тех, с кем, как он выражался, он имел честь говорить. Его заверили в том, что разница очень большая, и, убежденный в правдивости этих слов, он отдал на службу вражеского государя свою верность, нарушенную им в отношении своего собственного государя, которому он торжественно клялся безоговорочно хранить ее.

Труден только первый шаг, гласит пословица. Как только мой кандидат в герои безнаказанно сделал этот шаг, он не замедлил пуститься в другие рискованные авантюры. Казалось, он забавлялся коварной игрой, принимая постоянно все новые обязательства, чтобы доставлять себе опасное удовольствие нарушать их. Нельзя даже сказать, что ему для этого достаточно было любого повода. Ему и этого не нужно было. Он не затруднял себя даже поисками предлога. Ему было достаточно простого каприза. Можно ли извинить такую непоследовательность и легкомыслие, если вспомнить о тех опасностях, которым они подвергают человека! И можно ли вообразить, что я сын такого отца! Ведь я настолько малодушен, что вслух порицаю подобное поведение и утверждаю, что мне в сто раз легче простить мужчине неверность по отношению к возлюбленной (потому что последствия ее несколько менее серьезны), нежели неверность в отношении властителей мира сего.

Но в конце концов у каждого свой вкус, гласит пословица. Таковы были вкусы человека, которому я обязан существованием. И он всецело отдался во власть этих вкусов; изменчивый и непостоянный, как мотылек, который покидает свою прежнюю уродливую оболочку, чтобы принять новый, чарующий наши взоры облик, порхал он из страны в страну и облетел таким образом три четверти монархий и республик нашей блистательной Европы; причем (судя по тому, что он рассказывал прежде, чем покинуть этот свет) у него ни разу не было серьезных неприятностей с людьми, обязанными сдерживать пыл тех, кто одержим непомерным влечением скитаться по свету.

И, в самом деле, было бы очень прискорбно и неприятно, если бы все обернулось по-иному, ибо (я дрожу при мысли об этом) что стало бы тогда со мной — бедным маленьким существом, еще не появившимся на свет!

Однако всевидящему провидению угодно было, чтобы это бедное маленькое существо спаслось среди стольких опасностей, с ожесточением угрожавших, казалось, хрупкому механизму, из коего однажды оно должно было совершить свой взлет. Благодетельное раскаяние проникло в душу моего отца, и, довольный тем, что на поприще приключений он приобрел достаточную, по его мнению, долю слазы, он воспользовался объявленной во Франции общей амнистией для удовлетворения новой, пришедшей ему в голову фантазии после 22 лет [184] бродячей и бесполезной жизни вернуться к мирным очагам, вблизи которых он родился.

Вполне естественно, что после стольких подвигов мой бравый отец своим последующим поведением не опроверг того представления о своих незаурядных личных достоинствах, которое он к тому времени создал о себе. Он об этом очень заботился и, одушевленный успехом, стремился даже увеличить свою славу; пренебрегая скромной репутацией, он захотел сразу стать настоящей знаменитостью и пытался показать превосходство таланта, сумевшего достигнуть полного развития благодаря знаниям, по-

черпнутым в путешествиях. Короче говоря, он в один прием (черта, достойная быть отмеченной для потомства, как пример) продал все свое имущество и сумел, что не менее замечательно, израсходовать все вырученные деньги на удовольствия и кутежи, оставившие, к сожалению, после себя лишь горькое воспоминание о том, что они промчались с непростительной быстротой.

Когда он остался без имущества и почти без всяких средств, повязка, по-видимому, спала с глаз бывшего искателя приключений, и жестокое отчаяние пришло на смену обманчивой иллюзии, столь долго державшей в плену его бездумную душу. Все, что он смог найти, чтоб несколько облегчить бремя своего критического положения, была должность смотрителя у пяти откупщиков налогов и связанные с этим права.

В своем новом положении он проявил свойственные низшим категориям военных скверные замашки, которыми он гордился. Будучи простым солдатом, он не переставал роптать и даже бунтовать против своих начальников, а как только достиг самого малого чина, так возгордился преимуществом, которое дало ему командование, и возбудил против себя общую ненависть осуществлением нелепо деспотической власти.

Несмотря на все эти изъяны, увы! слишком часто встречающиеся в сердцах людей, можно было легко рассмотреть в душевном облике моего бедного отца черты доброго малого. Пылкость и крайняя верность в выполнении своих обязанностей, прямодушие, абсолютная честность, нежные чувства к своим близким — таковы были те похвальные качества, которые можно было за ним признать. Что касается последнего качества, нужно, однако, сделать некоторые оговорки. Он любил своих детей, но требовалось, чтоб они были милы, по крайней мере в том смысле, как он это понимал. Его самолюбие получало удовлетворение от всякого рода похвал его детям. Если говорили, что природа хорошо наделила их в физическом отношении, он старался дать понять, что этим они, конечно, в большой мере обязаны ему. Если говорили, что они вежливы, он объяснял, что это результат тех трудов, которые он приложил, чтобы привить им правила хорошего поведения. Под влиянием этого мелкого тщеславия он вбил себе в голову, что должен быть единственным учителем своих детей, несмотря на то, что он умел лишь плохо читать и писать. И я очень хорошо помню, как я, имевший, скажу не без доли тщеславия, от природы немало счастливых дарований и получивший вскоре благодаря этому возможность легко поставить моего наставника на место, я, по его словам, никогда бы ничему не научился с любым другим учителем.

Но не важно, как приходит благо, только бы оно пришло. Мое благо, если говорить об образовании, обошлось мне, по крайней мере моим плечам, можно сказать, страшно дорого. Я хорошо помню, как для того, чтобы обучить меня тому, чего он сам не знал, он употреблял солдатский тон и резкие жесты, коими он

не то что мучил и терзал, но, так сказать, преследовал мое детство до того, что я часто (притом совершенно серьезно) проклинал свое злосчастное существование.

Тем не менее — и это, возможно, перевешивало мое отвращение — я испытывал удовлетворение от того, что в восемь лет меня уже считали чудом. Мое детское самолюбие было достаточно сильно, чтобы жертвовать всем ради похвалы этой публики, ничего не знавшей о том, как дорого это мне доставалось. Как раз тогда, когда мой отец занимал должность в Сен-Кантене, некий де ла Роз, наш сосед, главный смотритель капитула, собираясь представить Вам несколько мемуаров, падумал поручить мне их составление, а затем, относя их к Вам, привел за руку маленького редактора, чтобы дать Вам возможность восхититься им. И Вы доставили такое удовольствие этому энтузиасту, выразив сомнение в том, что представленные документы могли быть написаны ребенком такого возраста. Чтобы подтвердить Ваше полное удовлетворение, Вы были столь добры, что подарили мне том, который я неизменно сохраняю. Это «История императора Карла VI».

Вскоре после этого мне довелось однажды (подобные события составляют эпоху в жизни ребенка) заслужить похвалу, столь же лестную для меня. В Сен-Кантен прибыл генеральный откупщик и вызвал к себе всех служащих. Моему отцу пришлось в указанный день явиться на этот смотр у ворот Сен-Мартен. Я пошел с ним. В ожидании начала церемонии я оставался с ним в кордегардии и забавлялся тем, что писал. Это заметил один капитан, и он был настолько поражен красотой почерка, что решил показать написанное мной откупщику. Последний, по заслугам оценив это, обещал мне свое покровительство, которое мне было бы весьма трудно в дальнейшем использовать, поскольку ни мой отец, ни тем более я не позаботились запомнить его имя.

Довольно скоро после всех этих происшествий мой отец получил перемещение по службе и оказался на заставе в Бре. Там у меня не было с кем соревноваться, и я все больше уставал от строгости отца. Притом, поскольку знания мои расширялись с годами, я сообразил, что строгость эта была несправедливой. Мне надоело постоянно слушать разговоры, пустоту и праздность которых я уже понимал, о жизни, якобы проведенной в осадах, сражениях, дуэлях и т. д., о многочисленных военных походах, в которых, по его словам, он оказывался, даже не зная почему, причем он придавал значение только этим делам и считал ничтожными и не достойными сравнения с ними все предыдущие, современные и последующие дела, в которых он не принимал участия, так же, как он презирал всех офицеров, которые служили не в его время, города, которых он не видел, и т. д., тогда как он возносил до небес все то, что было ему знакомо. Устав, повторяю, от всего этого, я понемногу стал пренебрегать родительскими выговорами. Меня наказывали. Я стал бесчувственным к са-

мым строгим наказаниям. Их еще увеличили. Я стряхнул с себя ярмо и стал самым отчаянным маленьким негодяем, какого только можно себе представить.

Пришлось предоставить мне жить в течение нескольких лет в этом состоянии безвластия, если можно так выразиться, и в конце концов, чтобы меня донять и в то же время немного облегчить бремя крайней нищеты, удручавшее моих родителей, содержащих большую семью, к тому же в крайне трудные времена, меня послали на поденную работу на Пикардийский канал, где непомерная тяжесть ручного труда навела меня на размышления, результатом которых были поиски способа заработать на жизнь менее тяжелым способом.

Мне было тогда 17 лет. В течение приблизительно 4—5 лет я не писал и не читал. Я попробовал опять взять в руки перо. После нескольких попыток я пришел к выводу, что смогу вновь набить руку. Мои надежды оправдались. Я сразу же принялся за поиски письменной работы, ни с кем не делясь моим замыслом. Я нашел должность у нотариуса-февдиста, проживающего около Аббевилля. Я устремился туда. Я провел там два года и вскоре сам стал февдистом с головы до ног.

Через 2 или 3 года после этого мой отец преставился, оставив жену и трех малолетних детей, двух девочек и одного мальчика, которого я взял на свое иждивение и который ныне мне помогает...* Вот вся моя история, из которой Вы увидите, что благодаря случайным и для меня счастливым обстоятельствам я имею возможность доказать Вам факт двух встреч с Вами в различные моменты моей жизни, из коих первая, казалось, позволяла мне осмелиться сказать Вам в начале данного письма, что, по моему мнению, я имею некие права на Вашу дружбу, и это побудило меня к данному повествованию, чтение которого могло Вам наскучить и которое было необходимо, чтобы обосновать перед Вами мои права на Ваше расположение. Я довел рассказ до смерти моего отца, следовательно, до вдовства моей матери. Так вот, без дальнейших околичностей я умоляю Вас оказать покровительство этой вдове. Не представится ли возможным исходатайствовать для нее...* лавку соли и табака? Можно ли рассчитывать, что такому ходатайству будет отдано предпочтение перед другими из внимания к тому, что она была женой служащего откупа, прослужившего 25 лет? Будет ли принята во внимание и моя просьба — просьба человека, который рассказал Вам свою историю и даже историю своего отца? И с учетом всех других качеств, хороших или дурных, которые у меня могут быть? Воздержусь от всех других похвал самому себе, прошу, как о милости, об ответе и имею честь быть со всеми чувствами, которые я должен к Вам испытывать и постоянно испытываю...

---

* *Текст неясен.*

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

Руа, 21 апреля 1788 г. [185]

Милостивый государь!

Я повторю Вам то, что Вы писали мне в своем письме от 3 февраля, после которого я рад был получить еще несколько других, хотя не имел удовольствия и возможности ответить: «Дела и заботы следуют у меня друг за другом с беспримерной быстротой». Помимо этого, кое-какие недомогания, правда легкие, способствовали тому, что я был вынужден хранить молчание и очень боюсь, что Вы не пожелаете простить мне его продолжительность.

Однако я осмеливаюсь прервать это молчание, отсылая Вам все, что было приложено к самому раннему из оставленных мной без ответа Ваших посланий, а именно к письму от 13 минувшего января. Я последовательно буду поступать так же с другими Вашими письмами. Предвижу, что мои дела не позволят мне сопроводить их очень пространными посланиями. Я утешаю себя только тем, что Вы все равно мало что в них найдете.

Ваши Штаты сделали, по-моему, доброе и великодушное дело, предоставив королю безвозмездный дар, о содержании которого Вы мне сообщаете. Вы сделали, господа депутаты, доброе и полезное дело, перемежая свои заседания трапезами на 80 кувертов. Я доволен тем, что тоже сделал доброе дело, написав несколько сносных замечаний о причинах роскоши. Мне досадно, что я не могу сказать ничего интересного о природе дыма. Я скажу кое-что о том, что я думаю по вопросу о перевязывании пуповины, но сегодня мне некогда, я смогу это сделать позже. Да, я такого же мнения, как и Вы, относительно прививок. Что касается геометрии, я должен честно признать, что эти господа рассуждают слишком высокоученым образом, чтобы я осмелился им противоречить. Ваш новый корреспондент кажется мне подлинным ученым. Прошу верить, что отнюдь не равнодушие является причиной моей краткости, и имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Бабеф

ПИСЬМО СЛУЖАЩЕМУ МАРКИЗА ДЕ СУАЕКУРА [186]

Руа, 15 июля 1788 г.

Милостивый государь, я несколько запоздал с ответом на письмо, которое Вы оказали мне честь написать относительно дела Шийи, потому что считал долгом снять хорошую копию и с договора 1729 года (так как копия, которой мы располагаем, почти не поддается прочтению), и с текста консультации г-на де Ламбона, чтобы хранить их у себя и иметь таким образом возможность

заглядывать в них, если представится надобность. Относительно последнего документа я подумал, что было бы хорошо послать и Вам его копию. Я пошлю Вам и оригинал, если нужно.

Я сообщил, что сегодня займусь доказательством того, что Консультация от 30 сентября 1767 года, при сем прилагаемая, не представляется мне столь разумной, как та, что г-н де Ламбон дал раньше, 14 сентября 1766 года, и в которой он признавал за г-ном маркизом де Суаекуром гораздо более широкие права, чем во второй консультации. Но я сохраняю за собой право вернуться к этому вопросу одновременно с выполнением порученной Вами мне работы, имеющей целью проведение новой переписи в Шийи.

Я с большим удовольствием, милостивый государь, занимаюсь всем относящимся к моей профессии. Право, работа доставляет мне большое наслаждение и подлинное счастье. Из этого естественно вытекает, что я отдаюсь своей работе с чрезвычайной усидчивостью и стараюсь внести в нее точность и тщательность, благодаря чему она становится мне еще милее, ибо человеку свойственно испытывать удовлетворение от хорошо выполненного дела. Однако я не могу быть вполне довольным. Я испытываю всякие мелкие неприятности, которым я не должен бы подвергаться при таком поведении, как мое. Вы знаете, милостивый государь, что мрачная зависть окружает все должности. Похоже на то, что какой-то глухой и коварный заговор затевается против меня, и Вы удивитесь, узнав, как и почему это происходит.

Судебный пристав [187], обычно выполняющий поручения владельцев Тиллолуа, рассчитывал на обновление описей, как на возможность погреть руки, так как, по его мнению и соответственно тому, что он видел в подобных случаях в некоторых сеньериях, предстояло предать всех вассалов огню и мечу. Он убедился в том, что мы теперь применяем полюбовные и мирные средства, что мы всех предупреждаем отдельными извещениями и что благодаря примирительному методу, посредством которого я провел ранее многие описи, не посылая ни одного вызова в суд, я без труда добиваюсь погашения каждым его повинностей г-ну маркизу: все это его не устраивает. Чтобы отомстить, он придумал восстановить против меня судебных должностных лиц маркиза, наговорив им, будто я стремлюсь вторгнуться в область их и его прав, а Вы сейчас увидите, сударь, как это далеко от истины. Я сказал этому судебному приставу, что в тех случаях, когда ему доведется производить наложение феодального ареста на недвижимость или составлять какие-либо другие акты этого рода, имеющие отношение к моей работе, я думаю, что было бы правильно, если бы я составлял оригиналы актов с тем, чтобы быть уверенным в их полном соответствии с титулами и в точном указании местоположения недвижимостей, к которым они относятся; все это вещи, которые по моей работе мне известны лучше, чем кому-либо. Я предлагал все это лишь для пользы дела и во

избежание неправильных указаний, которые встречаются слишком часто и приводят к отклонению исков; сеньеру, выступающему в качестве истца, остается лишь неприятная обязанность платить бесполезные судебные издержки. К тому же я отнюдь не претендовал на какую-нибудь выгоду для себя, и все это не помешало бы ему получать одному все вознаграждение за составление этих актов. Я сказал судебным должностным лицам, что, хотя грамота на составление описей разрешает мне одному принимать от вассалов все документы, касающиеся фьефов, я отнюдь не хочу оспаривать их права, что я обещаю за все рассчитаться с ними, а сам удовольствуюсь моими специальными правами и гонорарами за декларации для недворянских владений. Кажется, ничто не могло представляться более разумным, чем эти предложения.

Однако эти господа, настроенные против меня судебным приставом, решили, что я им говорю неправду, и так как у них возникла ко мне неприязнь, от которой им трудно освободиться, они стали осаждать г-на маркиза де Суаекура своими воображаемыми обидами. По наущению все того же человека они обвиняют меня в том, что я применяю неподходящий стиль в переписке с вассалами. Я хочу, милостивый государь, прилагая к сему экземпляр первых разосланных мной циркуляров, дать Вам возможность судить, насколько обоснованно такое обвинение. Что касается подробных писем, которые мне приходится вслед за этим писать, или тех, которые я адресую знатным лицам, я также могу доказать, и Вы сами можете заранее представить себе, милостивый государь, что я и в них оказываю все подобающие знаки внимания и вежливости. Да нет, они были бы довольны, если бы я грубил направо и налево, и тогда это уже не было бы, по мнению некоторых людей, неподходящим стилем поведения. С этой точки зрения более вежливо было бы довериться благоразумию судебного пристава, т. е. заинтересованной стороны, в отношении числа вызовов в суд. Вот почему я не пользуюсь дружбой этого человека; а ведь я даже не требую, чтобы в этом вопросе полагались на мое благоразумие; напротив, я предлагаю, чтобы в случае, когда исчерпаны все пути полюбовного решения и возникла необходимость предъявить иск, я должен был предварительно представить вышестоящим лицам объяснительную записку по поводу данного дела, чтобы получить необходимое разрешение для предъявления такого иска; и хотя я готов на все это, я, повторяю, не пользуюсь дружбой этого человека. Но так как нельзя всем угодить, а чувства чести и человечности склоняют меня делать то, что должно удовлетворить особ, коим я служу, то я предпочитаю последнее. Однако это не всегда получается, и бывает, что интриганам удается представить в ложном свете самые честные действия и самые похвальные намерения. Часто можно видеть как лица, полностью преданные вверенным им интересам, находят плохую награду за сам избыток рвения. Но я льщу себя надеждой на то, что с лицами, способными оценивать все по

справедливости, мне не нужно ничего этого опасаться. Я тороплюсь закончить это уже слишком длинное письмо и сожалею, что вынужден был ради этого оторваться от моих полезных занятий на несколько минут. Я спешу возвратиться к ним, но, однако, сударь, я осмелюсь просить Вас переслать это письмо г-ну маркизу де Фекьер[188], который, усмотрев в нем отражение моего характера, чистоту моих намерений, а также те препятствия, которые встречают эти намерения, соизволит, смею надеяться, приложить усилия к прекращению несправедливых кляуз, которые могут продолжаться или возобновляться, и доставить мне удовольствие защищать интересы, которые он оказал честь доверить мне. Ибо после того, как я столь охотно отдавал свое время, свой труд, свое внимание, свои знания и все усердие, на которое я способен, после того, как я принял все необходимые меры для быстрого и безупречного выполнения возложенной на меня задачи, мне было бы очень неприятно постоянно оказываться мишенью для подобных придирок.

Имею честь быть с совершенной искренностью, милостивый государь, Вашим

На обороте:

Милостивый государь!

До сих пор я имел удовольствие говорить с Вами с полной искренностью о том, что касается нас обоих, но я вынужден прибегнуть к Вам в момент беспокойства, от которого я могу освободиться лишь в надежде, что Вы сможете положить ему конец.

N. B.

Мне необходимо будет договориться с поверенными дома Шон на предмет получения сведений о всех нынешних держателях недвижимости на территории Шийи или отправиться собирать на месте эти подробные сведения, которые, по вашим словам, настоятельно необходимы и которые я сам уже намеревался собрать для нашей переписи в упомянутом Шийи.

ПИСЬМО МАРКИЗУ ДЕ СУАЕКУРУ

Руа, 23 июля 1788 г.

Милостивый государь!

Можно ли было думать, что «злосчастная хорошая работа», высокие качества которой получили общее признание, навлечет на меня в сто раз больше неприятностей, нежели она стоила мне трудов, забот и внимания. Мало того, что она вызвала недоброжелательное отношение ко мне тех, ради кого я прилагал тщетные усилия и от кого ожидал совершенно иных чувств: надо было еще, чтобы она мне доставила недовольство тех лиц, от которых я имел основание ожидать помощи в моих затруднениях. Я никогда не намеревался, милостивый государь, оскор-

бить Вашу чувствительность. Вы оказали мне честь, предложив две формы третейского суда: одну с апелляцией, другую окончательную [189]. Так как я затруднялся в выборе, Вы избрали форму соглашения о третейском суде по второму образцу. Я оговорил, что должен подумать, и, обдумав, высказался за другой способ действия. Чем мотивировалось это предпочтение? Тут отнюдь не было, не дай бог, ни малейшего недоверия к Вам. Надо быть откровенным, это было только опасение, как бы возможный недостаток практических знаний по предмету, отвлеченному и отнюдь не простому, не привел Вас к тому, что Вы будете исходить из ошибочных принципов, а не из тех, на которых стали бы основывать свои суждения люди нашей профессии. Когда я выразил свое убеждение, что моя работа стоит того, во что я сам ее оценил, и что я уверен, что февдист, которого я имел в виду, или любой другой знаток подняли бы эту оценку вдвое, это была лишь форма выражения с целью предостеречь от опрометчивых решений множества людей, плохо осведомленных о существе предмета и не колеблющихся выступать во всеуслышание против вещей, важность которых они не в состоянии понять. В связи со всем этим благоволите, прошу Вас, милостивый государь, не вменять мне в преступление то, что я попросту старался защитить свои законные интересы, и не приписывайте мне намерений, которые мое сердце отвергает. Я и так незаслуженно наказан тем, что меня очернили в глазах общества после того, как я принес в жертву свое время, свои деньги и свой труд в ожидании законной оплаты, каковой, несмотря на мое терпение, мои ежедневные настояния и мою полную умеренность, я никак не могу добиться.

Имею честь быть с самыми совершенными чувствами.

ПИСЬМО МАРКИЗУ ДЕ СУАЕКУРУ

Руа, 30 июля 1788 г.

(В защиту невинно обвиняемого). Выслушайте мои доказательства и затем судите меня, как подобает судить невинно оклеветанного человека.

Отдавая мое время и все мое внимание интересам сеньера, которому угодно было почтить меня своим полным доверием, я, естественно, надеялся путем разумной и строгой экономии достигнуть в награду за эти лишения и за этот отказ от всяких других интересов обеспеченного существования для себя и для семьи, главой которой меня сделало провидение. Если сейчас я с грустью вижу, как исчезает для меня это столь законное и утешительное представление, то еще ужаснее для меня невыносимая тяжесть обвинения в нечестности, возведенного на меня с преступной ловкостью бесчестными людьми, чтобы погубить меня в глазах общества и таким образом лишить меня одновременно и чести и имущества.

Вблизи дворов, вблизи сильных мира сего, вблизи всех особ, имеющих возможность по своему положению оказывать **милости**, обычным является, г-н маркиз, что лживая политика, низкая интрига, все пружины злобы пускаются в ход одна за другой чаще всего для того, чтобы погубить людей, имеющих самые честные намерения. Их действиям эти злонамеренные люди дают преступные истолкования, подсказанные одной лишь их испорченностью, и именно эта их испорченность помогает им представить действия честных людей в ложном свете и коварно придать им такую видимость, что они выглядят как преступления. Часто выяснялось, но слишком поздно, что человек, признанный виновным и затем принесенный в жертву в результате удара, нанесенного коварной и смертоносной рукой, был на самом деле честным и добродетельным человеком, а тот, кто стремился его погубить, был, напротив, именно таким, каким он изображал того, чья честность возмущала его подлую и развращенную душу. Мы почти ежедневно наблюдаем такие случаи, и, однако, мы не всегда в состоянии противостоять злобным проискам порочных сердец, потому что, будучи справедливыми, мы не представляем, что такие же, как мы, люди способны, в отличие от нас, сойти с пути прямодушия, честной простоты — этого прекрасного достояния добродетели.

Возвращаюсь прямо к моему делу. В этот момент бедствия я чувствую, г-н маркиз, что диктует мне голос подлинной чести. Я обращаюсь к Вам, изволившему почтить меня своей доброжелательностью, вероятно, потому, что, по Вашему мнению, я ее заслужил. Если, выполнив предложение, сделанное мной в начале: «Выслушайте мои доказательства и затем судите меня», Вы найдете меня недостойным этой доброжелательности, я скажу, покоряясь: «Да буду я лишен доброжелательности всей земли! Пусть весь мир видит во мне свой позор! Да, я знаю и я знал, какие серьезные обязанности я взял на себя, согласившись быть облеченным доверием, которое угодно было мне оказать. Я заключил соглашение, согласно которому я обязался быть тем, что для всякого человека, желающего явиться достойным общества, не представляется даже обязанностью: я обещал, что всегда буду честным человеком. Если я не выполнил свято это обещание, наш договор нарушен, и мне не на что жаловаться. Рассмотрим же скрупулезно, каково было мое поведение. Я расскажу правдиво, как на исповеди, что́ во всех отношениях отличало мое поведение, и выясним, заслужил ли я ту участь, которой теперь подвергаюсь!»

Первое и главное предъявляемое мне обвинение заключается во взимании нескольких су с ливра при продажах леса с торгов. Пусть вызовут любое число лиц, купивших с торгов. Их достаточно, ныне здравствующих и известных. Все они отдадут дань истине и заявят, что никогда не было истребовано и уплачено более одного су. Если когда-нибудь случалось, что было взыскано

больше, в чем я сомневаюсь, то это никогда не делалось мной или с моего ведома. И если даже допустить, что было дурно получать это единственное су с ливра, которое злонамеренные клеветники голословно удвоили или утроили в своем воображении, то это зло идет не от меня. Оно получило распространение до моего поступления на службу, и, таким образом, я лишь следовал по проторенной дороге. Но в действительности сам г-н маркиз де С[уаекур] отнюдь не считал злоупотреблением постоянный обычай у его поверенных, назначенных для проведения продажи леса с торгов, взимать это незначительное вознаграждение. Наоборот, представляется, что он постоянно одобрял это, и вот каким образом.

Лет (двенадцать) тому назад было в обычае, что продажи леса с торгов проводились судебными должностными лицами. Один управляющий (г-н....) изменил эту практику с согласия г-на маркиза по соображениям, побудившим действовать в то время именно таким образом. Но так как эта перемена относилась лишь к форме, а по существу никаких нововведений не было сделано, тот же управляющий, взимая то же су с ливра, ранее взимавшееся судебными должностными лицами, делил этот доход между собой и сборщиком. Так это продолжалось при всех последующих управляющих. Этот порядок я нашел при своем вступлении на службу. Я *его сохранил по сей день*, притом по неоднократным указаниям г-на маркиза де Суаекура, говорившего мне, несмотря на жалобы, время от времени предъявляемые судейскими, что на это не следует обращать внимания и что он хочет, чтобы этого рода дела совершались без них. Я на это полагался, а сейчас именно в этом состоит мое преступление.

Правда, мне еще ставят в вину то, что по приказу управляющего Вебера, считавшего, что это должно составить небольшой доход для него, я не внес в один из моих отчетов кору с нескольких деревьев. Эта кора была убрана лишь для того, чтобы придать более удобный для продажи вид деревьям, с которых ее сняли, и, что бы ни говорили любители все преувеличивать, в действительности представляла собой весьма незначительную ценность.

Последним актом мести моих врагов были их усилия, направленные к тому, чтобы уверить, что за десять лет [190], прошедших со дня моего вступления на службу в управление землями г-на маркиза де Суаекура, я приобрел будто бы недвижимостей на 30 тысяч, по словам одних, а по словам других — на 40 тысяч ливров, в том числе дом, стоимостью в четыре или пять, или шесть тысяч ливров, который я построил. Вот факты, которые легко утверждать, но по крайней мере столь же легко показать, до какой степени они ложны. Я хочу быть правдивым в своем изложении, а доказательства известны всем порядочным людям в округе. Мое общее состояние может оцени-

ваться до ... * В том числе мое наследственное имущество составляет... * Итак, остается... * представляющих мои приобретения. Я продал дом в Руа стоимостью ... * и другое унаследованное мной имущество в Ори на ... * Я получил в наследство... * От одного моего дяди, проживающего в Париже, я получил в дар... * Я взял взаймы у некоего Кольвена, слесаря в Руа, с выплатой ежегодных процентов. Следовательно, в результате моих сбережений и моей крайней экономии у меня остается только... *, куда входит и стоимость моего дома, могущая составить (это подтвердит вся округа) не четыре, пять или шесть тысяч ливров, а самое большее 1500 или 1600 ливров.

Вот, г-н маркиз, картина, несомненно, более точная, чем та, которую мои хулители могли Вам представить, чтобы очернить меня. Но можно судить о достоинствах того и другого рассказа, выяснив, кто же эти хулители. Люди, руководимые алчной страстью получать несколько несчастных су с ливра, которых я никогда не стал бы у них оспаривать, если б не застал такое положение дел с самого начала и если бы это хоть в малейшей степени противоречило воле г-на маркиза де Суаекура. Они скрывали, что их бешенство вызвано отнюдь не бескорыстными мотивами. Они проявляли ложное и притворное рвение к интересам, к которым в глубине души они гораздо более равнодушны, чем тот, кого они обвиняли в плохом служении этим интересам. Вот — все мое преступление, вот — подлинные мотивы озлобления моих врагов. Другие их презренные попытки были бессильны противостоять моей невинности. Они решили тогда, что, приведя в движение эти последние пружины низкой и клеветнической интриги, они смогут поколебать основы доверия, которое я заслужил чистым и безупречным поведением. Их успех оказался полным. Но, г-н маркиз, неужели Вы находите, что я порвал связывающий нас договор?

Вы меня выслушали полностью, я подавлен этими мыслями, которые возникают снова и снова. Пора кончать, извольте меня судить.

ПИСЬМО СЛУЖАЩЕМУ МАРКИЗА ДЕ СУАЕКУРА

Руа, 10 сентября 1788 г.

Милостивый государь!

Сегодня утром я произвел тот демарш у г-на Токена[191], о котором мы условились. Мое поведение была сама любезность и вежливость, но оказанный мне прием не стал от этого более милостивым.

Не успел я открыть рот, чтобы сказать первое слово, как г-н Токен, не ожидая конца фразы, ополчился против меня и

* *Пропуски в оригинале.*

жестом и голосом, давая понять, что, что бы я ему ни сообщил, он заранее готов был выказать мне неизменно неблагоприятное отношение.

Тем не менее я рискнул сказать ему: «Поставили ли Вы, сударь, свою подпись под первыми актами, которые я имел честь Вам вручить?» — «Нет,— ответил он,— и если Вы явились только для того, чтобы сказать мне об этом, уходите отсюда».— «Я пришел, сударь,— возразил я,— чтобы сказать Вам и это и другие вещи, касающиеся дел г-на маркиза де Суаекура, но если Вы отказываетесь меня выслушать, я буду лишен этого удовольствия. Однако простите, если я осмелюсь спросить Вас, какие у Вас претензии к этим актам, чтобы так их осуждать?» — «Я говорю, что они плохо составлены»,— ответил он.— «Однако не все так судят, сударь. Г-н маркиз де Фекьер, который первым их видел, почтил их своим одобрением; г-н Массон [192], адвокат в Руа, с которым консультировались по этому поводу, ответил, что метод их составления предпочтителен всем другим и не оставляет желать лучшего; множество других лиц, из коих на одних я работал, а другие знакомы с моей работой, единодушно воздают должное превосходству моих методов».— «Пусть хоть весь мир выскажется за Вас,— ответил г-н Токен,— это Вам ничуть не поможет. Я сказал, что все сделанное Вами сделано плохо, я скажу то же самое обо всем, что вы сделаете, и никто никогда не оспорит мнения человека, состоящего в должности бальи г-на маркиза де Суаекура в течение 38 лет. Уходите отсюда и оставьте меня в покое».

Вот каковы, милостивый государь, те крайние проявления невежливости, к которым привели этого безжалостного человека страсть, грязное корыстолюбие, скрытая злоба, вызванная воспоминанием о моем отказе разделить (с бездеятельным человеком) плоды сделанной мной работы, безмятежным зрителем которой был г-н Токен. Он прикрывает свое пресловутое недовольство благовидным предлогом защиты интересов г-на маркиза, тогда как на самом деле имеет в виду только свои собственные. Он встречает человека, который отказывается отдать ему половину плодов своих трудов, и он заявляет: «Клянусь погубить тебя во что бы то ни стало. Я буду хулить все, что ты сделаешь, изобрету тысячу клеветнических измышлений, если нужно, дам дурное истолкование всему, что бы ты ни сказал. Я осыплю тебя оскорблениями и скажу, что это ты меня оскорблял. Одним словом, я сделаю все, что могу, чтобы тебя погубить, и я уверен в успехе, потому что я пользуюсь исключительным доверием и потому что я — бальи г-на маркиза де Суаекура в течение 38 лет».

Итак, потому, что г-н маркиз де Суаекур имеет в течение 38 лет одного бальи, что этот бальи претендует на его исключительное доверие и что он решил использовать это доверие для того, чтобы постараться устранить трудолюбивого человека, кото-

рый не может ему нравиться по вполне очевидным причинам, связанным с личными мотивами, не говорящими при сколько-нибудь близком рассмотрении о большой деликатности чувств, по всем этим причинам необходимо, повторяю, чтобы дела г-на маркиза страдали, чтобы его домены подвергались захватам, чтобы зависимые от него земли не приносили ему дохода, чтобы его вассалы уже не признавали своих повинностей, чтобы его сеньерии пребывали в состоянии какой-то независимости, чтобы он сам не мог точно знать, в чем состоят его права, чтобы истечение срока давности лишало его каждый день участков земли, чтобы он, наконец, испытал все вредные последствия, неизбежные во владениях, пребывающих в состоянии беспорядка.

По этим же причинам получается, что самым чистым и честным намерениям человека дается совершенно противоположное истолкование. Его рвение расценивается как мнимое. Его трудолюбие и усидчивость злобно изображаются как признаки честолюбия и жажды наживы. Его твердое желание делать добро толкуется как отсутствие повиновения и почтения к тем, кто имеет на это право. Его таланты, которым рукоплещут знающие люди, изображаются как мнимые, его идеи высмеиваются как парадоксальные и принадлежащие к выдуманной им системе. Доходят до того, что не одобряют оказанного ему доверия, коим он обязан только своей репутации без каких-либо рекомендаций. Осмеливаются выражать презрение к тому, как была приобретена эта репутация, и не боятся уверять, что человек, который благодаря углубленному изучению абстрактного и трудного предмета стал, по мнению всех сведущих и беспристрастных людей, знатоком самых сложных вопросов, не боятся, повторяю, внушать, что этот человек не более, как круглый невежда, и что в этом надо верить на слово бальи, прослужившему 38 лет.

Пусть только спросят всех просвещенных лиц в Руа, пусть спросят королевского адвоката г-на Массона, адвоката и мэра г-на Белло де Ружвилля, нотариуса и т. д. Некоторые из этих господ являются бальи, другие не являются ими, но я уверен, что бальяжи тут ни при чем, и все подтвердят, что я знаю свое дело в совершенстве.

Но заговор, затеянный против меня в Тиллолуа, напоминает тот, который был затеян при Версальском дворе, когда изгнали Неккера, чтобы заменить его Калонном [193], но в конечном счете признали, что Неккеры способны сделать нечто полезное, тогда как Калонны и им подобные способны творить только зло.

Отвернемся от всего этого и утешим себя надеждой, что в конце концов нас тоже будут судить по тому, чем мы являемся в действительности.

Имею честь быть очень искренне и т. д.

Благоволите, милостивый государь, довести до сведения г-на маркиза, что г-н де Маре, сеньер Борена — около Нуайона — написал мне и был у меня, чтобы сообщить, что, так как его

предки в старину владели землями и сеньериями Куши-ле-По и Плесси-Сен-Никез, в архивах должны храниться акты, способные доказать древность его дворянского происхождения; что, так как он собирается устроить на службу своих детей, ему понадобится такое, возможно более полное, доказательство, что ради этого ему придется просить у г-на маркиза милостивого разрешения на снятие нескольких выписок из документов, которые он даст сличить, и надеется, что г-н маркиз не откажет в этом, принимая во внимание, что это не может ему причинить никакого ущерба. Я обещал г-ну де Борену довести его предложение до сведения г-на маркиза, а он будет иметь честь написать по этому поводу г-ну маркизу или посетить его.

Затем г-н де Монтовиле [194] — сеньер Гривиле — желал бы, чтобы г-н маркиз согласился продать ему довольно крупный фьеф, которым он владеет в Гривиле, с тем, чтобы полностью получить всю эту сеньерию или по крайней мере право посадки деревьев на дорогах, принадлежащих к фьефу г-на маркиза. Несколько месяцев тому назад он поручил мне направить это предложение г-ну маркизу, которому оно не пришлось по душе. Теперь он поручает мне предложить г-ну маркизу приобрести Гривиле, от которого г-н де Монтовиле хочет отделаться, по-видимому, вследствие испытываемой им досады из-за невозможности осуществить свой замысел стать единственным владельцем сеньерии. В связи с упомянутым мной предложением относительно дорог г-н маркиз ответил, что он даст распоряжение Дюбуа осуществить право маркиза на эти дороги и провести посадки деревьев. Можно сделать прекрасные посадки в этом фьефе Гривиле, и было бы полезно не терять этот объект из виду.

В это же время шла речь о совершении формальностей, необходимых для обратного ввода во владение участками в 4 или 5 журналей в домене Вилер, которые я потребовал обратно и с которых следует получить арендную плату более чем за двадцать лет. Но с тех пор, как начались пререкания со мной, все дела затягиваются, ничто не завершается, потому что, подобно врачам, не желающим, чтобы хоть один больной умер без помощи медицины, бальи г-на маркиза не допускает, чтобы что-нибудь было сделано человеком, не им избранным, и он поэтому утверждает, что все, что делает такой человек, может быть сделано только плохо. Иными словами, он хочет сказать г-ну маркизу: «Я не допускаю, чтобы Вы производили назначение на какую-либо должность, не посоветовавшись со мной, Вашим бальи в течение 38 лет, и все, что Вы сделаете без меня, будет мной уничтожено».

ПИСЬМО МАРКИЗУ ДЕ СУАЕКУРУ

Руа, 15 сентября 1788 г.

Господин маркиз!

Поскольку сообщают о Вашем отъезде в ближайшее время, я побоялся упустить возможность получить Ваши последние распоряжения относительно дела, которым я занимаюсь и на которое Вы благосклонно позволили мне обратить Ваше внимание. Это дело, г-н маркиз, одно из самых важных, какие могут у Вас быть, оно должно интересовать Вас больше, чем меня, и заслуживает Вашего внимания. Речь идет о полном восстановлении Ваших доменов, Ваших владений и различных Ваших прав, а Вы уже теперь знаете, до какой степени все эти дела запущены. Составление описи вернет к жизни множество прав, ставших бездоходными, и существенно улучшит, а равно значительно облегчит взимание повинностей, что вознаградит нас за все наши нынешные труды. Одно только получение недоимок может дать в десять раз больше, чем обойдется составление этой описи.

Но нельзя допустить, чтобы мелкие помехи стали препятствием на пути к осуществлению этого дела или чтобы тщетные усилия злонамеренных людей могли хоть на мгновение задержать ход столь полезной работы. Если, по заключению г-на Боскийона де Бушуара [195], должностные лица, назначенные для составления описи, не могут быть смещены без серьезных оснований, поскольку они располагают королевскими грамотами или решением судьи, которому адресованы эти грамоты, то мне кажется, что отказ выполнить обязанности, предусмотренные этими грамотами, и есть серьезное основание. Но как раз это и делает г-н Токен, отказываясь подписать представленные ему акты. Г-н Бурлон сказал мне вчера, что один из аргументов г-на Токена состоит в том, что он чувствует себя слишком старым, чтобы так много работать, и что его раздражает, когда ему приходится говорить о делах. Поэтому или по другим соображениям он также заявил г-ну Бурлону, что отказывается не только подписать, но даже просмотреть вводную часть, которую я просил ему представить. После этого я не вижу другого выхода, как просить г-на Токена подать чистосердечное прошение об отставке с должности нотариуса по описи Тиллолуа, чему он не должен противиться, ибо в ином случае можно было бы с основанием заставить его выполнять свои обязанности, а другой почетный титул, который он имеет от г-на маркиза, не позволил бы ему отказаться и тем проявить неблагодарность.

Если верно, господин маркиз, что Вы скоро уезжаете, Вы, конечно, соблаговолите распорядиться о выдаче мне под расписку документов, которые мне понадобятся, чтобы работать по тем владениям, которые Вам угодно будет постепенно указать мне. В настоящее время мне необходимо иметь документы по Тиллолуа, над которыми, как мог убедиться г-н Сере [196], Ваш сборщик

повинностей, работа продвигается. Было бы не менее полезно оставить разрешение на оплату следуемых мне сумм постепенно, по мере представления выполненных мною работ с указанием их стоимости. Я предпочел бы по окончании каждой части работы получать причитающиеся за них небольшие суммы, нежели ожидать чего-то более значительного за исполнение большего числа работ.

Имею честь быть с глубочайшим почтением.

ПИСЬМО МАРКИЗУ ДЕ СУАЕКУРУ

Руа, 2 октября 1788 г.

Господин маркиз! Имею честь препроводить Вам проект договора, который Вы распорядились затребовать у меня для отсылки в Париж и представления на рассмотрение г-на Руэтта [197], Вашего адвоката и юрисконсульта. Посылаю также рукопись, которая должна быть приложена к договору и, так сказать, быть его составной частью, поскольку она заключает в себе детальные объяснения метода, согласно которому я составляю и буду составлять различные описи Ваших земельных владений. Такая предварительная договоренность о методах работы есть одно из существенных условий, и вот почему я очень рад, что Вы выбрали просвещенного юрисконсульта для оценки этой работы: любое другое заключение могло бы показаться подозрительным и даже *спорным*. Другие главные статьи договора устанавливают сроки выполнения различных работ и условия оплаты. В этом отношении не может быть, конечно, ничего более разумного, чем условия, изложенные в моем проекте. Соответственно этим условиям все относящееся к предпринятому делу будет полностью выполнено через пять с половиной лет, и оплата будет производиться только при сдаче каждой отдельной части работы.

Было бы очень важно, г-н маркиз, установить эти условия и неизменным образом зафиксировать все, что в данном деле должно стать правилом между Вами и мной. Иначе лица, которых это дело ничуть не касается и которые чужды ему и по профессии и по своим знаниям, могут вообразить, что они вправе осуществлять руководство и надзор над тем, кому оно вверено. У этих лиц всегда на устах слова о защите Ваших интересов, но все их поступки, продиктованные личными мотивами, оказывают лишь абсолютно противоположное действие. Нельзя не возмущаться и трудно было бы поверить, если б не было на то доказательств, что, когда для выполнения возложенного Вами на меня важного поручения, я вызываю отдельных людей, которые должны представить документы о лежащих на них повинностях, то упомянутые лица, претендующие на преданность Вашим интересам, прилагают все усилия, чтобы отвратить названных людей от посещения меня и выполнения их обязанностей. Будучи в отчаянии от

того, что им не удалось устранить меня от проведения важной работы, они хотели бы, если б это было для них осуществимо, лишить меня возможности выполнить ее. Одному они говорят, что он должен признать свое обязательство лишь совместно с другим, как будто бы я, располагая документами, не знаю лучше их, что может быть истребовано от каждого. Другим они говорят, что я не имею права взимать некоторые сборы по релиефам с фьефов, как будто это можно делать по-другому, как будто в подобных случаях когда-нибудь действовали по-другому, как будто возможно, чтобы люди вносили деньги в одном месте, а получали расписку в другом, и как будто Вы сами, г-н маркиз, не смотрели на это всегда так же, как и я, поскольку... * Вы мне писали, что деньги, которые я буду взимать в связи с описью, отнюдь не имеют отношения к Вашему сборщику и что я буду отчитываться в них перед Вами всякий раз, когда пойдет речь об оплате моих операций. Все эти мелкие придирки очень жалки и подлы, и их результаты всегда плохо отзываются на работе и на работниках. Следовательно, давно пора, чтобы составленный по всем правилам договор положил конец этим неприятностям.

Имею честь.

Г-н Токен, несколько поломавшись, подписал все акты, которые я ему принес. Есть еще, кажется, один недовольный — это судебный пристав Дантье. Стоит такого рода людям один раз послужить какому-нибудь значительному роду, как им кажется, что в отношении их обязаны и что нельзя уже использовать других людей. Так как бывает, что некоторые цензитарии ни за что не хотят прийти оформить свои акты, если их не заставить по суду, я вынужден иногда посылать вызовы в суд, и при этом я не пользуюсь услугами Дантье. И вот почему. Так как я в какой-то мере отвечаю за дела, которые мне приходится возбуждать, мне удобнее не быть стесненным в выборе служащих, которым я даю поручение, чтобы быть уверенным, что я не буду по их вине втянут в какое-нибудь неприятное дело. Я не мог бы в этом отношении положиться на Дантье, акты которого часто оказываются недействительными, о чем свидетельствует наложение феодального ареста на недвижимость, в связи с которым Вы недавно, по вине Дантье, проиграли процесс, что будет иметь существенные последствия.

ПИСЬМО ФУРЬЕ

Руа, 2 декабря 1788 г.

М. г.! Прием, оказанный мне в особняке Фекьер, убедил меня в том, что мой демарш, имевший целью, как это сначала предполагалось, закончить дело полюбовно и путем взаимных соглаше-

---

* *Пропуск в оригинале.*

ний, был плохо принят. Поэтому я сразу же решил удрать из Парижа, где, как я понял, мне нечего было делать. Но, так как мне нужно кое-что сообщить лицам, занимавшимся моим делом, я по прибытии сюда занялся составлением двух писем. Одно из них адресовано г-ну Руэтту, и в нем я подробно изложил некоторые факты, которые могли оставаться ему неизвестными, что подвергло бы его риску судить обо мне, не зная существа дела. Второе письмо адресую Вам, м. г., и прошу Вас не о том, чтобы Вы отнеслись ко мне более благоприятно, чем надлежит, но по крайней мере тщательно взвесили бы все обстоятельства так, чтобы не лишать меня моих законных прав, и не использовали Вашу должность, вопреки естественным чувствам сотоварищества, для обесценения работ Вашего собрата по профессии.

И после того, как Вы отнесетесь ко мне со всей должной справедливостью, моя благодарность и совершенные чувства, с коими имею честь быть, и т. д.

P. S. Я, наверное, буду иметь удовольствие получить от Вас известие, как только Вы закончите Вашу работу. Приложите, пожалуйста, мою рукопись, о которой я все забываю Вам напомнить и за возвращение которой я охотно уплачу почтовый сбор. Вы могли бы для уменьшения стоимости пересылки передать Ваш пакет с дилижансом.

Еще одна любезность, о которой я забыл Вас попросить, это обратить внимание на то, что все дела, помеченные Вами как несделанные, таковыми не являются, и что Вам скорее следовало, как я Вас и просил, помечать их как «незаконченные», так как на самом деле многие были начаты, и у всех на полях указана дата и сделаны другие пометки в соответствии с принятым мною методом. Помимо этого, их ценность увеличивается благодаря их размещению или, если угодно, присоединению этих документов к другим, относящимся к тем же объектам. Вы понимаете так же, как я, что при таком положении вещей не требуется большого труда над незаконченными делами, чтобы завершить их разбор.

Я сообщил г-ну Руэтту, что единственное утешение, вынесенное мной из поездки, заключается в любезном заверении, данном мне весьма видной особой, в его полной готовности служить мне защитником в случае какой-нибудь злонамеренной интриги в вопросе о размере полагающейся мне оплаты. Однако я продолжаю надеяться, что дела устроятся и у меня не будет надобности воспользоваться этой великодушной помощью.

[О ДЕЛЕ СУАЕКУРА] [196]

Руа, январь 1789 г.

Не признавая притязаний сеньера маркиза де Суаекура на право отменить полномочия, данные им мне, и самочинно, без разрешения юстиции аннулировать назначение, осуществленное ею по его ходатайству и провозглашенное в решении об утверждении судом королевского бальяжа от 26 сего января грамот на право составления описи от 16 сего же месяца, я заявляю (соглашаясь передвинуть на сей день срок вызова в суд, объявленного мне повесткой Берту, судебного пристава в Руа, от 25 сего месяца, по ходатайству названного выше сеньера маркиза де Суаекура о явке в четверг 30 сего же месяца в контору г-на Токена, нотариуса в Руа, для ответа на требование иска, изложенного в упомянутой повестке), что настоящая моя явка имеет единственной целью проведение в состязательном порядке законного расчета всего мне причитающегося за различные мной на сей день совершенные операции, относящиеся к описям земель названного выше сеньера маркиза де Суаекура; и сие, по следующей форме и со следующими оговорками.

1. Что перечень расценок за выполненную работу, установленный между сеньером маркизом и мной 8 октября 1787 года, будет соблюден в 13 содержащихся в нем статьях, и что, поскольку эти расценки составляют основу метода, по которому должны быть оценены различные работы, дело сведется к сопоставлению каждой из этих работ с соответствующей статьей перечня, чтобы установить общую оценку всех работ.

2. Что в отношении работ, относящихся к статье 11 названного перечня, где цена для сеньера определена словом «ничего», потому что, сказано там, «она должна быть уплачена вассалами и цензитариями», то, поскольку сеньер маркиз де Суаекур лишает меня всех возможностей взыскать что-либо с этих самых вассалов и цензитариев, он уплатит мне аванс.

3. Что мне немедленно будет произведена уплата (за вычетом полученных мною задатков) за каждую часть работ, завершение которой я докажу, и по мере того, как я буду представлять доказательство этого; в тех же случаях, когда какие-либо вопросы вызовут затруднения, уплата по таким работам будет отложена до того времени, когда эти затруднения будут устранены, причем я не должен буду отдать ни документы, в которых изложены результаты работы над вопросами, связанными с затруднениями, ни те титулы и документы, на основе которых эта работа была сделана, ибо было бы справедливо выдавать только те документы, по которым сеньер маркиз де Суаекур согласится произвести мне уплату.

4. Что сеньер маркиз де Суаекур не вправе будет делать выводы, благоприятные для его интересов и наносящие ущерб моим правам, из того обстоятельства, что я ему передам его докумен-

ты, и из того, что я получу плату за работы, произведенные на сей день, ибо я с полной определенностью оговариваю свое право потребовать, когда я найду это нужным, от названного сеньера маркиза де Суаекура возмещения убытков, вызванных как отменой моих полномочий, так и перерывом в моей работе; на это возмещение я смогу притязать как в случае, если отмена полномочий будет признана действительной, так и в случае, если я сочту целесообразным не защищаться в этом вопросе; и я оставляю за собой право на все другие вытекающие отсюда способы действия.

5. Приступая в данный момент к осуществлению тех действий, цель и методы которых описаны выше, следует продолжать их беспрерывно до полного завершения; при этом я буду последовательно передавать все документы и готовые части работы, которые будут представлены мной в упорядоченном виде; разумеется, что мне постоянно будет предоставляться время, необходимое для того, чтобы собрать те документы и материалы, которые по ходу работ неизбежно оказывались разрозненными и перемешанными в моем бюро.

ПЕРВЫЙ ГОД РЕВОЛЮЦИИ

[КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР РЕЧИ А. ЛАМЕТА] [1]

Руа, апрель 1789 г.

Господину шевалье Александру де Ламету, оратору дворянства, и всем господам его сословия, составляющим собрание Пероннского бальяжа,

Милостивые государи!

Каково общее мнение о существе речи, произнесенной на первом заседании собрания трех сословий в Перонне шевалье де Ламетом? Такова та проблема, в которую, по-видимому, Вы все стараетесь углубиться. Не будучи полностью убежденными возмутительной речью плебея, предателя своего сословия, осмелившегося выразить от имени всех самые низкопоклонные пожелания, вы с полным основанием сомневаетесь в том, совпадают ли чувства этого раба с чувствами всех людей, составляющих то, что вы называете народом, и вы хотите проверить, не могут ли те обязательства, которые он имел дерзость принять от их имени, быть отвергнутыми большинством из них. Послушайте же голос всех истинных граждан, чувства которых я выражаю сегодня, и вы узнаете, до какой крайности доходит справедливое негодование, вызываемое раболепными принципами этого низменного льстеца.

Я буду в своем докладе столь же откровенен, как покойный Кандид, и если в нем прозвучат несколько суровых истин, то в этом можно будет винить только назойливую толпу, которая прожужжала мне ими все уши.

Прежде всего я хочу сказать, что речь Ламета довольно искусно построена из различных непрочных материалов, возникших в результате всеобщего примирения. В ней изящно объединено все, что смог подобрать краснобай, решивший использовать для выгоды людей своего класса присущую ему способность улавливать суть происходящего и давать искусный обзор событий. Он щеголяет всеми благородными чувствами; великим и возвышенным идеям, выдвинутым задолго до него порядочными людьми, един-

ственной целью которых было общее благо, он ловко сумел придать совершенно новый оборот. Словом, он является в шкуре ягненка, чтобы затесаться среди ягнят, но вряд ли мы ошибемся, если скажем, что это злобный и прожорливый волк, стремящийся произвести гибельные опустошения.

Однако, скажете Вы мне, на чем основаны все эти разглагольствования! Господа, те, от имени кого я говорю, заявляют, что им все ясно. Они заверяют, что моя критика дает правильное, без чрезмерного преувеличения, отражение страниц 1, 2 и 3 его речи вплоть до фразы: «Отныне мы хотим отличаться уже не гнусными привилегиями, а выдающимися услугами»!

Какие великолепные обещания, господа! Но им очень трудно поверить. Страшная вещь — свойства натуры! Видели ли вы когда-нибудь, чтобы плотоядное животное вдруг решило питаться одними кореньями? Вы сами говорите: «Уже не гнусными привилегиями» и т. д. Стало быть, вы признаете, что они были... Увы, это факт слишком очевидный. Вот все, чем вы отличаетесь! Вот те единственные средства, при помощи которых вы смешным образом заставляли называть себя благородными. Хорошо благородство, которое, по собственному вашему признанию, есть лишь отличие, пожалованное людям, стремившимся обеспечить себе гнусные привилегии!

Я не могу не задержаться несколько на всей этой фразе в целом. «Ныне,— продолжаете вы,— вы хотите отличаться лишь выдающимися услугами». Мы будем вам премного благодарны, господа! Конечно, вы понимаете это так, что вы будете продолжать занимать все высокие посты и приписывать себе, ничего не делая, всю честь успехов, подобно тому, как, вместо того чтобы сказать: «Всегда и везде мы только отдавали приказы, по одному нашему слову плебеи щедро проливали свою кровь за родину, и, верх великодушия, они нам предоставляли всю честь за совершенное дело», вы, наоборот, говорите: «Дворянство всегда жертвовало собой для государства, оно одно постоянно защищало его», и другие хвастливые фразы такого пошиба, как если б одного вашего появления, подлинного или мнимого, было бы достаточно, чтобы решать судьбу сражений; как будто бы вся кровь, которая там проливалась, принадлежала вам; как будто если изредка случалось, что кто-нибудь из вас вынужден был выйти вперед, подвергаясь риску потерять несколько драгоценных капель крови, то это усилие надо рассматривать как великодушную преданность, без которой монархия оказалась бы свергнутой. Но надо быть очень наивным, чтобы вам поверить: все вы неженки и производите много шума из-за маленькой царапины.

Я слышу, как многие из вас жалуются, что это отступление от темы им не интересно. Они спрашивают меня, не сводятся ли мои возражения к одной фразе, которой я только что позволил себе дать свое толкование, и скоро ли я кончу. О! господа, я только начинаю.

С вашего разрешения, я устроюсь поудобнее и, чтобы лучше проследить мысль г-на шевалье еще в нескольких случаях, я расположу текст двумя колонками:

Первая содержит запутанный текст:	Вторая — «иными словами»:
Со своей стороны коммуны, будучи восстановлены в своих правах воодушевляющим нас духом справедливости, поймут, что этот дух должен также служить им правилом поведения и побуждать их к действиям.	Коммуны, вероятно, будут настолько ослеплены теми жертвами, на которые мы вынуждены пойти, делая вид, будто соглашаемся на них по нашей доброй воле и по свойственному нам великодушию, что станут нас благодарить, когда мы притворимся, будто дарим им то, чего мы более не в силах удержать.
Они поймут, что монархическое правительство есть единственное, подходящее для столь могущественной нации, они поймут, что ранги, прерогативы, почетные отличия неотделимы от монархии.	Им будет внушено, что мы хотим сохранения прав монархии, но что для создания спасительного тормоза честолюбию одного лица необходимо сохранить и даже увеличить некую другую силу, способную быть противовесом первой. Мы им дадим понять, что, с этой точки зрения, наши ранги, наши прерогативы, наши почетные отличия, бесспорно, полезны, и мы даже попытаемся (конец страницы 5 и вся страница 6 речи) провозгласить несколько почти мятежных принципов, целью которых будет прибрать к рукам всю власть, как законодательную, так и исполнительную, и установить своего рода аристократию, которая привела бы нас к восстановлению всех наших старинных прав времен феодального деспотизма.
Самое главное, они поймут ту существенную истину, что нет такой собственности, которая не была бы священной, и что, если б даже оказалось, что некоторые ее формы представляют какие-то неудобства, они не могут никому позволить оспаривать ее, а только убеждать ее владельцев пожертвовать ею.	Коммуны будут также склонены к убеждению, что всякая собственность, какой бы несправедливой и возмутительной она ни была в самом своем принципе и какой бы вредной и катастрофической она ни была по своим последствиям, абсолютно неоспорима. Исходя из такого представления, уже нетрудно будет противостоять любым требованиям. Наши иммунитеты, наши вольности, наши прерогативы, наши исключительные отличия останутся нашей священной собственностью, и эти же коммуны...*

* *Конец отсутствует.*

[РЕЧЬ НА ИЗБИРАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ]

Руа, апрель 1789 г.

Нет, господа, мы не должны выступать с чисто местными и частными требованиями. Отныне столь мелкие чувства не должны более быть свойственны французам. В Спарте стремление к общественному благу было единственной целью, ради которой можно было сто раз пренебречь своей семьей, своими друзьями; можно было тысячу раз пожертвовать собой ради республики. Такой же патриотизм может возродиться и у нас. Природа вернет себе свои права: исчезнет всякое несправедливое превосходство, и каждый будет пользоваться всем, что непременно должно быть обеспечено в обществе любому человеку.

Но для достижения этих бесценных преимуществ, кроме уже принятых мер, несомненно, необходимо, господа, чтобы и другие счастливые обстоятельства способствовали тем великим переменам, на которые надеются люди, стремящиеся к добру. Это будет во многом зависеть от вас самих. Выбор ваших представителей — важное дело, которое может оказать значительное влияние на больший или меньший успех развивающихся событий. Вы правильно выберете их, этих представителей, если на выборах будете руководствоваться только теми великими чувствами, которые я сейчас пытался описать моей слабой кистью. Когда ваши пожелания будут внушены одной лишь любовью к родине, вы изгоните всякие групповые интересы, всякие частные соображения при избрании тех, кого вы уполномочите вручить требования, направленные к обеспечению вашей мирной и спокойной жизни. Вы будете решать исключительно в пользу заслуг там, где вы их найдете, и по примеру того спартанца, который не был избран в Совет трехсот, каждый из тех, кто не соберет большинства голосов, вернется домой радостный, благодаря небо за то, что среди его соотечественников нашлось столько граждан, более достойных, чем он.

Как только принят этот принцип — стремиться «делать все для наибольшего блага всех», можно быть заранее уверенным в счастливом исходе обсуждений. Господа, бесспорно, никогда еще этот принцип так широко не применялся и не владел с такой силой всеми честными людьми нашей нации, как это происходит ныне. Эта истина проявляется в совершенной мудрости почти всех наказов третьего сословия в различных частях королевства. Повсюду требуют уничтожения всех уз, порабощающих личность человека и его имущество, и вообще можно лишь рукоплескать всякого рода требованиям, составляющим содержание наказов народа. Но можно ли быть уверенным, господа, в том, что ограниченность человеческого ума и столкновение различных интересов не помешают охватить все вопросы и по всем принять равно справедливое решение? Опасение, что произойдет обратное, силь-

но уменьшает удовлетворение, испытываемое мной на этом подлинно торжественном собрании. Разрешите мне, господа, изложить вам кое-какие соображения, поскольку мое самолюбие внушает мне мысль, что, быть может, другие не выступят с ними.

1. Похоже на то, что в эту пору надежд, которые, несомненно, вполне обоснованны, внимание всех направлено исключительно на будущее и что ожидание того, что будет, заставляет нас забыть о том, что есть.

2. Существует, по-видимому, желание усиленно обсуждать вопрос о большем или меньшем уважении к сеньериальным правам вообще. Одни хотят полного их упразднения, так как они носят ненавистную печать феодального деспотизма, который древнее варварство наших предков навязало людям и вещам. Другие, более умеренные, желали бы уничтожения только тех привилегий, которые имеют наиболее угнетающий характер, как-то: дорожные и мостовые пошлины, баналитеты, афоражи и пр. Наконец, третьи изображают все эти дворянские права как почтенные права собственности, которые должно быть запрещено затрагивать.

В те времена, когда по закону наиболее сильного сеньеры приобрели все права вплоть до права располагать жизнью других людей, в те времена, когда последние, известные под именем сервов, были прикреплены к земле ради выгоды первых и обречены на печальную необходимость с трудом проводить борозду под бичом тирании, те, кто пользовался тогда позорным правом господства и управления, конечно, рассматривали как священную собственность возмутительный обычай, дававший им возможность притеснять таким образом людей, им равных. Однако внезапно прорвался луч света. Человек вернул себе часть своей свободы, и в результате на сей день остались лишь такие следы серважа, которые известны под наименованиями пошлин с наследства и продажи имущества, пятых долей, права выкупа, права на выморочное имущество и т. д.

Наши несчастные предки не смогли окончательно откупиться от этого жестокого рабства. Я не думаю, чтобы и сегодня было возможно осуществить полное освобождение от оставленных нам пережитков рабства. Но я хотел бы издания закона, предписывающего, чтобы по желанию держателя-должника ему было разрешено выкупить у своего сеньера повинность, феодальную или недворянскую, причитающуюся с его наследственного имущества, которое в дальнейшем было бы навсегда освобождено и именовалось бы впредь «свободным наследством». Такая сделка не нанесла бы ущерба сеньерам, и наступило бы время, когда все сеньериальные повинности оказались бы выкупленными и память об этом множестве сервитутов, непрестанно напоминающих о прежнем состоянии человека, канула бы наконец в небытие [2].

3. Земельные владения по-прежнему облагаются десятиной. Уже предлагали перевести ее в денежную форму. Но почему не

подумали о том, чтобы пойти еще дальше? Десятина предназначена для содержания служителей религии подобно тому, как королевские налоги предназначены для субсидирования расходов государства. Почему бы не распространить обложение десятиной в равной мере на все категории граждан, как это сделано в отношении государственных налогов.

Разве не все приобщаются к благам религии? Справедливо ли, чтобы только вы, добрые и честные земледельцы, несли всю тяжесть содержания служителей алтаря. Разве не могут ремесленники, торговцы, финансисты и другие люди, чье состояние заключается не в земле, немного облегчить это ваше бремя. Если в писании сказано: «Вы отдадите десятую часть плодов земли...» *

ПИСЬМО Ж. П. ОДИФФРЕ [3]

Руа, 18 апреля 1789 г.

Милостивый государь! Об австрийском кадастре я упомянул лишь в виде замечания и только с целью извлечь и тут, если б это оказалось возможным, некоторую пользу из нашего сотрудничества, будь то путем сообщений, которые мы могли бы дать о наших методах, или другим путем.

Но я понимаю, что наша первая и главная задача — приложить усилия к тому, чтобы нас оценили в нашей собственной стране, и я всецело занят заботой о том, чтобы заслужить эту милость. Я поэтому не упускаю ничего, что позволит мне предложить моим соотечественникам сочинение, достойное привлечь их внимание, и я это делаю со всей быстротой, на которую я способен, ибо я отлично понимаю, как важно для нас не упустить время без того, чтобы наше дело продвинулось вперед.

Вот какой план я составил на сей предмет.

Сначала я просмотрю все, что я написал о кадастре в 1787 году [4], с теми поправками, которые я внес впоследствии. Я прибавлю те дополнительные сведения, которые могли мне дать некоторый приобретенный с тех пор опыт и чтение сочинений, опубликованных в последнее время и имеющих какое-либо отношение к моей теме. Все это я объединю и внесу исправления после того, как приеду в Париж, и Вы ознакомите меня с тем, что следует сказать о Вашем инструменте, а также сообщите мне о других произведениях, с которыми я еще не успел ознакомиться: некоторые содержащиеся в них положения мы могли бы использовать, а другие предоставят нам возможность опровергнуть ошибочные мнения, которые могут показаться правильными и пленить часть публики благодаря одним лишь красотам завлекательного и обманчивого стиля. До сих пор я не знаю ничего в этом

* *Конец рукописи отсутствует.*

роде сколько-нибудь основательного. В свое время я просил у Вас одну брошюру, опубликованную под заглавием «Проект налога и кадастра». Увидев объявление об этом сочинении, я рассчитывал встретить соперника. Но, читая текст, я с удивлением убедился, что он совершенно не соответствует заглавию и что мне нечего опасаться с этой стороны. Я недавно прочитал другую работу, автор которой объявляет себя добрым гражданином. Однако предлагаемый им план ведет ни больше ни меньше, как к установлению по отношению к земельным владениям самой жестокой инквизиции против собственников, подвергая их крупным расходам, заставляя их самих подавать декларации о том, чем они владеют, и отвозить в отдаленные от них города причитающиеся с них налоги контролерам документов. Этот план также угрожает им конфискациями и постоянными штрафами в пользу казны, если случится, что намеренно, или по ошибке, или по недосмотру, они упустят в декларации какую-либо часть недвижимого имущества. В свое время я Вам уже говорил о сочинении некоего г-на дю Тийе де Виллара [5], наиболее нашумевшем из всех сочинений на тему о кадастрах. Однако испытание его метода отнюдь не дало того полного успеха, на который надеялись, потому что г-н дю Тийе, как и многие другие, ограничил свой горизонт только настоящим, тогда как изменения в распределении недвижимости, являющиеся результатом разделов или других действий, равно как постоянно происходящие перемены собственников, опрокидывают все здание его системы и тем самым делают его работу непригодной; с течением времени все сделанные им описания земельных владений становятся совершенно не соответствующими нынешнему положению вещей. Наш план свободен от всех этих недостатков. Являясь постоянным, он всегда, будь то сейчас или через сто лет, соответствует, несмотря на все неизбежные изменения, существующему положению вещей. Выполненная однажды, работа будет сделана навсегда. Кадастр почти полностью освобождает от всех расходов по взиманию налогов. Он не вынуждает граждан ни к каким поездкам, не подвергает их никаким штрафам, никаким суровым мерам, никаким конфискациям. Он наиболее приспособлен к обеспечению справедливого распределения налога. Одним словом, осмелюсь сказать, что он имеет все преимущества и не влечет никаких неудобств.

При теперешнем положении вещей и общем направлении мыслей можно быть уверенным, что какой-то кадастр будет создан во Франции. Мы почувствовали бы себя очень несчастными, если бы наш план оказался отвергнутым, а другой, худший, был бы принят. Мы должны предполагать, что наши сограждане сумеют разобраться и воздать должное тому, что заслуживает предпочтения.

Мы были бы также очень несчастными, если бы расходы по объявлениям о проекте, в котором столь жизненно заинтересованы все члены общества, не были нам по меньшей мере возвращены в виде возмещения убытков.

Наконец, мы были бы очень несчастными, если бы в момент, казалось бы, наиболее благоприятный, какой только может представиться за тысячу лет, для осуществления подобного плана, мы в конце концов оказались бы обманутыми. Для достижения цели я соглашусь на все жертвы, которые Вы сочтете целесообразными. Вы лучше меня в курсе всего, что благоразумно делать в таком месте, как Париж, в подобных обстоятельствах.

Я думаю, что применение инструмента принесет самую большую пользу в таком важном деле, как кадастр, поскольку он позволит чрезвычайно ускорить его. Внезапное и одновременное сообщение об открытиях, столь родственных, столь связанных между собой и столь полезных, как наши, должно вызвать у людей, любящих добро, сильнейший интерес и произвести сенсацию.

Посылаю Вам 13 таблиц, составленных мной для напечатания в нашем сочинении, которые необходимо туда включить. Поговорите с гравером, чтобы узнать, во что обойдется издание этих таблиц. Если это окажется слишком дорого, я поступлю иначе и расположу их таким образом, чтобы их можно было выполнить типографским способом: но лучше было бы иметь гравюры. Когда Вы мне ответите на этот счет, я устрою свои дела так, чтобы поехать, ибо у нас не так много времени. Когда мы все соберем, нам придется еще вернуться в Нуайон, потому что мы с Вами, наверное, захотим печатать именно там [6]. Все эти переезды туда и обратно не позволят нам, пожалуй, выпустить в свет нашу работу ранее, чем через три недели. Мне досадно, что я не могу избавить Вас от оплаты почтового сбора за это отправление, но я счел это необходимым; приходится нести расходы, которые, я надеюсь, будут нам возмещены.

ПИСЬМО ДУХОВНОМУ ЛИЦУ

Май 1789 г.

Милостивый государь, как бы к Вам ни относились, я тут решительно ничего не могу поделать. Однако то, что Вас обозвали грубым словом, мне неприятно, но лишь до известной степени, ибо, поскольку только горькая правда может оскорбить, ни Вы, ни я не должны бесконечно огорчаться от того, что Вас обзывают глупцом, так как Вы, конечно, таковым не являетесь. Это выразительное наименование могло бы с полным основанием быть возвращено его авторам, которые, судя по вашим словам, являются молодыми церковнослужителями и знают, по-видимому, феодальный кодекс хуже, чем Breviarium Romani. Это, в самом деле, должно быть так, но если они и Вы, сударь, можете оторвать несколько мгновений от Ваших благочестивых занятий, я советую Вам найти решение поставленного Вами мне вопроса в 16-й главе Principes des Fiefs Билькока [7]. И так как я ука-

зываю Вам чрезвычайно простой способ наводить нужные Вам справки без мучительных поисков, я надеюсь, что Вы соблаговолите впредь нас не беспокоить.

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

Руа, 28 июня 1789 г.

Милостивый государь!

Г-н де Бракмон[8] сообщил мне, что ему известно из достоверного источника о том, что Вы были бы не прочь доверить мне операцию составления описи Муаенкура, если бы некий г-н Дю Мениль не вмешался и не дал Вам обо мне очень дурного отзыва. Я не столько жалею, сударь, о работе, потерянной мною благодаря бескорыстной услуге этого человека, сколько о действии, которое могла произвести на Вас распространяемая им клевета. Он, наверное, скрыл от Вас, что причиной его постоянного раздражения против меня являются соперничество и личная корысть, ибо, если б он сознался в этих мотивах, Вы, несомненно, подумали бы, что изо всех способов получить верные сведения о личных качествах человека наихудшим является обращение к его врагу. Возможно, однако, милостивый государь, что я проявил бы бо́льшую деликатность и обнаружил бы меньше пристрастности, если бы речь шла о том, чтобы сыграть перед Вами роль, которую сыграл мой хулитель, но бесполезно защищать себя перед Вами: часто целые тома нужны для того, чтобы уничтожить впечатление от одного слова, ловко оброненного с обдуманной злобой.

Пользуюсь этим случаем, милостивый государь, чтобы просить Вас передать подателю сего мемуар, который я оставил у Вас и в котором я в настоящее время имею надобность. Вы, наверное, помните, он озаглавлен: «Речь о причинах беспорядка, который обычно замечается и т. д.».

Имею честь почтительно.

ПИСЬМО ЖЕНЕ[9]

Париж, четверг 25 июля 1789 г.

Не знаю, с чего начать это письмо, бедная моя женушка. Невозможно, находясь здесь, иметь о чем-либо ясное представление, до такой степени душа взволнована. Все вокруг идет вверх дном, все в таком брожении, что, даже будучи свидетелем происходящего, не веришь глазам своим. Короче говоря, я могу лишь в общих чертах передать тебе, что я видел и слышал. Когда я сюда прибыл, только и было разговоров, что о заговоре, возглавленном г-ном графом д'Артуа и другими принцами. Они собирались ни более ни менее, как уничтожить большую часть париж-

ского населения, а затем обратить в рабство всех, кто во всей Франции избежит истребления, отдав себя покорно в распоряжение дворян и безропотно протянув руки к уже приготовленным тиранами оковам. Если Париж не открыл бы вовремя этот страшный заговор, все было бы кончено; это было бы самое ужасное из когда-либо совершенных преступлений. Вот почему все мысли были направлены на то, чтобы надлежащим образом отомстить за это коварство, которому нет примера в истории; на это решились, и не будет пощады ни главным руководителям заговора, ни их сторонникам. Казни уже начались, но еще не утолено законное возмущение. Ярость народа далеко еще не утихла, несмотря на смерть коменданта Бастилии [10] и разрушение этой адской тюрьмы, смерть купеческого старшины [11], обратное призвание г-на Неккера [12] и других бывших министров и вывод новых полков и войск из столицы; народу нужны многие другие акты искупления. Говорят, что требуют падения еще трех десятков преступных голов. Г-н Фулон [13], который должен был заменить Неккера, четыре дня тому назад распустил слух о своей смерти и устроил похороны, причем вместо него в землю зарыли бревно; вчера этот г-н Фулон был арестован, отведен в Ратушу и по выходе из нее повешен. Тело его волокли по улицам Парижа, затем растерзали на куски, а его голову, воткнутую на острие пики, несли до Сен-Мартенского предместья с тем, чтоб она там ждала, а затем предшествовала в пути зятю г-на Фулона г-ну Бертье де Совиньи, интенданту Парижа, которого везли из Компьена, где он был арестован, а сегодня должен разделить судьбу своего тестя. Я видел, как несли эту голову тестя, видел я и зятя, следовавшего позади под эскортом более тысячи вооруженных людей. На глазах у публики он проделал таким образом весь долгий путь от Сен-Мартенского предместья и улицы Сен-Мартен посреди двухсот тысяч зрителей, сопровождавших его враждебными криками и ликовавшими вместе с отрядами эскорта, которых воодушевлял гром барабана. О! Как больно было мне видеть эту радость! [14] Я был и удовлетворен и недоволен. Я говорил: тем лучше и тем хуже. Я понимаю, что народ мстит за себя, я оправдываю это народное правосудие, когда оно находит удовлетворение в уничтожении преступников, но может ли оно теперь не быть жестоким? Всякого рода казни, четвертование, пытки, колесование, костры, кнут, виселицы, палачи, которых развелось повсюду так много,— все это развратило наши нравы! Наши правители вместо того, чтобы цивилизовать нас, превратили нас в варваров, потому что сами они таковы. Они пожинают и будут еще пожинать то, что посеяли, ибо все это, бедная моя женушка, будет иметь, по-видимому, страшное продолжение: мы еще только в начале.

Ты можешь дать это читать другим. Теперь нация свободна, и каждый пишет, что хочет.

Я ничего тебе еще не сказал о моих делах. По прибытии я

пошел к г-ну Мори [15]; он отложил окончательный разговор со мной до понедельника. Затем я был у другого, который пригласил меня к обеду и чинил мне всевозможные трудности по касающемуся его делу. Мне надо было получить с него нотариальный сбор, и я был очень рад, что смог извлечь из него 42 франка, из которых посылаю тебе 30. В качестве единственного утешения на будущее могу тебе сообщить следующее: этот человек уверен, что сможет устроить мне две очень значительные описи; г-н Мори тоже заверил меня, что я буду составлять опись аббатства Сен-Кантен-де-Бове, добавив, что, если там останутся довольны, он доставит мне описей столько, сколько я захочу. Но я побаиваюсь, что описи и многое другое, от чего хорошо было бы избавиться, хотя это мне дорого обойдется, полетят к черту. Все, что я слышу, наводит меня на такую мысль. Говорят во всеуслышание, что не хотят больше ни дворян, ни сеньерий, ни замков, ни сановников церкви и т. д. Это совершенно правильно, и я охотно высказываюсь за все эти перемены. Я даже вполне расположен сам помочь той, которая опрокинет мою кастрюлю: эгоисты скажут, что я сошел с ума, пусть говорят.

Я работаю над Кадастром с г-ном Одиффре, который с большой уверенностью ждет положительных результатов от опубликования этого сочинения. Подробнее напишу об этом в следующем письме. Я напишу тебе, как только договорюсь о чем-нибудь с г-ном Мори.

Сохрани свои десять экю и не плати никому ни одного су, слышишь?

От всего сердца целую тебя

Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

Париж, 25 июля 1789 г.

Моему сыну Роберу

Здравствуй, босячок, плутишка, мой человечек, мой друг, мой братишка, мой товарищ. Очень бы я хотел, чтобы ты был со мной в Париже, да видишь ли, больно уж это далеко. Это слишком далеко для тебя, потому что ты еще немножко мал. Ты увидел бы здесь всех этих господ с красивыми кокардами, да вот слишком это далеко для тебя. Я тебе одну привезу, право. Красивую, увидишь. О, да, очень красивую. И потом я тебе еще привезу все другие вещи, которые я тебе обещал, но только если я заработаю достаточно денег. Я их уже немного заработал, четыре, пять экю по шесть франков, которые я посылаю твоей маме, чтобы купить хлеба для всех вас. Если я еще заработаю, я куплю тебе еще много-много вещей. Ах, как бы я хотел, чтобы ты увидел все, все кокарды. Их здесь полным-полно, право же. Да, но, видишь, слишком это далеко. Вот когда ты вырастешь большой,

ты поедешь в Париж со мной. Прощай, босячок, плутишка, любимый мой.

Скажи твоей сестренке [16], что я шлю ей привет. Шалунишка!

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 30 июля 1789 г.

Дорогая моя жена, твое письмо, полученное мною вчера, сильнейшим образом обеспокоило меня, а еще больше то, которое Девен написал сегодня своей жене, где он ей сообщает, что еще в понедельник вы не получили никаких вестей от меня. Ты должна была еще в пятницу получить пакет с десятью экю и письмом, в котором я объяснил тебе причины, лишающие меня возможности послать тебе больше. Неужели этот пакет затерялся? Меня это очень огорчает, тем более, что я не могу тебе ничего послать, так как я не кончил дела г-на аббата де Бройля [17], который находится в бегах, как и многие другие. В своем последнем письме я сообщил тебе, что его опись мне обеспечена, равно как и другая, более значительная, а именно г-на герцога де Крийона. Я посылаю ответ женскому монастырю Троицы в Мондидье относительно их описи. Думаю, что мне нетрудно будет с ними договориться, поскольку я с них потребую только половину тех поступлений, которые моя операция может принести. Это небольшое дельце будет довольно выгодным. Как это плохо, что я не могу получить тех 500 ливров, которые нам должен этот г-н де Бройль. Эта сумма позволила бы нам удовлетворить коекого и дождаться окончания сбора урожая для взыскания других долгов. Видно, нам не везет. Я остаюсь в Париже дольше, чем хотел бы. Мы с г-ном Одиффре изо всех сил работаем над Кадастром; он будет довольно объемистым трудом в соответствии с новой формой, которую мы договорились ему придать. Г-н Одиффре говорит мне, что, если это сочинение будет иметь успех, это может стать счастливым поворотом для нас обоих, но я не льщу себя никакими надеждами, я привык к несчастьям, и то, что, казалось бы, могло стать моим утешением, почти всегда от меня ускользает. Как здоровье наших детей? В мое последнее письмо я вложил небольшое письмецо для моего юного друга. Возможно ли, чтобы ни ты, ни он до сих пор ничего не получили? Скорее рассейте это мучительное беспокойство. Я пойду в бюро почтовой конторы справиться о моем пакете, но я должен сначала отправить это письмо, чтобы оно поскорее до тебя дошло. Я еще напишу тебе завтра, и, чтобы постараться закончить дело де Бройля, я пришлю тебе письма, будто бы написанные в Руа и которые ты затем отправишь. Только через 4—5 дней я смогу тебе сообщить день своего возвращения. Напиши мне, что происходит в Руа и окрестностях. Я знаю обо всем, что произошло в Нуайоне, Компьене, Суассоне, Перонне, Сен-Кантене. Здесь все в общем в

порядке. Г-н Неккер прибыл вчера, и все от этого в восторге. У вас, наверное, прошло много войск, ибо на второй день моей поездки я встретил не меньше трех полков, двигавшихся на небольшом расстоянии один от другого.

Прощай, жена моя, скорее пиши мне

Бабеф

Не знаю, чем занимается мой брат. Он мог бы составить черновик всех статей декларации наследников Франуа.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 8 августа 1789 г.

Ты не пишешь мне, мой дорогой друг, потому что, вероятно, ты со дня на день ждешь моего прибытия. Мне очень досадно, что не могу этого сделать. Мне требуется еще несколько дней для окончания моего Кадастра, и поэтому я приеду лишь в конце недели. Тебе, конечно, придется занять несколько экю, чтобы дотянуть до этого времени. Сделай, что можешь, и наберись немного терпения. Я тоже сижу без денег уже больше восьми дней, и я рад-радехонек, что могу обедать и ужинать у г-на Одиффре. Я хожу также в белье, грязном до невозможности, но не посылай мне белья, я как-нибудь обойдусь. Если ты получила какие-нибудь вести о различных письмах, которые я тебе послал для пересылки в женский монастырь Троицы в Мондидье, а также мадемуазель де Луванкур [18] и г-ну Мори, я попрошу тебя сообщить их мне. Так или иначе ответь мне на это письмо и расскажи все, что у нас слышно. Поверь, что я здесь не ради удовольствия и что у меня немалые тревоги. Хлеб здесь стоит только 3 су за фунт, и спокойствие начинает восстанавливаться. Приступлено к составлению законов, и сеньериальные права не отменены, только разрешено их выкупать. Уничтожено право охоты и другие наиболее гнусные права, но это не ведет к упразднению моей профессии, как я опасался. Девен прибыл в Париж восемь дней тому назад и тотчас уехал. Жена его тоже уехала вчера, а их судебное дело еще не рассматривалось. Я страдал от необходимости быть с этими людьми и скрывать внушаемое мне ими презрение. Это ужасные люди, и всю жизнь я буду питать к ним отвращение. Дней десять—двенадцать тому назад я обнаружил всю мерзость, которой они полны. Я никому не сказал об этом открытии, но я уже начал наказывать их за это. Не они будут печатать Кадастр, и господин Одиффре устроит это в Париже, причем берет на себя заботу о предварительных расходах на бумагу, печатание и гравюры [19]. У меня времени в обрез. Обнимаю вас всех и жду не дождусь встречи с вами. Отнеси еще на почту прилагаемое письмо. Прошу тебя всегда сохранять мужество.

НОВОЕ РАЗЛИЧИЕ СОСЛОВИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ Г-НА ДЕ МИРАБО[20]

Французы, друзья мои, кто бы мог это предвидеть?.. Могу ли я верить глазам своим?.. Счастливое заседание 4 августа... злосчастное заседание 10-го. В этот момент, когда вы, как и я, самодовольно чванитесь, воспроизводя в своем воображении, воспламененном общим ликованием, все подвиги, которыми вы столь доблестно прославились в течение нескольких навеки достопамятных часов; . . . .
в тот момент, когда вам казалось, что вы уже достигли обладания этим привлекательным равенством, столь счастливо вернувшимся к вам в сопровождении свободы, его сестры, столь же любезной, как оно само; . . . .
в тот момент, когда вы возносили благодарения философу Жан Жаку и всем его братьям, друзьям человечества, благодаря которым получили такой размах возвышенные идеи, заставившие вас признать права, столь долгое время казавшиеся вам, вследствие привычки жить в рабстве, химерическими; . . . .
в тот момент, когда вы считали себя навеки освобожденными от власти отягчавших вас цепей, предательски выкованных аристократией в те времена, когда ваш разум дремал, чтобы ослабить ваше похвальное мужество и одновременно сковать ваши могучие тела; . . . .
в тот момент, наконец, когда вы полагали, что вам надлежит заботиться только об упрочении того великого дела, блестящее начало которого уже сделало вас предметом восхищения повсюду, от одного полюса до другого, как людей, заслуживающих занять первое место среди всех наций; повторяю, в этот самый момент я вижу, что вы рискуете вернуться к тому, с чего вы начали, и потерять, быть может, так же быстро, как вы их обрели, все свои победы, одержанные в таких поразительных обстоятельствах, что это поистине позволяет вам восхищаться самими собой.

Теперь перестаньте важничать! Увы! ни в чем нельзя быть уверенным до тех пор, пока все окончательно не установилось. Какой триумф для оппозиционной партии!.. Какая неудача для нашей!.. И неужто все дело в той злосчастной статье о церковной десятине?.. Всегда было опасно касаться... Но на что мне пенять? А этот граф Мирабо, о котором каждый готов был поклясться, что он никогда не отступит от своих первоначальных принципов, какой же он дает нам пример и можно ли теперь верить в постоянство мнений человека... Слабое существо — сегодня ты ангел, а завтра у тебя душа отверженного.

Кто бы мог это сказать? Ведь в ту же самую минуту этот человек еще показал себя в хорошем свете. «Церковные десятины,— заявил он,— являются в руках духовенства» лишь «владениями, могущими быть отмененными ad nutum *; десятины при-

* *По приказу.*

надлежат нации, мы это признаем, и поэтому мы можем их отобрать, заменив их эквивалентом, соответствующим достоинству нации и заслугам тех, чей труд следует оплачивать».

До сих пор, как мы видим, Мирабо остается Мирабо. Но, говорят, при словах «платить за труд» послышались крики, смешанные с аплодисментами. И вот тут-то, о, неслыханная перемена! Этот депутат, некогда столь твердый и непоколебимый, смущается и губит нас. «Да, платить за труд,— восклицает он,— я знаю в обществе лишь три сословия (опять три сословия: разве это не безумие обращаться вдруг к совсем другому предмету). Каковы эти три сословия?— продолжает он.— Это нищие, воры и люди, получающие заработную плату».

Прощай, прелестное равенство. Прощай, дитя небес, которое я видел лишь во сне. Друг, постоянное присутствие которого составило бы счастье всех, прощай. Ты нас оживило на мгновение. Все сердца открылись при твоем приближении, но заблуждение одного из нас вынуждает тебя бежать от наших приютов, обязывает тебя жить в изгнании в стране химер. Вот так первый человек, забывшись на мгновение, принес несчастье всему своему потомству. Но после того, как ты покинешь наши жилища, они погрузятся во мрак и жгучую печаль. Безутешная скорбь о твоем исчезновении обречет нас влачить тягостное и мучительное существование. О горе! до тех пор, пока мы тебя не узнали, пока мы не научились тебя ценить, наше безмятежное невежество было столь велико, что мы думали, будто без тебя человек может дышать хотя бы наполовину. И это убеждение, хотя и обманчивое, оказывало тем не менее некоторое действие. Но теперь, когда наши глаза раскрылись, можем ли мы еще обманывать себя?..

Какой новый луч света внезапно озаряет меня? Может быть, граф Мирабо не так уж виновен? Нелепые различия, возмутительное неравенство всегда были подлинными причинами несчастья рода человеческого. Но каков этот новый способ, с помощью которого Мирабо различает отдельные сословия? 1. Нищие; 2. воры; 3. люди, получающие заработную плату. О! теперь я вижу, как восстановить равенство. Заставив нищих работать, мы превратим их в людей, получающих заработную плату. А если воры не поспешат принять такое же решение, мы их накажем за грабежи. Ах, я судил опрометчиво. Мирабо невиновен. Я отрекаюсь от своего заблуждения и постараюсь помириться с ним.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 16 августа 1789 г.

Мой добрый друг, я в отчаянии, что оставляю тебя в столь бедственном положении. Мы переживаем сейчас страшный момент, и ты знаешь, что не моя вина, если я не смог этого избежать.

Я очень ценю усилия, которые ты делаешь для меня. Я тебе отсылаю сегодня обратно твои шесть франков; если нужно, чтобы кто-то из нас страдал, пусть уж я буду первый. Я надеюсь, однако, что уже завтра я смогу тебе послать кое-что. Я рассчитываю получить десяток экю от продажи написанной мной маленькой брошюры в четыре страницы, которую вчера напечатали, а сегодня выпустят в продажу. Я не могу пока вернуться, потому что мы еще не кончили с Кадастром. Впрочем, я не теряю времени зря. По зрелом размышлении я убеждаюсь в том, что с профессией февдиста покончено, а жить надо, и я старался и стараюсь найти другие дела. Мне уже более или менее обеспечена работа на восемьсот франков, которая займет у меня только два дня в неделю и не помешает мне заниматься любым другим делом [21]. Для этого мне надо будет остаться в Париже. Но это секрет. Я, однако, приму это предложение только в том случае, если окажется, что я не смогу работать в архивах, чего я не думаю, ибо архивы сохранятся, несмотря на упразднение фьефов. К тому же, как я тебе уже сказал, мое новое занятие не помешает мне работать даже в архивах. Я напишу Вассу [22] и постараюсь уговорить его поехать провести некоторое время у себя, пока я не смогу вернуться, и дать ему возможность поработать и закончить то, что у меня начато. Я обещаю постоянно заботиться о нем и устроить его, если по окончании того, что у нас сейчас есть, не будет работы с фьефами. Ты понимаешь, что я говорю это вполне искренне. Ты знаешь, какое у меня доброе сердце для всех тех, к кому я привязан. Повтори ему эти заверения. Я вижу возможность через господина Одиффре устроить его и моего брата на работу в книжной торговле; это хорошая профессия для молодых людей, в которой можно преуспеть. Я зайду к господину Мори, чтобы получить плату хотя бы за сделанные мною для него копии и выписки из документов, и ты, конечно, понимаешь, что, если я что-нибудь получу, я тотчас же пошлю тебе.

Хорошенько поразмыслив, я решил не писать Вассу. Постараемся дотянуть до моего возвращения. Я еще толком не знаю, как сложатся обстоятельства для нашей профессии. К тому же надо закончить наши работы. Скажи моему брату, пусть вложит в твое ответное письмо подробное описание того, что он сделал со времени моего отъезда. Пусть он продолжает все по-прежнему, как если бы не было никаких перемен в феодальных отношениях. Поскольку сеньериальные повинности подлежат выкупу, я думаю, что некоторые еще долго будут их платить, потому что они их не выкупят сразу. К тому же сейчас важнее, чем когда-либо, упорядочение состояния ленных зависимостей, чтобы установить, кому следует платить и сколько надо выплатить.

Если продажа моей маленькой брошюры, два экземпляра которой я вам посылаю, мне ничего не даст и если я также ничего не смогу получить от г-на Мори, я рискну попросить кое-

что взаймы у г-на Одиффре и пошлю тебе эту сумму, чтобы ты могла дождаться моего возвращения. Решительно необходимо, чтобы я был с тобой к концу этой недели, хотя мне, наверное, придется тотчас же вернуться сюда, чтобы наблюдать за печатанием моего Кадастра. Это злосчастное сочинение является причиной тех огорчений, которые вы терпите из-за моего длительного отсутствия, но пожелаем, чтобы оно нас вознаградило за эти огорчения и чтобы они оказались мимолетными. Работа над этой книгой завела меня дальше, чем я предполагал, и это будет довольно толстый том. Поскольку дело на ходу, я уже не могу его бросить, это означало бы добровольно решиться на потерю всех плодов моего труда.

Не могу сказать, как я скучаю о моих бедных детишках. Я слишком много о них думаю, чтобы подробно говорить об этом. Достаточно сказать, что мысль о них не покидает меня весь день, ночью не даст мне спокойно спать, и нет ничего, что хоть на мгновение вызвало бы у меня улыбку. Повторяю, я поглощен этими мыслями и в то же время вынужден оставаться здесь; я умираю от этого, мой бедный друг. Прощай до того дня, когда я смогу вновь тебя увидеть. Постараюсь, чтобы это было в воскресенье, не вижу возможности сделать это раньше. Не теряй мужества, как я его не теряю. Уверяю тебя, что не для себя, а ради того, что меня привязывает к жизни, это мужество не покинет меня, пока душа моя не расстанется с телом, и я сделаю все, чтобы выполнить наилучшим образом те обязанности, которые на меня возлагает мое положение по отношению ко всему, что меня окружает.

Париж, 16 августа 1789 г.

Брошюра, написанная мною, это та самая, что озаглавлена: «Новое различие сословий в представлении г-на Мирабо». Попроси прочитать тебе и другие, они очень интересны.

Шесть франков положены в перчатки.

ПИСЬМО ФЕЙДЕЛЮ [23]

16 августа 1789 г.

Вы, милостивый государь, еще только вступаете на поприще публицистики, и это заметно. Даже если бы в последнем номере Вашей газеты и не было указано, что это всего лишь ее четвертый номер, можно было бы легко узнать начинающего писателя уже по самой манере письма. Тем не менее, если в дальнейшем Вы откажетесь от некоторых выражений, которые не следует употреблять или, вернее, которые Вы употребляете не ко времени, то вполне возможно, что Вас будут читать. Но Вам совершенно необходимо избавиться от этих недостатков. Позвольте же дать Вам несколько наставлений с высоты моего опыта.

Например, о чем Вы думали, заявляя в своем последнем номере: «Французы! Свобода печати сделала нас гражданами. Именно она создала Национальное собрание, которое и т. д.»

Потише, милостивый государь, потише! Поймите, что эти громкие слова начинают выходить из моды. Постепенно мы возвращаемся в привычную колею. Все эти повсеместные нововведения были хороши в виде опыта; но, кажется, уже признают, что прежние порядки, т. е. власть, основанная на произволе, были гораздо лучше, чем все преимущества этой хваленой свободы, которой хотели их заменить. Публицист, милостивый государь, если он хочет преуспеть, должен применяться к временам и к обстоятельствам. Берите пример с одного из Ваших мудрых собратьев *: в то время как Вы по-прежнему пребываете в состоянии восторга (что было свойственно всем еще четыре дня назад), он благоразумно приспосабливается к тону, уместному при господстве аристократии, которое, как нам позволяют надеяться, скоро возродится.

Учитесь же у него:

«Господин генеральный директор финансов от имени короля передал продовольственному комитету Генеральных Штатов мемуар, разъясняющий», и т. д.

Вот как снова начинают говорить, милостивый государь. Как видите, всегда полезно предостеречь молодых людей, уберегая их от опасностей, которым они подвергаются из-за своей неосмотрительности. На месте Вашего собрата Вы, вероятно, сказали бы «Национальное собрание» — выражение, которое ничего не означает и для многих читателей звучит неприятно.

Если Вы оцените по достоинству ту услугу, которую может оказать Вам это письмо, Вы, я думаю, не сочтете чрезмерной мою просьбу напечатать его в пятом номере «Observateur». Это послужит мне доказательством, что Вы намерены извлечь пользу из моих предостережений и поделиться ими со всеми гражданами, которые Вас читают.

К числу этих граждан, милостивый государь, принадлежу и я,

Бабеф, улица Кенканпуа, 40.

* Г-на ***, «Journal d. l. v.» от 16 августа 1789 г.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 20 августа 1789 г.

Перешли, мой милый друг, поскорее прилагаемое письмо госпоже де Луванкур. В него вложена квитанция на двести семьдесят три ливра пятнадцать су за расходы по двум описям, которые я должен сделать для нее, одну—в Нелле, другую—в Ангийанкуре. Это объект, для которого я послал ей доверенность, которую ты мне отослала обратно. Я ей пишу, что

я получил эти две описи и израсходовал указанную выше сумму. Я полагаю, что она мне ее пришлет. Попроси комиссионера подождать ее. Я не смогу вернуться, пока не получу вестей об этом деле. Если ты получишь эти деньги, пошли мне с дилижансом два луидора в маленьком пакете и оставь себе остальное. Вчера я послал через г-на Одиффре г-ну Мори счет, по которому он должен мне выплатить по меньшей мере три луидора, что соответствует стоимости посланных мной ему копий. Его не было дома, и я жду какого-нибудь ответа, так как ему оставили счет от моего имени. Я ничего не заработал на своей брошюре. Книготорговец, подававший мне кое-какие надежды, сказал, что проданного им хватило лишь на покрытие расходов по печатанию. Постарайся поскорее сообщить новости о госпоже де Луванкур. Не знаю, как ты устраиваешься, но постарайся раздобыть хотя бы шестифранковую монету, чтобы перебиться еще несколько дней, пока не станет ясно, можно ли чего-нибудь ожидать от г-жи Луванкур и со стороны Мори. Только в случае острой нужды я обращусь за ссудой к г-ну Одиффре. У меня есть серьезные основания воздержаться от этого по мере возможности. Целую моих бедных детишек. Вот все, что я могу тебе сказать. Если бы я был несколько более свободен, я охотно поговорил бы с тобой о них. Но мои занятия целиком меня поглощают, и я не в состоянии говорить о том, что чувствую и чего не могу передать словами. Однако я надеюсь, что все образуется. Я не слишком тревожусь относительно будущего, настоящее затрудняет меня гораздо больше. Ты понимаешь, если бы мы добились какого-то аванса, мы получили бы возможность взыскать все, что нам следует, и при том, как сейчас идут дела, я уверен, что всегда смогу заработать здесь на жизнь. Я вижу разные возможности. Не будь у меня оснований надеяться, я бы умер. Но среди всех моих волнений и тревог очевидная возможность найти ресурсы, способные хотя бы обеспечить хлеб для моей семьи, отвлекает меня время от времени от моих мрачных мыслей. Прилагаемое небольшое произведение покажет тебе, что в воскресенье я наслаждался одним из таких спокойных моментов, получив мимолетную возможность развеселить себя письмом, которое опубликовал редактор одной газеты [24].

Обнимаю тебя и жду вестей от тебя с большим нетерпением, чем когда-либо.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 28 августа 1789 г.

Ты разрываешь мне сердце, моя бедная женушка, и это все, что я могу тебе сказать. Мне не хватает слов, когда я думаю о нашем положении, а я думаю о нем постоянно. Но я опять прошу тебя не терять терпения, не будем предаваться отчаянию. Я тебе отсылаю твои шесть франков. Дай моему брату переписать прила-

гаемое письмо, пошли мне его, и я уверен, что господин Одиффре одолжит мне денег, половину которых я пошлю тебе, а со второй половиной я вскоре вернусь. Отошли мне письмо по почте. Ты увидишь, когда я приеду, я найду еще и другие возможности, чтобы дождаться дня, когда мы сможем получить за работы, которые нам надо закончить. Отошли это второе письмо госпоже де Луванкур. Я просил господина Одиффре пойти к господину Мори, он был у него, но не застал, и оставил ему мой счет на три луидора только за копии актов, потом он ему написал и не получил никакого ответа. Прощай, мужайся, я вскоре полечу к своим деткам, я их покрою поцелуями и тебя тоже. Ученые ознакомились с моим Кадастром, они его хвалили. Граф де Мирабо будет его защищать в Национальном собрании.

Вот ответ, который ты должна мне прислать, ничего не добавляя.

Что же ты все обманываешь меня, дорогой друг мой, все обещаешь вернуться и все не возвращаешься. А между тем твое присутствие здесь необходимо. Сеньеры, для которых ты работал, сердятся из-за всего того, что происходит. Я просила денег, чтобы тебе послать, а они ответили, что уплатят только тебе самому. Я получила письмо, которое г-н Мори посылает тебе в ответ, как он пишет, на просьбу, с которой ты к нему обратился через г-на Одиффре. Он сообщает, что г-н аббат де Бройль дал распоряжение о том, чтобы тебе уплатили полностью пятьсот ливров и что ты можешь с его письмом обратиться к господину Кому, главному его арендатору в аббатстве Бове. Так что по этому делу тебе придется поехать в Бове. Я бы очень хотела, чтобы ты сначала заехал сюда, а покамест хорошо, если бы ты мог по получении моего письма послать мне два луидора, чтобы я могла вернуть примерно такую же сумму, которую, не имея ничего, я вынуждена была занять. Я дала слово вернуть эти деньги в ближайшие дни, и я не хотела бы нарушить это слово. Возвращайся поскорее, чтобы заняться своими делами, которые очень страдают от такого долгого отсутствия. Твой малыш очень хотел бы тебя поцеловать, а я жажду выразить тебе всю нежность, силу которой ты знаешь. Твоя жена Лангле Бабеф.

Я попрошу три луидора у г-на Одиффре, но ты в своем письме должна говорить только о двух.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 4 сентября 1789 г.

Мой дорогой друг!

Г-н де Кивр расскажет тебе, как у меня обстоит дело с моим сочинением и когда я рассчитываю вернуться. Я очень доволен тем, что ты так удачно покончила с ним все дела. Ты мне доставила удовольствие, прислав мне два луидора, иначе я был бы

вынужден занять немного у г-на Одиффре, а это было бы не очень приятно. По мере возможности надо скрывать свою печальную нищету. Правильно говорят, что когда она вас преследует по пятам, то она появляется сразу со всех сторон, но когда счастье нам улыбнется, все блага тоже приходят одновременно. Вчера днем в половине первого я получил твои два луидора, а за четверть часа до этого г-н Мори принес мне три луидора за копии, которые я ему послал, и сказал мне, что, как только аббат де Бройль вернется, мы закончим основной расчет. Этот аббат де Бройль — сын того маршала де Бройля, который должен был командовать армией в случае резни в Париже. Поэтому он находится в бегах вместе со своим дорогим папашей, коему да простит бог. Когда он вернется, не знаю, но если это очень затянется, я добьюсь того, чтобы мне было уплачено.

Печатание Кадастра обойдется в шесть тысяч франков. Девен, проигравший свой процесс, хотел бы взяться за это дело, но я уже тебе писал, что я больше слышать о нем не хочу, и у меня есть для этого самые серьезные основания. Он умудрился грубо обругать несколько человек, одолживших ему тысячу экю для покрытия судебных издержек. Без этого он бы погиб. Это, во всяком случае, было бы несчастьем для его большой семьи.

Так как я вскоре освобожусь, я постараюсь вызвать в суд г-на из Сент-Орена[25], и с завтрашнего дня буду занят тем, чтобы ускорить оформление постановления о вызове. Я здесь знаю одного адвоката, который берется за это дело. Он сказал мне, что нет ничего проще, как окончательно завершить это дело в кратчайший срок.

Скажи моему брату, чтоб он мне сообщил, как у них обстоит дело со всеми их черновиками, и что я их прошу покрепче налечь на работу так, чтобы по моем прибытии осталось только все привести в окончательный порядок. Для этой переписки начисто я пришлю отсюда несколько стоп бумаги высшего сорта.

Я очень хотел бы знать о том, что происходит в Руа. Вы мне об этом ничего не сообщаете. Платят ли там еще налоговые сборы? Свободно ли продается белая соль? Мой брат мог бы мне сообщить кое-какие подробности обо всем этом. Как составлена гражданская милиция? Устраиваются ли собрания граждан? Во всех городах все это делается достаточно хорошо, но в Руа слишком много равнодушных и мало патриотической энергии.

Кончилась ли уборка, хорош ли урожай? С июля месяца, когда хлеба еще были зеленые, я нахожусь в Париже, где не видно полей, и о таких предметах здесь говорят не больше, чем о прошлогоднем снеге. Между тем на прошлой неделе здесь в течение четырех дней был голод; хотя у нас хороший стол, мы имели только по полфунта хлеба из испорченной муки на человека; мы питались рисом. Этот голод был вызван происками аристократов. Одного из них отправили на виселицу, его, однако, спасли, и все это немного восстановило изобилие.

Я накупил кое-каких тряпок, в которых очень нуждался, уплатил за снимаемую мной комнату и берегу деньги на возвращение и на кое-какие мелкие текущие расходы. Мне нет надобности советовать тебе быть экономной. Мой длительный отъезд осложнил наши дела, но мы постараемся все привести в порядок, когда я вернусь. В ближайшие дни пошлю тебе пакет со шпагой г-на де Кивра. Не посылай мне больше ничего, пересылка стоит дорого. Белье, которое мне еще понадобится, я отдам в стирку.

Я купил прекрасную маленькую кокарду для моего сына и красивые пряжки, он их найдет в первом пакете, который ты получишь с дилижансом. Спроси этого бедняжку, что еще могло бы доставить ему удовольствие. Я посылаю также пару пряжек для моего брата, он сможет отдать свои Вассу, чьи пряжки я увез. Скажи мне, чего ты хочешь, чтоб я тебе прислал. Я уверен, что ты не попросишь у меня чего-нибудь очень дорогого. Мне бы это было все равно, если б мой кошелек был потолще. Мы это сделаем тогда, когда он и в самом деле станет таким. В своем последнем письме ты мне ничего не пишешь о нашей малышке. Мне очень понравился пряник моего маленького товарища.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 9 сентября 1789 г.

Я тебе не ответил раньше, моя дорогая жена, потому что я надеялся, что сам привезу свой ответ, отдам г-ну де Кивру его шпагу, а Роберу — его кокарду и пряжки. Но я еще не могу доставить себе этого счастья. Печатанье нашего сочинения не подвигается, и мой брат, который просит у меня присылки экземпляров, не знает, что пока еще нельзя получить даже трети экземпляра. Если б я был в состоянии выслать их ему, я был бы также в состоянии вернуться, и меня не было бы уже в Париже. Мы договорились с типографом, что заплатим ему на 6 ливров с листа больше обычного для того, чтобы он нас обслужил сразу же, но от этого дело не пошло быстрее. Все типографии перегружены, потому что все пользуются полной свободой печати. Я не надеюсь вернуться раньше 20-го, это меня огорчает, ибо я здесь остаюсь отнюдь не для удовольствия.

Мы с г-ном Одиффре отправились на прошлой неделе в Версаль и провели там два дня. Мы там посещали заседания представителей нации. Мы получили аудиенцию у графа де Мирабо, который нас принял, показав себя человеком прямым, высмеивающим всякий церемониал и стоящим выше всяких глупых делений по рангам. Мы также проводили время в прогулках по дворцу и садам Версаля в сопровождении г-на Константини, этого знаменитого корсиканского негоцианта, чей интересный «Мемуар», напечатанный Девеном, ты, вероятно, припоминаешь. Мне

было очень приятно познакомиться с этим интересным молодым человеком, жизнь которого уже в 32 года отмечена преодолением столь многих препятствий. После того, как он тысячу раз подвергал свою жизнь опасности в интересах государства и пожертвовал все свое состояние на то, чтобы рассеять разбойничью банду, опустошавшую Корсику 6 или 7 лет тому назад, он стал объектом травли со стороны министров и преследований со стороны их подлых агентов, сделавших все для того, чтобы воспрепятствовать возмещению понесенных им огромных расходов. Вот уже 4 года, как он тщетно добивается у двора уплаты, а пока что г-н Одиффре дает ему взаймы на расходы. Этот г-н Константини после того, как он благодаря своей храбрости и большому уму так успешно провел свою первую экспедицию и был так плохо вознагражден, нисколько не ослабил своего рвения и в последних событиях. Он показал себя бесстрашным патриотом. Пожелаем ему скорого возвращения его состояния: правительство должно ему 500 тысяч ливров.

Недавно я встретил карету маркиза де Суаекура, и он был в ней [26]. Внезапно меня охватило желание сказать ему что-нибудь. Я подбежал к дверце кареты, он, видимо, был поражен. Я забежал впереди лошадей, я хотел остановить кучера. Он сделал ему знак погнать лошадей. Я написал ему с просьбой зайти ко мне, так как я могу сообщить ему нечто интересное. Он не пришел.

Я хорошо знаю, что резко написал г-ну Мори, но в моем письме не было ничего невежливого. Я не мог ему написать иначе, чем я это сделал, желая побудить его дать мне немного денег, в которых я остро нуждался. Он из тех людей, которые не любят, чтобы к ним обращались с подобными требованиями. В ближайшее время я пошлю тебе ответ на его письмо с настоятельной просьбой закончить расчет. Я не стану обижаться на то, что он мне пишет, я только елейным тоном дам ему понять, что это меня не задевает, потому что я отнюдь не заслуживаю его надменных поучений. С его стороны очень дерзко обращаться ко мне таким образом, но, как ты говоришь, с ним надо обходиться осторожно, пока он еще не все уплатил. Сразу видно, что этот человек — брат отвратительного аббата Мори, в них чувствуется поистине тот же дух. Он говорит, что к аббату де Бройлю надо относиться с уважением. Это, по-видимому, в том смысле, что не надо с него требовать того, что с него следует. Кроме этого, он, вероятно, еще потому заслуживает уважения, что он — сын маршала де Бройля, того, кто должен был стать достойным исполнителем ужасного заговора. Если бы я обнародовал письмо г-на Мори, то одно имя Мори и выражение «уважать де Бройля» привели бы господина поверенного на фонарь.

Сладкий пирог был неплохой, я получил его вчера одновременно с твоим письмом. Я заплатил за него двойной почтовый сбор.

Скажи г-ну де Кивру, что я в восторге от его письма и надеюсь получить вести от него, когда ты мне напишешь, ибо, конечно, ты мне еще напишешь до моего возвращения.

Еще до получения письма от моего брата я купил тебе довольно скверную табакерку за 48 су. Ты увидишь, что это такое. Здесь уже не обременяют себя больше роскошью. Теперь свирепствует мода на то, что воспроизводит великие подвиги нации. Эти маленькие табакерки, совсем простенькие, называются патриотическими коробочками и очень модны. Невозможно найти серебряную за 7—8 франков; постараюсь вознаградить тебя чем-нибудь другим.

Пряжки моего сына не очень-то блестящие. Они, однако, обошлись мне в 36 су, и они очень хорошей работы. Меня заверили, что, если их почистить мылом и белком, они заблестят. Я предпочел их посеребренным пряжкам, которые обошлись бы мне не дороже. Но так как теперь не делают больше пряжек ни для очень маленьких детей, ни для женщин, а носят лишь шнурки, я нашел только женские пряжки, посеребренные, в старинном и дурном вкусе, грубой работы и которые вдобавок были бы велики для моего товарища.

Пряжки брата стоят всего лишь 50 су. Я купил себе одну пару за ту же цену. Все молодые люди носят только такие. Накладной металл держится очень хорошо.

Отсылаю старую кокарду. Не надо ее путать с чудесной маленькой кокардой для моего сына.

Ты увидешь набор пуговиц в новом вкусе. Это будет для меня или для брата. Я их купил в ожидании материала для одежды, на которую они должны быть поставлены. Здесь бешеная мода на такого рода пуговицы, называемые «в стиле естественной истории». Они стоят всего лишь 3 ливра дюжина. Если г-н де Кивр хочет, я пошлю ему такие же.

Обратно я собираюсь поехать на империале дилижанса. Это самый приятный способ путешествовать и почти самый дешевый.

Прошу наших молодых людей [27] налечь на работу так, чтобы, когда я вернусь, осталось лишь все переписать начисто. Я для этой цели закуплю здесь несколько стоп бумаги. В Париже она лучшего качества и дешевле, чем где бы то ни было. Целую вас.

Не присылай мне больше белья.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 26 сентября 1789 г.

Ты, наверное, очень огорчена тем, что я не выполнил своего обещания вернуться двадцатого числа. Это словно проклятие, я никак не могу разделаться с этим сочинением. Рабочие-печатники доведут меня до могилы. Я должен постоянно за ними на-

блюдать, да еще приходится мириться со многими мелкими ошибками во избежание еще большей задержки работы. Типография находится в доброй четверти мили от моей квартиры, а мне приходится туда ходить два, а иногда и три раза в день. С тех пор, как я здесь, я сносил три пары обуви, теперь я должен покупать четвертую. Эти хождения и правка сочинения поглощают все мое время, между тем это неизбежно, ибо, если бы г-н Одиффре был в состоянии сделать это за меня, я бы уже вернулся. Утешает меня лишь то, что с начала этого месяца я зарабатываю двенадцать франков в неделю тем, что пишу две корреспонденции некоему г-ну де ла Тур, издающему в Лондоне газету под названием «Courrier de l'Europe». Я еще ничего за это не получил и смогу получать только каждые два месяца. Если, как я надеюсь, я смогу писать эти корреспонденции в Руа, моя поездка окажется не совсем бесплодной, так как это небольшое дело, которое меня нисколько не затруднит, даст нам доход в шестьсот ливров. Г-н де ла Тур обещает увеличить мне плату, если его газета, которая только лишь начала выходить, будет иметь много подписчиков.

Если б мне нужно было отправить посылку, я воспользовался бы этим и положил в нее те листы моего сочинения, которые уже напечатаны, и я не сомневаюсь, что вам приятно было бы их увидеть. Но вы увидите все в целом, когда я его привезу в законченном виде. Я хотел бы также, чтобы ты получила вторую табакерку, которую я тебе купил. Я думаю, она понравится моему сыну. Она украшена медальоном, изображающим маленького Робера из воска, играющего на флейте, и танцующих на лужайке под эту музыку собачку и обезьянку. Я купил также для моего мальчика за двадцать четыре су красивое маленькое ружье со штыком на конце. Он будет очень доволен. Это очень хорошо подойдет к его кокарде и пряжкам. Я ему куплю, когда вернусь, маленькую черную шляпу с загнутыми полями, чтобы надевать с этой прекрасной кокардой и всеми этими военными доспехами. А чтобы у него было все без изъяна, я ему закажу форменный мундир из моего синего костюма. К этому добавим куртку и белые короткие штаны. Это будет настоящий «национальный гвардеец». Скажи ему все это, слышишь? И попроси его написать мне или продиктовать для меня письмо и отослать вместе с твоим ответом. Есть ли оспа в Руа? Она очень сильно распространена в Нуайоне. Находящийся здесь Девен сказал мне, что все его дети ею болели.

Я все же надеюсь, что наше печатание закончится в начале будущей недели и что сразу после этого я смогу вернуться. До моего прибытия ты сможешь получить две стопы бумаги для завершения начатых описей, и я добавлю к этой посылке 25 или 30 экземпляров Кадастра. Мы рассчитываем пойти в Национальное собрание и представить тут же, во время заседания, те 50 экземпляров на веленевой бумаге, которые мы для этого предназна-

чаем. Каждый из нас передаст также по экземпляру г-ну Неккеру и королю *.

. . . .

Большие приветы г-ну и г-же де Кивр. Приветы всем нашим. Я вернусь возможно скорее, чтобы заняться своими делами. У меня не было времени написать еще раз г-ну Мори.

Париж, 26 сентября 1789 г.

Я должен за комнату 10 ливров за месяц. Деньги г-па де ла Тура смогут пойти на уплату этого долга.

Я купил себе такую же шпагу, как у г-на де Кивра. Я, кажется, сообщил тебе, что я купил с месяц тому назад сюртук, жилет и штаны из хлопчатобумажного полотна, и т. д.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, вторник 29 сентября 1789 г.

Сегодня я могу тебя заверить, мой милый друг, что я уеду в воскресенье или, самое позднее, в понедельник [28]. С моим сочинением все будет готово послезавтра, а в Версаль мы отправимся в пятницу или субботу. Твое последнее письмо разминулось с моим, на которое я жду ответ. Я не сомневаюсь в том, что тебе не терпится снова меня увидеть, ну что же, в понедельник не ложись спать, не дождавшись меня. Что бы ни случилось, будь уверена, что на этот раз я не нарушу своего слова. Нет ничего странного, что люди, не имеющие представления о работе, которая меня здесь задерживает, удивляются столь долгому отсутствию и строят всякого рода догадки. Успокой их и рассей их необоснованные опасения. Передай приветы господину и госпоже де Кивр и полагайся на меня.

Твой друг
Бабеф

Целую моих милых детей. Этой ночью я видел во сне, что маленький Робер опасно болен. Я жестоко страдал, проснулся весь в слезах.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, воскресенье утром, 4—5 октября 1789 г.

Чтобы ты опять не беспокоилась, мой милый друг, посылаю с дилижансом небольшую посылку и пользуюсь случаем вложить туда письмо с уверенностью, что ты его получишь своевременно. Злосчастное сочинение должно было быть закончено в четверг, на

---

* *Следующие два абзаца повреждены в рукописи.*

следующий день мы должны были отправиться в Версаль, и сегодня я мог бы уже выехать в Руа. Но оно не было закончено ни в пятницу, ни в субботу. Печатники в этом городе какие-то вялые. Осталось, однако, очень мало работы, и завтра утром должен наступить конец. Во вторник отправимся в Версаль, стало быть, смогу уехать отсюда самое раннее в среду. Я пишу госпоже де Кивр, как польщен тем, что ты будешь ее сопровождать на ярмарку в Сен-Кантен. Ты беспокоишься о деньгах; ты права, но мы постараемся все уладить наилучшим образом, и я очень рад, что ты совершишь эту приятную поездку с госпожой де Кивр. Надеюсь, впрочем, что вы уедете не ранее моего возвращения, что я испытаю радость встречи с тобой, и мы успеем обсудить все вопросы, связанные с этой поездкой. Я смогу заняться господином де Бройлем и другими делами, только вернувшись к моему бедному семейному очагу. Ты не поверишь, пожалуй, до какой степени эта история с наблюдением за печатаньем Кадастра не оставляла мне решительно ни одного свободного мгновения. Я только иногда украдкой находил время написать тебе, а также готовить корреспонденцию в Лондон для г-на де ла Тура. Я получил от него вчера еще одно личное письмо. Это дело может оказаться еще лучше, чем я тебе об этом сообщал. Скажи моему брату, пусть напишет г-ну Боскийону де Жанлису, что я в ближайшее время вернусь из Парижа... и буду иметь честь ответить ему. Нет никакого неудобства в том, чтобы попросить денег за Кенуа, но надо постараться дождаться меня с этим делом. Я посылаю тебе листы Кадастра, но еще не полный экземпляр. Я подумал, что это может доставить вам всем некоторое удовольствие. Не надо этого никому показывать, разве что г-ну де Кивру. Мне очень понравилось письмо моего сына. Значит он еще помнит милые прозвища, которые мы друг другу давали: мой босячок, мой плутишка, мой товарищ, мой славный босяк, мой хвастунишка, мой дружок. Я говорю об этом, как если бы я расстался с ним десять лет тому назад. Время тянется долго для тех, кто любит. Когда я думаю о всех членах семьи, к которой я привязан, а это, конечно, бывает со мной очень часто, я представляю себе их всех изменившимися, как если бы полвека прошло с тех пор, как я их оставил. Я свыкся с ролью отца и уже не мог бы жить по-другому.

Мне очень приятно то, что ты мне сообщаешь о нашей малышке в твоих двух последних письмах.

Понедельник 5-го, утром.

Я вчера увлекся, желая написать тебе побольше, и пропустил время отправления дилижанса. Ты, пожалуй, проведешь из-за этого тревожную ночь, это меня очень огорчает. Будь уверена, что я устрою так, чтобы вернуться в среду или четверг и увидеться с тобой до твоего отъезда в Сен-Кантен. Я знаю, что в пятницу — 9-е число и, стало быть, день святого Дени.

[ЛОНДОНСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ] [29]

I

1—8 октября 1789 г.

Обстоятельства вынудили нас составить наш первый номер с большой поспешностью, и это не позволило нам соблюдать тот порядок изложения, которого мы предполагаем придерживаться в этом издании, т. е. установить в нем разделение на две основные части: первую, посвященную сообщениям о последних заседаниях Национального собрания, и вторую, содержащую известия из столицы и провинций и обзор всех фактов, могущих дать последовательное представление об общем состоянии умов.

Город Париж

Кто сможет без дрожи вспомнить о невероятном бедствии, от которого столица страдает вплоть до настоящего времени? Что будет думать потомство о причинах ужасного голода, угроза которого нависла над всеми нами вслед за небывалым по изобилию урожаем? Сможет ли оно понять, каким образом в богатой отличным зерном Франции ее несчастные жители оказались вынужденными толпиться у дверей булочных, чтобы достать несколько фунтов хлеба, испеченного из испорченной и вредной для здоровья муки!

Под влиянием недовольства, возросшего до негодования, народ Парижа громко роптал и угрожал самой беспощадной местью тем, кого он обличит как виновника скрытых козней, приведших к этому страшному голоду. Народ обвинял городской продовольственный комитет и всех, имевших, по-видимому, отношение к делу продовольственного снабжения, в том, что они между собой сговорились с преступной целью уморить голодом граждан, делая вид, будто они принимают какие-то меры, хотя они заведомо знали, что эти меры недостаточны для создания изобилия. Когда люди страдают от голода, они не могут быть особенно миролюбивыми. Быть может, правильнее было бы думать, что в столь сложном положении трудно найти средства, которые более других способны дать столь необходимый и желательный эффект, и что действовали вполне добросовестно те, кто, с целью предотвратить нехватку продовольствия или хотя бы ослабить ее, пробовали применять то одно, то другое средство, о ценности которых мы скоро сможем судить.

Поскольку в ежедневные наши наблюдения входит и задача рассмотрения деятельности различных дистриктов столицы, мы рады возможности с самого начала обратить благожелательное внимание на один из тех дистриктов, которые особенно хорошо проявили себя в различных событиях революции.

Этот дистрикт называется Сен-Никола-де-Шан. Это он принял 2 сентября сего года энергичное и мудрое постановление по вопросу о вето[30]. Это он 5 октября, несмотря на сильную оппозицию, первым отправился в столь важный поход на Версаль. Это он 30 того же сентября месяца имел мужество принять решение: «Установить дневные и ночные караулы, состоящие из неоплачиваемых граждан-добровольцев, у ворот Дома инвалидов и у Военной школы, где расположены продовольственные склады города Парижа, и предложить всем дистриктам принять таким же образом участие в охране запасов зерна и муки.

Настоятельно просить продовольственный комитет во имя общественного благополучия, полностью от него зависящего, неустанно заниматься тем важным делом, для которого он учрежден, и обдумать, не будет ли полезно принять исходящие от различных, соседних со столицей, муниципалитетов предложения доставлять в Париж печеный хлеб с тем, чтобы им можно было свободно его продавать наравне с булочниками».

Сколько благородной и похвальной смелости в этом постановлении! В нем высказываются подозрения, что скудные запасы, хранящиеся на складах Парижа, тайно вывозятся какой-то предательской лигой, которая поклялась уморить голодом жителей столицы. В нем предлагаются меры предосторожности, дабы отразить удары этого коварного сброда. В нем заклинают другие дистрикты поддержать столь полезные усилия. В нем обращаются к продовольственному комитету с настойчивым требованием, «во имя общественного благополучия, полностью от него зависящего, неустанно заниматься тем важным делом, для которого он учрежден». Это очень настоятельная просьба, к тому же в ней есть какой-то оттенок достоинства и энергии, звучащий как призыв и напоминающий о неотложном долге, которым пренебрегали. Как мы уже сказали, когда мы действуем под влиянием столь неодолимой потребности, как потребность в пище, мы не очень сдержанны. Мы можем иногда обвинять кого попало. Тем, к кому была обращена эта властная речь, пришлось выслушать немало саркастических замечаний. Говорили и писали, что люди не могут питаться высокопарными словами, что народ никогда не снабжался продовольствием так плохо, как с тех пор, когда придумали эти продовольственные комитеты, и т. д. ... и т. д. ... Эти насмешки, полные горечи, не сопровождались той неизменной веселостью, которая обычно не покидает французов в несчастиях. Вид этих людей, совершенно удрученный, говорил о том, что их страдания дошли до предела.

Выдвинутое дистриктом Сен-Никола-де-Шан предложение обдумать, не будет ли полезно принять исходящие от различных, соседних со столицей, муниципалитетов предложения доставлять в столицу печеный хлеб, который им будет разрешено свободно продавать наравне с булочниками, было, несомненно, разумным. С одной стороны, оно, безусловно, давало возможность обеспечить

увеличение количества продовольствия. А с другой стороны, так как вполне вероятно, что хлеб, доставляемый этими поставщиками со стороны, будет не такого плохого качества, как тот, который столичные булочники изготовляют из испорченной муки, то последние были бы, естественно, вынуждены, чтобы не отставать в сбыте своей продукции, найти средства, которые позволили бы им не торговать вредными и испорченными продуктами питания.

Но вскоре мы увидим, каковы были первые заботы продовольственного комитета в том деле, ради которого, как это ему напомнили, он был учрежден.

Четверг 1 октября

Комитет муниципалитета обнародовал следующее постановление:

«Члены комитета, будучи осведомлены о том, что разрешениями, которые они, совместно с комитетом полиции, выдавали только для того, чтобы облегчить пересылку печатных изданий по почте, злоупотребляют как при объявлении, так и при распространении сочинений, число которых увеличивается благодаря свободе; полагая, что таковые разрешения, которые испрашивались и продлевались только в силу привычки, создают почву для опасных истолкований и заявлений, постановили, что эти разрешения не должны впредь ни предоставляться, ни быть предметом отказа и должны быть сняты со всех сочинений, на которых они были проставлены; всем типографам запрещается проставлять их на печатаемые ими сочинения.

Комитет приказывает настоящее постановление напечатать и послать в синдикальную палату для сообщения всем типографам».

Общественное мнение нашло предписания этого акта муниципалитета двусмысленными; он был истолкован по-разному. Одни сочли, что комитет таким образом признавал, что он не имел права создавать некую цензуру, по сути ничем не отличавшуюся от существовавшей при старом порядке и столь безоговорочно всеми осужденной; что это постановление содержало в себе также молчаливое признание того, что никто не вправе вступать в противоречие с декретами Национального собрания и что представители Коммуны хорошо поняли наконец статью XI Декларации прав человека, гласящую, что каждый гражданин может свободно говорить, писать и печатать. Другие, наоборот, в словах «создают почву для опасных заявлений» и в распоряжении о посылке постановления в синдикальную палату видели намерение затянуть еще сильнее те путы, которыми уже начали ограничивать свободу писателей. В самом деле, что значит «опасные заявления»? Неужели представители Коммуны думают, что, отменив разрешения, которые продлевались и испрашивались только в силу привычки, разрешения, которые они поначалу сочли необходимыми для того, чтобы способствовать распростране-

нию сочинений, число коих выросло по необходимости и в связи с событиями, а затем решили больше не давать этих разрешений и не отказывать в них, неужели они думают, говорим мы, сделать таким образом невозможным распространение этих сочинений и перехватить на лету «опасные заявления»? По крайней мере часть граждан именно так поняла их намерения и была этим встревожена, считая этот акт прямым нарушением свободы печати, столь торжественно признанной Национальным собранием частью естественных и неоспоримых прав человека. Это предписание было сопоставлено с тем, коим представители Коммуны ранее уполномочили национальную гвардию изымать у всех розничных торговцев различные сочинения, не снабженные разрешениями, которые сейчас они объявляют бесполезными. Это противоречивое поведение представляется, однако, преследующим постоянно одну и ту же цель. На первых порах можно было тешить себя надеждой на то, что если лишить писателей возможности публиковать сочинения, не скрепленные цензорской печатью муниципалитета, то будут появляться издания только таких публицистов, которые, по всей вероятности, не посмеют сказать ничего не угодного, поскольку они полностью зависят от комитета полиции, разрешения которого они получают. Этим путем рассчитывали устранить все те дерзкие памфлеты, которые уже начали осыпать насмешками и обзывать листками, уносимыми ветром *, и которым вменяли в вину то, что правду в них показывали чересчур обнаженно. Но что же получилось? А то, что все, кто почувствовал вкус к писанию, придавали своим сочинениям форму периодических изданий и превратились в газетных писак. Маленькая хитрость, к которой прибегали, заключалась в том, что выпускали «первый номер», весьма умеренный, и различными уловками добивались возможности в конце его проставить благодетельное разрешение. Под сенью его кипучий редактор, воспламененный постоянным пребыванием в атмосфере, где как будто все время звучало слово «свобода», упивался наслаждением, которое дает использование «одного из самых ценных прав человека», права «свободного изложения своих мыслей и мнений»; в этом, говорил он самому себе, заключается общая привилегия, признанная статьей XI Декларации прав.

С другой стороны, солдатам национальной гвардии не нравилось выполнение тягостных обязанностей ц е н з о р о в. Они поня-

* Мы допускаем, что среди сочинений, порожденных первым порывом свободы, было немало ничтожных, но не надо думать, что только объемистые тома заслуживают внимания читателей. Среди различных сочинителей этих легких листков, веселивших и просвещавших наших французов и зажигавших в них огонь, укреплявший и очищавший гражданский дух, нельзя было не восхищаться сочинениями одного подлинного патриота, которые он издал одно за другим под заглавиями «Письма к королю, к королеве, к графу д'Артуа, к брату короля, к королевскому цензору, письма короля Англии, папы, султана» и т. д....

ли, что, исполняя эту миссию, к которой далеко не все имеют расположение, они были лишь послушными орудиями в руках людей, все еще боящихся великих истин. Они сказали себе, что, несомненно, национальная гвардия была создана для более благородных целей, и задумались над тем, какой смешной будет выглядеть за рубежом тридцатитысячная гражданская армия, сформированная в столице государства, считающегося свободным, когда она постоянно будет занята проверкой «разрешений городского муниципалитета», заменивших прежние «разрешения», подписанные де Кроном [31].

Таким образом и произошло смягчение тяготевшего над газетами инквизиторского режима. Полагают, что комитет полиции, узнав, как злоупотребляли его разрешениями и как мало толку от них, решил объявить их бесполезными и запретить пользоваться ими как прикрытием *. Но многие считали, что комитет не отказался от намерения сократить число печатных изданий, которые, как говорили, наводнили все кругом. Слово «наводнение» стало распространенным. Писатель, жалующийся на то, что его сочинение не продается, несмотря на его выдающиеся достоинства, человек, занимающий высокий пост и находящий иногда в публикуемых сочинениях неприятные для себя картины, щеголиха, считающая их смертельно скучными,— все единодушно кричат о наводнении. Но не будем отвлекаться. Как мы уже сказали, многие думали, что комитет полиции не отказался от намерения укротить, как выражались некоторые, манию печатать и писать. Выпад относительно «опасных заявлений» был понят как подготовка к запрещению в ближайшее время всяких заявлений, а постановление о посылке в синдикальную палату рассматривалось как демонстративное признание учреждения, осужденного общественным мнением, и как попытка возрождения обычаев старого порядка, который все добрые патриоты единодушно старались свергнуть.

В тот же день, 1 октября

Представители Коммуны обнародовали и другое постановление: «В соответствии с представлениями городского административного комитета о необходимости определить, кто будет решать вопросы, вызванные многочисленными трудностями, связанными с раскладкой и взиманием налогов, Коммуна постановила, что дела по налогам ниже 25 ливров будут в исключительном ведении господина мэра и что дела о налогах, превышающих указанную сумму в 25 ливров, он будет разбирать совместно с комитетом, образованным администрацией города».

---

* Мы полагаем, что не было бы ничего плохого, если бы писатели прикрывались тем щитом, который представляет собой статья XI Декларации прав человека, и воспроизводили бы ее текст вместо всяких других разрешений.

Происходящие события дают возможность наблюдательному человеку сделать много важных замечаний. Бесчисленные трудности встречаются на пути взимания налогов. В чем причина этого? Несомненно, в том, что мы не стали подлинными гражданами, в том, что внутренние распри, интриги, которые пускают в ход враги общественного блага с целью продолжить наши страдания под железным скипетром, все это заглушает в нас патриотические чувства и делает нас равнодушными к священнейшему долгу. Почему же с нами продолжают говорить языком произвола? Термин «налогообложение» может только коробить людей, устремленных к свободе. Стоит поразмыслить о влиянии, которое может иметь на нас та или другая манера изъясняться. Послушаем, что говорится об этом в начале одной книги, которая на днях выйдет в свет и где излагается система «единого налога». Эта книга озаглавлена «Постоянный кадастр» [32].

«Мы сочли нужным начать с определения наименования, которое подобает дать гой сумме, каковую должен платить государству каждый гражданин. «Налог» представляется нам самым подходящим словом. До наших дней самым общеупотребительным было слово «побор». Но новые времена порождают новые привычки. Взимают поборы с рабов, принуждая их участвовать в покрытии расходов деспотического правительства, и вследствие этого принуждения люди, доведенные до жалкого состояния мучительного рабства, постоянно проявляют величайшее отвращение к выполнению своих повинностей. Свободные граждане, наоборот, считают за счастье способствовать всеми силами удовлетворению потребностей родины, и чувства, внушаемые прекрасными и проникновенными словами «гражданин», «родина», «свобода», таковы, что тот, кто принес своей стране самые большие жертвы, испытывает самое сладостное счастье».

Нетрудно найти доказательства этих неизменных истин. Они у нас перед глазами. Посмотрите, читатели, с каким рвением платят французы взнос, которому дали название «патриотического дара, или приношения»! Разве так платят, когда идет речь о повелительном и отталкивающем наименовании «побор»? *

Пятница 2 октября

Следующий документ появился под заглавием: «Обращение собрания представителей Коммуны».

«В связи с тревожными слухами, распространяемыми среди публики плохо осведомленными, а быть может, и злонамеренными людьми, о том, что якобы мельницы в Корбей не работают, что у булочников нет муки потому, что городской рынок не снабжается, что в Военной школе скрыто большое количество муки,

---

* *См. ниже, стр. 305 и стр. 381, прим. 4.*

что, наконец, большая часть этой муки опасна и вредна для здоровья граждан, продовольственный комитет счел необходимым обратиться к общему собранию с представлением о том, что его долгом и заботой является уведомить публику о лживости этих утверждений и положить конец множеству депутаций от различных дистриктов, которые, действуя по побуждению отдельных лиц, непрестанно обращаются со своими опасениями к общему собранию и продовольственному комитету и отвлекают их от дел, которые одни только могут восстановить порядок и спокойствие в столице».

В подтверждение этих утешительных заявлений в воззвании сообщалось также, что г-н Кузен, делегированный Коммуной в Корбей и разные другие места, написал, что в результате многих мероприятий и расследований он констатировал, что все обстоит самым лучшим образом.

Поэтому собрание сочло своим долгом заверить общественное мнение, «что зло существует больше в воображении, чем в действительности, и оно отметило, что если бы враги общественного блага не возбуждали брожения, смущающего спокойствие граждан посредством речей, сеющих тревогу и побуждающих многих граждан закупать хлеба больше, чем это необходимо для их ежедневного потребления, то принятые меры были бы еще успешнее, тем более что мэр и собрание представителей Коммуны обеспечили свободу торговли и предложили главнокомандующему организовать охрану дорог и рынков, и распоряжения, продиктованные его мудростью и активностью, должны были восстановить спокойствие».

Поистине очень интересно наблюдать за тем, насколько внимание общества приковано к действиям тех, кто управляет. Можно было услышать, как некоторые граждане громко восклицали, что подчеркнутое спокойствие, которое изображали в обращении от 2 октября, не могло рассеять опасений, к сожалению, весьма обоснованных; что жителей столицы никак нельзя убедить не бояться гибели от голода, когда они уже чувствовали его страшные удары; и что бы ни обнаружил господин Кузен, оставалось фактом, что весь Париж чувствовал себя близким к гибели от истощения; что смешно утверждать, будто бы зло существует лишь в воображении и вызвано тем, что некоторые люди обрекали других на голод, закупая больше, чем им было необходимо для их повседневного потребления. Это невозможно, говорят в публике, потому что хлеб распределяется все более скупо: тот, кто после нескольких часов стояния в очереди мог получить два фунта хлеба, должен считать, что ему очень повезло. И вдобавок разве не оскорбительно для нашей способности к суждению утверждать, вопреки свидетельству всех жителей Парижа, у которых чувство вкуса ничуть не притупилось, будто не верно, что мука испорчена и приобрела опасные качества? Это уже переходит всякую меру, когда население великой столицы пытаются уверить в чем-то вопреки очевидности... Разве так представители должны отве-

чать делегациям дистриктов, от которых они получили свои полномочия и которым как доверителям они обязаны дать отчет о своих действиях и просить о том, чтобы их санкционировали? Разве эти дистрикты, обращаясь к ним с потрясающим описанием общих бедствий, ждут от них лишь фраз, направленных к тому, чтобы отвлечь внимание от великих страданий родины? Такой обман не может длиться долго. Когда собрание дистрикта Сен-Никола-де-Шан 30 сентября заклинало продовольственный комитет (см. выше) «во имя общественного благополучия, полностью от него зависящего, неустанно заниматься тем важным делом, для которого он учрежден», оно, это собрание, вероятно, не ожидало получить утешительный ответ, что долгом и заботой комитета является «положить конец множеству депутаций от различных дистриктов, которые, действуя по побуждению отдельных лиц, непрестанно обращаются со своими опасениями к общему собранию и продовольственному комитету и отвлекают их от дел, которые одни только могут восстановить порядок и спокойствие в столице».

Трудно дать представление о недовольстве, вызванном этой жалобой на назойливость, выраженной с подчеркнутой горечью уполномоченными в адрес своих доверителей. Эти властные выражения «положить конец» и упрек в «отвлечении» вызвали недовольство у всех тех, кто это заметил. Публика находила, что не подобает интендантам и простым уполномоченным изъясняться таким языком. Дело не ограничилось криками «к порядку». Началось настоящее возбуждение в умах, и с этого момента готовится то великое брожение, особенности которого нам еще предстоит описать.

Суббота 3 октября

В этот день комитет полиции получил донесение о сочинении, озаглавленном: «Восстание евреев в Авиньоне, или Черный заговор против вице-легата», подписанном Мартеном, бывшим консулом города Авиньона, и напечатанном в типографии Моморо [33], именующего себя первопечатником национальной свободы, улица де ла Арп, № 160.

Постановление об осуждении этого сочинения по тону похоже на обвинительный акт, и вместе с тем нельзя не заметить, с каким достоинством сформулировано следующее положение:

«Приказываем до судебного решения произвести расследование по поводу этого факта, способного вызвать тревогу и распространить опасную вражду к категории граждан, чье гражданское состояние признано законом».

Действительно, давно пора освободиться от фанатических предрассудков, которые так долго способствовали тому, что этот мирный народ был несчастной жертвой преследований со стороны всех сект. Должно быть, обвинения, содержавшиеся в сочинении, подписанном «Мартен», и направленные против людей, которым никогда не был свойствен никакой мятежный дух, были совер-

шенно неправдоподобными, коль скоро комитет полиции на основании простого письма, адресованного председателю этого комитета неким г-ном аббатом Нарди, агентом в Авиньоне, объявил мятежными, лживыми и клеветническими содержавшиеся в этом сочинении утверждения и призвал всех граждан не верить им, «равно как и множеству других сочинений, порожденных корыстолюбием и злобой».

Последняя фраза представляется неуместной и лишенной смысла. Зачем так обобщать осуждение, которое относится только к определенному предмету? Не значит ли это, что такое презрение, в равной мере распространяющееся на все сочинения, с которыми одни граждане обращаются к другим гражданам, имеет целью отбить у них желание заниматься интересами родины и отвлечь их от стремления осведомлять друг друга обо всех вопросах, относящихся к этому важному предмету? Неужели гневаются на то, что граждане теперь увлекаются этими важными вопросами и рассматривают их как свое личное и главное дело? Неужели хотят, чтобы, как раньше, когда во Франции не было ни малейшего представления о патриотизме, люди оставались равнодушными и пассивными к судьбе государства, к сменяющимся событиям, возбуждающим такой интерес к ее истории у всех наций? Если глаза всей Европы постоянно прикованы к любым обстоятельствам наших революций, если любая их черта отмечается ею, чтобы войти в качестве одного из лучших украшений в общую историю народов, то как можем мы остаться безучастными и невнимательными зрителями ряда столь достопамятных событий? Остается изыскать способ лишить нас способности читать, дабы спасти нас от опасности впасть в заблуждение при знакомстве со зловредными сочинениями, которыми кишит столица. Но нас только призывают «не верить множеству сочинений, порожденных корыстолюбием и злобой». Было бы очень полезно установить клеймо, по которому можно было бы точно отличить те сочинения, которые заслуживают такого осуждения.

Воскресенье 4 октября

На собрании Коммуны опять были оглашены жалобы на якобы слишком большую свободу печати. Первая из них была как бы прелюдией к другой, обсуждение которой вызвало еще больше интереса и отличалось еще большей пылкостью. Речь шла об обвинении, направленном против г-на де Жоли[34], одного из секретарей, адвоката и одного из шестидесяти администраторов муниципалитета. Он сам огласил свое заявление. Оно было направлено против № 24 газеты «Друг народа», издаваемой г-ном Маратом. Подвергшийся нападкам секретарь обратился к собранию с речью, в которой напомнил, что в различных номерах «Друга народа» содержались клеветнические выпады против администрации Коммуны, обвинения в адрес большинства ее членов, особенно против ее

должностных лиц, и что, наконец, его, секретаря, обвинили и изобразили как одного из членов администрации, наименее разборчивых в средствах.

«До сих пор,— сказал он,— поскольку меня обвиняли наряду со всеми членами Коммуны, я должен был следовать той линии поведения, которой она придерживалась. Но сегодня, господа, я лично стал мишенью для нападков. В номере 24 меня обвиняют в вероломстве, подлоге, изъятии документа, в фальсификации текста постановления, в недостойном злоупотреблении доверием в деле, связанном с интересами г-на маркиза де Р., и т. д. ...» В дальнейшем г-н де Жоли воздал самому себе кучу похвал, ужасно громил номер 24 «Друга народа», нападал на него, потребовал примерного наказания, положил свою жалобу на стол президиума и удалился.

После чего собрание, ознакомившись с упомянутым номером газеты, воздало великую хвалу г-ну де Жоли, решительно осудило «Друга народа», заявило, что для обвинения характерны лживость «и преступная распущенность, выражающаяся в злоупотреблении разрешением говорить все, что угодно». А посему оно одобрило поведение г-на де Жоли, засвидетельствовало ему свое уважение и абсолютную уверенность в том, «что обвинения против него лживы и голословны», рекомендовало ему обратиться в судебные органы, чтобы получить полное удовлетворение, соответствующее оскорблению, которое осмелились ему нанести и которое еще увеличили, придав его гласности.

Г-н Марат — глупый и злой человек, если он выступил с указанными выше обвинениями без доказательств. Он — ревностный патриот и, как он себя называет, Друг народа, если обоснованы все эти обвинения против муниципального должностного лица, честность которого имеет важное значение для всех, кто подчинен той администрации, в которой он сотрудничает.

Поскольку большая часть обвинений относится к действиям, совершенным им в качестве члена Коммуны, то, конечно, было правильно, что она первая и воздала справедливость г-ну де Жоли. Затем его направили в судебные органы, чтобы дать его противнику возможность представить доказательства, а также для подробного рассмотрения обвинения, относящегося к маркизу де Р., по которому собрание Коммуны не могло произвести расследования. Такой ход дела был совершенно правильным. Конечно, именно так всегда следует поступать в отношении тех, кто предается «преступной распущенности, выражающейся в злоупотреблении разрешением говорить все, что угодно».

Тревога из-за черных кокард [35]

В воскресенье 4 октября весь день только и было разговоров в Париже, что об этой тревожной новости. Народная молва уверяла, что в Пале-Рояле, в Тюильрийском саду и в других ме-

стах для прогулок какие-то люди дерзко прохаживались с этими антипатриотическими кокардами. Это, конечно, была глупость, столь же дерзкая, сколь неблагоразумная. С одной стороны, эти люди подвергали себя риску очень опасных нападений, причем силы сражающихся были бы отнюдь не равны. С другой стороны, демонстративно носить этот символ мятежа означало некстати раскрыть готовящуюся интригу. Мы не можем понять, какие скрытые мотивы побудили зачинщиков этого гнусного заговора столь нагло презирать неотвратимые опасности, неизбежно вытекавшие из их поведения. Как бы там ни было, тот двойной результат, который мы только что предсказали, не замедлил последовать. Те, кто имел преступную дерзость открыто носить вражескую кокарду, подверглись тому обращению, которое, должно быть, заставило их раскаяться в своей браваде. После этого уже не оставалось сомнений в истинности распространявшихся слухов о готовящемся заговоре, и тревога, которую все разделяли, способствовала тому, что все стали думать о мерах предосторожности, способных сорвать планы партии заговорщиков.

В этот воскресный день примечательным было еще и то, что многие, опасаясь, очевидно, как бы силы вражеской лиги не оказались превосходящими силы национальной партии, проявили свой нейтралитет тем, что не носили никакой кокарды, и это недостойное малодушие глубоко огорчило патриотов.

Дистрикт Кордельеров[36] вынес по этому поводу энергичное постановление, которое, благодаря вдохновляющему его чистому и пылкому патриотическому чувству, заслуживает занять почетное место в наших летописях. Оно принесет его авторам вечную славу, и наше желание воспроизвести здесь его волнующие и возвышенные выражения тем сильнее, что оно содержит гораздо более подробное описание версальской оргии, чем то, которое мы смогли дать в нашем первом номере.

«Дистрикт Кордельеров, собравшись сего дня на законное и чрезвычайное собрание, осведомленный газетами и сообщениями очевидцев о том, что в четверг 1 сего месяца в Версале, в зале Оперы, господами офицерами лейб-гвардии был дан обед господам офицерам Фландрского полка, на который были приглашены также господа офицеры полка Трех епископств, драгунского, швейцарской гвардии, версальской национальной гвардии, конной жандармерии, полевой жандармерии — всего 250 человек; что после здравиц за короля, королеву и дофина (за нацию не пили) оркестром Фландрского полка был исполнен мотив «О, Ричард, о, мой король!» и т. д.; что несколько гренадеров и стрелков из вышепоименованных частей были туда приведены, чтобы присоединиться к обществу своих офицеров и разделить с ними их чувства и возлияния; что один гренадер обнажил свою саблю, говоря, что он плохо защищал своего короля, как будто служить нации значит изменить своему королю; что национальная кокарда подверглась поруганию — ее заменили черной, а затем белой

кокардой; что там заявляли во всеуслышание, что только она хороша, хотя король и Национальное собрание и даже все королевство после взятия Бастилии и прибытия короля в Париж постоянно носили цвета красный, синий и белый; что подобное оскорбление, нанесенное символу свободы и самой нации, которая будет ее защищать до последней крайности, может быть только делом той аристократии, чей дух восстанавливается, растет и оживляется из дня в день, даже в Национальном собрании, как это показывают взгляды, одержавшие верх в делах Орлеана, Макона и Мариембура; что подобное пиршество, устроенное в такое время, когда все добрые граждане жертвуют для блага Франции частью своего пропитания, является надругательством над общественным бедствием; что взгляды тех людей, которые себе это позволили, так же как и их патриотизм, вызывают обоснованные подозрения, чтобы не сказать больше, если припомнить, что дню, назначенному для осуществления рокового замысла, сорванного бдительностью честных граждан, предшествовала подобная же оргия; что черные кокарды, которыми украшают себя некоторые личности в столице, должны внушать добрым гражданам если не страх, то по меньшей мере обоснованное недоверие; особенно ежели принять во внимание, что в настоящее время уже декретированные принципы Конституции и Декларации прав поставлены в зависимость от утверждения короля [37], и от этого простого утверждения зависит спасение родины,

постановил единогласно:

что каждому гражданину Парижа и даже каждому проживающему там иностранцу снова и весьма настоятельно предлагается сохранить или немедля приобрести национальную кокарду красного, синего и белого цвета;

что каждому французу или иностранцу, который пройдет по территории дистрикта с черной или белой кокардой, первым же дежурным стрелком будет предложено снять таковую и прикрепить национальную, а в случае отказа снять осужденное украшение он будет приведен в дистрикт для допроса, и общее собрание вынесет должное решение. В случае если собрание не заседает, обвиняемый будет отведен в Ратушу, где предстанет пред комитетом полиции, который вынесет и затем сообщит свой приговор;

что, в случае если правонарушитель будет повторно уличен в том же поступке, будь то в данном дистрикте или в одном из 59 других, и это будет доказано, ему будет предъявлено обвинение в измене родине, и он будет передан органам юстиции для проведения и завершения судебного процесса вне очереди и немедля;

что все дистрикты, которым будет сообщено настоящее постановление, призываются единодушно требовать наказания за нанесение национальной кокарде оскорбления, и данный дистрикт

особо подчеркивает, что, по его мнению, родина переживает величайший кризис, поскольку она ожидает королевского утверждения Конституции, и что нельзя ни на минуту оставаться разоруженными или разъединенными, если мы не хотим, чтобы Париж был ослаблен голодом в результате то ли недоразумения, то ли тайных происков, вследствие чего эта столица, а затем и все королевство были бы ввергнуты в ужасы войны, которую лучше предотвратить, чем вести, но которая будет нам угрожать до тех пор, пока Конституция не будет торжественно принята;

наконец, поскольку всякое чрезмерное спокойствие, всякое проявление равнодушия к общественному спасению были бы непростительны в столь критический момент и могли бы повлечь гибельные последствия, дистрикт постановляет немедленно делегировать в муниципалитет комиссаров, которые будут настаивать перед Коммуной на том, чтобы главнокомандующему было предписано отправиться завтра, в понедельник 5-го, в Версаль лично к королю и потребовать от имени всех граждан Парижа срочного вывода Фландрского полка и призвать упомянутых граждан помочь их версальским братьям, чтобы вместе с ними обеспечить охрану дворца, если обстоятельства этого потребуют.

Собрание приняло решение немедленно отпечатать настоящее постановление, послать его общему собранию Коммуны и во все дистрикты, а также расклеить на улицах».

Этот документ, как можно видеть, опровергает утверждение тех, кто уверяет, что поход на Версаль был следствием необдуманного и опрометчивого движения женщин и рабочих столицы, не очень сознававших причины своего решения, и был осуществлен лишь под воздействием какого-то головокружительного и мятежного порыва, и что они одни своими необдуманными действиями вынудили парижскую национальную гвардию прийти им на помощь в осуществлении их замысла. Мы видим, что дистрикты уже помышляли о необходимости отправиться в Версаль, и это было признано неизбежным как для того, чтобы добиться удовлетворения за оскорбление, нанесенное патриотической кокарде, так и для ускорения королевского утверждения декретированных статей конституции, для срыва коварных замыслов явного заговора, для предотвращения бедствия готовой вспыхнуть гражданской войны, для удаления раболепной солдатни, подло подчинившейся намерениям врагов нации, и для того, чтобы положить конец тайным проискам, направленным к тому, чтобы посредством голода ослабить Париж и все королевство.

Собранию Коммуны, по-видимому, постановление дистрикта Кордельеров вовсе не показалось несвоевременным. Оно сочло нужным выказать готовность поддержать его распоряжения и тоже опубликовало постановление, предписывающее не носить других кокард, кроме с самого начала признанной всеми гражданами и самим королем в качестве символа братства. Оно приказало главнокомандующему принять меры для выполнения этого

декрета и, что, пожалуй, небесполезно отметить, приказало разослать его всем дистриктам и многим муниципалитетам в окрестностях Парижа.

Понедельник 5 октября

Замечательное постановление дистрикта Кордельеров, несомненно, предупредило собрание Коммуны о готовящемся народном восстании; и мы думаем, что это не в малой степени способствовало тому, что утром Ратуша оказалась пустой и покинутой на произвол тех, кто совершил там нечто вроде грабежа.

Впрочем, выражения недовольства народа Парижа отнюдь не были столь двусмысленны, чтобы представители Коммуны не могли предвидеть готовящейся бури. Их патриотические чувства, изложенные в принятом накануне постановлении о защите национальной кокарды, не прекратили громкого ропота, направленного против них, особенно против продовольственного комитета. Этот ропот удвоился, когда граждане различных состояний, устремившись внутрь Ратуши, обнаружили там множество новеньких ружей, хранящихся на складе, числом, говорят от 10 до 12 тысяч, которыми все и завладели. Люди делали самые неблагоприятные выводы из того факта, что, хотя в центре столицы хранилась столь значительная партия оружия в хорошем состоянии, несколькими днями ранее распределяли по дистриктам старые ружья из расчета по одному ружью на двадцать солдат, которым предложили разыграть его по жребию. Тот загадочный на первый взгляд факт, что народ устремился в Ратушу как бы под влиянием некоего тайного наущения, некоторые объясняли тем, что кто-то предал широкой гласности свою уверенность в существовании этого склада оружия, а то, что его не распределили между гражданами-солдатами, было не только скандально, но и внушало недоверие.

Чтобы завершить наш отчет об этом памятном дне 5 октября, нам остается рассказать о нескольких отдельных фактах, опущенных в нашем предыдущем номере, и которые, действительно, по своему характеру должны быть описаны отдельно от главного повествования.

Бегство г-на Видо де ла Тура, которого задержали при выезде из Парижа, и то обстоятельство, что, когда его отвели домой, мебель из его особняка оказалась вывезенной, породило сильное подозрение, в связи с чем сочтено было благоразумным взять его под стражу.

Знаменитая утренняя сцена в Ратуше, откуда муниципалитет сбежал, дала основание для предположений, что он мог навсегда покинуть пост, который все его члены явно считали опасным. Уже подумывали о новом составе. Но когда к вечеру тучи немного рассеялись, члены муниципалитета опять появились. Они убедились, что надо было срочно заняться успокоением граждан, настроение которых сильно испортилось. Они сказали себе, что не-

обходимо принять действительно серьезные меры, и тут же составили и опубликовали постановление, гласящее:

«Ввиду того, что г-н главнокомандующий предоставил в распоряжение Коммуны все подчиненные ему военные средства, чтобы способствовать обмолоту зерновых, доставке зерна на мельницы, помолу и перевозке в Париж.

Коммуна постановила немедленно послать отряды во все соседние деревни для принятия зерна, которое окажется у откупщиков десятины и других владельцев зерна, для его обмолота, распределения по окрестным мельницам и доставки муки в Париж.

Они уполномочены нанимать для молотьбы добровольцев, которые окажутся в дистриктах, особенно тех, у кого нет работы.

Господа начальники воинских подразделений уполномочены продвигать отряды по дорогам, которые им будут указаны. Каждому командиру будет разрешено приступать к работе с соблюдением возможно большей осторожности и умеренности, и для участия в этой операции будут посланы также гражданские должностные лица.

Командиры отрядов будут уполномочены гражданскими должностными лицами распределять свои части по деревням, прилегающим к каждой дороге, и один командир батальона будет назначен для руководства действиями каждого воинского подразделения. Командиры будут уполномочены платить за зерно из расчета тридцать ливров за сетье* пшеницы, причем владелец может обратиться к Коммуне с любой справедливой жалобой на цену зерна в уверенности, что ему будет воздано должное; само собой разумеется, что запасы, необходимые для посевов на следующий год и для пропитания жителей, не будут затронуты».

Только осуществление таких мер способно в нынешних обстоятельствах устранить голод, который мы испытываем среди изобилия. В одном из ближайших номеров мы изложим одну из главных причин, вызывающих этот голод, и докажем, что до тех пор, пока мы не придем к еще более решительной таксации, чем та, которая предписана в только что приведенном нами постановлении, мы всегда будем под угрозой нехватки, и никакие продовольственные комитеты не спасут нас от мучений голода.

Вторник 6 октября

Трудно описать охватившее Париж беспокойство относительно результатов похода в Версаль более чем двадцати тысяч граждан, судьбой которых было столь естественно интересоваться. Можно было только надеяться, что они вернутся оттуда с триумфом. Хотелось услышать о том, что они не пролили там много

* *Сетье — старинная мера сыпучих тел, равная 156 литрам.*

крови, и все постоянно повторяли главный припев: «Дай бог, чтобы они смогли привезти нам хлеба!»

С самого утра Коммуна опубликовала принятый накануне декрет Национального собрания о свободе обращения зерна внутри страны, обязывающий тех, кто занимается перевозкой зерна и муки морским путем, представлять об этом точную декларацию муниципалитетам мест отправления и погрузки, а также доказательства их прибытия и разгрузки в местах их назначения в виде свидетельств, выдаваемых муниципалитетами этих мест; вывоз за границу временно запрещен.

К этому декрету был приложен другой акт Национального собрания от того же 5-го числа, в котором оно констатирует, что его предыдущий декрет от 18 сентября, содержащий такие же предписания, вовсе не соблюдается. Собрание просит санкции короля.

Ответ е[го] в[еличества] последовал в виде приказа безотлагательно доставить в Париж зерно, которое, как говорят, было задержано в Санлисе, Ланьи и других местах.

Вечером, после новых настоятельных просьб Национального собрания о принятии мер по снабжению Парижа продовольствием, от короля последовал ответ, «что он чувствительно озабочен недостаточностью снабжения столицы, что он и дальше будет поддерживать усилия муниципалитета всеми средствами, которыми он располагает, и что он отдал приказы об обеспечении свободного обращения зерна и о перевозке зерна, направляемого в Париж».

Все это — одни слова, говорил народ Парижа, от этого не прибавится ни одного фунта хлеба в лавке у булочника. Но прибытие короля и королевы в Париж вечером этого памятного вторника 6 октября внезапно и как бы в результате подлинного чуда превратило дурной хлеб в хороший, и столь же чудесным образом он появился в таком изобилии, что французы, к которым сразу вернулась присущая им веселость, говорили: «Теперь мы ни в чем не будем нуждаться; мы привезли сюда Булочника и Булочницу».

Однако были люди, которые давали объяснение этому явлению, говоря, что оно было результатом разгрузки множества телег с мукой, следовавших в обозе их величеств, и что эта мука привезена из обширных складов зерна, находящихся при конюшнях графа д'Артуа.

Рано утром Коммуна опубликовала извещение, в котором она доводила до сведения граждан, что парижская национальная гвардия не встретила в Версале никаких препятствий; что король оказал ей милостивый прием; что его величество утвердил статьи конституции; что он решил, что отряд парижской национальной милиции примет участие в его личной охране; и что наши отряды уже заняли все посты.

В извещении добавлялось, что Коммуна принимает самые действенные меры для обеспечения города продовольствием. После

того, что мы изложили выше, можно задуматься, правдоподобно ли, что именно мерам, обещанным представителями Коммуны, граждане обязаны быстрым возвращением столь желанного изобилия, в котором они испытывали неотложную нужду.

Никого не удивило заверение о том, что наша сторона не встретила никаких препятствий в Версале. Что можно было противопоставить двадцати двум пушкам, четырем тысячам женщин и двадцати тысячам мужчин? Силу всегда принимают хорошо. С удовлетворением было встречено известие об утверждении королем статей конституции и другие приятные новости, доведенные до сведения жителей столицы.

К вечеру последовало еще одно извещение, доводившее до сведения граждан, что король, королева и королевская семья находятся на пути в Париж. Добавлялось, что утром лейб-гвардейцы принесли ту же присягу, что и национальные войска, и братски смешались с ними под знаменами парижской национальной гвардии.

Общественное мнение было глубоко тронуто этой братской преданностью, проявленной лейб-гвардией его величества.

Об интересном случае рассказал г-н Атри-сын, проживающий на улице Ломбар, в дистрикте Сен-Жак де ла Бушри.

Проходя около десяти часов против Королевского моста, он увидел экипаж, стоявший вблизи рва, где находится швейцарец, охраняющий вход в сад Тюильри. Он заметил человека, спускавшегося с крыш небольших построек, прилегающих к этому входу. Человек этот держал в руках какой-то объемистый пакет, который он поспешно кинул в экипаж, тут же сам вскочил в него и сразу же помчался к другому экипажу, ожидавшему в 40 шагах, и оба экипажа отправились во всю прыть по направлению к Версалю. Свидитель добавил, что ему кажется, что это были придворные экипажи.

Среда 7 октября

Воины, участвовавшие в походе на Версаль, захотели убедить себя в том, что, как и в обычных сражениях, законом битвы является право присвоения трофеев, захваченных у побежденных. По-видимому, исходя из этого, многие присвоили себе лошадей лейб-гвардии и привели их в Париж. Собрание Коммуны в двух специально опубликованных актах потребовало их возвращения; в первом из них старались задобрить тех, кто завладел такой добычей, выражая уверенность в том, что они взяли лошадей под охрану лишь для того, чтобы обеспечить собственность тех, кому они принадлежали, и воспротивиться злоупотреблениям, могущим проистечь от ошибки или беспорядков. Коммуна потребовала, чтобы лошади были переданы в штаб, равно как и другие предметы и снаряжение, которые могли оказаться у отдельных лиц.

В этом первом документе не уточнялось, кто мог быть собственником этих предметов, но во втором постановлении было указано, что имеются в виду лошади лейб-гвардии, принадлежащие королю, и, стало быть, если их не вернут, ему одному будет нанесен ущерб. Тех, кто ими завладел, призывали поэтому вернуть лошадей в королевские конюшни в Париже.

Сейчас мы воспроизведем текст важного решения, опубликованного в виде афиши. Можно было услышать, как граждане, читая эту афишу, единодушно говорили друг другу: «Почему так долго ждали, прежде чем осуществить эту важную меру?»

«Г-н председатель продовольственного комитета доложил, что по полученным им сообщениям было выдвинуто требование о проведении муниципалитетом проверки прибывших накануне бочонков с мукой; так как Коммуна в этот день не заседала, он счел возможным поручить бывшему булочнику, г-ну де Муши, произвести эту проверку и отделить дурную муку от хорошей; но он считает долгом просить собравшихся выделить в помощь г-ну де Муши двух человек из их числа, которые помогли бы ему своими знаниями и трудами, и чтобы Коммуна, в своей мудрости, решила, что делать с той мукой, которая окажется негодной для выпечки хлеба. Вследствие этого собравшиеся назначили господ Гарена [38] и Десторн, которые присоединились к г-ну де Муши для проверки прибывших вчера на рынок бочонков с мукой в целях отделения хорошей, пригодной для выпечки хлеба муки, разрешения продажи ее, а также для того, чтобы в их присутствии и в присутствии других находящихся там лиц, выбросить в реку ту муку, которая будет признана плохой и негодной для изготовления хлеба. Собравшиеся постановили разрешить указанным трем комиссарам привлечь для помощи в этой работе столько булочников, сколько они сочтут нужным, и предоставить им выбор их».

Результатом исполнения этого решения было то, что 300 больших бочек муки были объявлены негодными и публично выброшены в окрестностях рынка.

Некто г-н де Болье, капитан 3-й роты дистрикта Пти Сент-Антуан, доложил этому дистрикту на основании заявления командира пикета, посланного им на рынок и присутствовавшего при проверке, что треть выброшенной муки была, бесспорно, дурного качества.

Результатом этого рапорта было постановление названного дистрикта, в котором было сказано, что в этом факте можно усмотреть доказательство наличия заговора, имеющего целью свести на нет меры, принятые Коммуной и всеми дистриктами для обеспечения снабжения столицы, и что очень важно принять меры предосторожности для предотвращения повторения подобных крайностей.

Комитет полиции, очевидно, с целью затруднить врагам нации их проделки, а может быть, с целью раскрыть некоторые

их происки, в тот же день постановил, что всякий выезжающий из столицы и желающий путешествовать обязан получить паспорт в муниципалитете; этот паспорт будет выдаваться при предъявлении удостоверения от дистрикта, в котором будут указаны точные сведения об отъезжающем.

Другой акт того же комитета, опубликованный одновременно, содержит жалобы на сборища людей и призывает дистрикты рассеивать их. В нем приведены также жалобы на грабежи, жертвами которых якобы являются возчики телег, груженных зерном и мукой.

Когда люди начинают бросать недовольные взгляды на тех, кто причастен к администрации, все действия последних постоянно представляются в черном свете. Относительно так называемых сборищ говорили, что нелепо употреблять такое оскорбительное выражение применительно к беседам, которые граждане, собравшись в более или менее значительном числе, вели по интересующим их всех вопросам; что препятствовать рвению, проявляемому каждым гражданином во имя общего блага, значит стремиться к подавлению патриотизма; наконец, что, в то время как восторженно воспевается возвращение свободы, в действительности ее уважают менее, чем когда-либо. Что касается обвинений в грабеже, общественное мнение свидетельствовало, что об этом до сообщения комитета полиции никто не слышал, и комитет обвиняют в том, что он это выдумал и распространил с целью очернить народ и отомстить ему за вторжение в Ратушу, совершенное утром в понедельник.

В состоянии восторга от Версальского выступления некоторые из женщин — инициаторов похода на обратном пути поддались мелкому тщеславию, желая обратить на себя внимание. С этой целью они придумали потребовать от других встретившихся им женщин, не принимавших участия в походе, дать им ленты, которые героини прицепили к подобранным ими на дороге веткам, и эти украшенные таким образом ветки они пронесли с торжествующим видом по улицам Парижа как лавры, венчающие их победу. Кое-кто из женщин, от которых потребовали такую контрибуцию и кому не хотелось внести ее в натуре, уплатили ее деньгами. Если б оставили без внимания это небольшое нарушение, быть может вполне простительное в пылу экстаза, то, вероятно, все это кончилось бы в тот самый день. Но подобному пустяку придали столь важное значение, что это могло бы повлечь за собой пагубные последствия. Комитет полиции получил сообщения от нескольких рыночных торговок, явно желающих показаться «благовоспитанными», которые заявили, что находят поведение своих товарок отвратительным; некоторых из них они привели в Ратушу и заявили, что отобрали у них собранные этими товарками мелкие подачки и дали им благородное применение, передав эти деньги кюре церкви Сен-Поль для раздачи бедным. Комитет полиции рассыпался в похвалах дамам-обвинительницам,

с почетом опубликовал их имена и описание их великодушного поступка, и дамы вернулись к себе, надутые от важности после похвал господ из полиции.

Г-н Марат выступил сегодня в № 26 «Друга народа» с таким бурным рвением, которое не всем понравилось [39]. Он мечет громы против донесения г-на де Жоли и называет оскорбительным плакатом появившуюся 4 октября афишу, содержащую это донесение. Он сообщает, что лицо, имени которого он не мог знать, когда печатался № 24 его газеты, почему оно и не было указано,— это граф д'Эпернэ, командующий национальной гвардией предместий Парижа, приглашенный в Ратушу по делу, послужившему поводом для событий, изложенных в № 24 и вызвавших появление плаката. Он призывает этого г-на д'Эпернэ публично засвидетельствовать достоверность содержания подвергшегося нападкам номера газеты и заявить, есть ли в «Друге народа» хоть один слог, который не соответствовал бы истине.

Г-н Марат чрезвычайно ядовито и в самых мрачных тонах описывает муниципалитет Парижа, собираясь в дальнейшем продолжить это описание. И следы той желчи, в которую он обмакнул свое перо, видны во всем, что бы он ни написал. Он мчится по избранному им пути, не в силах остановиться, и с пеной у рта нападает на первого министра финансов. Он обещает прокомментировать сделанный министром «доклад в королевском совете» и раскрыть содержащиеся в нем, хотя и искусно завуалированные, гнусные рабовладельческие принципы. Он обвиняет министра в стремлении вернуть королю деспотическую власть, в том, что он перестал выступать в роли защитника народа как раз в тот момент, когда народный энтузиазм восстановил его права, что он подло покинул народ, чтобы снискать расположение у предателей родины, что в благодарность за слепое доверие этого преданного народа, вследствие энергичных требований которого он был возвращен из изгнания, он захотел довести его до гибели от истощения, встав во главе гнусных спекулянтов.

То, что человеку высокопоставленному оказывается чрезмерное доверие, что о нем обычно существует высокое мнение, что его предполагаемым заслугам воздается дань уважения,— все это, конечно, не может быть основанием для того, чтобы считать навсегда исключенной возможность предъявления ему каких-либо обвинений. Если бы обвинения г-на Марата были обоснованны, если бы он мог доказать то, что утверждает, если б оказалось, что в то время, как Франция видела лишь достойного министра и самого честного человека, он, Марат, один имел дар разглядеть изменника, укрывшегося под плащом лицемерия, чьи коварные и преступные козни он сумел убедительно разоблачить, его обвинение стало бы актом мужества и подлинного патриотизма, за который нация была бы ему обязана вечной благодарностью. Но если его выступление — не более как преступная клевета, совершенная с целью подорвать доверие к правителю, ставшему

кумиром всего королевства, то такому злодеянию не было бы достойного наказания. Г-ну Марату понадобятся веские доказательства, чтобы обосновать свои обвинения, поскольку тот, кого он обвиняет, внушает французам такие чувства, что они не решатся признать его способным совершить зло, даже если они увидят это своими глазами. Г-н Марат сможет добиться этого не такими выражениями, как «глупо обожаемый министр», «честолюбивый интриган», «аферист» и другими им подобными, а только точными доказательствами, на которые, как требует благоразумие, должен опираться тот, кто берет на себя смелость выступить в роли разоблачителя.

Аббат Дю Мушель, ректор университета и член Национального собрания, объявил о процессии, называемой «ректорской». Она должна была направиться от коллежа Людовика Великого до церкви Сен-Никола-дю-Шардонне, священником которой является г-н Ле Гро, доктор богословия и коллега г-на Дю Мушеля по Национальному собранию. Когда процессия была уже готова тронуться в путь, они оба решили, что она не состоится, принимая во внимание обстоятельства. Это «принимая во внимание обстоятельства» было истолковано в том смысле, что господа Дю Мушель и Ле Гро побоялись показаться на глаза народу, дело которого, как говорят, они до сих пор отнюдь не защищали.

Нельзя пользоваться одновременно всеми выгодами. Когда нам не хватало хлеба, нас вознаграждали множеством процессий, а теперь, когда хлеб начинает возвращаться, нам, может быть, урежут пищу духовную.

Дистрикт Премонтре принял мудрое постановление, и удивительно, что дух этого постановления не стал давно общим достоянием. Оно гласит, «что недопустимо никакое посягательство на права дистриктов, что они, как и прежде, будут все обсуждать, и решения, принятые их большинством, будут и впредь рассматриваться как выражение общей воли всей Коммуны».

Странно, что не хотят признать того, что последний урожай дал Франции хлеба на три года. Хотят, чтобы мы обязательно питались только иностранным хлебом. С другой стороны, очевидно, что наше зерно предназначается для потребления какого-то другого народа. Что означают все эти темные сделки? Почему нельзя нам позволить потреблять наш хлеб, хорошее качество которого нам известно, вместо того чтоб упорно заставлять нас питаться испорченными продуктами, постоянное употребление которых может привести лишь к полному разрушению нашего здоровья? Такие мысли высказывались многими, когда распространилось известие, что англичане великодушно предложили предоставить нашей столице 200 тысяч мешков пшеницы с тем, что они будут им затем возвращены натурой без каких-либо процентов. Люди, умеющие взвешивать обстоятельства, увидели в опубликовании этой сделки намерение использовать расплату с

Англией как предлог для беспрепятственного вывоза зерна за пределы королевства, ибо, конечно, для возвращения ссуды не потребовалось бы много времени, принимая во внимание, что трудно представить себе более благоприятный год для погашения такого рода займа.

Четверг 8 октября

Количество афиш так выросло, что парижане ими пресытились; в то же время это дало им возможность заметить, как сильно были заняты вчера представители Коммуны. Некоторые из этих публичных актов представляют весьма существенный интерес для наблюдателя, и мы не решаемся обойти их молчанием, хотя это и может увлечь нас в изложение множества деталей.

Такова афиша, относящаяся к свободе печати.

«Было сообщено, что, несмотря на меры предосторожности, принятые собранием Коммуны в его постановлении от 1 сентября сего года, разносчики и продавцы печатных изданий все еще позволяют себе выкрикивать названия скандальных сочинений, могущих иметь лишь пагубное действие, поскольку они вводят в заблуждение патриотически настроенных граждан и служат замыслам врагов общественного блага. Собрание, принимая во внимание, что в интересах порядка необходимо оказать сопротивление продолжению и увековечению подобных злоупотреблений, постановило, что установленные с этой целью правила, в частности постановление от 1 сентября сего года, должны соблюдаться и что разрешается выкрикивать и объявлять только декреты Национального собрания, королевские ордонансы, а равно постановления, приговоры, извещения и всякие другие печатные акты, объявление которых будет предписано или разрешено палатами, судами или законными собраниями, и заявляет, что те, кто будет выкрикивать названия любых других печатных изданий или брошюр, будут немедленно задержаны и переданы в органы юстиции на предмет наказания как нарушители общественного спокойствия; предписывает главнокомандующему принять к исполнению настоящее постановление и всем командирам постов включить его в инструкции, даваемые часовым».

Как ошибались те, кто истолковал постановление Коммуны от 1 октября как косвенный отказ представителей Коммуны от затруднительных функций цензуры! Как должны были огорчиться и те, кто в неясностях этого акта видел подготовительные мероприятия к тому, чтобы уже самым недвусмысленным образом обрушиться на право свободно выражать свои мысли. Более чем когда-либо можно задать себе вопрос: «Кто же теперь нами управляет? Кто имеет преобладание в нашей администрации?» Сегодня депутаты нации декретируют какой-то закон, завтра собрание представителей Коммуны изменяет его, а на следующий день они его уничтожают. То, что законодательным органом королевства признано справедливым, муниципалитет столицы называет «зло-

употреблением». Каковы же пагубные действия, которые этот муниципалитет приписывает свободе печати? Когда он заявляет, что эта свобода вводит в заблуждение патриотически настроенных граждан и служит замыслам врагов общественного блага, хочет ли он напомнить о том, как в понедельник 5 октября граждане вооружились в Ратуше, и о смелом походе на Версаль, когда нация, отомстив за полученное оскорбление, сорвала козни аристократической клики, готовившейся заставить короля совершить опасное путешествие. Раскрытие этого намерения вызвало, по правде говоря, больше негодования, чем тревоги, тем не менее нельзя даже учесть, до какой степени его осуществление могло оказаться роковым и для монарха и для всего королевства. Каких только противоречий, добавляли граждане, нельзя найти в действиях представителей?! 1 октября они постановляют, что не будут больше выдавать разрешений на распространение печатных изданий, а 8 октября они заявляют, что продажа этих самых печатных изданий не может производиться без разрешения законных собраний. 3 и 4 октября они решают вести борьбу посредством афиш с сочинениями, которые они считают клеветническими,— «Восстание евреев в Авиньоне» и 24-й номер газеты г-на Марата, а 8 октября они находят, что проще будет предотвратить клевету, восстановив цензуру в наилучшем виде, и облечь каждого солдата-гражданина цензорскими функциями, правда несколько чуждыми воинским обязанностям и, как уже говорилось, внушающими нашим защитникам немалое отвращение.

Возможно ли, что до сих пор еще не все прониклись истинностью неизменных принципов, столь часто повторяемых: только невежды и злые люди могут бояться того, что их будут просвещать или воспитывать; достаточно было бы установить, что тот, кто чувствует себя задетым в печати, может обратиться с жалобой в таком же порядке, как если бы его оскорбили устно, и что на определенный судебный орган возложена обязанность обвинения и осуждения распространителей ложных или ошибочных сведений, способных ввести народ в заблуждение и вызвать беспорядки.

Есть одна мысль, которая многим приходила в голову и которая, пожалуй, заслуживает распространения. Нельзя оспаривать право любого, будь то художник или ремесленник, стараться убедить окружающих в том, что плоды его трудов способны приносить пользу; почему же упорно создают препятствия исключительно тому, кто занимается ремеслом писателя, и мешают ему сбывать свой товар так же, как это может делать всякий другой человек, занимающийся другим ремеслом. Товар этот может быть очень ценным, и граждане могут оказаться очень довольными тем, что купили его. Если попадется иной раз плохой товар, это будет способствовать тому, что покупатели станут более внимательными, и у них появится желание научиться лучше в нем разбираться. Когда какое-то число покупателей найдет, что их обма-

нули, то все станут осмотрительными, и продавцы, больше всех заинтересованные в том, чтобы не предлагать плохого товара, сами откажутся от тех произведений, недостатки которых особенно заметны, и тогда не нужно будет добиваться, чтобы торговцы печатными изданиями подвергались строжайшим карам, как нарушители общественного спокойствия.

Кое-кто думает, что это резкое постановление муниципалитета было вызвано 27-м номером «Друга народа» [40]. В нем г-н Марат продолжает преследовать г-на Неккера еще более ожесточенно, чем когда-либо. Он спрашивает, можно ли еще сомневаться в том, что экспорт, наличие которого доказано и который вызывает особенную тревогу после декрета Национального собрания, был одной из губительных операций министерского кабинета и спекулянтов из правительства, равно как и страшный голод в столице и в большинстве городов королевства, которые так же, как и Париж, располагали лишь испорченным зерном, поставляемым администрацией финансов. Что же, восклицает Марат, отеческие заботы этого обожаемого министра сводятся лишь к тому, чтобы привозить из-за границы испорченное зерно и продавать его нам по высоким ценам и вывозить за границу наше отличное зерно и сбывать его там по низкой цене. О, сколь жестоки эти злодеяния, которые были бы приняты за действия сумасшедшего, если бы не были совершены врагами государства, решившими погубить нас! Можно ли их скрыть? Да их более чем достаточно, чтобы заклеймить развращенного администратора и отправить его на эшафот. Если бы по крайней мере мы не были на пороге гибели от истощения и если бы народ, оторванный от своих трудов, не был бы вынужден проводить все свое время у дверей булочных, чтобы добыть кусок дурного хлеба! Несчастный народ, знай своих покровителей!

Дальше Друг народа рассказывает о направленной против него незаконной попытке Шатле [41]. Судейские крючкотворы, пишет он, взбешенные тем, что я их без устали преследую и закрываю им доступ в муниципалитеты, где их управление могло бы оказаться только губительным, решились сегодня утром на отчаянный шаг. Не осмеливаясь атаковать меня непосредственно, они взялись за моего книгопродавца и за моего типографа; королевский прокурор вызвал их обоих повестками к комиссару Феррану.

Я посоветовал им, продолжает Марат, отклонить этот средневековый суд, юрисдикция которого в области уголовных дел будет вскоре упразднена. Затем он обращается к королевскому прокурору при Шатле со следующими словами: Г-н де Фландр де Бренвиль [42], разрешите мне с присущей мне откровенностью дать Вам небольшой урок. Вы, должно быть, разумный человек и т. д... до «без трепета».

Г-н Марат оставляет Шатле, чтоб обрушиться на муниципалитет. Он напоминает, что негодование и т. д... до «разложившиеся люди из муниципалитета». Члены бюро, говорит он дальше, долж-

ны быть бесповоротно осуждены; они навсегда потеряли доверие публики. Поскольку мэрия заняло место прево и т. д.... до «освятила».

Этот номер газеты г-на Марата произвел еще больше шума, чем предыдущие, и дал повод одним говорить, что автора подстрекает аристократия с целью разжечь смуту, другим — что те, кто так говорит, сами аристократы, которые хотят, чтобы о некоторых людях и вещах по-прежнему нельзя было говорить. Наиболее здравомыслящие считали, что Друг народа создаст себе очень опасных врагов. В тот же день дистрикт Премонтре принял постановление, тоже, по-видимому, вызванное 27-м номером.

В постановлении было сказано, что множество периодических изданий, ежедневно наводняющих столицу, слишком часто способствуют лишь поддержанию очага неповиновения и беспорядка вследствие распространяемых ими ложных слухов, выдаваемых за правду, а также вследствие того, что редакторы этих пасквилей позволяют себе клевету на лиц, наиболее достойных общественного уважения; что свобода печати, столь полезная для распространения просвещения, не имеет ничего общего с этим разнузданным своеволием, способным лишь затемнить сознание народа, постоянно обманываемого притворным энтузиазмом, с которым якобы защищают его интересы. Исходя из этого постановили, что г-н мэр и господа представители Коммуны будут призваны на основании разоблачений, исходящих от всех дистриктов (каковые разоблачения они должны спешно составить для блага родины и во имя общего спасения), покарать по всей строгости законов тех преступных авторов, которые позволят себе ложные и клеветнические сообщения, способные смутить общественное спокойствие.

Конечно, справедливо карать авторов, публикующих известия вымышленные, клеветнические и могущие вызвать неосновательные волнения и тревогу среди граждан, но, конечно, следует предварительно установить, что эти сообщения действительно вымышленные; весьма туманными, ничтожными и голословными представляются утверждения, называющие клеветой любое обвинение против тех или иных людей только потому, что их считают более всех достойными общественного уважения. Поставьте обвинителя лицом к лицу с обвиняемым, посмотрите, кто из них окажется победителем, и после этого выносите суждение.

Примечательно, что постановления Коммуны и дистриктов Парижа не производят почти никакого действия, и тому есть серьезные основания. Эти учреждения не имеют подлинно разумной организации с единым центром, что необходимо для единства действий, которые должна выполнять эта муниципальная администрация. Представители Коммуны, по-видимому, считают себя всевластными уполномоченными города. Выдвинувшие их дистрикты справедливо полагают, что они должны оберегать свои права доверителей! Отсюда — борьба двух властей. С другой стороны, все

60 дистриктов почти никогда не бывают вполне единодушны. Предложение, принятое в одном из них, отвергается или оставляется без внимания, когда оно доходит до других. Почти всюду люди являются еще новичками в вопросах управления. Вопросы законодательной власти, исполнительной власти и судебной власти смешивают с компетенцией полиции, случается даже, что принимаются решения, противоречащие декретам депутатов нации. Бросается в глаза, что пункт в приведенном выше постановлении дистрикта Премонтре, предписывающий г-ну мэру и господам представителям Коммуны в чрезвычайном порядке карать преступных авторов клеветнических пасквилей, составлен так, как будто комитет муниципалитета наделяется правами суда, ведающего разбором уголовных дел.

То же постановление дистрикта Премонтре мечет громы и молнии на сборища людей и призывает представителей Коммуны умолять короля, чтобы он применил свою исполнительную власть для рассеяния этих сборищ и предотвращения такого рода эксцессов. Это косвенно означает просьбу вызвать какого-нибудь маршала де Бройля со своей армией для того, чтобы расстреливать граждан, как только несколько человек соберутся, чтобы побеседовать о положении родины. Мы еще вернемся к тому, чем объясняется такое ожесточенное стремление помешать людям совместно обсуждать то, что должно их интересовать, тогда как в памяти еще свежо воспоминание о том, какое замечательно полезное действие имели подобные обсуждения. Откройте секрет, как сделать народ счастливым, и тогда не придется опасаться последствий таких собраний, которые называют — почти всегда неправильно — отвратительным именем «незаконные сборища».

Представители Коммуны проявили бóльшую умеренность, нежели дистрикт Премонтре. Вместо того, чтобы просить короля огнем и мечом разгонять каждых двух человек, остановившихся где-либо вместе, они удовольствовались тем, что в опубликованном постановлении призвали всех жителей Парижа вернуться к своим обычным занятиям и не собираться на площадях и в других публичных местах в нарушение законов, формально это запрещающих, они призвали всех верноподданных государя, всегда проявлявшего себя отцом своего народа, объединиться для подавления распущенности, восстановления порядка, столь необходимого для общего блага, и доставить наконец монарху, коего они должны любить и почитать, покой и счастье, которых он уже давно лишен.

Это воззвание заканчивалось своего рода строгим предупреждением: собрание Коммуны объявило, что считает врагами города всех, кто нарушает общественное спокойствие, что они должны вызывать негодование у честных людей и что оно предаст их возмездию судов, установленных для охраны законов и для подавления распущенности.

Ходили слухи, что рыночные торговки хотели вчера учинить

беспорядки на хлебном рынке, что они задумали пойти на склады Военной школы, к тюрьмам аббатства Сен-Жермен и в ломбард. По этому поводу собрание Коммуны опубликовало заявление депутации в составе от 8 до 10 рыночных торговок, что они отнюдь не были виновницами этих беспорядков, что они не причастны к освобождению заключенных, что они осуждают неприличное поведение некоторых женщин, явившихся к королю и королеве, что о господах Бальи и Лафайете они не говорили ничего дурного, а говорили о них только хорошее, и, наконец, что они просят каждый дистрикт выделить по четыре человека из национальной гвардии и с их помощью они обещают привести к порядку тех из своих товарок, которые попытаются его нарушить.

Была некоторая доля аффектации в похвалах собрания Коммуны женщинам, пришедшим для того, чтобы восхвалять самих себя; представляется ненужным и излишне подробное воспроизведение энергичных выражений, которые эти женщины, считающие себя безупречными, употребляют в отношении своих товарок, обвиняемых ими в учинении беспорядков. Не так уже важно знать, что в адрес последних мужественные и добродетельные женщины, которые пришли похвастать своим спокойным поведением, в изобилии бросали выражения «распутные женщины» и «проститутки».

II

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ, ОБСУЖДАВШИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ ПОСЛЕ ЕГО ПЕРЕЕЗДА В ПАРИЖ

1 ноября...

Давно уже замечено, что опасно дышать воздухом двора, что почти все те, кто по своему нравственному складу всегда казались способными наилучшим образом противостоять этой нездоровой атмосфере, в конце концов поддавались ее очень уж сильному влиянию. В этом можно было снова убедиться, когда во время заседания во вторник, 20 октября, г-н Тарже [43] первым разоблачил, что постановления от 4 августа, опубликование которых было предписано королем, не были разосланы во многие, даже мало отдаленные от столицы города и что там вывесили только афиши с текстом пространного письма, в котором его величество дал свой отзыв об этих постановлениях, отказываясь одобрить их. В этом можно было опять убедиться, когда к указанному замечанию было добавлено, что многие города в то время не знали даже о декрете о продовольствии и что сами министры позволяли себе искажать текст многих декретов. «Их поведение достойно всякого порицания,— сказал г-н Бюзо [44].— Народы ждут законов: только благодаря им можно надеяться на воз-

вращение спокойствия, а запоздание с их опубликованием продлевает беспорядок и дает основание обвинять собрание в бездеятельности и медлительности». Эти истины должны казаться очень суровыми тем, кто знает, что множество других людей наблюдает за их действиями. Отмеченные нами факты заслуживают того, чтобы их сопоставили — и это было сделано — с коварными и деспотическими высказываниями в первом ответе короля на представленные ему статьи конституции. Эти выражения сохранились у всех в памяти: «Я даю свое согласие при непременном условии, от которого я никогда не откажусь, что в конечном результате ваших обсуждений вся полнота исполнительной власти будет находиться в руках монарха». Несколько дальше король заявил, что если он дает свое согласие на статьи конституции, «то не потому, что все они представляются ему одинаково совершенными», но что он счел за благо не медлить с удовлетворением «желания депутатов нации» и принять во внимание «тревожные обстоятельства», столь настоятельно требовавшие, и т. д. И, наконец, следующее заявление: «Я не высказываю своего мнения относительно вашей Декларации прав» и т. д., и т. д. Какой урок, чтобы побудить к большей, чем когда-либо, настороженности по отношению к действиям правительства, отказаться от всякого слепого доверия и рассматривать все обстоятельства при свете факела нашего собственного разума. Лучше предотвратить ошибки, могущие оказать влияние на благоденствие великого множества людей, чем без всякой пользы отчитывать виновных, когда зло уже сделано. Посмотрим, как г-н министр юстиции будет защищаться, когда во исполнение декрета Национального собрания, обязывающего его дать отчет о мотивах своего поведения, он предстанет перед собранием *.

При рассмотрении вопроса о принципах избирательного права предлагают, чтобы одним из качеств, необходимых для участия в первичных собраниях, была «уплата налога, равноценного заработной плате за три рабочих дня». Как можно было декретировать такое условие после того, как г-н Легран сказал:

«Сведения об уплате налога можно требовать в первичных собраниях лишь как доказательство того, что данный человек действительно проживает в указанной местности. Бедность — не порок, и каков бы ни был размер налога, он должен считаться достаточным для осуществления прав гражданина».

Г-н Дюпор[45]:

«Эта статья придает значение только богатству, которое в естественном состоянии общества ничего не значит. Она противоречит Декларации прав и т. д.»

Г-н де Робеспьер[46]:

---

* На заседании Национального собрания от 21 октября г-н министр предстал перед собранием и прочел составленный им «Отчет», рассмотрение которого отложено.

«Все граждане, кто бы они ни были, имеют право на все степени представительства. Это полностью согласуется с вашей Декларацией прав, перед которой должны исчезнуть все привилегии, все различия, все исключения. Конституция устанавливает, что суверенитет пребывает в народе, во всех личностях, составляющих народ. Следовательно, каждый человек имеет право участвовать в выработке закона, которому он обязан будет подчиняться, и в управлении общественным достоянием, являющимся и его достоянием. Иначе было бы неверно утверждение, что все люди равны в правах, что каждый гражданин является гражданином. Если тот, кто платит налог, равноценный плате только за один рабочий день, имеет меньше прав, чем тот, кто платит стоимость трех рабочих дней, то тот, кто платит стоимость десяти рабочих дней, имеет больше прав, чем тот, чей налог равен лишь ценности трех рабочих дней. Если так, то тот, кто имеет сто тысяч ливров ренты, обладает в сто раз большими правами, чем тот, кто имеет доход только тысячу ливров. Между тем из всех ваших декретов вытекает, что каждый гражданин имеет право участия в выработке закона, следовательно, имеет право избирать или быть избранным независимо от имущественных различий».

И г-н Фермон [47]:

Требование уплаты налога отчасти противоречит принципу совершеннолетия, так как совершеннолетние хозяйские сыновья не платят налогов. Общество не должно быть подчинено собственникам, в противном случае создастся аристократия богатых, которых гораздо меньше, чем бедных. Да и как могут последние подчиняться законам, в выработке которых они не принимали участия?

Правда, г-н Дюпон [48] выступил против этих истин и выдвинул такой софизм, что «только тот заинтересован в делах управления, кто является собственником, и если всякий человек имеет право вмешиваться только в свои дела, если дела есть у человека только тогда, когда он собственник, то только собственники могут быть выборщиками... те, у кого нет собственности, не принадлежат к обществу, но общество принадлежит им».

И г-н Деменье [49] тоже выступил с оскорбительными нападками на неимущих. «Не требовать никакого налога значит допустить в первичные собрания нищих, ибо они не платят налогов государству. С другой стороны, можно ли считать, что они не будут подвержены коррупции?»

Да, было благоразумно установить непрерывность заседаний Национального собрания, мудро было признать право народов на пересмотр и переработку его конституции в любое время. Любое произведение человеческих рук может оказаться несовершенным. Последующим законодательным органам придется уделить немало внимания переработке того, что сделано нынешними законодателями.

Из того же принципа, на основании которого было декретировано только что указанное нами условие, необходимое для получения права голоса, вытекает и другая статья, предложенная г-ном Тарже и тоже принятая на заседании 28 октября. Она гласит: «Чтобы быть избранным в собрания выборщиков, необходимо, кроме условий, требуемых от избирателя, т. е. от активного гражданина, еще одно условие, заключающееся в уплате более высокого прямого налога. Этот налог будет равен по меньшей мере местной стоимости 10 рабочих дней».

А статья 6 Декларации прав гласит:

Поскольку все граждане равны перед законом, они имеют равный доступ ко всем званиям, постам и общественным должностям в соответствии со своими способностями и без каких-либо различий, кроме различий в их добродетелях и в их талантах.

Очень странно, что, провозгласив такие принципы, из них сделали диаметрально противоположные выводы.

Между тем г-н Дюпор сказал:

«Чтобы быть избранным, человеку необходимо лишь одно качество — избиратели должны считать, что он способен защищать их интересы». Ну да, скажут некоторые; вы полагаете, что г-н такой-то обладает всеми качествами, всеми талантами, дающими право на ваше доверие, но их у него нет, потому что уплачиваемый им прямой налог не достигает размеров платы за 10 рабочих дней. Я считаю и я всегда считал, что вполне достаточно способностей и что для того, чтобы стать депутатом, надо только быть избранным.

После столь четкого признания большей части бесспорных и неотъемлемых прав человека и гражданина естественно, что последний ожидает убедительного развития этих принципов в соответствующей конституции. Но когда ход событий не отвечает ожиданиям и не дает тех преимуществ, на которые надеялись, то не удивительно, что в народе, разочарованном в своих чаяниях, возникает столько волнений.

Народ полагал, что напуганные размахом развивающихся событий и мощью пришедших в движение сил, те из его представителей, которые оказались злонамеренными, временно перестанут противопоставлять свое роковое влияние интересам общего дела, но вскоре, ободренные спокойствием, чтобы не сказать инертностью народа, в которой ему, возможно, придется раскаяться, они постарались незаметно повернуть назад и сделать бесполезным крепкий фундамент основных принципов, возведя на нем, с помощью добавлений и оговорок, гигантское сооружение, не отвечающее основным законам равновесия. Началось с терпимого отношения к нарушениям закона, установившего свободу говорить и писать. Вскоре захотели вменить гражданам в преступление всякую попытку критиковать государственные мероприятия, обсуждать действия тех, кому они доверили защиту своих общих интересов; каждый день можно обнаружить все более отчетливо

выраженные намерения довести народ до полной пассивности в делах управления. Французский народ находит, что с некоторых пор различные действия его представителей могут внушать ему только недоверие. Множество последовавших один за другим декретов обеспечили «временное» сохранение большей части тех учреждений старого режима, существование которых всего более воспринималось как ярмо, которое нация нетерпеливо стремилась сбросить. Таковы декреты относительно податей и соляных пошлин, декрет, предоставляющий Шатле верховные полномочия в судебных делах по обвинению в преступлениях против нации, а также декрет о юрисдикции королевского совета. А парламент, зарегистрировав новый закон о хлебе, расценил этот факт как счастливое предзнаменование того, что судебной аристократии удастся избежать роковых ударов, которыми ей грозил голос общественного мнения.

Уверяют, что эти «временные» меры дают полное удовлетворение людям из антипатриотических партий. Они помнят, что законы, вначале представленные в качестве временных, благодаря постоянно возобновляемым продлениям, просуществовали целые века. Они рассчитывают на то, что, если им удастся достигнуть осуществления их желаний, если они смогут добиться роспуска Национального собрания *, им будет легко увековечить учреждения старого режима, ибо они смогут представить их временное сохранение Национальным собранием как некий акт ратификации.

Но, говорят недовольные, нельзя жаловаться на все эти постановления. Достаточно малейшего ропота, малейшей видимости порицания для того, чтобы закон о военном положении [50] дал возможность бесчеловечно поразить тех дерзких граждан, которые окажутся склонными к любому действию, не одобряемому правительством. Вот почему остались тщетными требования многих столичных дистриктов, а именно Сен-Мартен-де-Шан, Ла Трините и Пти Пер — об уничтожении этого закона, столь возмутительного для цивилизованного народа, который усыпляют пустой надеждой на полное освобождение. Вот почему осталось тщетным выступление графа Мирабо, раскрывшего все зло и всю опасность этого варварского декрета, принятого по одной только просьбе представителей Коммуны Парижа. Тщетно приводил он совершенно бесспорные соображения против этой просьбы:

«Я не знаю ничего более страшного, чем голод: все молчит и все должно молчать, все уступает и все должно уступать перед лицом народа, который голодает. К чему же тогда закон о военном положении? Если народ, столпившись, кричит: нет хлеба в булочных, — то какое чудовище ответит ему ружейными выстрелами?»

---

* Каждый день дает нам новые доказательства того, что аристократия крепко держится за этот проект. См. недавнее поджигательное послание г-на епископа Трекье.

Мы отнюдь не хотим льстить графу Мирабо, но мы сейчас не можем удержаться от того, чтобы не сказать, что это превосходный человек и человек интересный. Каждое из его предложений — шедевр, как по выбору рассматриваемых им вопросов, так и по манере изложения. Можно ли не восхищаться резолюцией, принятой по его предложению на заседании 28 октября:

«Сейчас, когда мы кончаем обсуждение условий, необходимых для того, чтобы быть избранными, я считаю своим долгом предложить вашему вниманию одну очень простую и очень благородную идею, изложенную одним из наших коллег в опубликованном им сочинении. Я говорю о внесении молодых людей в возрасте 21 года в списки граждан. Это не новая идея: еще в Афинах день внесения в списки был торжественным празднеством. День, когда молодой человек расставался с легкомыслием отрочества, чтобы занять место среди мужчин и граждан, был великим днем. Об этом обычае могут судить лишь те, кто знает, что искусство управления людьми заключается во внушении им должных чувств и добродетелей, а не в угрозах карами и судами. Отсрочка внесения в списки сама по себе стала бы наказанием, которое показалось бы тем более суровым, чем больше ценности придавалось бы званию гражданина. В день занесения в списки молодые люди должны были бы принести присягу на верность законам государства и королю. Эта присяга стала бы единственной, которую когда-либо будут приносить; требовать иной присяги в каких бы то ни было обстоятельствах жизни значило бы предполагать клятвопреступление. Поэтому я выдвигаю следующее предложение. После того как будут организованы муниципалитеты, на первичные собрания будет возложена обязанность составления списка граждан, и туда надо вносить ежегодно, в определенный день, всех достигших возраста 21 года после принесения ими присяги на верность законам государства и королю, и ни один человек не сможет быть ни избирателем, ни избираемым в первичных собраниях, не будучи внесенным в этот список».

На том же заседании 28 октября по рассмотрении ходатайства одного женского монастыря, представленного комитетом докладов, собрание декретировало временный перерыв приема монашеских обетов по всему королевству в мужских и женских монастырях.

Затем было доложено, что в Верноне, в Нормандии, народ хотел повесить г-на Плантерра [51], жителя этого города, уполномоченного по продовольственному снабжению Парижа, который был обвинен в спекуляции. Собрание поручило судье в Верноне произвести расследование и декретировало, что председатель напишет в этот город и снесется с исполнительной властью на предмет обеспечения исполнения законов.

Благоразумно ли, хорошо ли для населения, чтобы столь важное дело, как снабжение продовольствием, было доверено одному частному лицу?

Между тем как часть публики во всеуслышание обвиняет г-на герцога Орлеанского в том, что он участвовал в заговоре против нации, другие беспрестанно повторяют, что его поездка связана с важной и полезной для государства миссией, возложенной на него королем. Но люди очень удивлены тем странным обстоятельством, что, в то время как правительство уже не имеет секретов, цель этой миссии не была ни разъяснена, ни предана гласности.

МЕМ[УАР] МИНИСТРОВ, БЮЛЛ[ЕТЕНЬ] 70. ОТЧЕТ ПРЕД[СТАВИТЕЛЕЙ]. № 13 [ПАРИЖСКИХ] РЕВ[ОЛЮЦИЙ]

2 ноября

Получено сообщение об объяснениях, данных министром юстиции Национальному собранию 21 октября. Нельзя не заметить, что, по сравнению с первым ответом короля относительно Декларации прав человека и постановлений от 4 августа, министр, по-видимому, хотел ловко исказить суть вопроса, устранив самое главное и остановившись на побочном, совершенно неинтересном, обстоятельстве. «Ответ его величества,— сказал он,— был напечатан в тот самый день, когда он был вам передан, и король следовал в этом отношении принятому им обычаю давать всем актам королевской власти самую большую гласность». Как будто речь шла только о том, надо ли было или не надо было печатать ответ короля. Этой уверткой не удалось обмануть ни собрание, ни публику, и от г-на министра юстиции требуют более определенного объяснения: «Не Вы ли внушили, посоветовали или составили, или распорядились составить в Ваших канцеляриях тот ответ, который был передан собранию на утреннем заседании 5-го?»

Заседание 29 октября.

Была принята следующая статья:

«Чтобы обладать правом быть избранным в Национальное собрание, необходимо уплачивать прямой налог, равноценный одной марке серебра *, и обладать какой-либо собственностью».

Однако были возражения со стороны патриотических членов собрания, и г-н Тарже сказал:

«Девятнадцать двадцатых нации не обладают никакой собственностью. Поэтому, требуя таковую, вы исключите почти всех французов. Если вы примете принцип, изложенный в этом декрете, преимущество богатства породит новую аристократию, и вы восстановите различия, которые хотели уничтожить».

Г-н Шарль де Ламет [52]:

* *54 ливра.*

«Выступая против аристократии, вы подготовили ее возрождение, и ваш декрет санкционирует образование денежной аристократии. Вы не должны были ставить богатство выше справедливости. Нельзя отказываться от принципа, когда от этого принципа зависит будущее людей».

Г-н Гара-старший[53]:

«В обстановке суматохи вы приняли декрет, устанавливающий аристократию богатых. Мы требуем, чтобы этот декрет был исправлен в спокойной обстановке, и я могу указать на то, что в ходе настоящей сессии уже двадцать раз прибегали к подобным спасительным мерам».

Результатом этих ярких выступлений было решение собрания «оставить все в прежнем состоянии до нового обсуждения сегодня, в понедельник».

В нашей последней корреспонденции мы забыли отметить постановление от 15-го, об утверждении которого королем было доложено на заседании 27-го. Это постановление гласит

«Впредь отменяются всякие выборы по сословиям. Дополнительные выборы депутатов будут производиться на собраниях всех граждан или их представителей без всяких ранее применявшихся различий или разделений по сословиям».

И как после этого поверить, что собрание, принявшее 15-го этот декрет, было то самое, которое 27-го, в момент, когда докладывали об его утверждении королем, занималось выработкой других декретов совершенно противоположного содержания?

Заседание 30 октября.

Г-н Фермон сообщил от имени комитета докладов об аресте одного из членов муниципалитета города Невера. Этот человек, арестованный в этом городе, обвиняется в злоупотреблении доверием и лихоимстве, совершенных при выполнении ряда поручений по снабжению продовольствием.

Собрание постановило передать это дело исполнительной власти на предмет того, чтобы обвиняемый был судим компетентными судьями.

Г-н Тарже, исходя из убеждения, что восстановление спокойствия зависит от народного просвещения, что просвещение есть законодательство умов, что оно смягчает нравы и т. д., внес следующее предложение:

«Национальное собрание постановляет, что Редакционный комитет возложит на пятерых своих членов составление по каждому из уже опубликованных декретов простой, точной и понятной инструкции, в которой будет дано доступное для всех изложение принципов и будут с очевидностью показаны преимущества этих декретов.

И что особому комитету будет поручено заняться составлением общего плана просвещения».

После внесения нескольких поправок собрание решило, что «нет оснований для обсуждения в настоящее время». В ближай-

шем номере мы изложим некоторые соображения по этому вопросу.

На этом заседании продолжалась дискуссия по вопросу о праве собственности нации на имущества, находящиеся в пользовании духовенства. Ясные принципы были столь же ясно изложены г-ном Мирабо:

«Большая часть церквей Франции получили все в дар от щедрот наших королей. А разве последние, спрашиваю я, дарили из своего собственного имущества, а не из имущества нации? Да и могли ли когда-либо наши короли иметь другое имущество, кроме того, из которого нация образовала их домен; следовательно, оно всегда было только в их пользовании и никогда не было их собственностью. Таким образом, наши короли могли одарять множество церквей и бенефиций, полезных и бесполезных, только уменьшая королевский домен, или, другими словами, владения нации. Духовные лица являются и должны являться лишь простыми служителями общественного культа и морали, простыми капелланами государства. Наши короли и многие другие лица пожаловали им земельные владения для того, чтобы освободить нацию от необходимости оплачивать их труд; поэтому нация вправе изъять у них эти земельные владения, если она предпочитает платить им жалованье».

Ранее г-н Гара-младший сказал [54]:

«Из текста хартий следует, что основатели всегда делали дарения общественному культу, общественным учреждениям, стало быть, всегда нации».

«Если число служителей культа чересчур велико,— продолжал он,— если они оказываются слишком богатыми, если религия (и я прошу рассматривать здесь мои рассуждения лишь как простое предположение), если религия представляется благоприятствующей испорченности и разложению нравов, то разве нация не вправе будет упразднить религию, культ и его служителей и использовать их имущества для более нравственной религии, для проповеди самой нравственности? Разве нация не вправе будет сократить численность служителей культа, уменьшить их богатства или изменить религию?»

Г-н аббат Мори приложил невероятные усилия, чтобы доказать, что нельзя лишить духовенство его земельных владений, не совершив явного покушения на собственность, и, убежденный, по-видимому, в том, что его аргументы достигли цели, он закончил свою речь предложением перейти к голосованию; но поскольку еще многие члены собрания просили слова, прения были отложены на следующий день.

Отец одного столичного аббата, которого народ подверг оскорблениям во время событий 6-го, пожаловался на это в письме от 7-го, адресованном редакторам «Révolutions de Paris» [55]. Он так закончил свое письмо: «Я прошу вас напечатать мое письмо в вашей газете, ее читают все, может быть, оно побудит мэра

города Парижа или командира национальной гвардии, или муниципалитет города, или наших триста депутатов, или наши шестьдесят дистриктов, ибо я не знаю, кто нами правит, отдать распоряжение о том, чтобы относились с уважением к гражданину любого сословия, который никому не причиняет зла ни делом, ни словом».

Нельзя закрывать глаза на то, что существует скрытая взаимная ревность между членами различных частей администрации, и, до тех пор пока задачи всех отраслей управления не будут законодательным образом разграничены, несомненно, каждый из них будет бороться за то, чтобы увеличить свою власть за счет других. Отсюда неизбежно рождается тенденция к созданию какой-то аристократии. Эта борьба за власть наблюдается также во взаимоотношениях между представителями прежней высшей администрации и нашим Национальным собранием. Мемуар, подписанный Неккером и всеми остальными министрами, прочитанный на заседании 24-го, содержит очень ясное выражение либо притязаний на восстановление их прежней власти, либо по меньшей мере сожаления о потере этой власти.

Поводом к появлению этого мемуара был декрет, ставивший перед министрами вопрос о том, какие средства им необходимы для обеспечения продовольствием королевства и столицы с тем, чтобы, после того как собрание сделает все, что в его возможностях, они несли ответственность за выполнение законов, относящихся к этой области.

Министры перечисляют все усилия короля, направленные к обеспечению столицы продовольствием, сообщают о положении в окружающих нас странах и о том, как мало помощи можно оттуда получить. Они пишут о том, на какие ресурсы можно рассчитывать и какие приняты эффективные меры с целью воспрепятствовать вывозу. Почему же, несмотря на эти меры, которые с такой настойчивостью выставляют напоказ, происходят, согласно достоверным известиям, многочисленные утечки продовольствия через разные границы, особенно в Австрийские Нидерланды? [56] Почему наши офицеры, игнорируя декреты Национального собрания, оказывали содействие этой махинации и подвергли жестокой порке солдат-патриотов, с благородным мужеством отказавшихся участвовать в этом деле? Почему это происходит? То, что было сделано для облегчения внутреннего обращения, стало бесполезным вследствие сопротивления провинций, городов, сел, вопреки декретам Национального собрания *.

---

* Если эта неограниченная свобода обращения приводила к самым ужасным злоупотреблениям, если аристократия пользовалась ею для создания тайных складов или для того, чтобы любым способом добиться исчезновения с невероятной быстротой наших запасов зерна, если народ предвидел, что при таком ходе вещей потребуется меньше двух месяцев для опустошения всех наших естественных складов, т. е. амбаров наших земледельцев, то можно ли считать, что он действует неправиль-

Они рисуют картину всех препятствий, стоящих на пути к выполнению этих декретов,— неповиновение исполнителей, неуверенность судов, злоупотребления свободой печати *. Повсюду тщетно стремятся к спокойствию и подчинению, которые обеспечат их выполнение... Что можно сделать, чтобы согласие министров дать гарантию, которую от них требуют, т. е. принять на себя ответственность за выполнение декретов, не было с их стороны безумной неосторожностью? Они заявляют, что не примут такого обязательства, что, если будут упорно требовать от них этого от имени нации, они уступят свои посты людям, достаточно

но, оказывая то сопротивление, на которое жалуются министры? Ведь законодатели, конечно, не стремились, издавая закон, уморить голодом тех людей, во имя которых они действовали. А коль скоро эти последние видят, какие убийственные последствия вытекают из него вследствие коварства тех, кто им злоупотребляет, они отнюдь не оказывают неповиновение, когда стараются положить предел опасной и преступной алчности. Факты не оставляют места для каких-либо сомнений относительно справедливости этих замечаний. Кантон Сантерр — одна из богатейших житниц Франции. В маленьком городке Руа находится самый крупный рынок этого края. Так вот, после уборки урожая там регулярно продается по 1800 мешков пшеницы каждый базарный день, т. е. два раза в неделю. Это количество почти полностью увозят покупатели, с каким-то рвением забирающие его, не торгуясь, по цене, установленной продавцами. Следует еще отметить, что, вероятно, во избежание разговоров о том, что эти покупки совершают несколько спекулянтов, число этих (мнимых) хлеботорговцев очень велико. Неизвестно почему получается, что большинство тех, чьи дела со времен последнего урожая так пошли в гору, что они оказались в состоянии вести такую торговлю, это лица, принадлежащие к самому бедному классу, люди без единого су, которые, совершенно очевидно, могут быть только подставными лицами и приказчиками скрытых монополистов. Каждую неделю 3600 мешков пшеницы направляются с рынка Руа по дороге в Париж, но на расстоянии нескольких льё от города возы сворачивают на другие дороги, и после Пон-Сен-Максанса на дороге, ведущей из Фландрии в Париж, уже не встретишь возов с пшеницей. Похоже на то, что на пути от Руа до Пон-Сен-Максанса вся пшеница из Сантерра как будто проваливается в какую-то неведомую пропасть. Такая же махинация проделывается с зерном, закупленным во всех соседних городах. Еще более крупные закупки производятся непосредственно в деревнях, в домах земледельцев, и вывоз закупленного совершается с удивительной быстротой. А тем временем несчастный житель пшеничного края платит за пшеницу невероятно дорого, Париж все время сидит без хлеба, и все королевство видит, что вскоре заявят об исчезновении всего зерна. И при этом возмущаются тем сопротивлением, которое провинции оказывают этой преступной махинации, не позволяя ей увенчаться полным успехом!

* Разве это не значит сказать Национальному собранию: все, что вы декретировали, привело лишь к дурным последствиям. Вы сочли своевременным разрешить свободу печати, но это совершенно нецелесообразно. Вы, кажется, хотели, чтобы, после того как суды были совершенно дезорганизованы, судейские считали себя вовлеченными в вашу систему всеобщих реформ, но они вследствие этого действуют нерешительно, и зачинщики беспорядков пользуются этим. Ваши решения не получают общего сочувствия, и это приводит к неповиновению исполнителей. Кто же те исполнители, которые первыми решатся подать этот гибельный пример?

смелым, чтобы не испытывать страха перед властью обстоятельств *.

«Нет возможности дать ответы на неясные вопросы, занимающие Вас последние несколько месяцев **. Для этого следовало бы пригласить нас обсуждать эти вопросы вместе с вами или по крайней мере посоветоваться с некоторыми из ваших коллег ***.

Нужно было бы также отбросить всякое недоверие, нужно доверие, основанное на уважении... Если другие лица обладают способностями, которых нам недостает, укажите нам их, мы уступим им место. Для того чтобы остаться на таких постах, требуется больше мужества, чем для того чтобы от них отказаться».

Было выдвинуто предложение о напечатании этого мемуара.

Собрание не приняло этого предложения ****.

---

* Это окончание фразы было, конечно, необходимо, ибо, только отказавшись от своих постов, министры могут отказаться принять на себя ответственность, когда нация требует этого как необходимого условия для занятия высоких административных постов.

** Это утверждение, содержащее порицание, был воспринято как уловка в бюрократическом стиле, как прием в духе старого режима, когда считалось хорошим тоном высмеивать и взирать с жалостью на все, что не было порождено непогрешимыми умами тех, кто находился на высоких правительственных постах.

*** Следовало бы, чтобы королевские министры руководили национальным представительством, чтобы они были его душой и движущей силой, чтобы их предложения всегда брали верх и чтобы решения слепо принимались в соответствии с их мнениями. Таков, конечно, ясный смысл этой слегка завуалированной риторической фигуры.

**** *На этом рукопись обрывается.*

CADASTRE

PERPÉTUEL.

«Постоянный кадастр» (обложка)

CADASTRE

PERPÉTUEL,

Ou Démonstration des procédés convenables à la formation de cet important Ouvrage, pour assurer les principes de l'Assiette & de la Répartition justes & permanentes, & de la Perception facile d'une CONTRIBUTION UNIQUE, *tant sur les* Possessions Territoriales, *que sur les* Revenus Personnels ;

AVEC l'exposé de la Méthode d'Arpentage de M. Audiffred, *par son nouvel instrument, dit* GRAPHOMÈTRE-TRIGONOMÉTRIQUE ; *méthode* infiniment *plus accélérative & plus sûre que toutes celles qui ont paru jusqu'à présent, & laquelle, par cette considération, seroit plus propre à être suivie dans la grande opération du Cadastre.*

DÉDIÉ A L'ASSEMBLÉE NATIONALE.

On doit mettre au premier rang, parmi les améliorations qui intéressent tous les Habitans du Royaume, l'établissement des principes qui doivent assurer une égale répartition des Impôts.

Discours de M. Necker, à l'ouverture des Etats-Généraux.

A PARIS,

Chez { les AUTEURS, rue Quincampoix, n°. 40. GARNERY & VOLLAND, Libraires, quai des Augustins, n°. 25. tous les Marchands de Nouveautés. }

A VERSAILLES, chez BLAIZOT, Libraire.

L'AN 1789,

Et le premier de la Liberté Françoise.

«Постоянный кадастр» (титульный лист)

ПОСТОЯННЫЙ КАДАСТР

Постоянный кадастр [1],

или Изложение правильных способов создания этого важного труда, обеспечивающих справедливые и постоянные принципы раскладки и необременительного взимания единого налога как с земельных владений, так и с личных доходов; вместе с описанием созданного г-ном Одиффре метода межевания при помощи его нового инструмента, тригонометрического графометра, метода несравненно более скорого и более верного, чем все, применявшиеся до сего времени, и который поэтому представляется более подходящим для применения в великом деле составления кадастра.

Посвящается Национальному собранию.

«Среди улучшений, в которых заинтересованы все жители королевства, следует поставить на первое место установление принципов, долженствующих обеспечить равное распределение налогов».

Из речи г-на Неккера на открытии Генеральных штатов [2].

Год 1789

Первый год Французской Свободы

ДОСТОПОЧТЕННОМУ СОБРАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИИ

Милостивые государи!

На рассмотрение вашего Высокого суда подобает, конечно, повергнуть планы управления, могущие затронуть интересы всех граждан государства. Исходя из этого, мы осмеливаемся принести вам в знак уважения «Постоянный кадастр». Это дар, который мы в силах предложить родине, и мы хотели бы надеяться, что вы сочтете его достойным такого предназначения и примете его от имени всех французов. Конечно, очень дерзко притязать на создание произведения, способного принести счастье всем. Но мы надеемся, что это стремление будет признано похвальным. И если наше благородное начинание при всей его смелости будет признано удачным, наше единственное желание будет исполнено.

Пребываем с глубоким почтением, милостивые государи,
Вашими покорнейшими слугами

Ф. Н. Бабеф, архивист-февдист
Ж. П. Одиффре, математик } французские граждане

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Основное содержание этого сочинения состоит в методических указаниях относительно целесообразной организации важной и малоизвестной работы по составлению Кадастра. Но это не исключает изложения, хотя и краткого, тех идей, которые естественно связаны с рассмотрением принципов этого величественного начинания, пример коего поистине предстоит еще дать нациям.

Наиболее примечательными из этих идей являются те, которые относятся к сравнению существующего положения человека с тем, каким оно должно быть.

Следует отметить, что план этого сочинения был составлен значительно ранее дней той счастливой революции, в которые оно выходит в свет. Г-н Бабеф заложил его первые основы во время первого созыва нотаблей, в 1787 году. Но это было еще отнюдь не то время, когда возвышенные идеи патриотизма могли созреть в сознании французов. Идеи и действия в пользу создания Кадастра могли бы тогда показаться частями прекрасного проекта, осуществление которого было бы возможно разве что в республике, похожей на республику Платона. Однако мы с величайшим удовольствием видели, что многие чаяния людей, получившие выражение в этом трактате, стали предметом некоторых памятных постановлений высокого собрания, чьи законы, еще более чем Ликурговы, станут всеобщим образцом для обитателей различных частей земли.

Этот план издается при счастливых предзнаменованиях, поскольку недавно свершившиеся великие перемены, безусловно, требуют для своего полного осуществления составления «Общего кадастра».

Мы не сочли нужным что-либо изъять из первоначального содержания этого сочинения. Оно остается в целом в том же виде, в котором первоначально было создано. Было сделано очень мало добавлений, и если что-либо подверглось существенной переделке, то только лишь часть, касающаяся техники проведения работ в связи с разъяснением тех преимуществ, которые можно извлечь из применения нового тригонометрического инструмента г-на Одиффре, краткое сообщение о котором содержится уже в заглавии этого сочинения.

Здесь уместно будет с уважением упомянуть о первом изобретателе этого инструмента. Это интересное открытие, польза которого для кадастра, благодаря скрупулезной точности и невероятному ускорению межевания, подробно объясняется в дальнейшем в этом трактате, принадлежит г-ну Фио, бывшему профессору математики Лионской академии. Г-н Одиффре получил от него этот секрет, и в результате многолетних трудов, проведенных с неутомимой усидчивостью, он достиг значительного его усовершенствования. Будучи владельцем единственного существующего образца этого инструмента, он с подлинным удовольствием ознакомит с его применением и покажет на практике его различные свойства; ибо полезность этого изобретения не сводится к одним только геометрическим операциям; оно может найти очень интересное применение при разработке географических карт.

К этому графометру приспособлен другой инструмент, именуемый «циклометром». Преимущество этого последнего состоит в том, что он позволяет измерять углы с величайшей точностью, до одной секунды.

NB Г-н Одиффре доводит до сведения любителей астрономии, что в настоящее время он работает над тем, чтобы циклометр мог заменить квадранты с тем бóльшими преимуществами, что, как видно из неоднократных опытов, при его помощи удается измерить малейшие дуги, описываемые звездами при прохождении через меридиан.

У г-на Одиффре есть также другое сочинение, в котором он принимал участие, озаглавленное: «Новая астрономическая теория», in 4°, с рисунками, 1788. Цена без переплета 10 ливров, 10 су.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ,

излагающая, каковы будут последствия принятия проекта, показывающая многочисленные выгоды, которые могли бы из него проистечь, и рассматривающая путь, который еще останется пройти до достижения общего счастья народов, и причины, препятствующие подлинному приближению к этой великой цели

Каковы будут последствия принятия проекта. Многочисленные выгоды, могущие из этого проистечь

Что мы имеем в виду, предлагая наш «Кадастр» в том виде, в каком мы его задумали? Указать средства, которые, по нашему мнению, одни только могут положить конец неравенству обложения, чему не могли воспрепятствовать известные до сих пор его формы, даже независимо от политики эгоистических классов, сумевших внушить общественному мнению, что освобождение от участия в общественных повинностях есть нечто почетное. Ибо мы видим и мы доказали, что даже те из предыдущих проектов «Кадастра», которые предусматривают распространение повинностей на все виды собственности без различия, все же недостаточны для полного уничтожения этого неравенства. Предлагаемый нами образ действия ведет к тому, чтобы привлечь всех французов к участию в несении бремени налогов в самом точном соответствии с их средствами.

Предлагаемые нами два налога, имущественный и личный, позволят упразднить тысячу и одно учреждение, подразделяющиеся в свою очередь до бесконечности, которые постоянно доставляют казне предлоги для безнаказанного осуществления самых обременительных незаконных поборов с народов. Теперь уже нет сомнения, что для каждого человека выгоднее внести в государственную казну, без дополнительных расходов, свою часть налога под одним-единственным наименованием, чем содержать легионы пиявок, поощряемых к повседневному совершенствованию множества притеснительных поборов, подобных многоликому Протею. Почему же нам приходится, подобно всем пишущим, напоминать истины, ставшие общеизвестными! И все же надо неустанно повторять то, что должно быть принято в интересах всех. Если долго кричать, то доймешь и притворяющихся глухими, и они будут вынуждены услышать. Да, конечно, наши налоги сократятся чрезвычайно, когда нам не придется больше подкупать и откармливать за счет пота бедняков эти армии надзирателей, кишащих повсюду в нашем уголке земного шара, этих вампиров, вид которых вызывает у пожираемого ими гражданина стоны всякий раз, как, к своему несчастью, он с ними сталкивается; когда загребущие руки этих кровожадных людей будут направлены на выполнение полезных работ; когда больше не будет налогов на предметы потребления; когда обращение товаров станет совершенно свободным и торговля будет освобождена от всяких, приводящих ее в упадок, помех и т. д., и т. д., и т. д.

При существующих у нас порядках наше положение таково, что мы никогда не знаем, что мы платим. Различные обстоятельства — одни больше, другие меньше — дают изобретательной казне возможность лучше изнурять нас налогами. Какая это была бы радость освободиться от того состояния постоянной растерянности, в которую повергают нас столь противозаконные привычки!

Но уже вошло в поговорку, что чем больше получаешь, тем больше хочешь получить. Это правило наводит на серьезные размышления. Член общества, который, имея все необходимое, не ограничивает этим своего честолюбия, должен рассматриваться как похититель законной доли других. Наоборот, тот, кто требует и получает, но недостаточно, чтобы достигнуть благосостояния, которое, если бы все было хорошо, было бы обеспечено в равной мере всем людям, имеет право постоянно требовать до тех пор, пока он не добьется предоставления ему возможности достигнуть разумного достатка.

Вот почему мы не предполагаем, что принятия «Кадастра» достаточно для улучшения судьбы народа, и мы не скрываем, что, и добившись его, ему придется еще много требовать. Правда, это сочинение приведет к установлению единого налога, и ясно, каковы будут все благодетельные результаты этого столь простого порядка. Он неизбежно коснется всех видов собственности, и легко понять, что чем больше людей участвуют в несении бремени, тем менее тяжелым окажется оно для каждого в отдельности. Этот порядок приведет к самому справедливому и тщательному распределению налогов, и можно предположить, сколь утешительно будет знать, что бремя, которое ты несешь, в точности соответствует тому, что возложено на всех остальных.

Но все же это облегчение коснулось бы лишь людей, обладающих хотя бы небольшим состоянием. Бедняк, гражданин, лишенный всего, не получил бы от этого ничего. В любом случае он ничего не может платить, потому что у него ничего нет. Обездоленные классы! Что же сделать, чтобы как-нибудь облегчить ваше положение? Что сделать, чтобы вы сохранили желание продолжать свое мучительное существование?

О пути, который останется преодолеть для достижения общего счастья народов. Главные причины, препятствующие подлинному приближению к этой великой цели

Хотя задача обеспечения точного распределения общественных повинностей между всеми членами политического сообщества полностью соответствует справедливости, мы ожидаем, что найдутся люди, коим отнюдь не понравится сочинение, показывающее преимущества такого порядка вещей. Чтобы они особенно не упрямились, мы рассмотрим великие принципы, связанные с

вопросом о правах человека. Мы постараемся показать, что, стремясь получить те блага, которые дает кадастр, трудовой народ проявляет большую умеренность и что он мог бы с полным основанием выдвинуть и другие требования, способные вызвать гораздо большее удивление.

Посвятив себя работе над этим сочинением, мы имели в виду защиту угнетенных. Поэтому вполне естественно, что мы им уделили много внимания.

Если просмотреть все предложения, выдвинутые в различных местах королевства, и объединить все, содержащееся в них и направленное прямо в пользу несчастных, то вот, приблизительно, к чему можно свести все к этому относящееся.

Прекратить торговлю духовными благами религии, т. е. разрешить людям рождаться и умирать без того, чтобы обязательно протягивать руку к кошельку для уплаты за церемонии, связанные с этими двумя событиями.

Учредить национальную кассу для обеспечения бедных.

Платить из общегосударственных средств жалованье врачам, аптекарям и хирургам с тем, чтобы они могли бесплатно оказывать помощь.

Выработать план народного просвещения, которым могли бы пользоваться все граждане.

Судьи тоже должны получать жалованье из общественных доходов, дабы сделать отправление правосудия бесплатным *.

Таким образом, следует признать, что в обществе есть множество неимущих, которые должны рождаться, существовать, лечиться, получать образование, обращаться в суд и предавать своих близких земле совершенно бесплатно.

Но, возразит эгоизм, это было бы слишком уж удобно. Этаким пенсионерам жилось бы не так уж плохо. На каком основании те, кто ничего не имеет, могут требовать стольких преимуществ от тех, кто владеет всем?.. Но в таком случае судьба одних будет не лучше судьбы других?.. Ага, господа богачи!.. Вот к этой-то дискуссии мы жаждали вас привести.

Конечно, наша задача заключается в рассмотрении планов, осуществимых при нынешнем порядке. Но нам должно быть дозволено взглянуть и на тот порядок, который должен был бы существовать **.

---

* Однако представляется целесообразным, с одной стороны, во избежание чрезмерного учащения судебных процессов и перегрузки судей вследствие злоупотреблений легкой возможностью судиться, не подвергаясь расходам, установить, чтобы в первой инстанции стороны судились своими же согражданами; а с другой стороны, для стимулирования судей и во избежание небрежности, наносящей ущерб клиентам, установить, что разбирательство каждого дела должно быть закончено в течение одного года.

** «Постараемся быть справедливыми по отношению к народу, а мы еще очень далеки от этого».— «Essai sur la Constitution et les fonctions des Assemblées Provinciales, par M. Condorcet», t. 2, p. 70.

В естественном состоянии все люди равны. Нет никого, кто не согласился бы с этой истиной. Однако для того, чтобы оправдать крайнее неравенство имуществ в общественном состоянии, утверждают, что даже в состоянии дикости все люди, строго говоря, не пользовались абсолютным равенством, потому что природа не наделила каждого из них в одинаковой степени чувствительностью, умом, воображением, трудолюбием, активностью и силой; следовательно, она не наделила людей одинаковыми средствами, чтобы работать для своего счастья и приобретать те блага, которые его обеспечивают. Но если общественный договор был, действительно, заключен на основе разума, разве он не должен был иметь целью устранение того, что есть порочного и несправедливого в естественных законах? Если силой или любым другим способом мне удается вырвать из рук моего брата добычу, которой он хотел утолить свой голод, разве общественный закон не должен продиктовать запрещение столь варварского действия и объяснить мне, что я должен искать лишь средства к существованию, еще не присвоенные никем другим для своего личного пользования? Разве он не должен призвать меня даже разделить преимущества моих более высоких способностей с тем, кто при рождении не был столь облагодетельствован и не получил от природы столь же благоприятных задатков?

Вместо этого общественные законы дали возможность интриге, хитрости и изворотливости ловко овладеть общественной собственностью. Естественный человек добывал лишь ежедневное пропитание и тем самым оставлял другим возможность также постоянно находить все, что ему было необходимо. Если бы было иначе и один человек вздумал бы заняться накоплением, его товарищи сочли бы себя вправе разграбить накопленное им, чтобы подавить честолюбие, пример которого мог стать гибельным. Но не так обстояло дело с человеком, считающим себя цивилизованным: он имел возможность безнаказанно захватить для себя одного то, что могло бы служить для поддержания жизни многих тысяч ему подобных. Не было установлено никаких границ для приобретения богатств. При помощи ложных предрассудков нелепым образом возвысили заслуги и важность некоторых профессий, полезность которых в действительности была чаще всего иллюзорной и химерической. Те, кто занимался этими профессиями, тем не менее достигли обладания всем, между тем как у людей действительно нужных для общества, ибо они выполняют самые необходимые и неотложные работы, заработок сократился почти до нуля.

Но этим зло не ограничилось: даже этот труд стал для них почти недоступен. Поскольку все способствовало поглощению малых состояний крупными, численность рабочих чрезвычайно возросла. Вследствие этого не только очень понизилась заработная плата, но все большее число граждан лишалось возможности най-

ти работу даже за ничтожно малое вознаграждение, установленное тираническим и беспощадным богатством, вознаграждение, на которое нужда заставляла искусного труженика соглашаться.

Между тем постоянный припев тех, кто живет в изобилии, заключается в том, чтобы отсылать работать докучливого человека, который под гнетом самых неотложных потребностей приходит к ним просить хотя бы о самой малой помощи. Глаз Креза, уязвленный действительно страшным, действительно ужасным видом жалких лохмотьев, заменяющих бедняку все украшения, его жалкой наружностью, его уродливой бледностью и безобразным цветом его залитого слезами лица, повторяем, глаз Креза, уязвленный такой картиной не потому, что его душа, недоступная для жалости, сколько-нибудь этим взволнована, а потому, что ему неприятно видеть около себя какой-то невеселый предмет, отстраняет его и холодно, без стеснения избавляется от его присутствия. «Пусть идет работать!» Но где же он найдет эту работу?

Естественный порядок может быть искажен, изменен, потрясен, но его полное разрушение само ведет к его восстановлению. Если после того, как большинство людей будет полностью лишено земли, они лишатся еще и возможности выйти из положения с помощью труда, то какое же решение они примут? «Надо уважать собственность!» Но если из двадцати четырех миллионов человек пятнадцать миллионов не имеют никакой собственности, ибо остальные девять миллионов не проявили достаточного уважения к их правам, чтобы обеспечить им по крайней мере средства поддержания их существования, так что же пятнадцати миллионам надо решиться умереть с голоду из любви к девяти миллионам в благодарность за то, что те их полностью ограбили? Вероятно, они не очень охотно на это решатся, и богатому классу лучше было бы добровольно выполнить свой долг перед ними, чем ждать, пока они не придут в отчаяние.

Кто-то уже сказал: «Каждый человек должен иметь возможность найти себе работу, и законы должны следить за тем, чтобы оплата была достаточной для его существования».

Мы должны повторить сами себе: небольшое число людей могло все захватить только благодаря укоренившемуся мнению, предоставившему непомерное вознаграждение за определенные виды деятельности. Это замечание имеет в виду влияние феодального режима и хитрости духовенства. Имущественное неравенство никогда не дошло бы до такой возмутительной крайности, если бы всегда сохранялось убеждение в том, что все профессии одинаково ценны, когда они имеют целью общую пользу, и что *всякий человек, обладающий добродетелями, делает честь своему ремеслу*.

Все дело в предрассудках. Все люди не могут быть использованы одинаковым образом. Они не обладают равными способ-

ностями к одним и тем же занятиям. И в этом отношении природа распорядилась разумно, потому что таким образом из рук людей выходит множество разных изделий, способствующих умножению предметов, необходимых всем. Следовательно, все участвуют в соответствии со своими естественными возможностями в доставлении обществу различных выгод. Следовательно, все должны, казалось бы, пользоваться одинаковым благосостоянием в этом обществе, так как если кто-нибудь одарен талантами, достаточными лишь для того, чтобы приносить обществу только незначительную пользу, то ведь это не его вина.

К тому же если хорошо рассудить, то, конечно, те профессии, которые мы рассматриваем как низкие, отнюдь не являются, как правило, наименее полезными. С точки зрения философа трудолюбивый виноградарь несравненно более дорог, чем лукавый судья, пьющий его вино и заставляющий его растрачивать на тяжбу ту землю, которая это вино производит. Честный ремесленник, шьющий для нас обувь, бесконечно более важен, чем плут, бумагомаратель, который в своей глупости полагает, что обратить свой взор на этого симпатичного рабочего значит оказать ему слишком много чести. И здесь предрассудок служит спеси, и под его воздействием скромный гражданин, действительно достойный уважения, сам считает себя менее ценным, чем презирающий его хвастун, и слепо верит, что это презрение в порядке вещей.

Итак, предрассудки — порождение невежества — причиняли во все времена несчастья человечеству. Не будь их, все люди сознавали бы свое личное достоинство. Все понимали бы, что общество есть не что иное, как единая большая семья, все члены которой должны иметь равные права, коль скоро каждый в соответствии со своими физическими и умственными способностями содействует общей пользе. Общая мать — земля могла бы подлежать разделу только пожизненно, и каждый надел стал бы неотчуждаемым, чтобы достояние каждого гражданина всегда было прочно обеспечено. Каким хорошеньким участком мог бы пользоваться каждый глава семьи в такой стране, как Франция, где в среднем, по самым различным подсчетам, насчитывается около семидесяти миллионов арпанов общей площади обрабатываемой земли!

Если предположить, что каждая семья состоит из четырех человек, а численность населения французского государства составляет двадцать четыре миллиона человек, это даст нам шесть миллионов семей. Следовательно, на каждый участок придется по одиннадцати арпанов.

Какой приличный средний достаток можно было бы обеспечить с такой площадью хорошо обрабатываемой земли! Какое чистосердечие, какая простота нравов, какой неизменный порядок царили бы в народе, который принял бы столь подлинно мудрый строй, точно соответствующий предначертанным природой общим

законам, которые только род человеческий позволил себе нарушить!

Противоположные законы одержали верх только потому, что люди были недостаточно просвещены. Основой всех общественных учреждений стал следующий принцип: если только человек не вырывает из рук равного себе принадлежащие последнему блага с помощью неприкрытого насилия, то во всем остальном ему, как и всем другим, дозволено применять все мыслимые хитрости, чтобы выманить эти блага. Таков фактически дух наших законов. Тот, кто лучше других умеет пользоваться интригами, непременно становится самым счастливым или по меньшей мере самым могущественным из своих собратьев. Тот, кто не умеет хитрить, становится несчастным, и стечение счастливых или несчастливых обстоятельств порождает смутное представление о том, что всякое имущество имеет свою судьбу.

Мы видели, что подобное представление могло бы остаться навсегда неизвестным, что устойчивое состояние граждан могло бы быть обеспечено независимо от случайности. Все, только что нами изложенное, доказывает, что незаконно, когда один человек пользуется благосостоянием, непропорционально превосходящим ту часть благ, которая следует ему из продуктов, производимых в стране, где он живет, с учетом числа жителей этой страны. Это нарушает порядок. Ибо природа, бережливая в своих дарах, производит приблизительно столько, сколько полезно для созданных ею существ. И не могут некоторые пользоваться лишним без того, чтобы другие не остались без необходимого.

Итак, только в результате узурпации отдельные люди индивидуально владеют многими долями общего достояния. Мы не собираемся претендовать на то, чтобы реформировать мир, полностью восстановив первоначальное равенство. Но мы хотим доказать, что все те, кто впал в бедность, были бы вправе потребовать восстановления этого равенства, если бы богачи попрежнему отказывали им в должной помощи, такой, которая могла бы считаться подобающей равным, такой, которая не позволила бы этим равным впасть опять в возмутительную бедность, куда в настоящее время их ввергли несчастья, накопившиеся на протяжении предшествующих столетий.

Теперь мы можем лучше обосновать ответ жертв бедности на вопрос, задаваемый нашими жестокими и надменными сатрапами: «На каком основании те, кто ничего не имеет, требуют столько преимуществ от тех, кто владеет всем? В таком случае судьба одних отнюдь не будет лучше судьбы других».

На каком основании!.. Но, милостивые государи, уже по одному тому, что они — люди, по праву всякого подопечного, достигшего совершеннолетия, потребовать наследство, которое нечестный опекун имел подлость похитить у него. Вы — эти недостойные опекуны; народ, ныне достигший сознательного возраста, до сих пор тщательно удерживали в состоянии вечного отро-

чества и роковой инертности, что привело его к забвению своих прав. Вы окружили его ложными авторитетами, связали по рукам и ногам, физически и морально, посредством множества смешных и варварских ухищрений. Вместо того, чтобы дать ему возможность учиться тому, что ему необходимо знать, чтобы сохранить и в общественном состоянии свои законные преимущества, вы ему привили суеверия, мелочные ограничения, нелепые представления, способные ввести его разум в заблуждение. Вы придумали план воспитания, постоянно направленный к распространению крайней нищеты, к обеспечению возможности выжимания пота из несчастного, и вы позаботились дать ему такие понятия, чтобы он не считал себя вправе жаловаться на ваше коварство, чтобы он даже и не подумал, что вы на это не имеете никакого права. Одним словом, именно установлением такого контраста между воспитанием бедного и вашим собственным воспитанием вы достигли превращения бедняка в того, кем он сейчас является, а в себе выработали жестокость и безжалостность и стали легко переносить зрелище гибели от голода себе подобных, в то время как вы сами утопаете в излишествах и наслаждениях.

Воспитание! Это слово побуждает нас перейти к указанию на то, что ближе всего касается счастья народов. «Человек несчастен только вследствие невежества»,— сказал знаменитый канцлер де Лопиталь [3]. Поэтому тот, кто правильно поймет нашу точку зрения, не скажет, что, бросив здесь беглый взгляд на этот вопрос, мы отклоняемся от нашей темы *.

«Следует отнестись самым тщательным и внимательным образом к столь важному вопросу (о народном просвещении), от которого будет зависеть развитие талантов, спокойствие семейств, общественные нравы и слава французского народа». Сопоставление требований, содержащихся в различных наказах, показывает, какое большое число наказов содержит это требование.

В самом деле, для нации было бы величайшим благом, если бы был издан закон, предписывающий вместо примитивных учреждений, созданных повсюду для бедного народа, вместо всех учителей приходских школ, способных прививать своим ученикам

* Люди, придерживающиеся похвальной привычки постоянно искать, к чему придраться, пожалуй, стали бы возражать против того, что мы используем план «Кадастра» как повод для того, чтобы затронуть такой вопрос. Но да соизволят они припомнить заголовок этого параграфа, в котором мы обещаем показать: 1) какой путь останется преодолеть после осуществления великого благодеяния Кадастра, для полного достижения общего счастья; 2) какие причины мешают приближению к этой великой цели. Иногда выставляют в смешном виде вещи, наиболее достойные нашего уважения, и это большая ошибка. Надо пользоваться любым поводом, чтобы защищать дело человечества, была бы хоть какая-нибудь надежда добиться удовлетворения его жалоб.

лишь варварские представления, поставить учителей, способных по меньшей мере обучать чтению и нравственным правилам. Следовало бы требовать от них совершенного знания правил языка и обязать их преподавать только в соответствии с этими правилами, разумеется, при условии повышения оплаты каждого из этих учителей соответственно тем дополнительным знаниям, которые им придется приобрести.

Но, скажут некоторые, это потребует новых расходов. А может ли расход быть более разумным, чем этот? Если считается необходимым платить человеку, который учит нас, как вести себя в мире ином, то не следует ли считать полезным израсходовать по меньшей мере столько же на оплату того, кто научит нас выходить из затруднений в этом мире? Среди богатств, предназначенных для обеспечения преимуществ потусторонней жизни, богатств, потребляемых людьми, ничего не делающими для предоставления миру этих несказанных благ, можно было бы найти больше, чем требуется для учреждения, нуждающегося лишь в усовершенствовании, поскольку оно уже существует, но на порочных основаниях.

Отнюдь не трудно будет убедиться в правильности наших замечаний об уродливом состоянии дела просвещения простого народа и о важности и необходимости улучшения этого дела. Велики злоупотребления, творимые в этой области. Известно, что невежество порождает невежество. Оттого, что просвещение тех, кого называют простонародьем, так сказать, недооценивается, происходит то, что и сам народ, выбирая своих учителей, выбирает их плохо; следствием этого является увековечение и усугубление бед, вытекающих из дурного выбора. Если речь идет о выборе школьного учителя или приходского сельского учителя, то прежде всего заботливо проверяют, обладает ли он глоткой, приспособленной для того, чтобы можно было слышать грубые раскаты его голоса даже за стенами храма. Коль скоро удовлетворительный ответ получен, собирают еще кое-какие сведения для выяснения того, способен ли он сносно изобразить так называемые «прописи» и, главное, умеет ли он нацарапать рядом с этими прописями несколько незначительных строчек. Никому не приходит в голову выяснить, умеет ли кандидат хотя бы читать. Если случайно окажется несколько жителей, способных понять, что это и есть самый существенный вопрос, они воздерживаются от того, чтобы его задать, потому что знают, что школьный учитель, умеющий читать, встречается не так часто.

Этим прежде всего объясняется, что народ остается все в том же состоянии невежества, и из-за этого кажется, что он принадлежит к другой породе, чем те, которым посчастливилось получить более правильное воспитание; последние презирают его, а равно и впитанные им предрассудки невежества, жертвой которых он стал по их вине.

Это ставшее привычным злоупотребление, как мы уже упоми-

нали, сохраняется благодаря политике учреждений, интересы которых противоположны интересам народа. Но это весьма жестокая политика! Выдвигают тот предлог, что деревенские жители не нуждаются в большом *образовании* для обработки своих полей. Это утверждение было бы приемлемо, если бы все люди были только землепашцами. Во времена счастливой простоты, когда это действительно так и было, образование было, вероятно, бесполезно. Представляется, что в дальнейшем оно стало опасным, когда одна часть общества захотела присвоить себе исключительное право на просвещение и использовала свои знания для приобретения над другими превосходства, уничтожившего равенство, честность и установившего те позорные различия, от которых человечество начинает краснеть. Надо было быть *образованным*, чтобы постоянно защищаться от угнетения. И тот, кто не хотел попасть в категорию униженных, вынужден был интриговать и применять свои личные знания, чтобы самому тоже стать угнетателем простых людей, увеличивая в ущерб последним свою часть великого общего наследия.

Такая необходимость продолжала существовать вплоть до наших дней. Каждый, казалось, старался жить за счет грабежа. Всякое изобретение, осуществленное благодаря просвещению, доставляло средства выйти из трудового класса и жить в изнеженности, т. е. за счет его трудов. Так что если интригующий класс не добился полного и окончательного порабощения класса трудящихся, то это потому, что последний позаботился о том, чтобы тоже получить кое-какое *образование*, и вследствие этого со временем тоже стал немного интриговать, и в достаточной степени, чтобы оказаться в состоянии отстоять часть своих прав против непомерного властолюбия первых поборников *образования*.

Итак, доказано, что в человеческом обществе или совсем не нужно *образования*, или все люди должны получать равное *образование*. До тех пор пока будет иначе, более хитрые всегда будут обманывать менее хитрых: по тому, что было, мы можем судить о том, что будет. Если бы все люди всегда получали равное *образование*, если бы они не были в плену глупых предрассудков, столь долгое время мешавших им понять себя и что они собой представляют, никогда большинство не примирилось бы с тем, что меньшинство осмеливается навязывать ему позорные цепи, тяжесть которых время несколько уменьшило, не стерев полностью их следов. Никогда те, кого называют «третьим сословием», не были бы обречены на одни только страдания, чтобы дать возможность наслаждаться тем, кто притязает на возведение себя в первые сословия, никогда не было бы третьего сословия, было бы всего лишь одно единое сословие.

Смертные равны. Вовсе не рождение,
Лишь одна добродетель создает различия.

В заключение, поскольку образование царит в нашем веке, очень интересно остановиться на вопросе о просвещении народа, хотя бы для того, чтобы дать народу возможность защищать права, еще оставшиеся у него, от незаконных притязаний просвещенных интриганов, которым все было бы слишком уж легко, если б им приходилось бороться только с невежественным народом. Обработка земель от этого отнюдь не пострадает. В Риме консулы были, конечно, людьми с образованием; однако они были в большинстве случаев добрыми и примерными земледельцами, покидавшими плуг лишь для того, чтобы управлять армиями. К тому же, образование стало у нас своего рода собственностью, на которую каждый вправе претендовать. Наши обычаи сделали образование необходимым для сохранения наших нравов. Оно позволяет нам знать то, чего нельзя не знать. Оно открывает нам путь, ведущий к поискам добродетели и любви к ней. Оно освобождает нас от глупости и от множества самых опасных предрассудков. Оно показывает нам, в чем заключаются права человека. Оно позволяет нам лучше различать справедливое и несправедливое. Оно позволяет нам без всякой посторонней помощи заслужить должности, которых мы тщетно добивались бы без него. Оно может служить пробуждению в нас патриотизма — добродетели, которую, как известно, до готовящейся счастливой революции у нас совершенно перестали уважать.

Мы ограничились требованием от учителей главным образом совершенного знания основ языка, и вот почему. Кто хорошо понимает свой собственный язык и хорошо знает его структуру и значение, тот обладает ключом почти ко всем наукам. Человек способен, если очень этого хочет, приобрести самостоятельно много весьма разнообразных знаний. По-видимому, это довольно хорошо понято, судя по тому, что многие коллежи, многие учебные заведения берут за основу преподавание языка. С другой стороны, была очень распространена мания письма; считалось, что, кто умеет писать, тот знает все. Ныне разумные люди говорят, что прежде всего надо обратить внимание на обучение чтению, что затем можно довольно быстро и довольно хорошо научиться писать. Когда научатся также понимать то, что читают, то остальному научиться легко. Народ, получивший такое образование, будет по своему характеру полностью отличаться от нынешнего народа. Последний груб, суеверен, глуп и вял; тот народ будет просвещенным, изобретательным, активным и патриотичным.

Понятно, что в настоящем плане народного просвещения мы имеем в виду, что нашей молодежи в школах не надо давать читать какие-нибудь благоглупости. Быть может, будет решено обучать молодежь в первую очередь на текстах законов, дабы смолоду привить ей знания своих прав и своих обязанностей, объяснить ей по существу, что такое человек в общест-

венном состоянии и каким правилам должен следовать каждый из них, чтобы стать гражданином.

Истоки судеб наций связаны с порядком, соблюдаемым в деле воспитания людей. Властолюбивые умы всегда отлично понимали это правило политики. Подобно тому, как недостаток просвещения дал возможность лжи осуществить коварные узурпации, позволил гидре феодализма совершить свое гибельное возвышение, создал дворянские земли и дворянство, допустил появление детоубийственного закона первородства, предназначенного для сохранения непомерных богатств, подобно этому восстановление просвещения одно лишь сможет вернуть человека к свойственному ему достойному состоянию и устранить все страдания, порожденные распространением различных бедствий, против которых мы выступаем.

Было бы плачевным следствием незнания народом своих прав, если бы он согласился ныне принять в виде помощи то, что он вправе требовать как справедливое возмещение.

Среди существующих учреждений есть множество таких, которые просвещенный народ не потерпел бы. Тысячи сияющих лучей света позволили бы ему, быть может, узреть истины, необходимые для его благоденствия. Особенно важно, что он достиг бы умения ценить и уважать себя. Он рассудил бы, что столь долгое время навязываемые ему пустые различия суть лишь химеры и что лишь тот человек, который имеет заслуги в отношении ему подобных, имеет право на отличие.

«Кто хорошо служит своей стране, тот не нуждается в предках».

Ввиду того, что нынешнее положение вещей еще очень далеко от той степени совершенства, которой следует достичь, чтобы дать людям полное благоденствие, мы не посмели утверждать, подобно тому, как это делают многие другие, что осуществление нашего плана способно привести к такому результату. Поскольку мы одни не в состоянии дать миру все то благо, которого мы ему желаем, мы сочли, что было бы весьма большим благом для общества, такого, какое оно есть, если бы мы могли добиться принятия плана, содержащего средства, дающие возможность избежать произвола и установить возможно большую справедливость в деле распределения государственных налогов. Этим ограничиваются наши притязания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРИНЦИПЫ ОБЛОЖЕНИЯ

I

КАКОВО ПРАВИЛЬНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ ЕЖЕГОДНОГО ВЗНОСА, КОТОРЫЙ КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН СВОБОДНОЙ НАЦИИ ДОЛЖЕН ПЛАТИТЬ ГОСУДАРСТВУ?

Мы сочли нужным начать с определения наименования, которое подобает дать той сумме, каковую должен платить государству каждый гражданин. «Налог» представляется нам самым подходящим словом. До наших дней самым общеупотребительным было слово «побор» [4]. Но новые времена порождают новые привычки. Взимают поборы с рабов, принуждая их участвовать в покрытии расходов деспотического правительства, и вследствие этого принуждения люди, доведенные до жалкого состояния мучительного рабства, постоянно проявляют величайшее отвращение к выполнению своих повинностей. Свободные граждане, наоборот, считают за счастье способствовать всеми силами удовлетворению потребностей родины, и чувства, внушаемые прекрасными и проникновенными словами «гражданин», «родина», «свобода», таковы, что тот, кто принес своей стране самые большие жертвы, испытывает самое сладостное счастье.

История всех стран возвещает нам эти неизменные истины. Все мыслящие люди находят их в своих сердцах, и то, что ныне происходит у нас, доказывает, что эти истины не будут забыты.

Если есть случаи, когда необходимо обратить внимание на слова, то это как раз относится к обсуждаемому нами предмету. Несомненно, что привычка слышать постоянно в соответствии с официальными документами только слово «побор» немало способствовала увековечению рабства народов и сохранению ими склонности покорно подчиняться всем капризам тех, кто постепенно привык пользоваться в своих интересах этой удивительной покорностью. Таким же образом, используя влияние слов, духовенство путем изобретения таких выражений, как «безвозмездные дары», «субсидии», «вспомоществования» и т. д., весьма продуманно сохраняет то ценное преимущество, что оно как бы постоянно оказывает все новые услуги государству, тогда как на самом деле оно отдает ему лишь то, в чем неприлично было бы отказать.

II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ НАЛОГОВ

Авторы придерживаются различных взглядов по этому вопросу, как и по другим исследуемым предметам, требующим проникновения во тьму веков. Одни утверждают, что изобретение тальи

было делом феодального правления, что владельцы крупных фьефов первыми стали требовать ее при пожаловании земель тем, кто был им подчинен, и что, когда наши короли сумели занять место этих сеньеров, известных под наименованием первых вассалов короны, они продолжали взимать талью с прежних зависимых, ставших прямыми подданными монархии. Другие относят установление налогов ко времени создания обществ, исходя из достаточно веского соображения, что, когда люди совместно, путем выработки согласованных между ними законов, достигают каких-то взаимных выгод, то необходимым следствием этого является обязанность для каждого из них участвовать также и в покрытии общих нужд в соответствии с получаемой им долей этих выгод. Последнее рассуждение показалось нам наиболее правдоподобным и наиболее точно обосновывающим безусловную необходимость налогов.

Однако это не означает, что следует отказаться от первого взгляда. Феодальная аристократия была сильным общественным учреждением. Крупные вассалы были до такой степени хозяевами положения, что они только с трудом признавали чисто почетный сюзеренитет монарха, они были подлинными суверенами в отношении наших зависимых предков. Талья, уплачиваемая им последними, представляла те налоги, которые ныне мы платим королю и которых они ему в то время отнюдь не платили, будучи исключительно в состоянии прямой зависимости от сеньеров. Последние считались обязанными защищать их против любого вторжения со стороны, и они были заинтересованы в сохранении целости своих сеньерий точно так же, как наши короли заинтересованы в сохранении своих провинций.

III

ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЛИШЬ ДВА ВИДА НАЛОГОВ: ОДИН — ЛИЧНЫЙ, ДРУГОЙ — ПОИМУЩЕСТВЕННЫЙ

Поскольку признано, что участие в расходах общества есть обязанность всех тех, кто в качестве членов этого общества пользуется его выгодами, дальнейшее рассмотрение этой основной истины должно, по-видимому, вести к выяснению того, как и в какой мере каждый человек должен осуществлять это свое участие.

Если бы каждый из нас был доволен своей судьбой, ничего бы не жаждал и мог спокойно оставаться в своем состоянии, не нарушая никоим образом покоя других, то совершенно очевидно, что в обществе не возникала бы необходимость в законах, ибо они ничего не могли бы добавить к столь прекрасному порядку. Таким образом, не было бы необходимости ни в каких расходах на содержание правительства, ибо управление совершалось бы само по себе, или, вернее, не нужно было бы вообще управления. Но таково свойственное нашей природе несовершен-

ство, что, безусловно, необходимо установить между нами законы и правила, без тормозящего действия которых наши страсти увлекли бы нас на путь злоупотреблений друг против друга, что опрокинуло бы этот порядок и лишило бы это общество возможности существовать.

Эти правила и законы не могут быть приводимы в действие каждым человеком в отдельности. Чтобы придать им силу, соответствующую требуемому результату, нужно, чтобы их исполнение осуществлялось сообща всеми членами общества, которое этим законам подчиняется. Однако, поскольку нет никакой необходимости в том, чтобы все они посвящали себя этому, большая часть их приходит к соглашению заниматься каждому своими частными делами и переложить на остальную часть заботы об общих интересах.

Из такого соглашения вытекает обязанность для уполномочивающей стороны доставить средства для покрытия расходов уполномоченной стороны, и эти расходы на общее дело и составляют существо того, что называют *налогом*.

Поскольку первой заботой уполномоченной стороны должна быть охрана физического существования людей, предотвращение всех возможных нападений как изнутри, так и извне, то из этого следует, что коль скоро каждый получает от этого пользу, то каждый и должен участвовать, пропорционально своим возможностям, в содержании учреждений, обеспечивающих эту личную безопасность. Отсюда необходимость *личного обложения*.

Другая обязанность уполномоченных общества заключается в наблюдении за сохранением собственности каждого человека. И, поскольку каждый извлекает большую или меньшую выгоду из этой охраны собственности, в соответствии с тем, больше или меньше его собственность, законно, чтобы каждый участвовал пропорционально тому, что он имеет, в содержании учреждений, обеспечивающих эту сохранность имущества. Отсюда необходимость пропорционального *поимущественного налога*.

Таковы формы участия в расходах общества, которые мы сочли возможным установить, и нам представляется, что все государственные повинности должны быть сведены к этим двум — **личному налогу и поимущественному налогу.**

IV

ИЗ ВСЕХ ПОВИННОСТЕЙ, ПАДАЮЩИХ НА НЕДВИЖИМОСТЬ, ЕДИНСТВЕННО ЗАКОННЫМИ ЯВЛЯЮТСЯ ТЕ, КОТОРЫЕ ИДУТ НА НУЖДЫ ОБЩЕСТВА

Из всего изложенного выше вытекает, что, разумно рассуждая, нельзя отрицать законность установления индивидуальных налогов, предназначенных для покрытия потребностей государства. Но есть другие поборы с земельных владений, которые были

введены вовсе не для такого полезного для народов применения. Между тем очевидно, что в соответствии с принципами справедливой и равной раскладки налогов, необходимых для общего блага общества (а изложение этих принципов составляет главную цель данного сочинения), именно эти дополнительные поборы по значительности своих размеров и в своей совокупности могут оказаться для собственников гораздо более обременительными, чем повинности, признанные полезными. Поборы, о которых мы говорим,— это сеньериальные повинности и церковные десятины. Мы в дальнейшем докажем, что существование этих двух видов обложения, столь сильно обременяющих земельные владения, не имеет ни малейшего отношения к идее общей пользы. Мы постараемся вместе с тем показать, что вполне возможно было бы упразднить эти два вида повинностей, не посягая на всегда достойные уважения права собственности.

Сеньериальные повинности

Во многих врученных депутатам Национального собрания наказах и во многих ярких сочинениях, распространяемых среди публики, большое внимание уделяется вопросу о том, в какой мере заслуживают уважения сеньериальные права. Одни хотели бы их полного упразднения, ибо они несут на себе ненавистное клеймо феодального деспотизма, выжженное на людях и вещах древним варварством немногочисленной орды тиранов. Другие, более умеренные, желали бы лишь, чтобы упразднению подверглись только повинности, имеющие наиболее порабощающий характер, такие, как дорожные пошлины, баналитеты, право «мертвой руки», барщина и т. д. Наконец, те, кто заинтересован в их сохранении, изображают сеньериальные повинности как священную собственность, коей не дозволено касаться.

В те времена, когда по закону наиболее сильного сеньеры приобрели все права, вплоть до права распоряжения жизнью других людей; в те времена, когда последние, известные под гнусным именем сервов, были обречены на прикрепление к земле ради выгоды первых и доведены до мучительной необходимости проводить борозду под бичом тирании, те, кто пользовался тогда позорным правом господства и управления, наверное, считали достойной уважения собственностью возмутительный обычай, позволивший им притеснять таким образом равных себе *. Но внезапно блеснул луч света. Почувствовав возможность стать чем-то большим, чем то, к чему осмелились при-

* Такая же точно история повторилась у колонистов Нового Света. Можно было бы подумать, что они заимствовали свою систему угнетения из тиранических архивов феодального строя, до такой степени им удалось точно уловить его дух и верно скопировать варварские обычаи, в них отмеченные. В защиту несчастных жертв этой жестокой системы уже тысячу раз выступали сторонники человечности. Но жадность

нудить его, человек вернул себе часть своей свободы, и в результате на сей день остались лишь такие следы серважа, которые известны под наименованиями ценза, пошлин с наследства и продажи имущества, пятых долей, права выкупа, права на выморочное имущество и т. д.

Наши несчастные предки не смогли окончательно откупиться от этого жестокого рабства. Добившись осуществления самых неотъемлемых прав человека, они этим удовлетворились. Надо ли удивляться, если ныне мы также захотим обеспечить себе полное освобождение от пережитков рабства, которые они нам оставили? Во всяком случае не будет ничего удивительного, если мы потребуем издания закона, предписывающего, чтобы держателю-должнику было разрешено по его желанию выкупить у своего сеньера лежащую на его наследственном имуществе феодальную или недворянскую повинность, так чтобы это наследственное имущество в дальнейшем было навсегда освобождено и именовалось бы впредь «свободным наследством». Такая сделка не нанесла бы ущерба сеньерам, и наступило бы время, когда все сеньериальные повинности оказались бы выкупленными и память об этом множестве сервитутов, непрестанно напоминающих о прежнем состоянии человека, канула бы, наконец, в небытие.

Кое-кто громко кричит об «уважении к собственности». Утверждают, будто повинности, именуемые сеньериальными правами, составляют вид собственности, что почти все, пользующиеся ими, владеют ими по праву приобретения, через посредника или непосредственно, и что поэтому они должны сохранить право распоряжаться ими по своему усмотрению, так что их нельзя принуждать соглашаться на выкуп. Но феодальные тираны также имели возможность перепродать несправедливые и жестокие права, присвоенные ими в отношении других людей. И когда те захотели бы от них освободиться, сеньеры-приобретатели могли тоже им возразить: «Мы не обязаны проверять, является ли законным по своему происхождению принадлежащее нам право распоряжаться вашей жизнью и смертью; с нашей стороны оно законно, раз мы его приобрели за деньги: тем самым оно представляет собой достойную уважения собственность, которую вы уже не должны оспаривать». Если в то время, о котором мы говорим, это рассуждение не могло одержать верх над рассуждением о неотъемлемости прав человека, то можно ли сейчас отвергнуть столь умеренное требование, как издание закона, разрешающего выкуп так называемых феодальных прав.

Ясно, что если обратиться к естественному праву, то тот аргумент, который одержал верх при освобождении наших отцов от

и эгоизм остаются глухими к голосу разума. Однако ежедневно предсказывают, что, подобно другим режимам угнетения, и этот не сможет долго продержаться, что он уже близок к концу, и то, что одни уже сделали в этой столь замечательной части света, показало другим, что им следует сделать.

привязывавших их к земле чудовищных уз, не может стать менее убедительным при решении вопроса о полном освобождении от сеньериальных повинностей. Но владельцы сеньерий боятся обсуждения этого вопроса не столько из-за того, чего он на первый взгляд касается, сколько из-за неизбежно вытекающих из него, гораздо более важных, последствий. Как далеко могут завести эти грозные истины! Позволено ли будет здесь упомянуть об одном странном рассуждении по этому поводу? Утверждают, что все земельные участки, зависимые от фьефа, возникли в результате деления домена этого фьефа и являются частями, отделенными сеньером от своего домена, которые он счел возможным сдать за ценз или в качестве лена. Но если я признаю, что эти так называемые пожалования являются мнимыми, что тот, кто объявлял себя законным владельцем, был им не в большей мере, чем законным владельцем моих отцов, которым он тоже себя называл, то я признаю также, что подобно тому, как они освободили самих себя, я имею полное право освободить обрабатываемую мной землю от нелепых повинностей, которыми стремятся ее обременить. Я развиваю дальше это рассуждение и спрашиваю: стало быть, отчужденный домен и сохраненный домен составляли обычно единый домен? — Несомненно.— Стало быть, до этих отчуждений сеньеры владели всеми землями на правах домена, а вилланы не владели ничем? — Совершенно верно.— Каким же образом сеньеры достигли обладания всеми земельными богатствами? — Путем узурпации и используя косность и крайнее невежество, в котором они старательно удерживали народ, ослепляя его до такой степени, что он стал верить, будто они, намного уступая ему в численности, значительно превосходят его в силе. Ныне с распространением просвещения, когда все знают, что по естественному праву все люди от рождения должны пользоваться одинаковыми правами, когда признано, что их права не могут потерять силу за давностью, почему не поднимут голоса против этого обмана, этой узурпации? В Риме в эпоху Республики плебеи постоянно требовали равного раздела земли, а патриции постоянно сопротивлялись этому. Стало быть, и эти последние тоже обладали искусством внушать плебеям неправдоподобное представление о каком-то превосходстве сил? — Очень мало наций усвоило истину, казалось бы, исключительно простую, а именно, что главная сила, бесспорно, находится там, где самое значительное число рук, и во Франции лишь недавно сообразили, что двадцать пять человек могут обладать большей ценностью, чем один. Некоторые лица утверждают, что, если бы между представителями одной нации было почти полное имущественное равенство, общество не могло бы существовать по той причине, что не нашлось бы людей, которые согласились бы делать что-либо для других. Но так как невозможно, чтобы каждый добывал себе все, физически ему необходимое, то людям всегда приходилось бы друг другу помогать,

и такой порядок отнюдь не повредил бы общему счастью; наоборот, вполне очевидно, что если все огромные земельные владения, которые столь велики, что почти в каждой местности один или два человека господствуют над двумя третями земли и только треть ее, почти одна выносящая на себе тяжесть всех повинностей, остается большинству сельских жителей, если бы все эти чрезмерно большие земельные владения были разделены между всеми этими несчастными жителями, то каково бы ни было их число, каждый из них жил бы в честном достатке.

Мы предоставляем знатокам принципов естественного права вынести подобающее суждение об этих идеях.

Церковные повинности

Есть еще другая возложенная на недвижимость повинность, которая может рассматриваться как второе из главных бедствий для сельского хозяйства: это уплата десятины. Писатели, понявшие, сколь вреден этот побор для общего преуспеяния, уже выступили против десятины и выдвинули предложение о переводе ее в денежную форму. Но почему до сих пор не подумали о еще более далеко идущей реформе? Назначение десятины связано с содержанием служителей церкви так же, как назначение налогов, взимаемых с народов, связано с покрытием расходов государства. Почему не распространить раскладку десятины на все классы граждан, подобно тому, как это делается в отношении взносов государству? Разве не все пользуются благодеяниями религии? Разве это правильно, чтобы вы одни, добрые и честные земледельцы, несли на себе всю тяжесть содержания служителей алтаря? Разве ремесленники, торговцы, финансисты и все другие, чье имущество составляет не земля, не должны были бы несколько облегчить ваше бремя? Если в Священном писании сказано: «Вы отдадите десятую часть всех плодов земли»,— то это, конечно, потому, что во времена Священного писания не было других промыслов, кроме возделывания земли. Ныне если бы все, кто заняты другими профессиями, если бы все те, кто, не владея ни одной пядью земли, обладают тем не менее большими богатствами, платили вместе с вами десятину, она была бы очень незначительной для каждого и стала бы еще меньше, если бы десятину требовали только в соответствии с ее первоначальным и правильным назначением, т. е. для обеспечения содержания одних только полезных служителей нашей религии.

Резюме настоящего параграфа

Если осуществить предложенные нами выше меры по упразднению как сеньериальных, так и церковных повинностей, отнимающих у сельского хозяйства прекраснейшие плоды, коими природа венчает труды наши, владения всех наших земледель-

цев, этого почтенного класса, судьба которого должна нас интересовать в первую очередь, почти не были бы обременены. Им пришлось бы лишь в соответствии с размерами этих владений участвовать в покрытии расходов государства. Это — естественный налог, как мы уже сказали и считаем нужным повторить, и всякий честный гражданин должен вносить его с радостью и усердием. Я слишком слаб, чтобы защищаться против вторжения тех, кто объединились бы с целью вредить мне, а затем вредить моим владениям; благодетельная мощь встает на мою защиту; она охраняет меня самого, мое имущество, мою честь; она ставит меня под охрану законов; вполне справедливо, чтобы я пожертвовал частью выгод, приобретенных мной с ее помощью, и снабдил ее средствами, дающими ей возможность продолжать оказывать мне эту защиту.

V

ИЗ ВСЕХ ЛИЧНЫХ ПОВИННОСТЕЙ ЛИШЬ ПОВИННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВА ЗАКОННО ВОЗЛОЖЕНЫ НА НАРОДЫ

Варварство наших обычаев освятило встречающиеся в некоторых кутюмах столь возмутительные термины, как «право мертвой руки», «барщина», «подданные сеньера», «сторожевая повинность», «личные повинности» и т. д. Все это — изобретения феодального гения, которые его сторонники позаботились передать потомству как нечто бесконечно важное для его счастья. Но мы задаем вопрос: а что если отмена этих нелепых сервитутов снизила бы на полдюжины градусов невыносимую спесь нескольких баронов, графов или владельцев замков, разве французская нация потеряла бы при этом часть своего блеска? Конечно, он стал бы только еще ярче. Это было бы лишь новым доказательством того, что человек осознал все свое достоинство и понял, что он может быть подчинен лишь самому себе и законам, принятым с его согласия. Служить государству, частью которого он является, посвятить свою личность, свою жизнь и свое имущество тому, чтобы способствовать общему благоденствию, таков его долг, таковы единственные личные повинности, которым он может подчиниться. Если его положение или какие-либо обстоятельства не позволяют ему самолично защищать родину, он будет способствовать этой защите, жертвуя частью своего богатства. Но он не унизится до признания других личных повинностей — повинностей по отношению к пустому существу, которое первоначально могло требовать их лишь на том основании, что обрело преступное влияние на слишком податливые умы наших добрых предков.

VI
ВСЯ ЛИ НЕДВИЖИМОСТЬ ДОЛЖНА ОБЛАГАТЬСЯ НАЛОГОМ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА?

Почему этот вопрос о долге, столь естественном, столь понятном, столь бесспорном, стал тем не менее предметом споров? Его обсуждали со всех сторон; наконец, ввиду его безусловной очевидности, вынуждены были принять решение, которое добросовестные люди всегда предлагали. Почему, вопреки совершенному убеждению в признанной всеми правильности этого решения, люди некоторых классов, желавшие поставить под сомнение эту непоколебимую истину, лишь притворялись, что готовы ее принять; они облекали свое согласие в неопределенную форму, и вынужденность этого согласия сказывалась в нерешительности выражений, вырванных из уст, но отвергаемых сердцем? В самом деле, почему мы являемся свидетелями множества неслыханных поступков, выдающих стремление свести на нет все пустые обещания, которым придавали видимость искренности лишь для того, чтобы скрыть вероломное намерение приобрести доверие народов и отвлечь их внимание от тайных приготовлений заговора? Почему?.. Дело в том, что в отличие от республик Лакедемона, Афин и Рима, где все граждане считали за честь и рассматривали как первейший долг участие в несении государственных расходов, у нас эгоизм побуждает людей не упускать ни одной возможности уклониться от этого. Дело в том, что люди, привыкшие диктовать законы другим, не терпят, чтобы им самим диктовали законы. Дело в том, что люди, которые родились властолюбивыми, с трудом проникаются истинами естественного права. Они считают абсолютно законными изъятия и привилегии, которыми они постоянно пользовались. Если кое-кто из них и дает себе труд задуматься о несправедливом происхождении этих ненавистных прерогативов, то личные интересы и самолюбие подавляют слабые проблески истин, которые такие размышления могли бы породить. Прибегая к самообману, они стараются убедить себя в том, что их честь пострадала бы, если бы они воздали обществу, в котором пользуются величайшими выгодами, дань, приравнивающую их к рангу граждан, именуемых ими простонародьем, потому что они берут на себя уплату всех расходов общества, пользуясь самой малой частью его благ. Хороши принципы!

Было бы излишне предпринимать здесь подробное исследование с целью доказать обязательность подчинения всех земельных владельцев единому налогу в пользу государства. Многие писатели очень подробно рассмотрели эту проблему. Но этот вопрос, столь важный сам по себе и вместе с тем столь простой, не должен был бы быть предметом обсуждения, а может быть сведен лишь к такому краткому решению: «Нелепо, чтобы тот, кто имеет больше, платил бы меньше, а тот, кто имеет меньше, платил бы больше».

VII
РАЗЛИЧИЕ СИСТЕМ ОБЛОЖЕНИЯ

Мы остановились на двух видах налогов: личные налоги и поимущественные налоги,— ибо нам представляется, что разум и общее желание требуют, чтобы все существующие налоги были к ним сведены и в них слились. К тому же лишь по рассмотрении различных предложенных по этому вопросу систем мы решились отдать предпочтение той, которую мы в дальнейшем изложим.

Послушаем, что говорит об основных существующих по этому вопросу точках зрения красноречивый Ленге *. Без ссылки на него наше изложение было бы неполным.

«Одни,— говорит он,— основываясь на том, что все порождается землей, хотели бы, чтобы только плоды земли подвергались обложению и чтобы облагались они в самом своем источнике **. Они хотели бы, чтобы сельские владения, которые, по правде говоря, являются единственно реальными и прочными владениями, несли на себе все повинности и чтобы все остальные виды богатства, являющиеся лишь средством использования первых, были бы полностью освобождены от повинностей.

Другие утверждают ***, что не может быть ничего более несправедливого, чем такое ограничение. Ведь в таком случае, говорят они, все бремя общих повинностей ляжет на земледельцев. Деньги доходят до них лишь по одной узкой, тяжелой, орошенной их потом, а иногда и слезами дороге, но есть тысяча дорог, по которым эти деньги от них уходят. Адвокат, врач, священник, военный, торговец и т. д. беззаботно живут за счет труда земледельца. Они продают ему всякого рода советы, цена которых взимается с его средств существования. Это первый вид дани, которой их знания и умение облагают его невежество.

Следовательно, в целях облегчения положения земледельца эти профессии в определенной пропорции тоже должны быть обложены налогами. Жители городов, занимающиеся свободными профессиями, получающие жалованье или живущие на доходы от своего труда, должны участвовать в расходах общества, благами которого они пользуются. Городские промыслы, хитроумные или бесполезные, должны быть обложены сильнее, чем тяжелый сельский труд, ибо они гораздо прибыльнее».

---

* De l'impôt territorial. Londres, 1787 [5].

** Le Maréchal de Vauban [6]; L'Abbé Raynal [7] aux Etats-Généraux. Marseille, 1789.

*** Essai sur la répartition de la taille et des vingtièmes. Londres, 1788.— Fléaux de l'Agriculture, 1789.— Crédit National, 1789.— Essai sur la Constitution, par M. de Condorcet, 1788 [8].

Эти замечания представляются бесспорными. Но каков будет размер этого налога? По какому принципу будет установлена пропорция? Здесь теоретики расходятся еще больше.

«Одни хотят единого подушного налога, который полностью освободил бы от всех других налогов. Они с негодованием выступают против множества повинностей, против преступных, нелепых поборов, которые вследствие произвола при их взимании причиняют больше страха и разорения народу, нежели выгоды государю *.

Другие ** заявляют, что подобный налог был бы тяжелым и невыносимым. Они утверждают, что великая тайна финансового дела состоит в том, чтобы незаметно и малыми долями изымать у народа те суммы, взыскание коих возмутило бы его, если б они были исторгнуты сразу. Они всячески превозносят идею обложения предметов первой необходимости и неустанно повторяют, что нет лучшего средства сделать бремя нечувствительным, поскольку люди платят ежедневно, не ведая того, и с такой равномерностью, какой не может обеспечить никакой другой метод.

Эта последняя система,— продолжает г-н Ленге,— и в самом деле преобладает на практике. Именно в связи с этими принципами границы всех европейских государств *** ощетинились различными бюро, кордергардиями, а наше законодательство представляет собой огромный перечень товаров, разрешенных или запрещенных, всякого рода тарифов, столь же многочисленных пошлин, а также чиновников для их взимания и для того, чтобы запугать злоумышленников, которые попытались бы уклониться от их уплаты».

Какой же из этих систем г-н Ленге отдает предпочтение? Первой, т. е. единому налогу на земли, и он хочет, чтобы этот налог взимался в натуре. Это развитие идей мар-

---

* Автор «Essai sur la répartition de la taille et des vingtièmes» рассматривает эту систему под углом зрения конверсии государственных повинностей в личный налог. Он полагает, что это неосуществимо, ибо нельзя было бы установить точные правила для определения доходов, получаемых каждым гражданином. Мы отсылаем к третьей части нашего Сочинения, где мы рассматриваем принципы, которые должны привести к построению этого личного налога на самой справедливой основе [9].

** См. *M. Necker* [10]. Administration des Finances. См. «Essai sur la répartition de la taille et des vingtièmes», p. 4.

*** Мы полагаем, что здесь налицо ошибка со стороны издателя и что автор говорил о границах всех наших провинций. Продолжение фразы имеет смысл, соответствующий именно такому истолкованию, и нельзя предположить, что Ленге настолько лишен рассудительности, чтобы предлагать сразу же упразднить таможенные барьеры на границах королевства. Для нации было бы безумием отменить пошлины на ввозимые товары, если бы все окружающие государства не согласились бы одновременно сделать то же самое: это было бы нарушением торгового баланса.

шала де Вобана об установлении королевской десятины *. Следовательно, г-н Ленге высказывается за то, чтобы в конечном счете все виды обложения возлагались на земельные владения и взимались сразу же у самого их источника, а затем земледельцу оставалось бы лишь устраиваться таким образом, чтобы заставить всех потребителей участвовать в уплате налога, продавая все у него оставшееся по такой цене, при которой он не останется в убытке.

Г-н Ленге предвидит возражение, что, по всем подсчетам, двадцатина не даст и двенадцатой части сумм, необходимых для покрытия расходов государства. Он указывает на огромное увеличение, которое последует от распространения налога на всю недвижимость, сейчас не облагаемую. И он приходит к выводу, что, если добавить поступления от налогов на городские дома, на домены, поступления от регистрации юридических актов и от почт, можно будет получить суммы, достаточные для покрытия годичных расходов. Эта система вызвала довольно единодушное неодобрение и была признана неосуществимой главным образом из-за множества обстоятельств, противостоящих установлению и сохранению относительного равновесия между ценами на предметы первой необходимости, которые неизбежно очень возрастут, и ценами на другие товары и разного рода изделия.

Поставлены были также вопросы:

1) о возможности конверсии всех государственных повинностей, непосредственно падающих на земельные владения, в налог на зерно **. Но, помимо других существенных недостатков этого проекта, есть еще один, зная который было бы страшно его принять. Дело в том, что этот налог лег бы почти полностью на бедняка, который ест несравненно больше хлеба, чем богач;

2) и о возможности конверсии всех государственных повинностей в единый налог на товары и предметы потребления не первой необходимости. Но осуществление этого проекта представляло бы такие же трудности, как и осуществление налога только на землю, о чем мы писали выше ***.

---

* Нигде против этой системы не выступили с такой ясностью, как в «Наказе прихода Кламар-су-Медон». «Невозможно,— сказано там,— взимать налог в натуре, не подвергая государство, которое не может переносить никакой нехватки, риску стихийных бедствий, неустойчивости урожаев, и не ставя его в зависимость от бездействия или неопытности ленивого или неумелого земледельца». Платить надо не пропорционально поступлениям от урожаев, а пропорционально тому, что необходимо государству.

** Projet nouveau de faire utilement en France le commerce des grains, par M. Bourdon des Planches [11].

*** См. Crédit National, § X.

Итак, рассмотрев все, мы решили ограничиться двумя налогами, одним — поимущественным и другим — личным. Помимо авторитетного мнения большинства наказов депутатам Национального собрания и различных разъяснений о налоговом обложении *, мы в наших суждениях опирались на веское мнение выдающегося администратора, который в настоящее время, более чем когда-либо, освещает все проблемы, стоящие перед троном **.

Эти два налога вместе с доходами от королевского домена, от управления почт и от таможен, расположенных на границах королевства, покроют все расходы и приведут к исчезновению множества других налогов, взыскиваемых в самых различных формах.

Мы не указываем в числе доходов, которые следует сохранить, поступления от регистрации юридических актов. Признавая полезность этого института, позволяющего с точностью устанавливать даты соглашений, мы полагаем, что эта цель может быть достигнута, если оплачивать из денег от поступлений по общему налогу одного чиновника в каждом округе, который регистрировал бы акты бесплатно. Это устранило бы притеснения, неизбежно связанные с таким порядком взимания, который основан лишь на произвольном истолковании различных договоров и сделок, заключаемых между гражданами.

---

* Crédit National, § VII.

** Мы не рассматриваем здесь некоторые новые сочинения, авторы которых, выдвигая новые планы раскладки, сохраняют старые различия налогов или устанавливают новые их формы, в конечном счете приводящие опять к неравному взиманию или даже к созданию привилегированного положения для некоторых владельцев. Таковы, например: «Опыт о раскладке тальи и двадцатины», одно уж заглавие которого говорит о намерении сохранить существующие привилегии; «Таблица земельных владений Франции» [12], произведение в аристократическом духе, автор которого придерживается таких же принципов; «Сопоставление состояния финансов при Людовике XIV и Людовике XVI» [13], написанное, несомненно, в таком же духе; «Национальный кредит», в котором выступают в пользу косвенных налогов и вдобавок требуют создания новой армии чиновников, размещенной по всем мельницам для взимания налога с зерна или налога с помола, что принесет казне от 66 до 67 миллионов. Все эти проекты проникнуты узостью и мелочностью того еще рабского времени, когда они были опубликованы. Кто ныне не понимает всей обоснованности выдвигаемого повсюду требования: «Упраздните все формы притеснения, доводящие народы до истощения, для того чтобы наполнить не столько государственные сундуки, сколько сундуки множества агентов, которые презирают этот самый народ и сочетают брань с оскорблением. Замените эти жестокие формы простым, несложным и не требующим больших расходов взносом, равно распределенным между всеми гражданами, кто бы они ни были, в соответствии с возможностями каждого из них».

VIII
О ВАЖНОСТИ ЕДИНООБРАЗНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВСЕХ ПРОВИНЦИЯХ

Многие их тех, кто раньше писал о пользе Общего кадастра, показали, насколько важно установить такое единообразие *. Они показали, что сила государства должна состоять в полном единстве управления всеми составляющими его провинциями. В самом деле, всевозможные особые привилегии той или иной провинции, того или иного города, того или иного прихода несправедливы. Они вынуждают дополнительно обременять местности, не обладающие подобными привилегиями до такой степени, что эти последние оказываются вынужденными нести оплату почти всех расходов, необходимых для сохранения этих особо благоприятствуемых владений. Именно поэтому завоевание новых провинций часто дорого обходилось населению исконных владений монархии. Особые соглашения могут иметь место лишь в такой момент, когда народ, подписывающий их, привязанный к своим обычаям и совершенно чуждый обычаям нации, к которой он оказывается присоединенным в результате войны или какого-либо договора, не видит возможности принять чужие обычаи. Но как только эти обстоятельства перестали действовать, как только интересы и отношения перемешались и связи между населением исконных провинций и населением завоеванных областей стали такими, что они все считают себя гражданами одного и того же государства, и особенно после того, как они приняли решение объединиться в Национальном собрании и обсуждать там дела, направленные к общей пользе, не подлежит сомнению, что всякие местные привилегии, всякие исключения из правил, всякая пестрота в делах управления должны немедленно исчезнуть и уступить место режиму единообразия, применяемому во всех частях королевства, ко всему, что может иметь отношение к правительству и к законам.

---

* См. Crédit National, p. 36 et suiv.— Adresse aux Etats-Généraux, p. 288.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОИМУЩЕСТВЕННОГО КАДАСТРА

I

ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОЛЬЗА СОСТАВЛЕНИЯ КАДАСТРА. О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ, КОТОРЫМ ОНО МОЖЕТ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ

«Угодно ли Вам,— заявил человек, высказавший замечательно правильные мысли по этому предмету *,— исполнить самое заветное желание государя, желание работать для счастья народов? Установите между угнетателем и бедняком, которого он хочет раздавить, судью, одинаково грозного для обоих. Пусть судья этот не будет в состоянии ни видеть, ни слышать, ни говорить. Пусть звучит лишь его непреклонный голос. Кто же будет этим судьей? Я уже назвал его: это — кадастр».

В этом хорошо продуманном отрывке содержится все, что можно сказать в доказательство полезности к а д а с т р а. Только такая работа в состоянии осуществить самое заветное желание монарха, жаждущего сделать свои народы счастливыми. Она заставляет каждого человека участвовать в государственных расходах. В то же время она делает невозможным уклониться, в ущерб остальным, от уплаты своей части налога. Обложению налогом подлежит любой земельный участок, соответственно своей площади и своей ценности. Ничто не может быть пропущено, ничто не может быть обложено дважды или неправильно, не может быть никакой несправедливости. Бедный платит лишь в соответствии с тем, что он имеет, и никакой угнетатель не может употребить свое влияние, чтобы заставить его платить больше. Кадастр не слышит, не говорит и не видит **. Он непреклонно воздает всем по справедливости, а его веления, как только они произнесены, не могут быть ни взяты обратно, ни изменены. Они подобны законам, которые сами по себе постоянно и бесспорно обязывают к выполнению содержащихся в них предписаний.

---

* Projet d'un Cadastre général du Royaume, par M. du Tillet de Villars, 1781 [14]. Мы с величайшим удовольствием отдаем дань уважения этому произведению, в котором автор сочетает с хорошо изложенными взглядами человека, чье сердце преисполнено патриотизма и чувствительности, рассуждения, намного превосходящие все те, которые были высказаны по вопросу о способе составления кадастра. Он с глубокой проницательностью опровергает проекты Буленвийе [15], Силли [16], Ренара, Вобана и аббата де Сен-Пьера [17] и доказывает, что их осуществление далеко еще от той справедливости в распределении, какой можно достигнуть только с помощью кадастра.

** Весьма интересно уточнить смысл этой фразы, взятой у г-на дю Тийе. Принципы, применявшиеся при раскладке налогов, были таковы, что

Недостатки и пороки формы раскладки налогов неизбежно приводят к произволу и всякого рода злоупотреблениям, независимо от личных интересов и недобросовестности чиновников, уполномоченных произвести эту раскладку. Есть такие злоупотребления, устранение которых входит в компетенцию высшей администрации, например злоупотребления, связанные с использованием отдельными могущественными лицами, всегда имеющимися в любой провинции, своего влияния на интенданта провинции, чтобы под каким-нибудь предлогом освободить от уплаты налогов целые округа или по меньшей мере кантоны, в предоставлении особых льгот которым они заинтересованы. Сюда же относятся злоупотребления привилегиями или злоупотребление, заключающееся в занесении в налоговые списки прихода, где человек живет, того имущества, которым он владеет в других приходах, и т. д.

Но главное злоупотребление, состоящее в неправильной раскладке налога между налогоплательщиками, равно как другие пороки, такие, как неверное или двойное обложение, изъятия, о коих мы уже упоминали, способен искоренить только кадастр. Понятно также, что лишь он один может дать верные средства для устранения произвола в деле раскладки налогового обложения между провинциями, между дистриктами, между приходами на основании представляемой им точной оценки всех земельных ресурсов и каждого отдельного владения, как в отношении площади, так и в отношении качества почвы и ее продуктивности.

Тщетно провозглашать в законе, что налог должен быть равномерно распределен: пока будут пользоваться лишь средствами, применявшимися до сих пор, постоянно будет вкрадываться множество ошибок, выгодных для отдельных людей, но гибельных для общества. Можно ли считать списки, составленные подобно тому, как составляются сейчас списки для налогов на недвижимость, можно ли, в самом деле, считать такие списки бесспорно точными? Каким образом они составляются? Сборщики не обсуждают с облагаемыми составляемые ими декларации; при

доля каждого налогоплательщика часто определялась в результате споров. Г-н дю Тийе справедливо заметил, что учреждение провинциальной администрации, которое во многих отношениях может быть полезным, еще более ухудшит положение с раскладкой общих повинностей, если, поручив ей это дело, ее не заставят придерживаться общего кадастра. «У каждого из тех, кто получил бы определенную власть как член этой администрации,— говорит он,— как и у любого другого человека, оказались бы родственники, друзья, протеже; постоянно были бы люди, искушенные в искусстве ничего не платить или платить очень мало. Народ, бедный народ в силу самой своей бедности всегда был бы вынужден нести все бремя один. К кому он мог бы обратиться с жалобой? Противная сторона была бы его судьей, а вся администрация даже помимо воли поддерживала бы несправедливое решение одного из своих членов».

этом наименьшие допускаемые ими ошибки — это те, которые они совершают нечаянно, так как отдельные лица физически не в состоянии сохранять в памяти всю карту местности; они могут дать лишь приблизительные указания, которые облегчают положение одних, а других беспощадно переобременяют. Но зло намного усугубляется, когда, чаще всего под влиянием жадности и других страстей, они прежде всего уменьшают, как могут, свое собственное обложение, затем устраивают льготы своим друзьям и, наконец, перекладывают бремя на всех тех, кто не имеет счастья быть в их числе. А что происходит при так называемой «проверке» этой замечательной работы? «Эти же сборщики, — говорит г-н дю Тийе,— собираются в кабачке с нотаблями, с привилегированными, с дворянами. А бедный по-прежнему переобременен».

Все эти неправильные и порочные действия являются тем не менее непоколебимой и якобы законной основой, в соответствии с которой происходит обложение граждан. К тому же проходят годы, а это влечет за собой множество изменений, вследствие чего бесконечно меняется состав налогоплательщиков, увеличиваются, уменьшаются, дробятся, уничтожаются, создаются новые объекты обложения, но это все остается без внимания *. Правда, каждый год составляется новый податной список, но он рабски копирует предыдущий. Проходит много времени, и никто не берет на себя труд составить то, что принято называть «новыми декларациями». Как только весь налог полностью собран, цель достигнута. И тем хуже для тех, кто по несчастливой случайности вынужден страдать от неправильных действий, результаты которых вносятся в неверно составленную ведомость, называемую податным списком.

Очень длинным был бы перечень всех сочинений, в которых выдвигается требование составления общего кадастра для устранения злоупотреблений налогового ведомства, злоупотреблений, которых без него нельзя будет избежать. После внезапного и всеобщего распространения просвещения этот существен-

* Вот эти-то соображения и побудили нас заняться изучением методов создания постоянного кадастра. Все кадастры, которые были составлены в различных провинциях, а равно те, планы которых содержатся в протоколах нескольких провинциальных собраний, не обладают этим качеством постоянства и потому несут в себе, как и обычные податные списки, существующие в других провинциях, зародыши ошибок, порождающих несправедливости и споры, в которых слабый неизменно терпит поражение. Вот почему не без оснований говорили, что общий кадастр вызвал бы расходы, непропорциональные тем выгодам, которые из него извлекли бы. Это было бы верно, если представлять себе, что труд такого рода должен быть в точности похожим на те, о которых говорилось выше. Но мы надеемся, что, ознакомившись с продуманным планом предлагаемого нами труда, никто не станет больше задумываться над соотношением между расходами, которые потребуются для осуществления этой операции, и теми выгодами, которые она может принести.

ный вопрос привлек особое внимание. И если очень важно постараться разъяснить полезность этой операции, то, мы полагаем, еще важнее серьезно заняться изысканием средств для ее проведения в жизнь. В этом заключается главная цель, которой мы жаждем достигнуть.

Вслед за г-ном дю Тийе, следующие авторы наиболее обстоятельно писали о полезности операции:

1. Г-н де Кондорсе в «Опыте о конституции», т. II, стр. 51, 52;
2. «Адрес Штатам», стр. 276—358;
3. «Национальный кредит», стр. 66—194;
4. «Результат провинциальных собраний», глава 3;
5. «Аббат Рейналь — Генеральным штатам», стр. 44, где автор говорит, «что кадастр есть единственное средство осуществления самой благотворной из всех революций и следует надеяться, что этот прекрасный проект, хотя его резко отвергают влиятельные и развращенные люди, будет усовершенствован и проведен повсюду; что монарх, чье правление будет отмечено этим великим благодеянием, будет благословен при жизни, а потомство будет вспоминать о нем с любовью».
6. Ленге в сочинении «О земельном налоге», предлагая свой налог натурой, для взимания которого, по его мнению, нет нужды в кадастре, не может, однако, обойтись без него для взимания эквивалента этого налога с городских домов. Кроме этого, на стр. 81 он описывает всю ту пользу, которую кадастр мог бы принести в случае, если идея взимания налога натурой будет отвергнута.
7. «Усовершенствованный налог» [18] начинается с резкого выступления против кадастра, но описываемая автором затем операция как раз и представляет собой тот кадастр, систему которого мы разовьем несколько дальше.
8. Во многих наказах, врученных депутатам Национального собрания, в частности в наказе жителей Кламар-су-Медон (стр. 87), сказано, что для того, чтобы можно было надеяться произвести справедливую раскладку налогов, совершенно необходимо создать общий кадастр.
9. Предложенная в 1788 году Орлеанским сельскохозяйственным обществом на конкурс тема «Какой способ взимания и раскладки поземельных и личных налогов является самым справедливым, самым скорым и наименее дорогим» представляет собой не что иное, как предложение указать лучшие средства составления кадастра. Эта тема была указана вышеназванному обществу провинциальным собранием Орлеанэ, и это обстоятельство говорит о том, что она была признана одним из самых важных вопросов, которыми должна заниматься местная администрация.

Ученые, которым эта тема была предложена, отнеслись к ней с таким же уважением, приняв ее * и добавив к сумме в 400

* Мы сожалеем о том, что это общество включило в текст своего вопроса просьбу примирить интересы всех сословий государства. Это дока-

ливров, предоставленной в их распоряжение для премии того года, другую такую же сумму, чтобы побудить участников конкурса уделить все внимание столь полезной дискуссии. Но, оценив ее таким образом, они смогли также установить, что решение вопроса еще не было доступно при нынешнем уровне знаний, так как общество не получило удовлетворительного мемуара и вынуждено было отложить рассмотрение этой темы до 1790 года. Это новое доказательство, в дополнение ко многим другим, наблюдаемым в нынешних обстоятельствах, что люди, утверждающие, будто в наш век просвещения все открытия уже совершены, заблуждаются. Увы! Нам еще предстоит многое узнать о вещах, которые кажутся нам самыми простыми, но тем не менее являются для нас крайне важными.

Несмотря на несомненную полезность кадастра, есть некоторые лица, у которых хватает смелости пытаться умалить его значение. Но есть ли что-нибудь, против чего не выступали бы? Не всегда это делается по искреннему убеждению, но, когда так бывает, следует ли бояться подобной критики? Разве все люди смотрят на вещи одинаково? Разве мысль о нововведении не исторгала всегда вопли у великого множества людей, убежденных в том, что только то может существовать, что уже было прежде? Однако наш предмет настолько полезен, что число возражающих ограниченно. Самый категорический противник, считающий подобный труд бесполезным,— это автор «Опыта о раскладке тальи». На стр. 33 он утверждает, что лица, коим мы обязаны апологетическими рассуждениями на тему о кадастре,— это все инженеры, геометры, землемеры и комиссары по земельным описям, т. е. люди «профессионально заинтересованные в восхвалении работ, составляющих основу такого рода операций».

Это утверждение будет воспринято, пожалуй, лишь как жалкий софизм, которому хотели придать внушительность при помощи заранее обдуманной риторической фигуры. Когда кто-либо выступает в пользу предмета, в восхвалении которого он заинтересован, это вовсе не всегда означает, что его похвала есть верный признак отсутствия достоинств у этого предмета. Можно и даже должно не верить на слово тому, кто перечисляет все эти достоинства, но не надо запрещать людям попытаться разобраться в том, существуют ли на самом деле эти предполагаемые достоинства.

Прежде всего мы отмечаем отсутствие точности в заявлении автора «Опыта» о лицах, профессионально заинтересованных в работах, могущих составить основу кадастра. Все писатели, большей частью знаменитые, которых мы только что назвали, писатели, которые самым серьезным образом занимались этим предметом и чье единодушное мнение не может быть ослаблено

зывает, что академические общества не всегда являются вполне философскими обществами.

той критикой, которую мы хотим опровергнуть, все эти писатели, повторяем, не принадлежат ни к одной из профессий, перечисленных в «Опыте». Кроме того, мы проанализируем в другом месте тот простой план, который, по мнению автора, должен заменить кадастр с его проволочками, затруднениями и бесполезностью, и это позволит решить, является ли такая работа столь полезной и необходимой, как мы утверждаем.

II

РАССМОТРЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ КАДАСТРА

Просмотрите все сочинения, в которых идет речь о *механизме кадастра*, просмотрите даже произведения, созданные самыми лучшими авторами, и вы не найдете там ничего, кроме набросков, где недостатки завуалированы множеством стилистических украшений. Ученые взялись работать над этой темой, но одной учености недостаточно, чтобы быть в состоянии разработать ее точно и плодотворно. В данном случае, пожалуй, не так важно обладать этим высоким званием, столь благоприятствующим во многих отношениях, как быть истинным патриотом, глубоко проникнутым желанием способствовать общему благу, немного знать геометрию и прежде всего быть человеком, отлично знающим деревню. Последнее обстоятельство является одним из самых главных, и мы уже в этом убедились, когда отметили, что вопросы, относящиеся к тому, как лучше всего производить раскладку налогов, особенно хорошо разработаны в тех наказах, при составлении которых земледельцы имели преобладающее влияние.

Наказ жителей Кламар-су-Медон — один из тех, в которых самым замечательным образом трактуется этот предмет. Протоколы различных провинциальных собраний, а равно и сочинение г-на дю Тийе де Вилара, уже не раз цитированное, примерно сходятся с этим наказом. Они высказываются за необходимость *оценки* почвы, *классификации* и *межевания* всех наследственных участков, составляющих единый земельный комплекс.

За исключением этих сочинений, наиболее близких к излагаемым нами принципам, но которые не содержат, однако, наших методов, обеспечивающих *постоянство* кадастра, все остальные сочинения, казалось бы, направленные к этой цели, на самом деле только отдаляются от нее.

Автор «Обращения к Генеральным штатам», рассуждая о недостатках кадастра провинции Лангедок *, на стр. 275 очень правильно показал, что полезно было бы найти такую форму, ко-

---

* Кадастры провинции Лангедок, Дофинэ, Прованс, о-ва Корсика и т. д. абсолютно похожи один на другой. Это довольно точные описания владений отдельных лиц на *время их составления*.

торая «дала бы возможность всегда иметь представление о нынешнем состоянии каждого облагаемого объекта», как бы он ни увеличивался или ни уменьшался *. Но так как он сильно отстал в вопросе о методах, то, оставляя в стороне даже хорошо известные способы создания кадастра, он считает более правильным ограничиться раскладкой поземельного налога на основании простых деклараций каждого налогоплательщика.

В «Опыте о раскладке тальи и двадцатин» выдвигается предложение в качестве лучшего способа достижения правильной раскладки предоставить самим налогоплательщикам заботу об ее осуществлении. При этом, по-видимому, полагают, что после установления размеров облагаемых объектов они не могут измениться, ибо предлагают издать закон, фиксирующий величину взноса на двадцать лет для того, сказано там, чтобы не тревожить землевладельцев. Стало быть, если у данного владельца по истечении десяти лет облагаемое имущество уменьшится вдвое, то надо, чтобы не тревожить его, продолжать взыскивать с него прежний налог, как и с того, у которого облагаемое имущество увеличилось. Правда, последнего такой порядок ведения дел устроил бы больше, чем первого.

В «Поземельной таблице» определяют протяженность границ какого-либо земельного комплекса. Эта операция позволяет вычислить его общую площадь. Затем измеряют каждый привилегированный участок **, т. е. участок каждого церковного бенефиция, каждой сеньерии, каждого фьефа ***; все остальное составляет владения непривилегированные, каковые для сокращения расходов, как там говорится, измеряют лишь in globo. Каждый владелец сообщает подробные данные о том, что ему принадлежит, и после подсчета, совершенного на основе измерения каждого привилегированного владения и подробных деклараций каждого владельца непривилегированных земель, результаты должны совпадать с полученными от общего обмера, обеспечивающего, по словам автора, точный охват его «Поземельной таблицей» всех земельных владений королевства ****.

В «Усовершенствованном налоге» предлагают общий и подробный обмер, за которым следует оценка, а вопрос о раскладке оставляют провинциальным собраниям. Это означает под видом

---

* Повсюду отмечается недостаточность кадастров, до тех пор пока не удастся сделать их постоянными.

** Хотя автор пишет в 1789 году, он все еще признает существование привилегий.

*** А в схематической карте, прилагаемой автором к своей книге, каждое из этих владений — церковных, сеньериальных или феодальных — предполагается состоящим из одного участка; это делается вопреки очевидной истине и, конечно, исключительно ради облегчения осуществления рекомендуемой операции.

**** Нельзя понять, ради чего этот автор включает все без различия владения в свою таблицу, поскольку он не хочет, чтобы привилегированные владения перестали быть таковыми.

новых методов излагать лишь некоторые из давно существовавших идей относительно проведения кадастра.

Другое сочинение — «Сопоставление состояния финансов при Людовике XIV и Людовике XVI» — содержит точно такой же план. Вообще говоря, плодотворность и дух изобретательности, характерные для писателей настоящего столетия, отнюдь не проявляются в работах по разбираемому нами вопросу. Каждый более или менее верно повторяет то, что он по этому вопросу прочитал.

Наконец, «Проект налога и кадастра» возвещает как о самом счастливом открытии, что прием деклараций, оценку владений и раскладку налога в каждом приходе следует производить публично и в порядке обсуждения между всеми владельцами.

Мы избавим себя от размышлений по поводу каждого из этих сочинений. В общем одни лишь скользят по поверхности вопроса; другие уделяют ему несколько больше внимания, но не в состоянии углубленно изучить его. Они не могут скрыть неудобств и недостатков предлагаемого ими образа действий. То, что почти все придерживаются различных мнений, говорит о затруднениях при построении планов и о недостатке уверенности в их надежности.

Что касается нас, мы не думаем, чтобы какие-либо из этих планов могли дать точные данные, еще меньше можно рассчитывать, что результаты этих операций могут быть использованы в течение долгого времени [19].

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Никогда, пожалуй, не было момента столь подходящего, как настоящий, для того чтобы представить на рассмотрение всех членов общества вопрос, столь важный для каждого из них. Сейчас все знают, что они что-то значат в политической жизни; каждый гражданин приглашен, вернее призван ради сохранения своих прав приложить все силы для сотрудничества во имя общего блага. В предшествовавшие позорные времена узы варварства разобщали людей, каждый, стремясь сделать их менее мучительными для себя, нисколько не заботился о других. Какими же глазами смотрела тогда эгоистическая толпа на то редкое существо, которое иногда являлось, чтобы провозгласить идеи, имеющие целью счастье всего общества? Патриотические добродетели, чувства человечности, безграничная преданность общему делу, все это считалось опасным бредом, порожденным новаторским духом. Цепи деспотизма, власть предрассудков господствовали над самой мыслью!.. Считалось преступлением посметь задуматься над рядом вопросов!.. Но чары развеялись. Толпа униженных и рабов превратилась в свободных детей единой семьи, и отныне все считают себя обязанными трудиться лишь на благо великого сообщества. Под влиянием этого духа свободы, воз-

вышающего души людей, под влиянием полного освобождения от малодушных страхов, убивавших у большинства из нас мужество и грязнивших душу, мы проявили великую смелость, несомненно, похвальную, напомнив о принципах, которые отнюдь не придутся по вкусу испорченным людям. Но мы намеревались работать для наиболее благонамеренных людей, и если, как теперь уже можно думать, в нашу эпоху, предвещающую блестящее будущее, эти люди проявят твердость, они как бурный поток сметут со своего пути ту небольшую шайку гнусных тиранов, которая попытается оказать сопротивление осуществлению их благодетельных планов мудрого управления.

Государство должно располагать средствами для выполнения всех своих функций и покрытия всех своих расходов — это несомненная истина. Все люди должны участвовать в покрытии этих расходов сообразно размерам своего состояния. Это тоже извечная истина, и столь наглядная, что можно только удивляться, каким образом в течение столь долгого времени одни имели возможность сохранять совершенно противоположные обычаи, а другие безропотно терпели это. Всякие другие поборы с недвижимых имуществ, кроме тех, которые предназначены для покрытия расходов общества, представляют собой преступное притеснение: эта истина столь же очевидна *. Стараясь доказать правильность этих великих принципов, мы лишь распространяли идеи, уже проникшие в различных формах в сочинения многих публицистов; но это было лишь вступлением, необходимым, чтобы облегчить достижение конечной цели нашей работы. Затем надо было подробно и всесторонне развить нашу идею, изложить доказательства, обосновывающие предложенные нами средства выполнения выдвинутого плана. Мы не претендовали на то, чтобы убедить наших читателей только посредством рассуждений; нам казалось, что мы скорее привлечем их наглядными примерами. Провозгласив в нашем заглавии создание «Постоянного кадастра», мы предложили читателю не собрание предписаний, как это обычно делается в элементарных сочинениях, а модель и механизм действия подлинного к а д а с т р а на примере его точного применения во всех основных частях так, чтобы он мог

* Исходя именно из этих принципов, мы не пытались, подобно другим, рассчитать, какие суммы могут быть собраны на всем протяжении французского государства и сколько по раскладке ляжет на каждого налогоплательщика. Нельзя строить без прочных оснований. Авторы такого рода умозрительных операций, исходя из приблизительных данных и пользуясь простыми предположениями, должны были неизбежно, как мы уже сказали, впасть в заблуждение. Мы же сосредоточились исключительно на изложении методов осуществления нашего плана, который один лишь может дать надежные результаты. С другой стороны, бесспорно, что экономия средств, обещанные улучшения, сокращение расходов по взиманию налогов и равномерная раскладка их на все виды имуществ,— все это даст возможность нации легче покрывать свои расходы, чем до осуществления всех этих справедливых мероприятий.

служить надежным руководством для лиц, которым будет поручено практическое осуществление этого дела.

Изложим вкратце главные преимущества, которые являются следствием применения наших методов.

1. Самая справедливая раскладка, потому что при наших методах совершенно исключается возможность для кого-либо из налогоплательщиков уклониться от участия в уплате повинностей, точно соответствующих его средствам.

2. Несравненная скорость исполнения благодаря тому, что: а) большая часть работы заключается в составлении планов и чертежей, передающих предметы гораздо более наглядно, а также значительно короче и проще, чем в словесных описаниях; и б) мы предлагаем для выполнения этих планов вновь открытый, самый верный и быстрый способ, какой только можно вообразить,— измерение всех расстояний с высоты птичьего полета.

3. Сокращение расходов благодаря только что упомянутому ускорению, ибо всякому известно, что, чем меньше нужно обходных путей для достижения определенной цели, тем меньше будут расходы.

4. Экономия средств, которая достигается благодаря тому, что кадастру придается постоянный характер. Можно убедиться в том, как мало расходов и как мало труда требуется для того, чтобы достигнуть этого замечательного результата, ибо, какие бы изменения ни произошли в имущественном положении налогоплательщика, в его земельной или какой-либо иной собственности, можно, не вычеркивая прежних записей, с большой легкостью и самым точным образом отразить его новое положение и определить, сколько он должен теперь платить. Этот способ придания кадастру постоянства является, без сомнения, весьма существенным. Без этого неизбежны нарушения справедливости. Мы еще раз повторяем, что различные попытки введения кадастра постоянно терпели неудачу именно потому, что этот способ был неизвестен. Заметим также, что было бы невозможно применить этот способ, излагая ход осуществления кадастра только посредством словесного описания. Предложенная нами разбивка чертежа с нумерацией каждой части представляет собой единственный путь к осуществлению этого способа *.

* Мы сожалеем, что нам приходится сделать здесь одно малоприятное замечание, а именно, что мелкие возражения исходят иногда от якобы видных людей. Некоторые из них, ознакомившись с нашим планом, заявили о большом неудобстве, связанном с тем, что этот план требует оставления больших пробелов для осуществления постоянства и что это превратило бы кадастр в весьма объемистый том и потребовало бы затраты огромного количества бумаги. Мы обращаемся к разумным и честным людям с вопросом, следует ли предпочесть этому ежегодную выплату больших сумм бесчисленному множеству служащих за копирование податных списков предшествующего года, производимое

5. Экономия, создаваемая благодаря доставке налоговых поступлений непосредственно государственному казначейству без всяких дополнительных расходов. Все в королевстве единодушно требуют установления порядка, который обеспечил бы такой результат, ибо без этого неизбежно придется требовать с граждан двойные поборы, чтобы покрыть расходы по взиманию их.

6. Экономия, вызываемая сокращением поборов при том же порядке взимания. Этот пункт является продолжением предыдущего и связан с сокращением расходов по взиманию. В частности, здесь имеется в виду упразднение навсегда стеснений, подрывающих торговлю, и уничтожение гибельной системы соляных пошлин и косвенных налогов. Какие благодетельные результаты принесет упразднение этих вымогательских установлений, которые, стесняя обращение, разоряют города, не обогащая казну! Более свободная торговля, менее обремененное повинностями земледелие... Известно, что эти две отрасли производства являются главными нервами политического организма, что они оказывают друг другу взаимную помощь и что если нет полного согласования между пружинами, движущими их, то не может быть национального подъема и преуспеяния. Соль — предмет первой необходимости, коим природа снабдила своих детей даже более щедро, чем другими дарами, соль — продукт, столь же полезный животным, как и людям, будучи легко доступным, позволит людям предоставить часть его животным и, следовательно, увеличить размеры и улучшить качество животноводства. Это даст увеличение количества и улучшение качества мяса. Будет больше навоза для удобрения, больше шкур, больше шерсти лучшего качества. Это позволит нашим мануфактурам конкурировать с иностранными мануфактурами и, способствуя процветанию нашей торговли, обращать в свою пользу торговлю с нашими соседями, а не допускать, чтобы они обращали в свою пользу торговлю с нами.

Чтобы лучше достигнуть этих целей, надо было бы к нашим рассуждениям добавить предложение прекратить те пагубные затеи, которым подвергаются наши пастбища. Теперь все признают, что этот якобы тонкий политический ход был совершенно неразумным и непродуманным. Желая без меры расширить площадь пахотных земель, принялись всюду пахать. Что же про-

---

без учета происшедших изменений и, следовательно, с неизбежным допущением несправедливостей, которые множатся все более и более по мере удаления от времени составления податного списка. Нет сомнения, что подобный ошибочный и ведущий к злоупотреблениям метод делает возражения наших сторонников экономии бумаги совершенно необоснованными. Ибо если каждый год заново составлять податные списки, то за довольно короткий срок бумаги уйдет на это столько же, сколько ее потребуется один-единственный раз для придания кадастру постоянства.

изошло? Поднятые таким образом плохие земли ранее служили пастбищами для скота, доставлявшего много навоза для удобрения хороших земель. Но с тех пор, как не стало пастбищ, исчез и скот. Не унавоживаются больше ни хорошие, ни плохие земли. Чтобы что-то собрать с этих бесплодных земель, пришлось вносить туда хотя бы то небольшое количество плохого навоза, которое получалось от кормления скота соломой с хороших земель. Хорошие земли совсем лишились удобрения. Больше того, они высохли до такой степени, что почва их стала почти столь же плохой, как и почва поднятых залежей, и сравнялась с ними в цене. Землепашец оказался разоренным. Он убедился, хотя и слишком поздно, в том, что без пастбищ нет скота, без скота нет удобрений, без удобрений нет доходов, а без доходов мало утешения в том, чтобы быть владельцем обширных земель, обещающих превратиться в бесплодные пустыни.

7. Возможность постоянного получения точных сведений относительно положения Франции, которых до сих пор не было: надежные данные об ее общей площади, населении, общем богатстве, потреблении, ресурсах; о площади, качестве и производительности почвы каждой провинции, каждого дистрикта, каждой общины, каждого кантона, каждого земельного участка; о том, что производится в каждой местности, о ценности каждого частного имущества; о состоянии торговли, мануфактур, всех видов ремесел и всех свободных профессий; о действии законов; вообще обо всем, что интересует и всех граждан и государственное управление,— таковы различные результаты, которые будут достигнуты.

8. Возможность представить в любое время исторический очерк каждой части собственности с точным указанием даты. Это будет, следовательно, ценный источник, в котором все граждане смогут наводить справки, в отличие от всех других источников, существовавших в разное время; это будет также всеобщий свод подробных сведений о различных земельных владениях * и мемориал, наиболее приспособленный для того, чтобы облегчить поиски сведений о датах соглашений, о порядке наследования, о состоянии различных частей недвижимости, относительно того, каким образом их делили в разное время, и т. д., и т. д., что позволит предотвратить почти все тяжбы, обычно возникающие в связи с вопросом о собственности.

9. Возможность обеспечить участие всех граждан в погашении государственного долга в самом строгом соответствии с размерами

* Подобно тому, как методика составления словарей дает возможность, благодаря алфавитному построению, мгновенно найти то выражение, на котором сосредоточена мысль, наш метод кадастра, благодаря геометрическому построению, позволяет так же легко найти ту недвижимость, сведения о которой мы разыскиваем.

их состояния. Это естественное следствие изложенного метода справедливой раскладки ежегодных повинностей.

10. Возможность разумного уменьшения или увеличения доли каждого налогоплательщика без всяких изменений методов ведения кадастра в соответствии с уменьшением или ростом потребностей правительства. Этот пункт также является следствием из ранее изложенного принципа; осуществление этого пункта облегчается применением подсобного средства — налогового ливра, о котором мы говорили выше [20]. Это дает возможность найти в случаях, требущих чрезвычайных расходов, например в случае войны, вполне готовые средства, и так, чтобы все участвовали в предоставлении их в размере, пропорциональном их состоянию.

11. Возможность навсегда исключить необходимость займов, являющихся основой ажиотажа, и тем самым положить конец последнему. До тех пор пока лишь самая бедная часть населения королевства платила наибольшую часть налогов, приходилось всякий раз, когда государство нуждалось в дополнительных средствах, прибегать к разорительным крайним мерам — займам. Но если все участвуют в несении повинностей пропорционально своим средствам, то увеличение должно быть очень уж значительным, чтобы оказаться чувствительным для каждого налогоплательщика, тем более в такой стране, как Франция, которая достаточно богата, чтобы легко доставить средства для покрытия расходов своего правительства.

Таковы главные преимущества нашего метода. О них можно судить точнее, если внимательно ознакомиться с различными описаниями его, которые мы даем, а также обратить внимание на взаимную связь между отдельными частями механизма, все построение которого мы объяснили и показали. Мы хотели бы подчеркнуть, что мы полностью достигли той основной цели, которую перед собой поставили: предложить самые верные, скорые и экономичные способы для обеспечения правительству достаточных ресурсов в любое время и в любых обстоятельствах и для установления навсегда самой справедливой раскладки налогов с каждого гражданина в строгом соответствии с его имуществом.

Конец

[ПРОЕКТ ПЕТИЦИИ ПО ВОПРОСУ О НАЛОГАХ]

Руа, 29—30 ноября 1789 г.

На собрании синдиков, членов муниципалитета и жителей прихода Ори-ле-Гран, созванном как обычно колокольным звоном ... 1789 года для рассмотрения вопроса о способе составления дополнительного списка облагаемых, который, в соответствии с предписаниями декрета Национального собрания от 26 сентября сего года, должен быть составлен в каждом комитете для последних шести месяцев 1789 г. на предмет взыскания с имуществ бывших привилегированных обычных и прямых налогов, кроме двадцатины,

один из жителей встал и сказал: «По правде, чтобы быть справедливым, тут, возможно, следует принять во внимание одно соображение. При распределении двадцатины могли встретиться различные случаи, к которым применимо следующее предположение. Две части леса, во всех отношениях равные по ценности, принадлежат двум владельцам, которые ввиду того, что доходы от их владений равны, облагаются двадцатиной на одинаковые суммы на основе примерной оценки дохода.

Господа, обсуждаемое нами дело — это дело всех налогоплательщиков королевства. Нас должен воодушевить на сопротивление правительственным затеям и обманам провинциальной аристократии пример, недавно данный нам провинцией Шампань, жалобы которой стали поводом к принятию Национальным собранием декрета от 28 ноября, предусматривающего как раз решение нашего вопроса, но только с января 1790 года. Декрет этот гласит, что статья 2...*

Для вас, господа, несомненно ясно, что таких же правил следует придерживаться при составлении дополнительного списка на шесть последних месяцев 1789 г., и было бы заблуждением пытаться поставить это под сомнение».

Вопрос ставится на обсуждение.

Упомянутое собрание синдиков, членов муниципалитета и жителей прихода Ори, по обсуждении постановило:

что в соответствии с декретом Национального собрания от 26 сентября сего года и оставляя без внимания королевскую про-

* *Пропуск в оригинале.*

кламацию от 11 октября того же года, равно как и так называемую инструкцию провинциального собрания выборщиков Пикардии, а также в соответствии с декретом Национального собрания от 28 ноября сего же года в названном выше приходе Ори будет приступлено к составлению дополнительного списка имуществ бывших привилегированных для последних шести месяцев 1789 года, и сие единственно в духе упомянутых декретов Национального собрания;

что в заглавии упомянутого дополнительного списка будут приведены эти слова о соответствии его таким-то декретам и об оставлении без внимания таких-то актов, рассматриваемых как не имеющие законной силы;

и что депутатам нации будет направлен либо одним приходом Ори, либо объединением, включающим и многие другие приходы, которые к нему примкнут, адрес, содержащий одобрение всех декретов собрания. К этому адресу будет приложен протокол настоящего обсуждения как доказательство рвения, проявленного приходами в деле наблюдения за их исполнением, вопреки всем усилиям помешать действиям тех, кто сочувствует общему благу.

Однако до сих пор еще настаивают на том, чтобы начинать лишь со списков на 1790 г. ...*

[ПРОЕКТ ПЕТИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ]

Руа, ноябрь 1789 г.

Господа! Весь мир рукоплещет вашим декретам. Франция принимает их с восхищением и удивляется своему счастью. Видя, как отовсюду жители нашей страны спешат направить вам тысячи благодарственных обращений, мы горим желанием тоже выразить наши чувства. Но мы не хотели следовать только этикету и моде и ждали случая, чтобы сделать это полезным образом.

Ныне нам представляется множество поводов, но мы остановимся лишь на трех главных, чтобы не занимать слишком долго собрание, неохотно тратящее время на вопросы, не касающиеся блага всех жителей государства.

Здесь мы должны сделать известную оговорку. Мы не обращаемся к высокому собранию в связи с какими-либо частными интересами. Вопросы, затронутые в настоящей петиции, могут дать материал для нескольких декретов, в которых Франция, возможно, неотложно нуждается.

В трех частях, составляющих эту петицию, мы рассмотрим вопросы: 1) о дополнительных налоговых списках, составленных для обложения лиц бывших привилегированных сословий; 2) о замене соляной подати; 3) о бедствиях, связанных с нищенством, кото-

* *На этом рукопись обрывается.*

рых следует опасаться в наступающую зиму, и о способах несколько их смягчить. Мы постараемся сжато изложить все эти три вопроса.

1. О дополнительных налоговых списках, составленных для обложения лиц бывших привилегированных сословий

Приступая к составлению нашей петиции, мы с большим удовлетворением узнали, что провинция Шампань, которая тоже сопротивляется затеям правительства и хитрым уловкам провинциальной аристократии, обратилась к вам с заявлениями, давшими повод для принятия на заседании 28 ноября декрета, содержащего решение вопроса, аналогичного нашему, поскольку он гласит, что статья 2 ...*

Но, господа, отдельные статьи этого декрета вызывают и некоторое беспокойство; мы имеем в виду своего рода одобрение, данное собранием предложению о том, чтобы в отношении непривилегированных налогоплательщиков, раз они обложены тальей с собственности по месту их жительства, а их арендаторы платят талью с арендованных земель по месту нахождения имуществ, вводить новый распорядок только в 1790 году, дабы не переделывать уже составленные списки и не задерживать взимание налога.

Господа! Всем известно, что люди, заинтересованные в злоупотреблениях, считают свое дело выигранным, если им удалось выиграть время. К тому же раз признано, что взимание налога по месту жительства есть практика незаконная, то это следует запретить вообще в отношении всех категорий налогоплательщиков, запретить немедленно, чтобы возможно скорее начать пользоваться преимуществами иного порядка взимания. Поэтому мы во весь голос требуем этого запрещения от имени всех наших братьев во всех провинциях. Мы уверены в том, что они нас поддержат, ибо мы выступаем во имя общей пользы. Мы желали бы также, чтобы было разъяснено, охватывает ли декрет последние шесть месяцев 1789 года, что представляется сомнительным; это видно из того, как поняли этот декрет депутаты Шампани, которые сочли, что он может быть применен только к 1790 году.

А между тем было бы очень важно, чтоб он был применен к шести последним месяцам 1789 года, если принять во внимание трудности, которые возникнут в противном случае, как мы это уже объяснили по поводу распределения, предписанного для 1790 года. И особенно, если принять во внимание, что различие между порядком, установленным для последних шести месяцев 1789 года и на 1790 год, сделает необходимым дважды проделать работу по составлению списков, а это дополнительный расход, от

* *Пропуск в оригинале.*

которого хотелось бы избавить народ. Мы добавляем к этому наше требование опровергнуть ложные принципы так называемого собрания выборщиков Пикардии относительно участков, не приносящих дохода, и относительно крупного строевого леса.

2. О замене соляной подати

Убежденные в невозможности восстановления в Пикардии взимания этого пагубного налога, депутаты этой провинции выясняли мнение своих избирателей о проекте предоставления правительству одного миллиона, для того чтобы приблизительно восполнить недостачу в государственной казне, соответственно тому, что провинция могла бы дать по этой статье, не включая сюда расходы на содержание управления по сбору налога. По-видимому, размеры этой суммы как замены налога не вызывают возражений, но трудности возникают в вопросе об ее распределении. Члены старых муниципалитетов и административных органов образовали, по-видимому, коалицию с целью переложить большую часть этого возмещения на тех налогоплательщиков, которых раньше называли непривилегированными, и, стало быть, допустить опять существование привилегированных. Желая соблазнить народ, они предложили распределить этот миллион следующим образом: 600 тысяч ливров — за соль по налоговым спискам 1788 года и 400 тысяч ливров — за табак по спискам взимания двадцатины, так что получается, с одной стороны, налог в 600 тысяч ливров, распределенный подушно между всеми пикардийцами без учета состава семьи, а с другой стороны, налог в размере 400 тысяч ливров, возложенный, неизвестно почему, только на одних земледельцев.

Мы все согласны в том, что из всех налогов наиболее чудовищно распределялось бремя налогов на табак и соль. Чтобы хорошо знать основание ...* относительно населения. Последнее замечание представляется заслуживающим особенного внимания.

Все приходы, опрошенные относительно упомянутого распределения, отдают себе отчет в том, что принять предложенный способ взимания значит возродить старые злоупотребления. Со своей стороны землевладельцы выступили с возражениями против намерений возложить исключительно на них возмещение налога на табак, между тем как отнюдь не доказано, что только они одни его потребляют. Всем ясно, что следует найти другой способ распределения. Одни считали, что надо было бы установить несколько категорий налогоплательщиков: но сколько их должно быть? Можно ли свести к 4—5 разрядам различия в имущественном положении граждан? Если принцип деления на категории может быть применен при распределении соляной подати, то следует ли применять его и при распределении всех других налогов?

* *Пропуск в оригинале.*

А если считать, что это повлечет за собой слишком опасные последствия, то такие же последствия возникнут при применении этого принципа к соляному налогу.

Другие полагали, что число дымовых труб в домах является достаточным признаком для определения денежных ресурсов каждого гражданина. Поэтому они предлагали исходить из этого основания при проведении упомянутой раскладки. Эта система была опровергнута примерами, которые можно найти повсюду.

Наконец, было также предложено, в качестве самого справедливого способа замены получаемых от налога на табак 400 тысяч ливров, составить список потребителей этого товара с тем, чтобы возложить на них одних уплату этой суммы.

Однако все, кто предлагал эти различные системы, смотрели на соль и табак лишь как на обыкновенные товары, которые, по их мнению, должны быть оплачены теми, кто их потребляет. Они не разобрались в том, что эти предметы являются товарами, имеющими цену лишь тогда, когда они находятся у их первого владельца, у того, кто их добывает. В его руках это, конечно, товары, за которые каждый должен платить соответственно тому, сколько он их потребляет. Но когда казна значительно увеличивает цену, то это уже не цена товара, а налог, и, как всюду говорят, налог пагубный, если им обложены предметы первой необходимости. Но ведь, господа, поскольку согласно вашему декрету от ...* все налоги во Франции должны уплачиваться всеми французами пропорционально их средствам, тот налог, который будет введен вместо соляной подати, должен взиматься в соответствии с общим порядком. Такой порядок создастся сам по себе, когда единый налог заменит все остальные. Нет ничего легче, как ускорить этот результат, распределив уплату суммы, которая должна заменить соляную подать, таким образом, что каждый будет платить пропорционально величине уплачиваемого им подушного налога или любого другого налога, который, по общему мнению, распределяется в наибольшем соответствии с возможностями налогоплательщиков. Мы осмеливаемся, господа, просить вас об издании декрета, соответствующего желаниям провинций, предложивших замену, о которой идет речь.

3. О бедствиях, связанных с нищенством, которых следует опасаться в наступающую зиму, и о способах несколько их смягчить

Жестокое бедствие обрушилось и преследует жителей сел и городов больше и сильнее, чем когда-либо раньше. Нетрудно уяснить себе причины такого несчастья. Редкость звонкой монеты способствует усугублению неизбежного в таких обстоятельствах беспорядка. Упадок торговли, бездействие мануфактур, почти пол-

* *Пропуск в оригинале.*

ное прекращение всех видов труда, которым занимались разного рода рабочие, различные потрясения, увеличившие число безработных, повышение цен на зерно, пришедших в крайнее несоответствие с ресурсами поденщика,— всего этого более чем достаточно для объяснения причин ужасного голода, угнетающего нас. Каста нищих не состоит больше из того небольшого числа людей, которые отупели от безделья и с детства привыкли использовать жалость других как источник своего дохода. Неприятности и лишения, связанные с таким образом жизни, оттолкнули от него всех, обладающих хоть какой-то толикой энергии, и число нищих стало очень ограниченным. Это был лишь небольшой отряд трутней, и трудолюбивые пчелы терпели их печальное существование. А ныне тучи бедняков повсюду осаждают двери других бедняков, которые не в состоянии помочь им. Что может последовать в результате столь несчастного порядка вещей? Увы! Роковой опыт прошлого года дает слишком много оснований для наших опасений относительно того, что может произойти в текущем году. В прошлом году беда была не столь тяжелой, как ныне. А между тем, что случилось в Пикардии? Как горожанин, так и сельский хозяин ежедневно подвергались нашествию семи—восьми сот бедняков, и перед их назойливостью ему приходилось либо ожесточаться, если он сам был беден, либо уступать, если он обладал средствами. Таким образом, каждый день мог обойтись горожанину в 800 лиардов, а крестьянину, не подающему деньгами, в 800 кусков хлеба. Больше того, горожанин, безопасность которого обеспечивается окружающими его стенами, мог отказывать бедным даже в той помощи, которую он в состоянии был оказать, тогда как сельский житель, изолированный среди равнин, часто был вынужден давать больше, чем мог. Тот, кто голоден, не рассуждает и не всегда справедлив. Если отдельные земледельцы, устав от множества обращенных к ним просьб, осмеливались ответить отказом некоторым просителям, они с прискорбием слышали, как им угрожали поджогом, и за этой угрозой немедля следовало и ее выполнение.

С другой стороны, земледелец, истощенный обильными раздачами, произведенными днем, не был и ночью защищен от требований выдать такую-то сумму денег и столько-то хлеба. Приходилось удовлетворять и эти требования. Такие достойные сожаления случаи начинают возобновляться, стечение бедняков становится столь же страшным, как и прежде, опять те же угрозы, те же приемы, и говорят, что в окрестностях Амьена дороги кишат нищими, которые даже убивают путников.

Эти ночные нападения, от которых многие земледельцы страдали в прошлом году, ныне повторяются и даже угрожают стать более серьезными; это, несомненно, акты отчаяния людей страждущих и отнюдь не принадлежащих к нищим по профессии, о которых мы говорили раньше. Вероятно, эти бедняки — труженики, лишившиеся работы, или заработки которых столь ничтож-

ны, что их не хватает более на приобретение необходимых продуктов. Такие бедняки, несомненно, наиболее опасны; слишком уж тяжело трудолюбивому человеку быть вынужденным умолять равного себе о жалости. Если все же под тяжестью беды он унижается до такой степени, то горе тому, кто его оттолкнет! Его прежняя энергия проявится вновь и сделает его способным на все. Поэтому было бы справедливо найти и применить средства, способные спасти от нищенства человека, который может и хочет работать. Если бы общество, в соответствии с мнением всех наших честных авторов, предоставляло всем людям возможность трудом обеспечить себе средства существования, разве кто-нибудь захотел бы унизиться до нищенства, особенно, если учесть, что и тому, и другому образу жизни давались бы соответствующие оценки?

Мы не считаем себя способными указать, какими путями это может быть осуществлено. Но, изложив причины, заставляющие нас опасаться опустошений, производимых нищенством, мы укажем некоторые средства, которые, мы полагаем, способны несколько смягчить это моральное бедствие.

Надо разрешить каждой общине произвести перепись своих бедных, т. е. всех тех, чьи ресурсы не соответствуют их повседневным потребностям; установить выплату каждому бедному по меньшей мере по пяти су в день; обеспечить эту выплату путем составления списка, в который будет включен каждый зажиточный житель, каждый владелец земли на территории прихода с указанием получаемого им от своей собственности дохода; после всего этого запретить попрошайничество. По правде говоря, приходилось видеть, как применялись совсем другие средства. Безжалостные эгоисты хотели, чтобы люди голодали и при этом были спокойны. Это невозможно. Надо сперва дать этим людям хлеба, а затем уже можно требовать от них спокойствия. Верно, что общество, обязанное обеспечить средствами существования всех, кого оно включает в свой состав, не может рассчитывать на спокойствие, если оно не выполняет этой своей первейшей обязанности, а человеческой природе не свойственно сохранять пассивность и равнодушие, умирая в жестоких муках нужды, тогда как глаз видит повсюду огромные богатства. Если общество обязано дать хлеб своим бедным членам, то это — лишь долг, оплату которого мы хотим обеспечить.

По правде говоря, 5 су в день недостаточно для обеспечения бедного человека средствами существования, но в соединении с другими мелкими доходами от его прилежного труда этого может, пожалуй, хватить.

Предлагаемый нами способ позволит установить, кто действительно беден; и те, кто по существу не являются таковыми, не смогут ухитриться съесть то, что предназначено для других. Таким образом, бедняки не будут ежедневно тревожить других бедняков, земледельца не будут постоянно утомлять, беспокоить,

подвергать нападениям и даже вынуждать давать больше того, что у него есть. Наконец, таким образом удастся, пожалуй, устранить источник множества угрожающих деревне несчастий.

Вот каковы, господа, наши просьбы. Мы их вам излагаем в надежде, что вы обратите на них внимание, как и на все, что отмечено печатью добра. Мы вам уже заявили, что мы восхищаемся вашими декретами, присоединяемся к ним, поздравляем вас с ними. Мы намерены постоянно выступать в роли их горячих защитников. Напрасно сторонники вражеской лиги будут пытаться исказить или урезать эти декреты, скрыть от народа их подлинный смысл. Чем больше ловкости проявят эти коварные люди, стремясь добиться успеха, тем приятнее нам будет сорвать их происки. Для этого нам достаточно будет обратиться к душам и сердцам французов — наших сограждан. Каждый прихожанин-патриот поймет, что он должен заботиться о сохранении национальной конституции и наблюдать за тем, чтобы ей не было нанесено никакого ущерба.

Мы имеем честь оставаться с глубоким почтением

Жители провинции (название)
Жители провинции (»)
Жители провинции (»)

УВЕДОМЛЕНИЕ [21]

В настоящее время, когда странные воззрения большинства сеньеров привели их к решению приостановить работы по составлению описей их владений и уволить своих февдистов и архивистов, один из последних, г-н Бабеф, предлагает все же в этом качестве свои услуги господам владельцам фьефов и сеньерий. И для обоснования того, что в настоящее время такие работы полезны более чем когда-либо, он изложит некоторые соображения с целью дать правильную оценку декрету, провозгласившему отмену феодального строя.

Во-первых, эта мнимая отмена неразрывно связана с условием выкупа; чтобы получить этот выкуп от всех, обязанных его выплачивать, необходимо, чтобы размеры долга каждого из них были точно установлены по документам, чтобы сеньер имел возможность заявить каждому из своих вассалов или цензитариев: вы мне должны столько-то, и вот доказательство этого. Для этого необходима работа февдиста, необходимо предъявление документов, тем более ясных и бесспорных, что должники, несомненно, будут считать себя вправе требовать точного обоснования требований, которые им будут предъявлены.

Во-вторых, выкуп или выплата смогут быть произведены лишь в течение довольно продолжительного времени. Сначала лишь немногие собственники в состоянии будут воспользоваться этой воз-

можностью, а все мелкие владельцы, составляющие в сеньериях большинство плательщиков, пожалуй, и за 100 лет не выплатят всего. А пока что описи и обычная сеньериальная администрация будут по-прежнему необходимы для сохранения феодальных прав на эти объекты, и тем более будет необходимо собрать и привести в порядок все документы, ибо потребуется вести точный и подробный учет выкупленных повинностей и повинностей, еще подлежащих выкупу.

А вот соображения, из которых видно, что в течение еще долгого времени выкуп сеньериальных прав будет трудно осуществлять. Ценз, уплачиваемый с одного арпана земли, составляет шесть франков в год. Предполагая, что выкуп производится из расчета 30 франков выкупа за франк ценза, это составит 180 франков. К этому надо добавить выкуп права сеньера на пошлину с наследуемого или продаваемого имущества. Согласно достоверным расчетам, это составит тоже по меньшей мере 20%. Я допускаю, что наш арпан оценивается в 900 франков. Надо, стало быть, добавить 180 франков к 180 франкам за выкуп ценза, итого для выкупа сеньериальных прав и ценза с участка стоимостью в 900 франков требуется 360 франков. Это составляет более трети его стоимости.

Если этот участок был частью феода, выкупная сумма окажется еще более высокой.

Чтобы иметь возможность определить размеры выплат крупным сеньерам, чтобы установить площадь зависимых от них земель и соответственно определить причитающиеся им повинности, их вассалы должны будут опять-таки прибегнуть к услугам февдистов. Работа последних над доменами еще выгоднее для сеньеров, чем та, которая относится к зависимым от них землям, невзирая на любые потрясения феодального режима.

Еще менее следует пренебрегать деятельностью тех февдистов, которые соединяют эту профессию с профессией архивиста. По-прежнему важно и полезно содержать в надлежащем порядке документы сеньериальных архивов. Этим достигается ясность, дающая: 1) возможность легко узнать все, что касается владений данного дворянского рода, и 2) способы успешно избежать множества разорительных тяжб.

Таковы главные соображения, которые показывают, что многие сеньеры поступили весьма необдуманно, остановив начатые ими работы по описям и архивам, и что они напрасно испугались декрета Национального собрания относительно феодального режима, ибо этот декрет не будет для них столь пагубным, как это думают многие.

[ОТВЕТ ОБВИНИТЕЛЯМ] *

... что даже при старом порядке такие люди не могли считаться опасными, в особенности если они не в состоянии были вмешиваться в какие-либо действия администрации, а это лицам, обладавшим властью, было совсем нетрудно предотвратить; такие люди считались опасными только в случае, если они распространяли свои взгляды.

Большой интерес, который представляет защита г-на Бабефа [22], не разрешает, даже из скромности, умолчать о том, что он принадлежит к числу тех разоренных людей, чья смелость и неподкупность плохо мирились с некоторыми принципами того, что называют человеческой политикой, хотя это заслуживает худшего наименования. Необходимо, чтобы он объяснил, как и почему при том порядке, который предшествовал революции, к нему относились в Руа как к неприятному человеку, которого эта отвратительная политика требовала уничтожить, и почему при новом конституционном порядке его считали несносным человеком, которого совершенно необходимо погубить.

Г-ну Бабефу было только 22 года, когда после женитьбы он обосновался в Руа и устроился там в качестве архивиста-февдиста. Здесь надо упомянуть о некоторых подробностях, которые могли бы показаться смешным и глупым хвастовством, если бы они не были важны для его защиты. Поселившись, таким образом, в городе, г-н Бабеф не имел ни состояния, ни родственников, ни покровительства, ни знакомств, в общем всего того, что создает человеку определенное положение. Родившись в очень бедной семье, он научился читать, писать и приобрел некоторые элементарные знания только благодаря своим природным способностям. Самоучка, не имевший ни одного учителя, кроме того, кто научил его азбуке, он приобрел все же представление о различных науках, которые, как он полагал, могли помочь ему занять место в жизни. Случай связал его с тем видом деятельности, который имеет своей задачей приведение в порядок сеньериальных описей и архивов. Благодаря своим успехам в этом деле он стал коекому известен, когда в том возрасте, который мы только что указали, он основал в Руа свое бюро. Но этим все и ограничилось. Его крайняя молодость казалась непреодолимым препятствием для завоевания доверия, совершенно необходимого для того, чтобы ему поручались столь важные во всех отношениях операции, как описи и архивы. Он преодолел все препятствия, и умение, с которым он справлялся с различными поручавшимися ему задачами, казалось, утвердило его репутацию. Но никогда не дремлющая глухая

---

* *На полях рукописи есть эпиграф:* «Жители Руа — патриоты, вот ваша история, потомство с честью отметит ваши имена. Визири Руа, вот ваша история, в которой ваши имена будут заклеймены для потомства».

зависть вскоре омрачила спокойствие г-на Б[абефа], которое он испытывал только благодаря своим занятиям и усидчивому труду.

Спокойный человек, не вмешивавшийся ни во что, постоянно в поисках работы...* Но вскоре распространился слух, который принимал все бо́льшие размеры; и он оказался вырванным из своей семьи, и ему пришлось испытать все ужасы заключения и все страшные невзгоды чрезвычайного судебного преследования.

Я не знаю авторов доносов, но целый ряд обстоятельств, взятых вместе, убеждают меня в том, что в этой роли выступили члены муниципалитета Руа. Я исхожу из этого предположения и излагаю эти обстоятельства.

Город Руа является очагом своего рода аристократии, до сих пор тем лучше сохранявшей свое влияние, что она никогда не встречала сопротивления той самодержавной власти, которую она давно уже себе присвоила. Это легко объяснить, так как в этом маленьком городке, за стенами которого проживает всего лишь около 3 тысяч человек, одной семье много лет назад удалось захватить все должности и присвоить себе все отрасли управления. Так как честолюбие не знает границ, эта маленькая группа спесивых патрициев, не довольствуясь тем, что она завладела самыми различными должностями, до которых ей удалось возвыситься, пожелала еще установить в маленьком городе, управление которым она себе присвоила, полное единодержавие, с тем чтобы существовал лишь один закон — их самоуправная воля. Их политика состояла в том, чтобы обеспечить себе большинство или путем чрезвычайно суровых действий, которые старый порядок никогда не стремился ограничить, или лестью, лицемерно завоевывая популярность с помощью коварного искусства выдавать себя за поборников общего блага, тогда как наблюдательный глаз не мог не заметить, что они стремятся только обеспечить и расширить свой деспотизм. Но чтобы привязать к себе обывателей, достаточно грубой приманки. Вот такими маневрами те, о ком мы говорим, добились в Руа своей цели. Они создали народ рабов, безмолвствовавший, бездействовавший, существовавший только для них. Если оставалось несколько человек, обладавших знаниями и способных соперничать с семьей Билькоков (потому что пора уже их назвать), то она владела способами поставить их в такое положение, чтобы ей нечего было опасаться. Распределяя все милости, награждая второстепенными постами тех, кто мог бы ей противоречить, она постепенно и без труда закрыла им рот. Все склонялось перед произволом этих могучих властителей, все были им беспрекословно преданы. Только одно могло бы их оскорбить — выступление тех гордых людей, которые пренебрегают милостями лиц, чье возвышение вызвано лишь чудовищным искусством...** Г-н Бабеф, который выполнял свои обязанности всегда с полным

---

* *Дальше несколько слов не разобрано.*

** *Дальше несколько слов не разобрано.*

успехом и которого благодаря его профессии все сограждане считали полезным для общества, казалось, не должен был их интересовать, поскольку ни к кому из них у него не было ни малейших обязательств. Его покой никто не должен был бы нарушать. Но в нем была прямота и строгая нравственная чистота, о которых нужно упомянуть, потому что, как мы увидим, именно эти его качества, столь похвальные для каждого честного человека, вызвали отчуждение между ним и теми, кто с тех пор непрерывно добивались его гибели.

Выросший в нужде, г-н Бабеф по-философски относился к тому достатку, в котором он теперь жил. Он знал все мучительные страдания, связанные с бедностью, он никогда их не забывал и вовсе не хотел отрекаться от тех классов, среди которых он родился. Он предпочитал деревенское чистосердечие и простодушие лживой городской вежливости, так часто скрывающей двуличие и обман. Представление о том, что человек «компрометирует себя», общаясь с тем, кто имеет на экю меньше, казалось ему связанным только с глупым человеческим чванством, самой смешной слабостью, которую тщеславие хотело возвести в общественную добродетель, чтобы создать отличительную особенность для тех, кого принято называть «порядочными людьми». Г-н Бабеф вел себя как моралист, стоящий выше подобных мелочей. Благодаря тому, что он перешел от бедности к менее стесненному положению, он смог сравнивать различные условия жизни с большей точностью, чем кто бы то ни было, потому что только личный опыт позволяет наиболее правильно судить о вещах.

Размышления привели его к выводу, очень благоприятному для бедности, потому что есть множество обстоятельств, при которых душу богача терзают различные страсти, неотделимые от условий его жизни, тогда как душа бедняка чаще всего находится в полном покое. Он пользовался любым случаем, чтобы разъяснять лицам этого класса причины такого положения, утешать их и всячески внушать им, что не следует отделяться от своего класса; к глубокому сожалению, подобное стремление слишком часто возникает у полезного и достойного внимания рабочего, потому что он слишком привязан к самой ложной и гибельной мысли, что высшее счастье состоит в том, чтобы жить в праздности и неге.

Наконец, г-н Бабеф не находил более приятных для его сердца отношений, чем те, которые он мог иметь с людьми из самых обездоленных классов; он находил в них остатки природной простоты, еще не испорченной нашей развращенностью, и искренне выражал свое сожаление по поводу того, что не имел никакого полезного ремесла или участка земли, на котором он мог бы заняться самой древней и самой благородной из всех профессий — земледелием.

Этот стоицизм, эта своего рода суровая добродетель, которая так часто заставляет предпочитать человека в естественном со-

стоянии тому, кто живет в обществе, казалось, не должны были вызывать недовольство визирей Руа, если не знать, что деспотические натуры тревожит все. Некоторые из этих великих, но очень ограниченных людей стали восклицать: в Париж не являются с этими мелкими гражданскими страстями. Люди такого склада наиболее заносчивы; они могут стать очень опасными. Они способны ниспровергнуть все представления, потому что при их стремлении не считаться с великим и возвышать до небес то, что мы считаем достойным топтать ногами, они могут значительно уменьшить то уважение, с которым относятся к нам, и ослабить наше влияние на умы. Они высказали такое суждение, и с этого момента гибель г-на Бабефа была предрешена. Или, во всяком случае, единодушно решено было отделаться от него любой ценой.

Началось с того, что его стали называть смешным и скучным философом, человеком со странной системой взглядов, пропагандистом абсурдных софизмов, взбалмошной головой и т. д. Таким образом подготовили большинство к тому, что его хладнокровно стали подвергать непрерывным гонениям, тщательно продуманным, чтобы так или иначе добиться его гибели.

Хорошо знали, что все его средства к жизни обеспечивались его профессией и что возможность продолжать такую жизнь, т. е. быть постоянно занятым, зависела только от общественного доверия, которое он сумел снискать. Поэтому, чтобы достигнуть поставленной цели, необходимо было лишить его этого доверия. Сперва это не удавалось, так как враги г-на Бабефа не имели доступа к лицам, пользовавшимся его услугами. Было сделано, однако, все, чтобы этого добиться. Пустили в ход все средства, чтобы унизить того, кого все с бóльшим остервенением решились преследовать. Его таланты, его честность, все, что способно было поддерживать репутацию трудолюбивого человека, стало мишенью для стрел самой низкой и самой черной клеветы. За отсутствием другого предлога стали предлагать заменить г-на Бабефа в осуществлении различных операций лицами, совершенно неспособными и не имевшими ни малейшего представления о феодальных отношениях, ссылаясь на то, что лучше обеспечить своих земляков, чем чужака, который осмелился поселиться на территории, где властвовали заправилы Руа, с заслуживающей, по их мнению, осуждения претензией заставить платить дань его мнимым талантам.

Но, как уже было сказано, патрицианская фамилия Руа имела слишком мало влияния на тех, кто доверял г-ну Бабефу, и он сперва почти не ощущал вероломных ударов, наносившихся ему втайне. Понадобился случай, капризы которого бывают столь причудливы, для того, чтобы они добились успеха, и предательство восторжествовало без всякой опасности для тех, кто его замыслил (потому что все было выполнено только тогда, когда создалась полная уверенность в том, что давно задуманное осуществится). Возникли самые благоприятные обстоятельства, которые

помогли бывшим начеку зачинщикам злого умысла против пассивного простодушия ничего не подозревавшей невинности. Человек, обладающий прямотой, спокойной совестью и искренностью, не предполагает лживости у других людей; он вовсе не склонен к доведенной до предела подозрительности и в данном случае был очень далек от странной мысли о давно уже готовящихся кознях, которые должны были его погубить, хотя ему не в чем было себя упрекнуть.

Наступили, наконец, обстоятельства, столь гибельные для меня, для моего покоя и столь благоприятные для порочных людей, желавших мне зла. Это произошло в конце 1787 года. Я занят был тогда очень крупным предприятием — это была опись владений маркиза Суаекура, расположенных в 12—15 приходах вблизи города Руа. Было бы слишком долго рассказывать, вследствие каких происков это большое предприятие, которое, по всем предположениям, должно было возместить все мои расходы и вознаградить мои труды, явилось причиной того, что меньше чем за 15 месяцев я был полностью разорен. Достаточно сказать, что целая орда юристов Руа, обслуживавших сеньерии г-на де Суаекура, для которого я составлял опись, умножили число моих врагов, и вот почему. Составление новой описи, осуществляемое честным человеком, вскрывает множество мерзостей, недозволенных, скрытых сделок и отвратительных притеснений, постоянно чинимых по отношению к гражданам, проживающим во владениях, принадлежащих их господину. Легко догадаться, что все эти алчные прислужники феодальной юстиции пришли в бешенство и без всякого труда объединились под знаменем моих прежних противников. Вследствие того, что подвиги одних были разоблачены, другие стали бояться, что и они будут скомпрометированы. Нынешние служащие г-на Суаекура заменили прежних из семьи Бильококов, и они были достаточно рассудительны, чтобы следовать их примеру. Нынешние и прежние служащие г-на Суаекура были, кроме того, родственниками, друзьями, покровителями друг друга. Они поспешно объединились, чтобы отомстить за мнимое оскорбление, якобы нанесенное мною им всем вместе. Так как г-н Суаекур — человек невероятно слабый и ограниченный, им без труда удалось убедить его в том, что он заинтересован в прекращении составления описи. Существовал договор, который нужно было разорвать. Мне следовало возмещение за понесенный ущерб. Стали оспаривать не только это, но начался спор даже вокруг тех работ, которые были уже мною выполнены. Привлеченный к суду Бильококов, т. е. бальяжному суду Руа, главой которого был Бильоко-старший, королевским прокурором — Бильоко-младший, королевским адвокатом — Прево, двоюродный брат обоих Бильококов, я был вскоре осужден. После окончания других моих работ, предшествовавших описи владений г-на Суаекура, я сумел сберечь от 7 до 8 тысяч франков: эти деньги составляли все мое достояние, и на протяжении 15 месяцев я полностью вложил их

в это предприятие. Я затратил на него все свое время и к моменту расчета остался, после всех розданных авансов, совершенно безо всяких средств, что было известно агентам г-на Суаекура, столь же коварным, как и мои исконные злостные недруги, которые их обучали и натравливали. У них хватило низости воспользоваться моей нуждой и предложить мне сумму, меньшую, чем 100 луи, за что они потребовали от меня расписку об окончательном расчете, тогда как я представил счет на 12 с лишним тысяч ливров и отказался от всякого возмещения за причиненный ущерб. Неотложная нужда в деньгах вынудила меня согласиться на все. Я отказался от целого ряда других предложений в то время, когда я был занят у Суаекура, потому что я рассчитывал на эту работу. Я оказался без занятий и без денег; тех ста луи без малого, которые я получил, с трудом хватило даже на то, чтобы приостановить все преследования, которым я подвергался со стороны мелких кредиторов, наседавших на меня со счетами по наущению Билькоков и их сообщников. Я с величайшим трудом спас свою мебель от этого страшного кораблекрушения, и трудно представить, с каким огорчением те, кто это созерцал, наблюдали за тем, что мне удается выручить эти жалкие остатки.

Но эта поразительная гнусность была только началом других преследований, уготованных мне облеченными властью тиранами, чье негодование не мирилось с выдержкой человека, который, казалось, все еще хотел сопротивляться. Мое бегство из этого места привело бы их в восторг и хоть на время обеспечило бы мой покой. Но меня удерживали соображения, связанные с особыми чувствами, изложением которых я не хочу удлинять этот краткий очерк.

Несомненно, все изложенное выше необходимо было сказать, потому что эти факты, по всей вероятности, относятся к истории моего обвинения в преступлении; я сейчас перейду к обстоятельствам, непосредственно ему предшествовавшим.

Наступила эпоха созыва Генеральных Штатов. Во время составления наказа от Руа я вмешался и попытался внести в него несколько статей. Я прежде всего хотел дать доказательство своего полного бескорыстия и показать, насколько я ненавижу эгоизм. Несмотря на то, что я был февдистом, поверят ли, чтó я предложил прежде всего? Уничтожение феодальных владений, выкуп цензив, уничтожение наследования по старшинству. Я обосновал необходимость этих политических мер доводами, которые должны были привести в замешательство всех, кто попытался бы меня опровергнуть. Затем я предложил способ замены всех видов налогов единым налогом при равномерном его распределении. Я предложил также меры для введения государственного образования. Всемогущие Билькоки, торжественно председательствовавшие на собрании в окружении всех своих льстецов и ставленников, не в состоянии были оспорить какими-нибудь доводами значение статей, включения которых в наказ я добивался, но они без труда

сперва задержали, а потом и вовсе их устранили. Наградой за мое рвение, которым я гордился, было только еще более неприязненное отношение ко мне. Тогда дурные граждане не считали нужным действовать исподтишка, и я без труда заметил, как в душах этих деспотов усилилось негодование против дерзкого плебея, который осмелился открыто проповедовать взгляды, направленные на благо большинства; я уже тогда понял, какие гнусные замыслы бродили в их преступных умах против того, кого они считали окончательно запятнанным демократическими принципами,— грех, который тогда еще казался непростительным и за который антипатриоты могли открыто мстить. Я понял, наконец, что они не долго будут искать предлога, чтобы осуществить против меня эту месть.

Благоприятный оборот, который приняло тогда народное дело, немного спутал их расчеты. Но не замедлило появиться еще одно обстоятельство, давшее мне новые права на ненависть со стороны этих всемогущих заправил. Один из них, г-н Прево, королевский адвокат бальяжа в Руа и двоюродный брат обоих Бипькоков, добился того, что был облечен высокими полномочиями депутата третьего сословия в Национальном собрании. Но, увы! Вскоре после того, как он отправился выполнять доверенную ему великую миссию, к его избирателям начали приходить позорящие и, к сожалению, совершенно верные сообщения о нем. Депутат третьего сословия, он трусливо продался тем, кого называли двумя другими сословиями; за эту измену он получил бесплатное жилище и стол в одном аристократическом особняке Версаля; преисполненный гордости из-за нескольких поощрительных взглядов дворян, он бесстыдно отступился от своих собратьев — депутатов третьего сословия. Хорошо известны те принципы, которые разделял этот депутат Прево во время знаменитого заседания в Зале для игры в мяч. Протокол этого памятного заседания, когда депутаты третьего сословия, оставшись одни, провозгласили себя Национальным собранием и поклялись, вопреки всем преградам, которые могут возникнуть, основать великое здание нашей конституции, этот протокол, доставивший в Руа столь счастливую для всех добрых французов новость, поверг город в глубокое огорчение. В этом протоколе было сказано, что он подписан всеми депутатами третьего сословия, кроме одного. Этого человека пощадили, и его имя не было названо, но были приведены все подписи, отсутствовала только подпись Прево. Число голосовавших также явилось доказательством. Можно судить, какие чувства испытывали жители города Руа из-за этой катастрофы, которую они считали для себя позорной, тогда как в противном случае, если бы их депутат покрыл себя славой, они, естественно, считали бы, что часть этой славы распространяется и на них. Что подумает о нас Франция, говорили горожане, если мы не докажем, что вовсе не разделяем антигражданских чувств нашего депутата. Отречемся от него, восклицали другие, покажем, что мы в отчая-

нии от ошибки в нашем выборе, отзовем этого предателя и предложим заменить его тем, кого мы считаем достойным лучше служить общему делу; не совершим преступления перед лицом родины, оставив в собрании гадюку, которая будет отравлять его своим зловонным дыханием.

Так они говорили, и мне было поручено составить акт с требованием, чтобы полномочия, данные г-ну Прево, были у него отняты. Но всемогущие Билькоки обнаружили подкоп и с помощью своих рабов, своих обещаний, своих угроз и всеми иными подвластными им средствами предотвратили страшный удар, который по праву должен был обрушиться на голову их достойного кузена. Народ Руа, привыкший к игу, великодушен более, чем следует. Указанный акт не был подписан, и предпочли выглядеть людьми, приветствующими вероломство виновного, вместо того, чтобы предать его заслуженному наказанию.

Но легко представить, как усилилась против меня ярость всемогущих, когда они узнали, что мне было поручено составить этот сокрушительный акт, и насколько тот, против кого он был направлен, был взбешен. Проследим за событиями, которые произошли со времени этого кризиса до решающего момента их мести, потому что детали этих событий помогут пониманию того, до каких низких и жалких страстей доходят в своем ослеплении порочные люди, способные пойти на риск нового доноса на честного гражданина, которого можно обвинить только в недвусмысленных актах чистейшего патриотизма.

С середины июля до 18 октября я жил без всяких конфликтов с самодержавными властителями города Руа по той простой причине, что все это время я провел в Париже, чтобы опубликовать произведение, названное «Постоянный кадастр». Оно не бесполезно для моей защиты и имеет отношение к тем вопросам, о которых мне придется вскоре говорить, и потому я коротко остановлюсь на содержании этого произведения. Обоснование принципов общественного обложения, правильных способов установления его общей суммы, распределения и взимания — вот его главная цель. На втором месте стоят рассуждения по поводу всех вопросов общественной администрации, которые связаны с основным вопросом о государственных налогах. Точка зрения, развитая в этой последней части, настолько совпала с общим мнением той части нации, которая жертвует всем ради правильных принципов, что конституционные решения, получившие наибольшее одобрение патриотов, казалось, целиком почерпнуты из этой книги «Постоянный кадастр». Но никто не пророк в своем отечестве. Имея в виду отношение ко мне тех, кто в Руа задает тон, с их неисправимо антипатриотическими взглядами, легко представить себе, что по возвращении меня не увенчали лаврами. То обстоятельство, что я написал книгу целиком в демократических и народных принципах, явилось только новым, очень существенным поводом для упреков со стороны аристократии Руа.

Когда я вернулся, оказалось, что прежний муниципалитет был заменен новым учреждением, под названием постоянный комитет. Не приходится и спрашивать, кто стоял во главе этого комитета, кто занял в нем первые места. Наши всемогущие люди их не упустили. Это новое учреждение отличалось только тем, что оно сдерживало энергию граждан, которые в первые дни июльских волнений поспешили, как и повсюду, создать национальную милицию, стремясь сделать ее деятельной и полезной. Клике Бильконов удалось вскоре подавить этих мужественных жителей Руа, которые вздумали проявить свой патриотизм. Она сделала все, чтобы помешать гражданской гвардии сохранить свою активность. Для этой достойной осуждения цели она располагала по крайней мере одним надежным средством. Обладая 200 ружьями, предназначенными для вооружения этой патриотической гвардии, она упорно не хотела их выдавать, несмотря на повторные требования всех граждан. Таким образом, и при царстве свободы несчастный народ Руа в некотором смысле заставляли защищать своих врагов.

В первые дни революции комитет вынужден был созвать несколько общих собраний коммуны. Подлинно гражданские предложения, с которыми выступили некоторые патриоты, не понравились украшенным знаками отличия аристократам, в чьи руки, к несчастью, попало столь важное дело народа. Своеобразное вкрадчивое красноречие старшего из Бильконов, поддерживаемое аплодисментами его рабов, помогало устранить эти предложения, оскорбляя и обижая их авторов. Чтобы отнять у этих смелых людей охоту отважиться еще на одну попытку, эта клика притворялась, что для нее сущая безделица их оспаривать, и, если она удостаивала вступать в спор, то, бесстыдно отклоняя полезные истины, всегда при этом глумилась над ними. Но это была только военная хитрость, которая никого не могла обмануть. Все эти докучливые требования ставили все же в затруднительное положение всемогущих должностных лиц. У интриганов, однако, всегда находится выход. Они приняли твердое решение не допускать дальнейшего созыва общих собраний, несмотря на ежедневные настояния лучших граждан, которые собирались от имени всей коммуны потребовать устранения ряда поводов для неудовольствия, вызванных бездействием или уклончивыми шагами антипатриотического комитета, поводов, которые мы не можем здесь перечислять, чтобы страшно не удлинить мемуара, объем которого мы и так, к нашему огорчению, не можем уменьшить.

Но вот что с избытком приумножило доказательства высокомерного презрения, которым эти великие люди почтили бедный народ Руа. Это случилось во время нового деления королевства. Многие города посылали свои делегации в Законодательное собрание, добиваясь того, чтобы стать местопребыванием какой-нибудь администрации. Было известно, что в Национальном собрании возник вопрос, какой из двух городов, Руа или Мондидье,

станет центром дистрикта. Мондидье послал своих депутатов, чтобы обосновать свои мнимые права, ссылаясь на преимущества местоположения, количество населения и т. д. Вследствие этого в Руа в различных слоях общества усиленно заговорили о необходимости преодоления всех препятствий, как бы крепки и значительны они ни были, для созыва общего собрания коммуны и немедленного назначения депутатов с тем, чтобы оспорить мнимые права города Мондидье и добиться превращения города Руа в центр дистрикта. Каково же было изумление жителей Руа, когда в один прекрасный день они узнали, что 4 депутата уже выехали, тогда как никто не знал, кем и когда они были назначены и уполномочены. Кто были эти депутаты, не приходится и спрашивать: 1) Билькок-старший, наместник бальяжа и председатель комитета, 2) Билькок-младший, королевский прокурор бальяжа и член комитета, 3) Массон, адвокат бальяжа, раб и прислужник обоих Бильноков и член комитета, 4) Лефевр д'Эданкур, адвокат бальяжа, раб и прислужник обоих Бильноков и член комитета. Таковы были четыре человека, которые отправились как депутаты города Руа и за его счет в Париж, чтобы обратиться в Национальное собрание по поводу нового деления королевства и определения местопребывания различных административных учреждений. В свете сказанного легко догадаться, что эти люди не постеснялись назначить депутатами самих себя. Но может показаться невероятным со стороны клики, состоявшей из достаточно предусмотрительных людей, всегда имевших в запасе средства, чтобы спасти свое лицо, что, назначив самих себя, они сочли возможным сфабриковать в реестре постановлений муниципального комитета акт, составленный якобы в присутствии всей коммуны, надлежащим образом созванной, тогда как он не был подписан даже всеми членами комитета. Народ Руа не заслужил, чтобы с ним особенно церемонились. Правда, аристократическая лига имела весьма серьезные основания для того, чтобы так действовать. Если бы коммуна была собрана, то народ, преисполненный справедливой злобы из-за того, что, несмотря на все настояния о созыве общих собраний, когда он считал это нужным, он не мог все же этого добиться, на сей раз не поддался бы кисло-сладким увещеваниям постоянных должностных лиц. Он мог бы не назначить их депутатами, а мы сейчас увидим, как это было для них важно.

В Национальном собрании не было решено, станет ли Руа или Мондидье местопребыванием дистрикта, либо же учреждения дистрикта будут разделены между двумя городами так, что административные учреждения будут расположены в одном из них, а суд — в другом. Так как склонялись предпочтительно именно к этому решению, то клика Бильноков, состоявшая в большинстве из судей, адвокатов, прокуроров, судебных приставов, нотариусов и т. д., чувствовала, что она потеряет свои доходы, авторитет и значение, если суд окажется не в Руа. Следовало поэтому сделать

все возможные усилия, использовать всех друзей, покровителей, поручителей, применить все мыслимые средства, чтобы попытаться сохранить свое положение и по-прежнему жить за счет глупых и несчастных истцов. Было несколько граждан, которые понимали, что выгоднее потерять суд, но получить управление дистрикта. Они сознавали, что пребывание этой администрации оживит город, что это будет содействовать развитию торговли и сбыту предметов потребления, так как в город ежедневно будет являться множество жителей деревни и по поводу налогов, и по всем делам, которые при старом порядке решались интендантами или их заместителями или в податных округах; деревенские жители являлись бы также за всевозможными советами, консультациями, инструкциями по поводу различных декретов Национального собрания и всей конституции в целом. Я сам держался такой же точки зрения, и мы предвидели, какое преимущество получит город, если в нем будет находиться администрация дистрикта, а не суд. Отсюда ясно, что́ побуждало заправил не собирать народ для назначения депутатов. Это вызывалось страхом, что он поймет свою заинтересованность не столько в суде, сколько в администрации дистрикта и облечет определенными полномочиями своих депутатов, которые в этом случае никак не будут людьми, зависимыми от судебных органов, и станут свободно определять свои действия. Пока предавались этим размышлениям, которые, естественно, были направлены против клики Билькоков, их эмиссары повсеместно заявляли, что город погибнет, если господа депутаты не добьются суда, а люди, повторяющие, не задумываясь, то, что они слышат, хором повторяли, что город погибнет, если господа депутаты не добьются суда, что в Руа никто больше не будет приходить, что только это давало возможность сбывать предметы продовольствия, напитки, товары, как будто бы несчастный крестьянин, случайно попавший в город из-за своего судебного дела, часто выходил...* обмакивал свой хлеб в воде первого попавшегося фонтана...*, утешаясь обманчивыми иллюзиями, которые внушал им тот, кто только что извлек из них последний грош. Эти совершенно очевидные факты, подтверждаемые ежедневным опытом, ослабляли немного успех эмиссаров клики Билькока в их стремлении добиться того, чтобы общественное мнение высказалось в пользу суда. Так как я был обвинен в содействии распространению этих истин, можно понять, что это дело явилось еще одним поводом для проклятий со стороны грозных заправил.

В Париже в течение пятнадцати дней депутатам, избранным их же собственными голосами, не удалось поколебать Национальное собрание своими навязчивыми ходатайствами в пользу суда. Наоборот, был издан декрет, устанавливавший центр дистрикта в Мондидье, с тем чтобы поделить некоторые учреждения с Руа, ес-

* *В этом месте часть рукописи оторвана.*

ли к тому есть основания. Эти слова «если к тому есть основания», как кажется, были произнесены только для того, чтобы не приводить сразу в отчаяние депутатов Руа. Они это поняли и предвидели, что жители этого города тоже быстро это поймут. Они поняли также, что слишком удобная манера своими собственными голосами избирать себя депутатами неприятно задела и восстановила против них немалое число людей. Приходилось с позором возвращаться ни с чем, лишь причинив городу огромные расходы. Как показаться вновь? Нет ли опасности, что от них, при всем их могуществе, на этот раз отрекутся; не испытает ли самодержавная власть страшный удар, не окажется ли она опозоренной, не подвергнется ли оскорблениям и пренебрежению? Но нет: сообразительные люди какими-то окольными путями всегда находят выход, позволяющий вывернуться с честью, и сейчас мы увидим, как весьма изобретательный руководитель сумел этим воспользоваться с выгодой для наших мудрых заправил *

---

* *На этих словах рукопись обрывается.*

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

1 Фликсекур — местность в Пикардии в 23 км от центра провинции Амьена и в 22,5 км от Аббевилля (см. *M. Dommanget.* Babeuf à Flixecourt.— «Sur Babeuf et la conjuration des Egaux». Paris, 1970). Бабеф находился в Фликсекуре с конца 1778 г. (не позднее чем с марта 1779 г.). С конца 1781 г. он обосновался в Руа, где и жил до сентября 1792 г.

2 Отец Бабефа — Клод (по прозвищу Epine) родился 2 февраля 1712 г., служил в кавалерийском полку; в 1738 г. дезертировал; по амнистии 1752 г. вернулся во Францию в 1755 г. и был на службе у генеральных фермеров. Женился на Мари Катрин Ажен; имел 13 детей, из которых выжили четверо — два сына и две дочери. Франсуа Ноэль Бабеф (впоследствии назвал себя Камиллом, а с 1793 г.— Гракхом) — старший сын; родился 23 ноября 1760 г. в Сен-Кантене. О Клоде Бабефе см. заметку А. Корвизье — *A. Corvisier.* Sur le père de Babeuf.— «Annales Historiques de la Révolution Française» (далее AHRF), 1967, № 187. Сообщение старшего сына Гракха Бабефа, Эмиля Робера, о том, что Клод Бабеф в период своего пребывания за пределами Франции был майором и даже воспитателем будущего австрийского императора Иосифа II, не находит никакого подтверждения в сохранившихся автобиографических фрагментах Бабефа. Точная дата смерти отца Бабефа неизвестна; судя по сохранившимся письмам — в конце 1780 г. или в начале 1781 г.

3 Юллéн Анри Жозеф — нотариус-февдист в Фликсекуре; в годы революции — мэр Фликсекура; при Наполеоне — «имперский нотариус»; скончался в 1811 г. (*M. Dommanget.* Op. cit.). Службу у Юллена, судя по второму письму Бабефа от 26 мая 1780 г., он начал в марте 1779 г.

4 Журналь — старинная мера площади, означавшая количество земли, которое один человек мог обработать за один день.

5 Бюке — февдист капитула в Нуайоне.

6 Бабеф женился 13 ноября 1781 г. на Мари Анн Виктуар Лангле, бывшей до брака служанкой у г-жи Бракмон в замке Дамери.

7 Младший брат Бабефа, Жан Батист (род. в 1769 г.), начал действительно работать у Бюке. В 1787 г., когда Гракх Бабеф приступил к составлению описи поместий маркиза Суаекура (см. ниже), он вызвал к себе брата в Руа, несмотря на противодействие со стороны Бюке. В ЦПА ИМЛ сохранились письма Жана Батиста к брату.

8 Фердинан Дюбуа де Фоссе (1742—1817) — с 3 декабря 1785 г. постоянный секретарь Аррасской академии. В годы революции — мэр Арраса и председатель директории деп. Па-де-Кале, вплоть до 1793 г. видный деятель аррасского якобинского общества. По сообщению Л. Жакоба (см. *L. Jacob.* Joseph Le Bon, 1765—1795. La terreur à la frontière (Nord et Pas-de-Calais), v. I—II. Paris, 1934), было предположение назначить Дюбуа секретарем Комитета общественного спасения. Позднее отношение к Дюбуа изме-

нилось; в марте 1794 Дарте, будущий сподвижник Бабефа, писал Робеспьеру: «Дюбуа, недавний президент, разоблачен как интриган и честолюбец». В течение восьми месяцев Дюбуа находился в тюремном заключении. Термидорианцы также отнеслись к Дюбуа недружелюбно. Однако после назначения Л. Карно, активного члена Аррасской академии и друга Дюбуа де Фоссе, членом Директории, он переехал, по предложению Карно, в Париж и работал редактором «Journal des defenseurs de la Patrie». После 18 фрюктидора кандидатура Дюбуа в Совет пятисот выдвигалась некоторыми демократами (М.-А. Жюльеном). В 1799 г., после переворота 18 брюмера, когда Карно был назначен военным министром, Дюбуа перешел на работу в военное министерство. Последние десять лет жизни провел в Париже, но никакой роли уже не играл (см. о нем: *L. N. Berthe.* Dubois de Fosseux, secrétaire de l'Académie d'Arras. 1785—1792 et son bureau de correspondance. Arras, 1969). Переписка Дюбуа де Фоссе с Бабефом опубликована М. Рейнаром («Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788)». Sous la direction de Marcel Reinhard. Paris, 1961). Все дальнейшие отсылки к письмам Дюбуа де Фоссе Бабефу даются по этому изданию.

9 Аррасская академия предложила для конкурса 1786 г. следующую тему: «Полезно ли для Артуа делить фермы или земельные участки? В случае положительного ответа указать границы, которых следует придерживаться при этом разделе». Мемуар, посланный на этот конкурс Бабефом, до сих пор не обнаружен; сохранился лишь отрывок, опубликованный М. Домманже (*M. Dommanget.* La division des fermes selon Babeuf.— «Sur Babeuf et la conjuration des Egaux», p. 70—71). Как объяснил Дюбуа де Фоссе в своем письме от 6 декабря 1785 г. (это было первое письмо Дюбуа де Фоссе Бабефу), мемуар Бабефа не мог быть рассмотрен по формальным причинам: он был получен 4 декабря, тогда как срок приема работ был ограничен 1 декабря; мемуар был подписан, а по условиям конкурса он должен был быть анонимным.

10 На 1787 г. академия объявила конкурс на две темы: 1. Какие отрасли промышленности существовали в местностях, которые находятся на территории нынешней провинции Артуа, с галльских времен? Каковы были причины их упадка и каковы средства для того, чтобы их восстановить, в частности мануфактуры в городе Аррасе? 2. Выгодно ли сократить число дорог на землях деревень провинции Артуа и сделать те, которые будут сохранены, достаточно широкими для того, чтобы по обочинам посадить деревья? В случае положительного ответа указать способы осуществить это сокращение. Бабеф представил мемуар на тему о дорогах (см. *E. Van-Drival.* Histoire de l'Académie d'Arras depuis sa fondation en 1737 jusqu'à nos jours. Arras, 1872). Мемуар Бабефа опубликован в настоящем томе (см. стр. 117—125).

11 Имеются в виду документы, закрепляющие права сеньеров на получение феодальных повинностей.

12 По всей вероятности, речь идет о рукописи Бабефа «Mémoire peut-être important pour les Propriétaires de Terres et Seigneuries, ou Idées sur la Manutention des Fiefs». Она встретила полное одобрение Девена и была напечатана в его типографии.

13 Девен Жан Фредерик Алексис — владелец типографии в Нуайоне, с которым Бабеф поддерживал личные и деловые связи в 1786—1790 гг. В ЦПА ИМЛ сохранились письма Девена и членов его семьи к Бабефу. Переписка с Девеном носила в первые годы дружеский характер. Однако в 1789 г., во время их совместного пребывания в Париже, Бабеф изменил свое отношение к Девену и печатание «Постоянного кадастра» перенес в Париж. В 1790 г. в нуайонской типографии Девена печаталась газета Бабефа «Пикардийский корреспондент». Между Девеном и Бабефом возник тогда конфликт, после чего Бабеф прекратил с ним переписку. Типография Девена продолжала существовать и во время Реставрации.

[14] Имеется в виду «Mémoire peut-être important...» (см. прим. 12).

[15] Бабеф имеет в виду книгу Шарля Луи Обри де Сен-Вибера (1746—1817) о составлении описей (*Aubry de St. Vibert.* Les terriers rendus perpétuels ou le Mécanisme de leur confection. Ouvrage utile à tous les Propriétaires de Terres ou Fiefs, à tous Notaires, Régisseurs, Géomètres, Feudistes et autres enfin qui se destinent à la Partie des Terriers». Paris, 1787). В своем «Мемуаре» Бабеф вступил в полемику с Сен-Вибером по поводу способов составления описей (см. *A. Pelletier.* Babeuf-feudiste.— AHRF, 1965, N 179). Бабеф предполагал продолжить эту полемику с Сен-Вибером, с которым он вступил в переписку. В 1789 г. Обри де Сен-Вибер опубликовал работу «L'impôt abonné», в которой развивал идеи, близкие к «Постоянному кадастру» Бабефа (см. сообщение С. Бернстайна — *S. Bernstein.* Une lettre de Babeuf à Antoine Lamy (21 février 1791).— AHRF, 1963, N 171).

[16] Бабеф послал Дюбуа де Фоссе свой «Мемуар» («Mémoire peut-être important...», см. прим. 12). В это время Бабеф был уже занят подготовкой более подробного труда на эту же тему, в котором основное внимание он предполагал посвятить вопросу о «постоянстве» выработанной им системы составления описей (terriers) поместий.

[17] «Парижский собрат» — Шарль Луи Обри де Сен-Вибер (см. выше, прим. 15).

[18] Настоящий черновик письма публикуется впервые по копии В. Адвиелля, хранящейся в ЦПА ИМЛ. Письмо не было отправлено, вероятно, в силу резкости той критики, которой Бабеф подверг общественные отношения тогдашней Франции. В письме от 22 июня 1786 г. (см. след. письмо), посланном Дюбуа де Фоссе, Бабеф вернулся почти ко всем вопросам, затронутым им в данном первоначальном варианте письма, но в гораздо более краткой и смягченной форме.

[19] 26—27 апреля 1786 г. в Аррасе состоялись заседания академии, на которых присуждались премии по конкурсу на тему о разделе ферм. На этих же заседаниях выступили директор академии граф Галамец, М. Робеспьер, Лангле и Легэ, а также Дюбуа де Фоссе, который посвятил свою речь памяти Ардуэна, бывшего секретаря академии; были избраны новые члены академии — Легэ, Шанморен (Champmorin) и Таранже.

[20] Премии был удостоен аррасский адвокат Пьер Луи Жозеф Делегорг (родился в 1751 г.) за представленный (и впоследствии напечатанный) мемуар: «Mémoire sur cette question: «Est-il utile en Artois de diviser les fermes et exploitations des terres? Ouvrage qui a remporté le prix à l'Académie d'Arras le 26 avril 1786». Делегорг выступил в качестве противника раздела. По мнению А. Юнга, «невозможно сделать более верные и более справедливые замечания о преимуществах крупных ферм и богатых фермеров, чем те, которые изложены в «Энциклопедии»,— и никто не освещал этот вопрос лучше, чем г-н Делегорг» (*A. Young.* Voyages en France, v. II. Paris, 1931, p. 748). Во время революции Делегорг в 1791 г. был администратором деп. Па-де-Калэ (см. *L. N. Berthe.* Dictionnaire des correspondants de l'Académie d'Arras au temps de Robespierre. Arras, 1969).

[21] Одобрение академии на заседании 26 апреля 1786 г. заслужил также Делестре дю Терраж, выступивший в своем мемуаре за раздел ферм. Биографические данные о Делестре отсутствуют. Парижский адвокат Делестре дю Терраж в двух письмах в Аррасскую академию отрицал, что он является автором мемуара (см. *L. N. Berthe.* Dictionnaire des correspondants..., p. 145).

[22] Нижеследующий отрывок о роскоши, вероятно, относится к другой рукописи Бабефа. Мы следуем тексту, сохранившемуся в ЦПА ИМЛ.

[23] Бизе Жак Батист (1728—1808) — амьенский литератор, был членом Амьенской академии.

[24] Кокле Антуан Жозеф (1746—1813) — священник, с 1771 г. каноник в Камбрэ. Эмигрировал в 1792 г.; вернулся в 1795 г.; при Наполеоне — кюре в Бетюне, где и скончался.

[25] Мысль о невыгодности чрезмерного дробления важна для понимания отношения Бабефа к «аграрному закону» (уравнительному переделу земли). В 1789 г. в «Постоянном кадастре» Бабеф занимал несколько иную позицию и, во всяком случае, не говорил об опасности чрезмерного дробления. Но в своих последующих высказываниях, особенно в 1795—1796 гг., Бабеф повторил соображения, выдвинутые им еще в 1785—1786 гг.

[26] Вопрос о долгосрочной аренде представлял большую остроту для дореволюционной Франции, в частности Пикардии (см. *G. Lefebvre.* Les questions agraires au temps de la Terreur. Strasburg, 1932). В 1790 г., выдвигая предложение о том, чтобы конфискованные церковные имущества не распродавались «бандам капиталистов и спекулянтов», а сдавались в аренду, Бабеф снова поставил вопрос о долгосрочной аренде церковных земель как наиболее выгодной системе для малоимущего крестьянства.

[27] Свое глубоко отрицательное отношение к крупной собственности Бабеф высказывает здесь еще в осторожной форме. Однако все содержание письма не оставляет никакого сомнения в том, что Бабеф уже тогда был сторонником «радикального разрешения» вопроса о «крупных фермах» в смысле их полного уничтожения. В 1785—1786 гг. он считал, что ставить этот вопрос еще «слишком рано», но в первые же годы революции выступил в качестве решительного сторонника уничтожения не только крупной, но и вообще всякой частной собственности на землю.

[28] Галамец Жан Александр Мари де Брандт (1753—1827) — граф; член Аррасской академии с 15 июня 1782 г.; был ее директором в 1785—1786 гг. (его сменил Максимилиан Робеспьер). На заседании академии 27 апреля 1786 г. выступил с речью: «Размышления о счастье» («Réflexions sur le bonheur»). В 1792 г. эмигрировал; вернулся во Францию около 1804 г. (XIII год). Скончался в Аррасе (см. о нем указанную работу Ван-Дриваля и обе работы Л. Н. Берта).

[29] Легэ Луи Жозеф (1759—1823) — аррасский адвокат с 1783 г.; франкмасон; один из основателей литературного общества «Rosati» (см. прим. 160); член Аррасской академии с 7 января 1786 г.

В 1783 г. муниципальные власти Сент-Омера (в Пикардии) приняли постановление об уничтожении в городе громоотвода (изобретенного незадолго перед тем Б. Франклином). Владелец громоотвода обжаловал это постановление в суде. Его защитником выступил тогда еще молодой аррасский адвокат М. Робеспьер. Этот процесс, который Робеспьер выиграл, впервые принес ему известность. Во время этого процесса Легэ выступал противником Робеспьера.

Легэ был также поэтом, сборник его стихов «Mes souvenirs» выходил в нескольких изданиях. На заседании 27 апреля 1786 г. выступал с чтением своих произведений, упоминаемых в письме Бабефа. Во время революции — судья в трибунале Сен-Поля, Арраса и деп. Па-де-Калэ. При Наполеоне — нотариус и следователь в Бетюне, где и умер.

[30] Шанморен Феликс Мари Пьер Шенон (1736—1808—?), военный, майор инженерных войск в 1779 г., подполковник в 1788 г., член Аррасской академии с 7 января 1780 г.; был также членом общества «Rosati». На заседании 27 апреля выступил с речью о пользе наук для военных. В годы революции служил в армии; в 1793 г. был отстранен как дворянин, и восстановлен в 1795 г. (III год).

[31] Таранже Андре Этьен Луи (1752—1837) — известный медик; в 1782 г. в Дуэ получил кафедру физиологии; автор ряда научных трудов. Почетный член Аррасской академии с 4 февраля 1786 г. и член общества «Rosati». Близкий друг Дюбуа де Фоссе, который посвятил ему стихотворение, подвергшееся позднее критике Бабефа. На заседании 26—27

апреля 1786 г. выступил с речью: «Физическая и моральная природа женщин». В 1797 г. был членом Совета пятисот. Во время империи — ректор Академии в Дуэ, где и умер (см. *L. N. Berthe.* Dictionnaire des correspondants...»). См. также отзыв о нем Бабефа в письме от 23 мая 1787 г.

[32] Ле Массон ле Гольфт Мари (1749—1826) — литератор; опубликовала ряд философских и публицистических произведений («La balance de la nature» — 1784; «Esquisse d'un tableau du genre humain» — 1787; «Lettres sur l'éducation» — 1788). Почетный член Аррасской академии с 3 февраля 1787 г. Бабеф в своих письмах к Дюбуа отзывался о ней с большим уважением (см. письма от 5 ноября 1786 г. и от 12 апреля 1787 г.). В тексте ее имя воспроизводится так, как его писал Бабеф.

[33] Жербье Пьер Жан Батист — парижский адвокат, в 1787 г. был сотрудником генерального контролера Калонна.

[34] Максимилиан Робеспьер был членом Аррасской академии с 15 ноября 1783 г., ее канцлером в 1785 г. и директором с 4 февраля 1786 г. На заседании 27 апреля 1786 г. он выступил с речью, продолжавшейся час и три четверти, о правах незаконнорожденных детей (эта речь «Les droits et l'état des bâtards» опубликована Л. Н. Бертом в Аррасе в 1971 г.).

[35] Это — первый отзыв Бабефа о Робеспьере.

[36] Демазьер — видный аррасский адвокат. Оценку Робеспьера мы находим также в письме аррасского адвоката Ансара 20 февраля 1792 г. к Лангле, члену Аррасской академии: «Он (Робеспьер), как говорят,— я его не слыхал — далеко оставил позади себя своей манерой изложения, выбором выражений, четкостью своих речей... Демазьеров, Брассаров, Бланкаров и даже знаменитого Дюше...» (см. *L. Jacob.* Robespierre vu par ses contemporains. Paris, 1938, p. 21).

[37] Сулави Жан Луи Жиро (1752—1813) — аббат; до революции был известен своими трудами по естествознанию; член ряда научных обществ; почетный член Аррасской академии с 4 февраля 1786 г. Один из первых священников, поддержавших революцию; стал видным дипломатом; в 1793 г.— представитель Франции в Женеве; при Наполеоне, после Конкордата, вновь вернулся в церковь; занимался научной деятельностью (см. о нем *A. Mazon.* Histoire de Soulavie, v. I—II. Paris, 1893).

[38] Лангле Этьен Жери (1757—1834) — аррасский адвокат с 1781 г.; член академии с 7 января 1786 г., выступал с рядом докладов на заседаниях, в том числе с речью на апрельском заседании 1786 г., о которой пишет Бабеф. В годы революции был судьей в трибунале Бапома (с 1791 г.), а после 9 термидора — в деп. Па-де-Кале; член Совета пятисот. Позднее — председатель трибунала в Дуэ и палаты при кассационном суде с 1811 г. Автор ряда брошюр (см. *L. N. Berthe.* Dictionnaire des correspondants..., p. 141).

[39] Хранителем литературных сокровищ Аррасской академии Бабеф называет Дюбуа де Фоссе, избранного 3 декабря 1785 г. секретарем этой академии.

[40] Ардуэн Александр Ксавье (1718—1785) — адвокат; с 1738 г. член литературного общества в Аррасе (возникшего в 1737 г.); с 1748 г. секретарь этого общества. После его превращения в 1773 г. в академию — ее постоянный секретарь. Скончался 4 сентября 1785 г.; на его место и был избран Дюбуа де Фоссе, произнесший на заседании академии 27 апреля 1786 г. похвальное слово своему предшественнику (см. *L. N. Berthe.* Dubois de Fosseux, secrétaire de l'Académie d'Arras... Arras, 1969).

[41] Вместо обширного письма от июня 1786 г., впервые публикуемого в данном томе, Бабеф ограничился посылкой этого краткого письма (от 22 июня).

[42] Ответ на письмо отца Девена, Жана Фредерика Девена (1714—1791), в котором сообщалось об аресте его сына. Ж. Ф. А. Девен-младший

4 июня 1786 г. был заключен в Бастилию совместно с Шарлем Луи Гю за издание брошюр последнего, посвященных делу об ожерелье Марии-Антуанетты. Оба были освобождены 15 июня того же года.

43 Ответ на письмо Дюбуа де Фоссе от 2 июля, в котором тот сообщал о новом льготном порядке оплаты корреспонденции академии.

44 Вогренан Жан Батист Гастон Байе — маркиз; военный, с 1765 г. майор аррасской крепости. С 1787 г.— член общества «Rosati»; диплом о принятии в общество был вручен ему Лазаром Карно, тогда еще капитаном инженерных войск в Аррасе, впоследствии одним из руководителей Комитета общественного спасения. Вогренан прислал Дюбуа стихи «по поводу первого заседания Аррасской академии». Позднее был в эмиграции (см. *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf..., v. 2, p. 21; *L. N. Berthe.* Dictionnaire des correspondants..., p. 202).

45 «Journal de la langue française» начал издаваться с 1784 г. в Лионе; редактором его был Урбен Домерг (1745—1810). Дюбуа де Фоссе неоднократно посылал номера этой газеты Бабефу, который внимательно их изучал и часто задерживал их возвращение.

46 Речь идет о проспекте «L'Archiviste terriste, ou traité méthodique de l'arrangement des archives seigneuriales ou de la confection et perpétuation successives des inventaires, des titres et des terriers d'icelles, de plans domaniaux, féodaux et censuels». Ни одного экземпляра этого проспекта не сохранилось; в архиве ИМЛ имеется только листок-объявление (in 4°), датированный 30 октября 1786 г. Судя, однако, по письму Девена (от 11 ноября 1786 г.), в котором он сообщает о посылке Бабефу 500 экземпляров этого листка и «проспектов на хорошей бумаге», этот проспект был напечатан и послан в Париж в королевскую цензуру, где его утверждение задержалось (см. письмо Бабефа к королевскому цензору Купе от 18 января 1787 г.).

47 Десперу Пьер Андре (1757—1803) — адвокат парламента в Ла Рошели; с января 1786 г.— член Ларошельской академии. Дюбуа переслал Бабефу его стихи «Поэтические иллюзии»; о них упоминается и в письме Бабефа от 1 июля 1787 г. При Наполеоне Десперу служил в министерстве юстиции. Вместе с ген. Леклерком был послан с экспедицией на о. Сан-Доминго в качестве главы магистратуры и умер там вскоре после прибытия, в 1803 г.

48 Дюбуа де Фоссе послал Бабефу вместе со своим письмом от 4 сентября 1786 г. экземпляр «Lettre au rédacteur des Feuilles de Flandre» (от 3 декабря 1785 г.), написанного в связи с уходом с поста председателя Совета провинции Артуа Франсуа Жозефа Бриуа де Бомеца, члена Аррасской академии (умершего в годы революции в тюрьме).

49 Ответ на письма Дюбуа де Фоссе к Бабефу от 12 и 19 октября 1786 г., к которым приложены были отчеты о заседаниях академии. Копии первых трех отчетов о заседаниях сделаны были Бабефом собственноручно и хранятся в архиве ИМЛ. Копии последующих отчетов о заседаниях академии делались, по-видимому, братом Бабефа Жаном Батистом, но проверялись им лично (на копиях имеются исправления, сделанные его рукой).

50 Моро де Сен Мери Медерик Луи Эли (1750—1819) — адвокат сперва на о-ве Сан-Доминго, позднее в Париже, с 1784 г.— секретарь Парижского музея, позднее его президент. Автор ряда книг о французских колониях; прислал Дюбуа де Фоссе проспект своего шеститомного труда «Loix et constitutions des colonies françoises de l'Amérique sous le Vent» («Законы и конституции французских колоний в Антильской Америке»), вышедшего в Париже в 1784—1790 гг. Почетный член Аррасской академии. В 1789 г. был председателем собрания парижских выборщиков; депутат Учредительного собрания от французской колонии — о-ва Мартиники; играл большую роль в определении колониальной политики революционной Франции (см. *G. Debien.* Sur la question des gens de

couleur libres.— AHRF, 1967, № 189; *A. L. Elicona.* Un colonial sous la Révolution en France et en Amérique: Moreau de Saint-Mery. Paris, 1934) Позднее эмигрировал в Америку. После 18 брюмера был членом Государственного совета, администратором Пармской республики.

51 Парижский музей, созданный под влиянием франкмасонов, был основан в 1781 г. французским аэронавтом Пилатром де Розье; после его гибели в 1785 г. был преобразован в «Лицей». «Мемуары», изданные «Музеем», Дюбуа де Фоссе рассылал своим корреспондентам.

52 Турнон Александр Антуан (1754 — прибл. 1794) — парижский литератор, почетный член Аррасской академии с 3 февраля 1787 г., автор книги «Прогулки Клариссы и маркиза де Вальзе, или Новый метод изучения принципов французского языка для женщин» («Les Promenades de Clarisse et du marquis de Valzé, ou Nouvelle méthode pour apprendre les principes de la langue française à l'usage des dames»; первое издание выходило анонимно выпусками начиная с 1784 г., в 1787 г.— под именем автора). Бабеф в своих письмах одобрительно отзывался о Турноне (см. письма от 27 ноября и 6 декабря 1786 г., 24 января 1787 г.) как «самом понятном из наших грамматистов».

53 Сен-Жорж Жан Мари Балтазар (род. 1735 г.) — военный, публиковал в «Mercure de France» свои стихи, которые Дюбуа де Фоссе разослал своим корреспондентам, в том числе и Бабефу. Член-корреспондент академии с 27 февраля 1789 г.

54 В письме от 12 октября 1786 г. Дюбуа де Фоссе спрашивал, соответствует ли, по мнению Бабефа, законам французского языка содержавшаяся в одном из посланных им стихотворений фраза: «Déjà Vive Suffren, commence à retentir». Упоминаемый в этой фразе Сюффран — видный французский флотоводец XVIII в.

55 «Две сестры» — два отчета о заседаниях Аррасской академии, которые Дюбуа переслал Бабефу. Это выражение Дюбуа применил в своем письме от 19 октября 1786 г.

56 В письме Дюбуа де Фоссе от 19 октября 1786 г. содержалось предложение высказать свое мнение по вопросу о том, «является ли чувствительный человек в современном обществе более счастливым, чем человек равнодушный».

57 Отчет о заседании академии (посланный за № 2) от 19 октября 1786 г., где обсуждался вопрос о новой работе Турнона и сельскохозяйственном трактате барона де Курсе. Бабеф сам сделал копию с этого отчета (сохранившуюся в ИМЛ). Копия заканчивается словами: «Г-н Фоссе предлагает переслать мне главы трудов Турнона, которые я затребую».

58 В письме к Бабефу от 26 октября Дюбуа де Фоссе сообщил о получении им проспекта «самой необыкновенной и чрезвычайно оригинальной» книги «L'Avant-coureur du changement du monde entier par l'aisance, la bonne éducation et la prospérité générale de tous les hommes ou prospectus d'un mémoire patriotique sur les causes de la grande misère qui existe partout et sur les moyens de l'extirper radicalement». Бабефа крайне заинтересовал этот коммунистический проект, и он неоднократно обращался к Дюбуа с просьбой о присылке ему проспекта. Автором его был лотарингский адвокат Никола Колиньон (см. *А. Р. Иоаннисян.* Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, стр. 103—115), вступивший позднее в переписку с Дюбуа де Фоссе. «L'Avant-coureur du changement du monde entier» переиздан в 1967 г. в Париже.

59 Леруа де Флажи Жан Батист Жозеф (род. в 1735 г.) — корреспондент Дижонской академии с 1762 г.; жил затем в России, где преподавал сперва богословие в Петербурге, а позже был, по его словам, «директором немецкой колонии на берегах Волги». В 80-х годах вернулся во Францию; вел в это время переписку с Дюбуа де Фоссе, послал ему

свое поэтическое произведение «Epitre sur les prétentions à la gloire», прочитанное на заседании академии. В годы революции Леруа де Флажи был членом Законодательного собрания, где против него резко выступил Шабо, после чего он исчез с политической арены. В 1807 г. опубликовал «Etat politique, civil et militaire de l'Empire de Russie».

[60] Годфруа Дени Жозеф (1740—1819) — архивист счетной палаты в Лилле (с 1760 г.), автор брошюры «Plan des travaux litéraires, ordonnés par sa Majesté à la recherche, la collection et l'employ des monuments de l'histoire et du droit public de la monarchie française», обсуждавшейся на заседании академии в октябре 1786 г. (об этой брошюре см. в письме Бабефа от 24 января 1787 г.). С 1789 г.— почетный член Аррасской академии. В 1791 г. эмигрировал, вернулся при Наполеоне.

[61] В 1786 г. Дюбуа де Фоссе был избран членом «Общества соревнования» в Бур-ан-Бресс.

[62] Данный «Мемуар» был послан Бабефом в Аррасскую академию, но не рассматривался, так как присуждение премий по этому конкурсу было отложено.

[63] Кутюмы — свод обычного права.

[64] См. *Ж. Ж. Руссо.* Трактаты. М., 1969, стр. 76. Характерно, что Бабеф счел необходимым сослаться на Руссо даже в «Мемуаре» о дорогах. Вся переписка с Дюбуа де Фоссе свидетельствует о том, какое огромное влияние имел тогда Руссо на Бабефа. Можно предположить, что именно «Рассуждение о неравенстве» оказало решающее влияние на формирование социальных идей Бабефа в предреволюционные годы. В своих позднейших работах и в переписке Бабеф неоднократно ссылался, кроме «Рассуждения о неравенстве», также на «Общественный договор», «Эмиля», «Исповедь» (которую он считал «литературным шедевром»), письмо к Борда и т. д. О Руссо и его социальных идеях Бабеф говорил также в своей последней речи на Вандомском процессе (см. *В. М. Далин.* Бабеф и идеи Руссо.— «Век просвещения». М., 1970).

[65] Эта фраза — ответ на письмо Дюбуа де Фоссе от 16 ноября 1786 г., в котором он снова (см. прим. 55) шутливо сравнивает посылаемые им Бабефу отчеты о заседаниях Аррасской академии с сестрами — членами одной семьи.

[66] См. прим. 46.

[67] В письме от 23 ноября 1786 г. Дюбуа де Фоссе сообщил Бабефу, что он избран эшевеном г. Арраса. Городской магистрат Арраса к началу революции состоял из одного мэра и девяти эшевенов. После революции Дюбуа был избран мэром Арраса.

[68] В том же письме от 23 ноября 1786 г. Дюбуа де Фоссе писал о своем избрании членом-корреспондентом «Академического и Патриотического общества» г. Валанса.

[69] Опуа Кристоф (1745—1840) — аптекарь в Провене; член Академии фармакологии и Медицинской академии. На заседании Аррасской академии (отчет о нем был получен Бабефом 16 ноября 1787 г.) были прочитаны произведения Опуа о «Публичных празднествах», «Трактат о погребении», «Опыт о красных розах в Провене». В годы революции Опуа был членом Конвента от деп. Сены и Марны.

[70] Раздражение Бабефа было вызвано задержкой печатания проспекта «Archiviste-terriste» в типографии Девена.

[71] См. прим. 15.

[72] Н. Реньо, парижский издатель, печатавший произведения известного публициста и писателя Джемса Рютледжа (1742—1794), о нем см. *R. Las-Vergnas.* Le chevalier Rutlidge, «gentilhomme anglais». Paris. 1932. Во второй половине 80-х годов Рютледж печатал некоторые свои произведения у Девена, с которым Рютледжа познакомил Одиффре (см. ниже). Бабеф лично познакомился с Рютледжем в мае 1787 г. во время

своей поездки в Париж. В начале революции Рютледж выступил против Неккера, был связан с Маратом и близок к клубу Кордельеров; защищал идею «аграрного закона». В 1790 г., когда Бабеф был арестован и заключен в парижскую тюрьму Консьержери, он избрал Рютледжа своим защитником.

[73] Ко времени этого письма у Бабефа было двое детей — дочь Софи (родившаяся в 1782 г., скончалась в ноябре 1787 г.— см. ниже) и сын Робер (Бабеф предпочитал называть его Эмилем, имея в виду героя Руссо), родившийся 29 сентября 1785 г. О взглядах Бабефа на воспитание см. *M. Dommanget.* Babeuf et l'éducation.— *M. Dommanget.* Sur Babeuf et la Conjuration des Egaux. Paris, 1970.

[74] Франсуа Герен (1681—1751) — французский переводчик римской истории Тита Ливия, вышедшей в Париже в 1738—1740 гг.

[75] «Les Babillards» — периодическое издание, выпускавшееся Д. Рютледжем в Париже в 1778—1779 гг. Продолжением его явилось «Calypso ou les Babillards», выходившее с 10 мая 1784 г. до 25 апреля 1785 г. Хотя основным автором был сам Рютледж, но возможно, что в этом издании принимали участие и некоторые другие лица, в том числе Себастьян Мерсье. Бабеф просил Девена прислать ему «Babillards» и «Calypso».

[76] Брошюра «De la Constitution du corps militaire en France, ses rapports avec celle du Gouvernement et avec le caractère national» была напечатана в типографии Девена. В. Адвиелль предполагал, что автором ее был Бабеф. Это предположение опровергается данным письмом, а также письмом Бабефа к Дюбуа де Фоссе от 12 апреля 1787 г.

[77] Произведение Д. Рютледжа «Confessions d'un Anglais ou Mémoires de Sir Ch. Simpson», вышедшее в двух томах в 1786 г.

[78] Д'Аньо Шарль Жан (1728—1792) — в монашестве Девьен. Автор «Истории Бордо» (первый том вышел в 1771 г., второй — только в 1862 г.), «Истории Артуа» (два первых тома появились в 1785—1787 гг.). В письме Бабефа идет речь об его поэме «Триумф человечества, или Смерть Леопольда Брауншвейгского», представленной на конкурс Аррасской академии (опубликована в 1787 г.).

[79] Мерсье-Дюпати — председатель парламента в Бордо, автор «Мемуара в защиту трех человек, осужденных на колесование» (см. *Mercier-Dupaty.* Mémoire justificatif pour trois hommes condamnés à la roue. Paris, 1786). Дюпати удалось добиться освобождения этих невинно осужденных (см. письмо Бабефа от 31 января 1787 гг.).

[80] Сальмон Мари Франсуаз (1756—1827) — служанка, была по ложному обвинению в отравлении и воровстве в 1782 г. осуждена в г. Кане (Нормандия) на сожжение живьем. В защиту Сальмон выступил адвокат Ле Кошуа, опубликовавший мемуар: «La justification de Marie-Françoise-Victoire Salmon». Одно время распространение этого мемуара было запрещено. Другой мемуар был опубликован парижским адвокатом Фурнелем: «Consultation pour une jeune fille condamnée à être brûlée vive»; Ле Кошуа сопроводил этот мемуар дополнением «Pièces justificatives». Процесс этот вызвал очень большой интерес, и многими сравнивался с процессом Каласа, в который вмешался Вольтер. В 1782 г. решение о казни Сальмон было приостановлено, но только в 1786 г., после почти пятилетнего заключения, Сальмон была признана невиновной и освобождена по решению парижского парламента (см. *A. le Corbeiller.* Le long martyre de Françoise Salmon. Paris, 1927).

[81] Аррасская крепость была сооружена в 1668—1672 гг. под руководством Вобана (1632—1707), крупнейшего французского военного инженера. На заседании академии обсуждался вопрос, было ли целесообразным сооружение этой крепости.

[82] См. прим. 29.

[83] Маскле Эме Терез Жозеф (1760—1833) — уроженец Дуэ, адвокат пар-

ламента в Париже. В отчетах (№ 6 и 9)о заседаниях академии Дюбуа де Фоссе сообщал о чтении поэмы Маскле «Sur la décadence de bonnes études». При Наполеоне Маскле был супрефектом Дуэ, позднее французским консулом в Эдинбурге.

84 Саси Клод Луи Мишель (1746—1794) — адвокат, королевский цензор; сотрудник «Энциклопедии», автор поэмы «Рабство американцев и негров». Почетный член Аррасской академии с 18 июня 1774 г. Был членом Конвента, представителем при Северной армии.

85 Ввиду того, что следующие несколько фраз представляют интерес лишь с точки зрения грамматики французского языка, они опущены в тексте. Приводим их здесь на языке оригинала: «et c'en serait assés pour que je conclue qu'il faut en Artois des fermes et des fermiers, etc. La verbe qui précède le subjonctif étant au conditionel, n'est-il pas dans les règles que le verbe qui suit ce subjonctif devrait être au parfait relatif au lieu du présent, et qu'en place de: que je conclue; il faudrait: que je concluasse?»

86 См. прим. 50.

87 Ла Вьевилль — парижский литератор, был корреспондентом Дюбуа де Фоссе; Бабеф имеет в виду стихотворение «Послание к Саси» (см. *V. Advielle*. Op. cit., t. II, p. 72) в связи с выходом его двенадцатитомного труда «Honneur français».

88 На заседании академии в январе 1787 г. Дюбуа де Фоссе доложил о «Проспекте большого труда г-на Бабефа, под названием «Archiviste-terriste...» Кажется, что этот труд будет чрезвычайно полезен для управления поместьями, и г-н Бабеф обнаруживает в своем довольно пространном проспекте зародыши большого таланта».

89 Проспект «Archiviste-terriste» был послан Девеном в Париж с целью получить разрешение цензуры на его распространение во Франции. Проспект попал на просмотр Жана Мари Луи Купе (1732—1818), королевского цензора с 1778 г. и хранителя генеалогических грамот в королевской библиотеке. Братом цензора был Жак Мишель Купе, до революции священник в Сермез; с 1791 г.— депутат Законодательного собрания и Конвента (см. о нем во II томе «Сочинений»).

90 10 января 1787 г. Купе обратился с письмом к Бабефу (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 32). Сообщив о получении двух проспектов (одного — печатного и другого — рукописного, содержавшего, вероятно, поправки Бабефа), Купе указал, что «хотя проспект кажется ему полезным..., но он не может составить окончательного о нем суждения до того, как прочитает самое произведение». Настоящее письмо является ответом Бабефа Ж. М. Л. Купе. К этому времени Бабеф прекратил свою работу над «Archiviste-terriste» и занят был подготовкой другого своего труда — «Постоянный кадастр».

91 См. прим. 60.

92 В письме от 18 января 1787 г. Дюбуа сообщил, что Парижский музей отказался выслушать стихи Легэ из опасения, что они могут «произвести слишком сильное впечатление на деликатные нервы женщин, оказывающих честь присутствовать на заседаниях Музея».

93 См. прим. 79.

94 Сегье А. Л., с 1775 г.— адвокат парламента. Бабеф имеет в виду его речь «Об устойчивости магистратуры» («Sur la stabilité de la magistrature»).

95 На заседании академии 30 декабря 1786 г. были прочитаны стихи А. Таранже в честь барона Тотта, автора известных «Mémoires sur les Turcs et les Tartares» (Амстердам, 1784). Франсуа Тотт (1733—1793) — выходец из венгерских дворян, служил при дворе Фридриха II в Пруссии и затем подвергся его преследованиям, в 1786—1787 гг.— комендант Дуэ. В годы революции уехал в Венгрию, где и умер.

[96] Роман Жан (ум. в 1806 г.) — аббат, основал в Дуэ общество «Le Valmuse»; корреспондент парижского «Музея», почетный член Аррасской академии с 3 февраля 1787 г. и член общества «Rosati». К отчету о заседании академии № 13 были приложены стихи Романа «Le sexe des fleurs», «La Diane», «Mes souhaits».

[97] На заседании академии было выслушано прощальное слово Пилатру де Розье, основателю Парижского музея, трагически погибшему в результате неудачной попытки полета на аэростате 15 июня 1785 г. в Булони.

[98] Криньон д'Узуэ Ансельм (1755—1826) — негоциант и литератор в Орлеане; автор «Путешествия в Швецию» и ряда стихотворений, прочитанных на заседании Аррасской академии 9 декабря 1786 г.

[99] Ла Кудрэ Франсуа Селестен де Луан (1743—1815) родился в Вандее; сын маркиза. Был морским офицером; известен рядом своих трудов по навигации (упоминаемый Бабефом мемуар «Теория ветров и волн» был в 1785 г. удостоен премии Дижонской академии); почетный член Аррасской академии; депутат Генеральных штатов от дворянства. Позднее эмигрировал в С.-Петербург; в 1814 г. вернулся на несколько месяцев во Францию; умер в Петербурге (см. *L. N. Berthe*. Dictionnaire des correspondants..., p. 126—127).

[100] Ренар Антуан Жозеф (1740—1818) — аббат, преподавал логику и физику в амьенском коллеже, основатель «Амьенского музея» и член Амьенской академии. В 1787 г. переехал в Париж. На заседании Аррасской академии 16 декабря 1786 г. сообщалось о работе Ренара «Tableau des diférentes espèces d'airs et de gaz», о которой упоминает Бабеф.

[101] Дюмон де Курсе Жорж Луи Мари, барон (1746—1824) — видный ученый; оставил военную службу ради ботаники и агрономии; в 1784 г. опубликовал «Мемуар о земледелии в Булоннэ и приморских кантонах»; автор пятитомного труда «Le botaniste-cultivateur» (1788—1815). Почетный член Аррасской академии с 1787 г.

[102] Ода «Гений», автором которой являлся аббат Луи Жанти (1743—1817), королевский цензор, секретарь Орлеанского сельскохозяйственного общества, в годы революции депутат Законодательного собрания. Стихотворение «Гений» было разослано в приложении к отчету о заседании академии от 16 декабря (№ 16 — Бабефом он был получен 14 февраля 1787 г.).

[103] Автором «Путешествия кузена Жака» был Луи Абель Беффруа де Реньи (1757—1811 гг.) — литератор; большой известностью пользовались его «Les lunes du Cousin Jacques» (24 тома) и «Courrier des planètes» (10 томов). Почетный член Аррасской академии с 5 мая 1787 г. В 1800 г. Реньи издал трехтомный «Dictionnaire néologique des hommes et des choses, ou Notice alphabétique des hommes de la Révolution par le Cousin Jacques», в котором опубликовал довольно подробную биографию Бабефа.

[104] Автором «Письма Полины к Сенеке» был Франсуа Мари Буриньон (1752—1793 гг.) — журналист и археолог из Сенте (Пуатье). «Письмо» зачитывалось на заседании академии и было разослано приложением к отчету о заседании 16 декабря 1786 г. (№ 16). Буриньон принимал активное участие в революции.

[105] В письме от 14 февраля 1787 г. Дюбуа сообщил о том, что один из его корреспондентов вскоре ознакомит со своим открытием — способом «подсчитывать ценность мыслей»

[106] Речь идет о той же брошюре (см. выше, прим. 76) «De la constitution du corps militaire en France...». Издателем брошюры был Девен; ее автором, возможно, был Рютледж. Дюбуа 19 марта 1787 г. ответил, что он не может взять на себя распространение этой брошюры, «слишком резко нападающей на правительство».

[107] «Cercle des Filadelfes» находился в одном из городов на о-ве Сан-Доминго.

[108] Список этот, хранящийся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, № 43), публикуется впервые. Он не вошел ни в издание Адвиелля, ни в публикацию под ред. М. Рейнара. В нем Бабеф снова просил о присылке ему «своеобразного трактата — предвестника изменения всего мира».

[109] В письме от 12 марта 1787 г. Дюбуа де Фоссе предложил назвать темы для предстоящих конкурсов.

[110] Эта тема, в которой Бабеф высказывался против трехполья и связанного с ним оставления земли под паром и под общинные выгоны, свидетельствует о том, что Бабеф не был сторонником сохранения общинных традиций, как это предполагал Ж. Лефевр (См. *G. Lefebvre.* Les origines du communisme de Babeuf.— «Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954).

[111] Бабеф в это время работал над своим «Постоянным кадастром», в котором отстаивал новую систему единого налогообложения.

[112] Постановка этой третьей темы со всей ясностью свидетельствует о формировании уже тогда, в предреволюционные годы, коммунистических воззрений у Бабефа. Формулу «l'égalité parfaite» Бабеф заимствовал, очевидно, у Мабли. В 1786 г. Бабеф проявлял большой интерес к утопии Л. С. Мерсье «2440 год». Бабефу был известен и Т. Мор. На оборотной стороне одного из его документов весны 1790 г. есть запись: «Томас Мор, апостол равенства».

[113] Бутье Жан Франсуа (ум. в 1811 г.) — адвокат бальяжа в Вьенне. Член ряда научных обществ; член-корреспондент Аррасской академии с 10 февраля 1787 г. На заседании академии (см. отчет № 18) обсуждались его произведения «Recueil d'opuscules philosophiques, politiques et économiques».

[114] Басня «Милорд и разносчик» была прислана Бабефу в качестве приложения к отчету о заседаниях академии за № 19.

[115] Марен Франсуа Луи Клод (1721—1809) — адвокат парижского парламента, королевский цензор. Выступал против Руссо и против Бомарше; был высмеян Бомарше в его «Мемуарах». После этого Марен покинул Париж и получил в Марселе должность в адмиралтействе (см. *L. N. Berthe.* Dictionnaire..., p. 152).

[116] Произведение Марена, подвергшееся такой резкой критике Бабефа,— «Notice sur la vie et les ouvrages de Pontus de Thiard, seigneur de Bissi» (было разослано как приложение к отчету № 19).

[117] К отчетам о заседании академии 30 декабря 1786 г. (№ 20 и 21) были приложены басни Вьевилля (см. о нем выше, прим. 87) «Le Parterre», «La Bulle de savon et l'enfant».

[118] См. письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссе от 21 марта 1787 г.

[119] Для конкурса 1784 г. был предложен вопрос: «Все ли земли Артуа пригодны для того, чтобы они засевались ежегодно...» Приз был присужден аррасскому адвокату Эрману (1759—1795). Уроженец Сен-Поля, Эрман играл большую роль в революции. Председатель аррасского якобинского клуба и уголовного трибунала, Эрман, по-видимому, по предложению Робеспьера, был вызван в Париж. После ликвидации министерства юстиции он был комиссаром гражданской администрации полиции и трибунала; принимал участие в разборе «дела о подлоге» Бабефа. Казнен в 1795 г.

[120] Бабеф к этому времени закончил составление своего проекта «Cadastre perpétuel».

[121] Пьеса Луи Себастьяна Мерсье «Смерть Людовика XI, короля Франции» (1783). Творчество Мерсье (1740—1814), автора ряда литературных произведений (в том числе «Картины Парижа») и социальной утопии «2440 год», с которой Бабеф к тому времени уже познакомился, вызывало большой интерес у Бабефа. В годы революции Мерсье был членом Конвента и Совета пятисот.

[122] Это общество возникло в 1747 г.; Дюбуа де Фоссе был избран его членом.

[123] В «Journal de Bouillon» (март 1787 г.) сообщалось, что в Клермон-Ферране возникло «общество, которое называют обществом литераторов. Это воры, которые письменно требуют от обитателей города приносить в указанное место суммы, завернутые в бумагу. Они угрожают отравить, застрелить или зарезать каждого, кто осмелится им не подчиниться» (см. «La Correspondance de Babeuf...», p. 79, n. 8).

[124] Пьеса дю Бюиссона «Скандербег, трагедия... искалеченная в Французском театре 9 мая 1786 г., а затем уничтоженная журналистами» (1786 г.). Скандербег — албанский национальный герой.

[125] «Веронские могилы» — пьеса того же Луи Себастьяна Мерсье (1782 г.). К своему проекту «Постоянного кадастра» (1787 г.) Бабеф в качестве эпиграфа избрал фразу из «2440 года» Мерсье. Вероятно, этот эпиграф и имел в виду Бабеф, когда писал: «Г-н Мерсье упомянут в моей книге».

[126] Бабеф неоднократно возвращался в своей переписке с Дюбуа де Фоссе к проекту «Изменения всего мира», что, несомненно, является подтверждением его коммунистических симпатий (см. прим. 58, 108).

[127] Дюбуа де Фоссе переслал дополнительно Бабефу произведения Опуа «Observations philocochymiques sur les couleurs», поэму «Le joli» и «Chanson sur les Ballons».

[128] Девен Дезервилль Франсуа Поль — после службы при дворе в 1783 г. переселился в Амьен, где был генеральным сборщиком налогов; был близок к семье Ролана, будущего видного жиронписта, проживавшего тогда в Амьене. Постоянный секретарь амьенского музея, основанного в 1785 г. На заседании Аррасской академии 30 декабря 1786 г. обсуждалось его произведение «О появлении и успехах искусств во Франции» (Sur la naissance et progrès des arts en France — см. отчет № 22—23).

[129] Письмо написано накануне отъезда Бабефа в Париж, куда он отвез свою рукопись — «Précis d'un projet de Cadastre perpétuel».

[130] Весной 1787 г. Бабеф вел переговоры с графом Кастежа о составлении описей (terriers) его поместий в Фрамервилле. В связи с этим Бабеф составил мемуар с описанием особенностей его способа составления «terriers». Эти документы хранятся в фонде Кастежа в архиве деп. Соммы. (Е 100, 13—17). См. *A. Pelletier*. Babeuf — feudiste.— AHRF, 1965, N 1 (179); *idem*. Le comte de Casteja.— «Revue du Nord», 1966, N 189.

[131] С начала 1787 г. в Париже заседало собрание нотаблей, на рассмотрение которого государственный контролер Калонн внес свои финансовые проекты, в том числе и предложение о введении «территориального налога».

[132] Бабеф имеет в виду математика Ж. П. Одиффре, с которым он познакомился во время своего пребывания в Париже в 1787 г. Одиффре был близко связан с Д. Рютледжем и по его поручению состоял в деловой переписке с Девеном, издавшим некоторые произведения Рютледжа. В 1786 г. по просьбе Девена Одиффре вел переговоры об ускорении утверждения в цензуре проспекта Бабефа «Archiviste-terriste». В 1787—1789 гг. Бабеф вел переписку с Одиффре по вопросу об издании «Постоянного кадастра».

[133] Вероятно, речь идет, как и в дальнейших письмах, о произведениях Д. Рютледжа, с которым Бабеф лично познакомился во время своего пребывания в Париже в 1787 г.

[134] Проект «Постоянного кадастра» был передан на рассмотрение Клоду Антуану Делессару, тогда генеральному интенданту финансов

[135] «Шевалье» — Д. Рютледж. В письме от 22 мая 1790 г. Бабеф напомнил Рютледжу об их встрече в связи с «Постоянным кадастром»: «Вы, вероятно, помните, что несколько лет назад ... Вы, через посредство господ Одиффре и Девена, познакомились с неким г-ном Бабефом, приехавшим

тогда впервые в Париж, чтобы опубликовать проект наилучшего способа распределения всех налогов. Этот проект был озаглавлен «Постоянный кадастр». Он был передан Вам для ознакомления, и Вы нашли в нем патриотические мысли, проникнутые заботой об общественном благе, которые, по-видимому, Вам понравились. Вы даже решили содействовать успеху проекта: Вы исправили его слог и взялись представить рукопись в министерство» («Французский ежегодник, 1960». М., 1961. стр. 253).

136 Речь идет о работе дю Тийе де Виллара «Précis d'un projet d'établissement de cadastre général dans le Royaume». Paris, 1781 (см. ниже письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссе от 17 июня 1787 г.).

137 Дюбуа в своем письме от 29 мая 1787 г. сообщил о приезде 25 мая Беффруа де Реньи («Кузена Жака», см. прим. 103) в Аррас и его выступлении на заседании академии с благодарностью за его избрание в почетные члены (см. также *L. N. Berthe.* Dubois de Fosseux..., p. 153, n. 55).

138 Отчеты о заседании академии от 27 января 1787 г. (№ 26 и 27) почти целиком посвящены деятельности общества «Valmuse» в Дуэ (по типу общества «Rosati» в Аррасе), основателем которого был аббат Роман (см. прим. 96), по чьему предложению Дюбуа был принят в члены этого общества.

139 Оригинал рукописи «Précis d'un projet de Cadastre perpétuel» хранится в библиотеке Корнеллского университета (США) в составе коллекции американского дипломата Эндрью Уайта (фотокопия в ЦПА ИМЛ, ф. 223).

140 На заседании от 27 января 1787 г. (см. протокол № 26) был прочитан мемуар барона де Курсе об опытах, связанных с борьбой против загнивания зерна. Имеется в виду, вероятно, доклад де Курсе «Rapport fait à la Société d'agriculture et des Arts de Boulogne-sur-Mer... au nom de la Commission chargée d'examiner la nature d'un insecte qui a attaqué une partie des fromens du ci-devant Boulonnais».

141 См. выше, прим. 5.

142 О новом порядке переписки, при котором аккуратным корреспондентам давалось преимущество, Дюбуа сообщил в своем письме от 5 июня 1787 г.

143 Туаза — старинная французская мера длины, равная примерно 2 м.

144 В письме от 12 июня 1787 г. Дюбуа отклонил предложение Бабефа о присылке ему рукописи «Постоянного кадастра».

145 Дюбуа отклонил и эту просьбу Бабефа, рекомендовав ему ознакомить со своим проектом королевского интенданта Пикардии (см. письмо Дюбуа от 25 июня 1787 г.). «Не можете ли Вы ознакомить с ним интенданта вашей провинции, который, насколько мне известно, любит науки и мог бы указать Вам путь для того, чтобы довести его до сведения администрации». Дюбуа имел в виду графа Ф. М. Б. Агэ (1722—1805), королевского интенданта Пикардии, члена Амьенской академии.

146 Куре де Вильнев Луи Пьер (1749—1806) — владелец типографии и издатель в Орлеане. В отчете о заседании 23 января 1787 г. (№ 28) сообщалось о чтении стихотворений Куре де Вильнева (в том числе «Элегия о деревенском кладбище», «Мое счастье» и т. д.). По сообщению М. Домманже, Куре де Вильнев был издателем стихотворений Сильвена Марешаля, а также «Предвестника изменения всего мира» Колиньона.

147 В письме от 12 июня 1787 г. Дюбуа просил своих корреспондентов прислать имеющиеся у них сведения об эвдиометрах — приборах, которые в то время применялись для изучения состояния атмосферы. «Друг», о котором пишет Бабеф,— Ж. П. Одиффре.

148 На заседании 3 февраля 1787 г. было избрано 15 новых почетных членов, в том числе Моро де Сен-Мери, Турнон, Луиза Кералио (Париж), аббат Роман (Дуэ), барон де Курсе (Булонь), Л. Массон ле Гольфт (Гавр), Опуа (Провен), Криньон (Орлеан), Ла Кудрэ и др. На заседании 10 февраля был утвержден список кандидатов, в том числе Куре де Вильнев (Орлеан), Буриньон (Сент), Бутье (Вьенн) — см. *E. Van-Drival.* Op. cit., p. 261; *L. N. Berthe.* Dubois de Fosseux..., p. 151, n. 47, 152.

149 Речь идет об авторе трактата «Предвестник изменения всего мира...» (см. прим. 58), о котором в ряде своих писем Дюбуа отзывался иронически.

150 В письмах от 25 и 28 июня, 2 и 4 июля 1787 г. Дюбуа де Фоссе сообщал мнение своего корреспондента Саси по поводу установления единого законодательного кодекса, причем за основу предлагался кодекс, введенный в Пруссии Фридрихом II.

151 В первоначальном черновике Бабефа здесь фигурировали слова «чтобы короли отказались от своих корон». В окончательном тексте Бабеф эти слова вычеркнул.

152 Тот факт, что Бабеф критикует социальные идеи Руссо и отдает предпочтение коммунистическим идеям «Предвестника», ярко характеризует его мировоззрение еще до 1789 г.

153 В письме от 2 июля 1787 г. Дюбуа привел критику со стороны Саси статей кодекса Фридриха II, касающихся права рыбной ловли и охоты: «Вот софизм [законодателя]. Воздух и вода являются общим достоянием. Поэтому все, что в них содержится,— птицы, рыба, неприрученные животные — является общим достоянием, принадлежащим обществу, тому политическому объединению, которое эту местность населяет. Кем представлено это объединение? Его главой — королем. Никто, следовательно, не может ни ловить рыбу, ни охотиться без его согласия и без уплаты ему подати, которую он употребит для общего блага».

154 Дюбуа де Фоссе отклонил и эту просьбу Бабефа.

155 Судя по этим словам Бабефа, датировка данного письма 22 июля 1787 г. является чисто условной, и на самом деле оно было написано и отправлено не ранее 5 августа 1787 г.

156 В письме от 16 июля 1787 г. Дюбуа высказал предположение, что молчание Бабефа по поводу присланного ему стихотворного послания Дюбуа к Легэ означает неодобрение этого произведения.

157 Дюбуа высказал в этом же письме предположение, что Бабеф начинает «уставать» от переписки: «Краткость Ваших ответов мне это доказывает». Хотя Бабеф и отверг это предположение, но оно соответствовало действительности. Это видно и из того, что Бабеф почти перестал снимать копии с присылавшихся ему отчетов о заседаниях академии. Вплоть до 31-го отчета (о заседании 10 февраля 1787 г.) он снимал копии со всех отчетов; с дальнейших отчетов (вплоть до № 51) он сделал только 8 копий, а затем и вовсе перестал сохранять копии.

158 Рассуждения Дюбуа де Фоссе о системе притяжения см. в его письмах от 1 и 9 мая 1787 г.

159 Речь Дюбуа де Фоссе была посвящена памяти Ардуэна, его предшественника на посту постоянного секретаря Аррасской академии.

160 Литературное общество «Rosati» было основано в Аррасе в 1778 г. Робеспьер вошел в него в 1785 г.; в состав его входил и Л. Карно; Легэ был его канцлером. В отчете о заседании академии (№ 50) Дюбуа сообщил о приеме его в члены этого общества и вручении ему диплома.

161 Дюбуа переслал Бабефу два отрывка из Вергилия и Горация в переводе Экюйе. В приложении к своему предпоследнему (60-му) письму к Бабефу (25 февраля 1788 г.) Дюбуа переслал ему басню Экюе «Le combat d'avarice».

[162] 30 июля 1787 г. Дюбуа разослал своим корреспондентам проект письма к «наиболее передовой женщине» данного города. Бабеф присоединил к нему и свое собственное письмо, отправленное 3 августа 1787 г.; кому он его направил — неизвестно. В переписке Девена с Бабефом имеется фамилия г-жи Деаль (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 21 и 23), возможно, что ей и было направлено это письмо. E. Coët («Histoire de Roye») считал, что адресатом Бабефа была г-жа Отмениль (Hautmesnil); таково же мнение Пельтье (см. *A. Pelletier*. Babeuf — feudiste, p. 56, n. 130).

[163] Вероятно, речь идет об одном из «мемуаров» Рютледжа. Защитником Франсуазы Сальмон (см. выше, прим. 80) был адвокат Ле Кошуа из Руана.

[164] В письме от 6 августа 1787 г. Дюбуа просил своих корреспондентов высказаться по вопросу о том, превосходит ли современное сельское хозяйство римское, а если уступает ему, каковы средства для того, чтобы вернуть ему прежний блеск. Вопрос этот был предложен доктором Уссе (Housset) из Оксерра (см. *L. N. Berthe*. Dubois de Fosseux, p. 197). Дюбуа сообщил мысли самого Уссе по этому поводу и ответ, полученный им от Саси. Слова, взятые в кавычки, заимствованы Бабефом из этого ответа.

[165] В письме от 13 августа 1787 г. Дюбуа просил высказаться по вопросу о причинах распространения роскоши.

[166] А. Таранже, близкий друг Дюбуа де Фоссе (см. прим. 31), женился в мае 1787 г. Дюбуа написал по этому поводу стихи и переслал их Бабефу (в приложении к письму от 13 августа). Стихи эти вызвали критический отзыв Бабефа, к тому времени уже почти утратившего интерес к своей переписке с Дюбуа.

[167] В письме от 13 августа 1787 г. Дюбуа просил всех своих корреспондентов прислать сведения о числе церковных приходов в их местности, количестве духовных учреждений и сообщить фамилии медиков, хирургов и писателей.

[168] Прево Марк Флоран — королевский адвокат; в 1789 г.— депутат Генеральных штатов от Перонна; занимал в собрании крайне правую позицию, подвергался резкой критике Бабефа; см. его заметку в «Révolutions de Paris», N 119, (janv. 1790).— «Extrait d'une lettre de Péronne».

[169] Бильков дю Мирай Луи Франсуа — с 1771 г. королевский прокурор в Руа; после революции — прокурор-синдик сперва в Руа, потом в дистрикте Мондидье. В 1789—1791 гг. Бабеф вел ожесточенную борьбу против засилья семьи Бильковов в Руа и Мондидье. С 1800 г. Бильков дю Мирай был председателем суда первой инстанции в Мондидье.

[170] Это критическое замечание по поводу Библии (Книга бытия) свидетельствует об отношении Бабефа к религии. Одобрительно отозвавшись об этом письме Бабефа, Дюбуа оговорил (20 сентября 1787 г.) свое несогласие с этим замечанием о Библии: «Вы отвечаете на мои три вопроса, хотя и несколько кратко, но удовлетворительно, за исключением выпада (coup de patte) в адрес Книги бытия, который я не одобряю».

[171] В письме от 27 августа 1787 г. Дюбуа запрашивал своих корреспондентов, признают ли они существование «животного магнетизма».

[172] Месмер Франц Антон (1733—1815) — австрийский врач, пользовавшийся одно время огромной популярностью, лечивший методом гипноза. Месмер считал, что планеты действуют на человека посредством особой магнитной силы. Те люди, которым передается этот магнетический «флюид» («животный магнетизм»), способны излучать его не только на одушевленные, но и на неодушевленные предметы, которые приобретают целительную силу. Королевская комиссия (с участием Лавуазье) отвергла научность «месмеризма» и теории «животного магнетизма».

[173] Ответ Дюбуа де Фоссе на речь Беффруа де Реньи («Кузен Жак») 25 мая 1787 г. по поводу его избрания почетным членом академии (см.

прим. 137). Обе речи Дюбуа переслал в приложении к своему письму от 27 августа.

[174] 20 сентября 1787 г. Дюбуа ответил Бабефу, что премия по конкурсу о дорогах не была присуждена. Поощрение получил только мемуар Делегорга-младшего, но он не был опубликован. В этом конкурсе принимал участие и Бабеф (см. прим. 10, 62).

[175] Заголовок первой политической брошюры Бабефа. Рукопись ее не сохранилась, и о самом ее существовании известно только из письма Девена к Бабефу от 17 сентября 1787 г. По-видимому, Бабеф послал Девену данную рукопись с предложением ее опубликовать. Девен отверг это предложение: «Я получил, прочел и перечел с интересом небольшое произведение, порожденное Вашим плодотворным гением... Ваше Обращение к народу хорошо и патетически написано; тем не менее я не думаю, что нынешние обстоятельства могут способствовать его сбыту. Брожение слишком велико, и публика не примет произведения, которое не будет льстить общему мнению... Вы должны щадить привилегированных, т. е. крупных сеньеров. С их помощью Вы должны доставать пистоли, и они не будут испытывать к Вам благодарности за то, что Вы представляете их в таком свете» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, опись 2, № 59).

[176] Граф Кастежа Станислав Катрин Биодо (1738—1792) — крупный пикардийский землевладелец; участник Семилетней войны; командовал полком. В своем первом сохранившемся письме к Бабефу от 16 марта 1787 г. очень положительно отозвался о предложениях Бабефа по поводу составления описей (terriers), считая, что они являются «произведением зрелого и опытного автора, превосходно владеющего тем материалом, о котором идет речь». По его поручению Бабеф приступил к составлению описей в сеньерии Фрамервилль, принадлежавшей Кастежа (см. рукопись Бабефа «Observations importantes concernant la perfection à donner aux Inventaires des titres de seigneuries de Framerville, Rainecourt et Herleville», сохранившуюся в архиве деп. Соммы, E 100, 13). Однако независимое поведение Бабефа, его стремление не возлагать на крестьян-цензитариев лишних повинностей привели к резкому конфликту и разрыву деловых отношений между Кастежа и Бабефом (см. *A. Pelletier*. Le comte de Casteja.— «Revue du Nord», avril — juin 1966, N 189).

[177] Тиллолуа — центр сеньерии маркиза Суаекура, владения которого были разбросаны в 12 приходах, расположенных вокруг Руа (см. *E. Coët*. Tilloloy, ses seigneurs, son château, son église, B. N. I K 37324).

[178] Акт о погребении старшей дочери Бабефа Софи датирован 14 ноября 1787 г.

[179] Письмо Бабефа к Фуркруа не сохранилось. Жан Луи де Фуркруа де Гийервиль — автор труда «Les Enfants élevés dans l'ordre de la nature ou Abrégé de l'histoire naturelle des enfants du premier âge, à l'usage des pères et mères de famille». Paris, 1774. Был впоследствии членом французской Академии наук. В 1792 г. Фуркруа был председателем Клермонского трибунала, в то время как Бабеф выступал защитником крестьян коммуны Бюлль. В письме Бабефа, посланном в трибунал 5 июля 1792 г., он обратился к Фуркруа, «с которым я имел честь вступить когда-то в переписку по поводу необходимости физического воспитания с самого раннего возраста, самым искренним, а может быть, наиболее убежденным сторонником чего я был на основе собственного опыта» (см. *В. Далин*. Гракх Бабеф накануне и в годы Великой французской революции. М., 1963, стр. 455, прим. 305; см. также *M. Dommanget*. Les grands socialistes et l'éducation. Paris, 1970, p. 76).

[180] По сообщению Д'Эссиньи (*G. d'Essigny*. Histoire de la ville de Roye. Noyon, 1818, p. 400—401), очевидно, со слов Девена, Бабеф проглотил часть сердца своей покойной дочери. Это находит косвенное подтвержде-

ние в письме Девена к Бабефу от 20 ноября 1787 г. (см. *В. Далин.* Гракх Бабеф..., стр. 122, прим. 215).

181 В письме Дюбуа де Фоссе от 11 декабря 1787 г. он сообщил о критике одним из его корреспондентов выражения «подземный гром» в произведении «Le Mentor moderne, ou Discours sur les moeurs du scièle, traduit de l'anglois de «Guardian» de Mrs Addison Steele et autres auteurs de «Spectateur»» (par Justus van Eften). La Haye, 1723.

182 Один из корреспондентов Дюбуа поставил вопрос о соотношении между временем цветения лилии и началом уборки винограда.

183 Письмо это частично использовано (по копии В. Адвиелля) — в ст. М. Домманже — «Tempérament et formation de Babeuf» (см. *M. Dommanget.* Sur Babeuf et la conjuration des Egaux). По сообщению Домманже, оно было адресовано священнику капитула в Сен-Кантене.

184 Судя по этому письму Бабефа, скитания его отца продолжались 22 года.— По сообщению Ж. Лекока (*G. Lecocq.* Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, Librairie des Bibliophiles, 1885, p. 2—3) и Корвизье (см. прим. 2), Клод Бабеф дезертировал в 1738 г. Возможно, что он вернулся не в 1755 г., а позднее.

185 Последнее письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссе, после почти четырехмесячного перерыва. Ему предшествовали пять писем Дюбуа (от 13 января, 3, 18 и 25 февраля и 11 марта 1788 г.), оставшиеся без ответа. В своем последнем письме от 11 марта Дюбуа выражал беспокойство по поводу посланных им Бабефу материалов: «Если Ваши дела или состояние Вашего здоровья не позволяют Вам ответить, Вы можете вернуть их мне без письма; Вы напишете мне в более счастливое время». Письмом Бабефа от 21 апреля 1788 г., оставленным Дюбуа де Фоссе без ответа, заканчивается переписка Бабефа с секретарем Аррасской академии. По сообщению Ж. Дорваля, в 1795 г., во время пребывания в Аррасской тюрьме, Бабеф вновь обратился с письмом к Дюбуа. До сих пор оно, однако, не обнаружено.

186 В жизни Бабефа в 1787—1788 гг. важное место занимает его конфликт с маркизом Суаекуром. Суаекуры принадлежали к числу виднейших аристократических семей в Сантерре (см. прим. 177). К середине XVII в. Суаекуры были одно время владельцами всего домена Руа, отнятого ими у графов де Руа (см. *G. d'Essigny.* Histoire de la ville de Roye. Noyon, 1818, p. 36). Еще в середине XVIII в. один из представителей семьи Суаекуров был «bailli d'épée» Руа, Мондидье и Перонна.

По-видимому, в середине 1787 г. Бабеф получил поручение маркиза Суаекура составить опись его сеньерии. Опись Тиллолуа была одной из самых крупных, которую пришлось составлять Бабефу. В течение 1787—1788 гг. Бабефом произведен был ряд работ, в которых, кроме его брата Жана Батиста, участвовали и другие его сотрудники. По подсчету Бабефа, его затраты на описи Тиллолуа составляли около 12 тыс. ливров.

К этому времени у Бабефа очень обострились отношения со всей влиятельной прослойкой судейской аристократии, многочисленным персоналом, который обслуживал сеньериальную верхушку,— управляющими, приставами, исполнителями. Составление новых описей в обстановке «феодальной реакции» XVIII в. обычно было связано с восстановлением феодальных повинностей, считавшихся уже ликвидированными, более точным определением их размеров, многочисленными судебными процессами, принудительными конфискациями и другими операциями, очень выгодными для всех, как их называл Бабеф, «алчных агентов» сеньериально-абсолютистской юстиции. Бабеф, как сам он писал позднее, в 1790 г. (этим документом завершается данный том) руководствовался в своей февдистской практике противоположными

принципами. Из последующих писем видно, как постепенно обострялся этот конфликт, имевший для Бабефа тяжелые материальные последствия.

187 Судебным приставом в Тиллолуа был Дантье.

188 Маркиз Фекьер — один из титулов Суаекуров.

189 Суаекур предложил арбитраж по вопросу о размерах вознаграждения Бабефа за выполненные им работы.

190 Слова «10 лет» были вставлены в рукопись письма позднее. Здесь очевидная ошибка. Трудно установить, когда начались деловые отношения между Бабефом и Суаекуром. В архиве деп. Соммы сохранилась копия письма Бабефа от 23 июля 1783 г., в котором он предлагал Суаекуру составить заново опись его сеньерии (AD de la Somme, F 129/116). Это письмо было опубликовано в 1913 г. А. Пату (*A. Patoux.* Le faux de Babeuf.— «Mémoires de la Société Académique des sciences, arts, belles lettres, agriculture et industrie de Saint-Quentin», 4-me serie, t. XVI. Saint-Quentin, 1913). Однако при указании даты копиист мог допустить ошибку. По имеющимся в московском архиве материалам, опись Тиллолуа началась с 1787 г. Эту точку зрения разделяет и Пельтье (см. *A. Pelletier.* Babeuf — feudiste..., p. 60, n. 139). Она находит подтверждение и в составленном Бабефом в 1790 г. документе, который публикуется в данном томе под названием «Ответ обвинителям».

191 Антуан Никола Токен был нотариусом в Руа. Токены принадлежали к узкому кругу судейской аристократии Руа, возглавлявшейся Бильгоками. С 1700 по 1735 г. нотариусом в Руа был Жозеф Токен; с 1735 г.— Франсуа Токен, с 1738 г.— Антуан Никола Токен (см. *G. d'Essigny.* Op. cit., p. 245).

192 Массон Флоран — адвокат в Руа. В годы революции был членом муниципалитета г. Руа. По сообщению М. Домманже, был активным деятелем масонской ложи в Руа, где, возможно, Бабеф с ним и познакомился. В бумагах Бабефа сохранился черновик речи памяти Массона, датированный 23 ноября 1790 г. (см. *V. Advielle.* Op. cit., p. 88—92; *M. Dommanget.* Babeuf et franc-maçonnerie.— *M. Dommanget.* Sur Babeuf..., p. 65—66).

193 Калонн Шарль Александр (1734—1802) — в 1783 г. был назначен генеральным контролером вместо отстраненного Ж. Неккера, когда тот представил финансовые проекты, отвергнутые Людовиком XVI. 20 апреля 1787 г. Калонн был удален в результате его конфликта с собранием нотаблей, отклонивших предложения Калонна. Сменивший его Ломени де Бриен был в свою очередь отстранен, а Неккер возвращен на свой пост 25 августа 1788 г. Письмо Бабефа датировано 10 сентября 1788 г. Сравнение конфликта в Тиллолуа с конфликтом в Версале свидетельствует о том, как внимательно следил Бабеф за политической обстановкой во Франции.

194 Речь идет о Луи Флоране Обере де Монтовилле. Он был племянником каноника Обера де Ламери, для которого Бабеф составлял опись еще в 1781 г. Опись Монтовилле Бабеф составлял, по-видимому, еще в 1783 г. В архиве деп. Соммы сохранилась рукопись Бабефа «L'extrait de l'Indication Cueilloir perpétuel du fief de Montoviller, sis à Framerville et mouvant de la Baronnie de Capy» (см. *A. Pelletier.* Babeuf — feudiste..., p. 33, 40).

195 Боскийон де Бушуар — до революции королевский адвокат; с октября 1790 г.— председатель трибунала в Мондидье (см. *V. de Beauvillé.* Histoire de Montdidier. Paris, 1875, v. II). Бабефу пришлось столкнуться с Боскийоном в 1791 г. в связи с процессом коммуны Давенекур.

196 В бумагах Бабефа сохранился договор (от 1 августа 1785 г.) с Ж. Т. Сере о найме у последнего в аренду дома в Руа. В связи с материальными затруднениями, вызванными конфликтом с Суаекуром, Ба-

беф в 1788 г. от этого договора отказался. В договоре Сере обозначен как «marchand-bonnetier». Одновременно Сере был сборщиком повинностей в сеньерии Суаекура — сочетание, характерное для тогдашней Франции.

[197] Руэтт — парижский нотариус, на экспертизу которого маркиз Суаекур передал отчет, предъявленный Бабефом за выполненные операции по составлению описи в Тиллолуа. К этому времени Суаекур лишил Бабефа его полномочий и потребовал сдачи всех документов.

Бабеф представил счет на сумму свыше 12 тыс. ливров. Руэтт утвердил документы только на 2370 ливров 4 су 6 денье. Так как Бабеф успел уже получить 1416 ливров 6 су 4 денье, то ему оставалось получить 953 ливра 18 су 2 денье. Эту сумму Бабеф получил, по-видимому, в декабре 1788 г. и выдал расписку в том, что он не имеет больше никаких претензий к Суаекуру (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 82), хотя и сделал некоторые оговорки. Об обстоятельствах, вынудивших Бабефа дать такую расписку, см. публикуемый в данном томе документ «Ответ обвинителям».

[198] В начале 1789 г. Бабеф попытался возобновить борьбу с Суаекуром и опротестовал его действия в бальяже Руа. Он потерпел неудачу, тем более что выданная расписка ставила его в затруднительное положение. Однако еще весной 1789 г. Бабеф собирался продолжать борьбу. 11 апреля Девен писал ему: «Я узнал, что Вы атакуете г-на де Суаекура. Новый Давид, Вы осмеливаетесь бросать вызов Голиафу! Если бы Вы оказались столь же счастливым и сумели хорошенько нацелить пращу, которую Вы против него направляете! Ходят слухи, что Вы хотите сами вести дело и что в своей защите Вы собираетесь напасть на нравственность маркиза. Как добрый друг, я советую Вам не делать ничего подобного... Сатира, которая забавляет и вызывает смех у слушателей, причиняет иногда немало неприятностей своему автору» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 90). Такой же совет давал и Одиффре: «Я советую Вам приложить все усилия, чтобы выйти из положения, которое кажется мне довольно щекотливым. Поскольку Вы уже дали расписку, Вам будет очень трудно снова вернуться к этому вопросу...» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 93).

ПЕРВЫЙ ГОД РЕВОЛЮЦИИ

[1] Ламет Александр (1760—1829) — участник войны за независимость Америки; видный деятель Французской революции в ее начальный период. В 1789—1790 гг. был одним из лидеров левого крыла Учредительного собрания — выступал против королевского вето; впоследствии поправел и пытался эмигрировать; в течение четырех лет находился в австрийских тюрьмах; при Наполеоне был префектом; во время Реставрации — депутат либеральной оппозиции в палате депутатов. Будучи пикардийским землевладельцем, Александр Ламет в 1789 г. был одним из руководителей собрания представителей бальяжа в Перонне накануне созыва Генеральных Штатов (см. «Cahier des ordres réunis de la noblesse et du tiers-état du gouvernement de Péronne, Montdidier et Roye, rassemblés à Péronne, réunis à M. M. le Chevalier Alexandre de la Meth et le duc de Mailly, députés de l'ordre de la noblesse». Paris, 1789).

[2] В этой рукописи Бабеф выступает еще как сторонник выкупа феодальных прав. Уже через несколько месяцев он решительно высказывается против выкупа, за безвозмездную ликвидацию всех феодальных повинностей.

[3] 31 марта 1789 г. Одиффре сообщил Девену о том, что он «получил вчера письмо от г-на Бабефа..., в котором он снова предлагает мне свой исправленный кадастр и спрашивает, согласен ли я присоединить к нему мой инструмент. Я очень этого хочу, но предвижу, что возникнут пре-

пятствия при согласовании наших идей... Я намеревался предложить Генеральным штатом мой инструмент и изложение его преимуществ. Этим бы я ограничился. Мы не должны стремиться и даже мечтать о том, чтобы издать этот труд... Если у Вас есть повод к тому, чтобы ему написать, изложите все мои опасения и выясните, не может ли он приехать в Париж, если хочет осуществить это предприятие» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 92). 11 апреля Одиффре, получив новое письмо от Бабефа, ответил ему непосредственно, повторив предложение приехать в Париж: «Если Вы можете совершить путешествие в Париж, мы будем иметь возможность точно обдумать все дело... Большинство нации высказывается за установление единого налога; задача только в том, чтобы найти удобный путь для его установления. Если Вы, как и я, убеждены, что мой инструмент явится для этого наилучшим средством... постарайтесь отлучиться на пару недель и приезжайте...» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 93). Письмо Бабефа является ответом Одиффре. Два его первых письма не сохранились.

4 Речь идет о проекте, выработанном Бабефом в 1787 г. (см. выше письмо от 29 мая 1787 г.), с которым он ознакомил Одиффре во время своего пребывания в Париже в мае 1787 г.

5 См. прим. 136 к первому разделу.

6 Бабеф предполагал печатать «Постоянный кадастр» в нуайонской типографии Девена. Однако во время совместного пребывания летом 1789 г. в Париже он изменил свое отношение к Девенам (см. его письмо к жене от 8 августа 1789 г.) и решил печатать «Кадастр» в Париже.

7 *L. Billecocq*. Les principes du droit français sur les fiefs. 1729. Луи Билькок был адвокатом парламента и lieutenant général бальяжа в Руа в начале XVIII века (см. *D. Essigny*. Op. cit., p. 329).

8 Вероятно, имеется в виду Обе де Бракмон. Бракмоны — владельцы сеньерии в Дамери, где работала в качестве служанки будущая жена Бабефа Мари Анн Виктуар Лангле. С Обе Бракмоном Бабеф поддерживал отношения в годы революции. В архиве ИМЛ сохранилось письмо Бракмона от 1790 г., в котором он отказывается от подписки на газету Бабефа «Пикардийский корреспондент» из-за слишком демократического ее направления. В 1792 г., будучи администратором дистрикта Мондидье, Бабеф вмешался в пользу коммуны Шаватт в ее конфликт с Бракмоном (см. *R. Legrand*. Un plaidoyer de Babeuf. Abbeville, 1963).

9 Бабеф приехал в Париж по приглашению Одиффре для подготовки к изданию «Постоянного кадастра» 17 июля 1789 г., на третий день после взятия Бастилии (см. *G. Deville*. Notes inédites de Babeuf sur lui-même.— «La Révolution française», t. XLIX, 1905, p. 41). Публикуемое ниже его первое письмо жене после приезда в Париж в оригинале не сохранилось. Печатаем его по тексту, опубликованному В. Адвиеллем (*V. Advielle*. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884 v. I, p. 53—56).

10 Комендант Бастилии — маркиз де Лонэ.

11 Купеческий старшина — Флессель.

12 Неккер был отстранен с поста генерального контролера 11 июля; он был вновь назначен после падения Бастилии, 16 июля.

13 Фулон (1717—1789) — был интендантом армии во время Семилетней войны; затем интендантом флота. Во время дворцового заговора, приведшего к отстранению Неккера, на Фулона предполагалось возложить снабжение армии. Бертье де Совиньи (1737—1789) — зять Фулона, интендант Парижа, ведал снабжением столицы продовольствием.

14 На это место в письме Бабефа обратил особое внимание Жорес, который писал в первом томе своей «Социалистической истории революции»: «От старого порядка оставались еще варварские традиции. О, как наш великодушный и великий Бабеф понимал и чувствовал все это.

С какой гордостью и с какой надеждой мы приводим прекрасные, гуманные и мудрые слова, в которых он, создатель коммунизма нового времени, выражает чувства, пережитые им в эти омраченные бесчеловечьем моменты буржуазной революции» (*J. Jaurès*. La Constituante, éd. revue par A. Soboul. Paris, 1968, t. I, p. 427; русск. пер.: *Ж. Жорес*. История Великой Французской революции, т. I, стр. 208—209).

15 Мори — аббат, приор в Лигоне (Lihons — см. *A. Pelletier*. Le comte de Casteja..., p. 161), брат аббата Мори, одного из наиболее правых депутатов Учредительного собрания; служил посредником в переговорах между Бабефом и аббатом Бройлем (Broglie) по поводу оплаты выполненной Бабефом описи.

16 Сестра Робера — Катрин Аделаида, вторая дочь Бабефа, родилась 4 сентября 1788 г.

17 Бройль Морис Жан Мадлен (1766—1821) — сын маршала Бройля (1718—1804), одного из организаторов контрреволюционного заговора, предшествовавшего взятию Бастилии. В 1790 г. эмигрировал вместе с отцом. Вернулся в 1801 г. при Наполеоне; занимал высшие духовные посты; епископ в Генте. После падения Наполеона, в результате конфликта с голландским королем, вернулся во Францию.

18 Г-жа Луванкур — владелица сеньерии в Домфроне, Ле-Фретуа и Курсель-Эпейель (см. *A. Pelletier*. Babeuf — feudiste..., p. 33, n. 19). Так как она не оплатила полностью работы, произведенные Бабефом для описи ее владений, он задержал некоторые документы из ее сеньериального архива. В годы революции по этому поводу шла переписка между Бабефом и поверенным в делах г-жи Луванкур Дюпюи.

19 «Постоянный кадастр» был действительно напечатан в Париже за счет Одиффре.

20 Брошюра «La nouvelle distinction des ordres par M. Mirabeau» (Chez Volland, libraire Quai des Augustins) была опубликована 15 августа 1789 г. Эта дата подтверждается письмом Бабефа к жене от 16 августа 1789 г. Позиция Бабефа по отношению к Мирабо в 1789 г. была довольно благожелательной. См. опубликованные в настоящем томе письмо жене от 9 сентября 1789 г. и «Лондонскую корреспонденцию».

21 Бабеф имеет в виду сделанное ему предложение о сотрудничестве в лондонской газете, которую предполагали издавать Де-ла-Тур и издатель Панкук.

22 Васс — один из сотрудников Бабефа. Его письма к Бабефу 1789—1790 гг. хранятся в ЦПА ИМЛ.

23 Фейдель — редактор газеты «Observateur». Данное письмо опубликовано (№ 4 газеты Фейделя, дополнительный выпуск) под заглавием «Lettre, adressée à Feydel, rédacteur de l'Observateur». «Мудрый собрат» — Ж. П. Л. Луше, издававший газету «Journal de la Ville». «Улица Кенканпуа, 40» — адрес Одиффре, у которого проживал тогда Бабеф. Письмо это воспроизведено М. Булуазо в 1949 г.: AHRF, № 114, p. 175—176 — «Une Lettre de Babeuf»; см. также AHRF, 1958, N 153, p. 62.

24 См. предыдущий документ.

25 Имеется в виду приор аббатства Сен-Орен, Бруно Аме, неоднократно упоминаемый в переписке Девена с Бабефом в предреволюционные годы. Так, 26 мая 1788 г. Девен писал из Парижа Бабефу: «Каковы ваши отношения с С. Ореном; этот жалкий крючкотвор — виновник всех моих последних злоключений» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, № 83). Приор, писал о нем Бабеф, раздутый самомнением и невероятно жадный, пытался «все поглотить» в окрестностях, оставляя «жителям, с которыми и так плохо обращались, только глаза, чтобы плакать». Бабеф же, составляя опись аббатства, стремился, по его словам, «уменьшить зло», что и вызвало конфликт между ними (см. *V. Advielle*. Op. cit., v. I, p. 47; *M. Dommanget*. Sur Babeuf..., p. 47—48).

26 Это последнее упоминание о Суаекуре в переписке Бабефа.

27 «Наших молодых людей» — Бабеф, вероятно, имеет в виду своих сотрудников — Васса, Гюга Рашара и своего брата Жана Батиста.

28 Бабеф покинул Париж только 16 или 17 октября 1789 г.

29 Эта корреспонденция Бабефа была опубликована впервые в AHRF, 1958, № 151 («Un inédit de Babeuf. Sa «Correspondance de Londres»»). Судя по имеющимся в ее тексте упоминаниям (см., напр., стр. 260 данного тома), ей предшествовала еще одна корреспонденция. Текст первой корреспонденции пока не обнаружен.

30 До похода на Версаль (см. ниже в этой же «Корреспонденции») и переезда короля и Национального собрания в Париж Людовик XVI упорно отказывался утвердить ряд важнейших решений Собрания, используя свое право «вето».

31 Крон Луи де (1734—1794) — адвокат, советник парламента, позже интендант; с 1785 г. стоял во главе парижской полиции (lieutenant général de police); после падения Бастилии ушел в отставку; погиб во время террора.

32 Бабеф цитирует «Постоянный кадастр», который к тому времени был уже напечатан.

33 Моморо Антуан Франсуа (1756—1794) — владелец типографии; называл себя «первопечатником французской свободы»; участник демонстрации 17 июля 1791 г. на Марсовом поле, за что был арестован и предан суду; один из виднейших руководителей клуба Кордельеров; был казнен по процессу эбертистов.

34 Жоли Э. Л. (1756—1837) — адвокат; секретарь парижского муниципалитета. Выдвинутое против него Маратом обвинение в подлоге оказалось неосновательным и послужило формальным поводом к изданию приказа об аресте Марата 8 октября 1789 г. В № 26 «Друга народа» от 7 октября Марат писал, что во время печатания № 24 он не знал еще фамилии лица, обвинявшего Жоли в подлоге,— «это граф Эпернэ, командующий национальной гвардией в предместьях Парижа». В июле 1792 г. Жоли был министром юстиции; отстранен после 10 августа.

35 Черные кокарды носили в Австрии — на родине королевы Марии-Антуанетты. Во Франции до революции носили белые кокарды, а после революции — трехцветные.

36 Во главе дистрикта Кордельеров стоял тогда Дантон; в январе 1790 г. дистрикт воспротивился аресту Марата и взял его под свою защиту. Весной и летом 1790 г. Бабеф снова дал очень высокую оценку деятельности дистрикта Кордельеров и Дантона, к которому обратился с письмом.

37 См. прим. 30.

38 О Гарене и его взаимоотношениях с Бабефом см. том II настоящего издания.

39 В № 26 «Друга народа» Марат выступил против Неккера со статьей «Suite des réflexions sur les dettes du gouvernement, devenues nationales, sur le plan du premier ministre des Finances et le moyen de faire face aux besoins d'Etat».

40 В № 27 «Друга народа» Марат снова обвинял Неккера в том, что он является виновником недостатка продовольствия в столице, так как «производит закупку хлеба в целях его экспорта из Франции и извлечения при этом личной выгоды».

41 Шатле́ — здание, в котором находились до революции судебные учреждения Парижа. В октябре 1789 г. Учредительное собрание сохранило за Шатле разбор «государственных преступлений».

42 Фландр де Бренвиль — королевский прокурор с 1765 г.; в 1789—1790 гг. был прокурором в Шатле. От него исходил приказ 8 октября 1789 г. об

аресте Марата (о деле Жоли и роли в нем Фландра де Бренвиля см. памфлет Марата «Призыв к нации».— *Ж. П. Марат*. Избранные произведения, т. II. М., 1956, стр. 100—141).

43 Тарже Ги Жан Батист (1733—1807) — видный юрист; член Учредительного собрания; во время процесса Людовика XVI отказался выступить его защитником из-за своего малодушия, в чем его упрекал Марат. При Наполеоне — член Государственного совета; принимал активное участие в выработке наполеоновского кодекса.

44 Бюзо Франсуа Никола Леонар (1760—1794) — депутат Учредительного собрания, где был на крайне левом крыле вместе с Робеспьером и Петионом. Близкий друг г-жи Ролан. Член Конвента, где стал одним из руководителей жирондистов. Казнен во время якобинской диктатуры.

45 Дюпор Адриан (1759—1798) — член Учредительного собрания; сначала занимал левую позицию, с 1790 г. значительно поправел и в момент бегства короля и связанного с ним политического кризиса участвовал в расколе Якобинского клуба и создании Клуба фейянов. Вместе с А. Барнавом и Шарлем Ламетом составлял «триумвират», связанный с Марией-Антуанеттой, и влиял на политику двора.

46 Это второй отзыв Бабефа о Робеспьере, весьма положительный, как и все отзывы Бабефа о Робеспьере в первые годы революции.

47 Фермон Жак де (1752—1831) — депутат Учредительного собрания и Конвента, в котором поддерживал жирондистов. В эпоху террора скрывался от преследований. Активный деятель термидорианской реакции, член и председатель Совета пятисот. При Наполеоне — генеральный интендант, граф империи.

48 Дюпон де Немур Самюэль (1739—1817) — экономист, член Учредительного собрания; впоследствии эмигрировал в Соединенные Штаты, где явился основателем крупной промышленной фирмы, существующей и поныне.

49 Деменье Жан Никола (1752—1814) — граф, член Учредительного собрания; примыкал к его правому крылу; при Наполеоне — сенатор и граф империи.

50 Закон о военном положении (la loi martiale) был принят Учредительным собранием по настоянию парижского муниципалитета, в связи с продовольственными беспорядками 21 октября 1789 г., во время которых был повешен на фонаре владелец пекарни Франсуа. По этому закону каждому муниципалитету предоставлялось право разгонять народные сборища и открывать стрельбу после предупреждения, которым должно было служить вывешивание красного знамени. Этот закон был применен 17 июля 1791 г. во время расстрела на Марсовом поле.

51 Осенью 1789 г. в Верноне произошли продовольственные волнения, вызванные хлебными спекуляциями некоего Плантерра, который был арестован. В результате вмешательства Лафайета и парижского муниципалитета в Вернон был послан отряд парижской национальной гвардии, и Плантерр был освобожден.

52 Ламет Шарль (1757—1832) — брат Александра Ламета, член Учредительного собрания, где в 1789—1790 гг. был сперва одним из лидеров левого крыла. Однако уже в сентябре 1790 г. Марат упрекал Шарля Ламета в «гибкости придворного». В декабре того же года Марат писал: «Барнав и Ламеты так часто жертвовали в пользу короля интересами народа, что в моих глазах они являются только мнимыми друзьями отечества; Барнав — мелкий честолюбец, а Ламеты — еще и придворные» («L'Ami du peuple», N 311, 15 декабря 1790 г.). Во время вареннского кризиса Ш. Ламет участвовал в расколе Якобинского клуба, Вместе с А. Дюпором и Барнавом входил в «триумвират», направлявший действия «фейянов». В 1792 г. был в армии Лафайета и эмигрировал.

53 Гара-старший, Доминик (1735—1799) — член Учредительного собрания,

примыкал к его правому крылу; был одно время секретарем собрания.

[54] Гара-младший, Жозеф Доминик (1749—1833) — редактор газеты «Journal de Paris»; был якобинцем; в 1792—1793 гг. был министром юстиции (после Дантона) и внутренних дел (после Ролана); летом 1793 г. Бабеф резко выступил против Гара, обвиняя его в срыве политики твердых цен («максимума»). В дальнейшем Гара все время эволюционировал вправо. При Директории — член и одно время председатель Совета старейшин; при Наполеоне — сенатор и граф Империи.

[55] «Révolutions de Paris» («Парижские революции») — газета, издававшаяся в 1789 г. Прюдомом; в 1789—1790 гг. ее редактором был Лусталло, а после его смерти — Сильвен Марешаль. Газета занимала демократическую позицию. Бабеф ее очень внимательно читал и неоднократно на нее ссылался, давая ей высокую оценку.

[56] «Австрийские Нидерланды» — Бабеф имеет в виду бельгийские провинции, одно время принадлежавшие Австрии, а позднее, в годы революции и Империи, оказавшиеся под французским господством.

«ПОСТОЯННЫЙ КАДАСТР»

[1] Сохранилось два варианта первоначальной рукописи «Постоянного кадастра», обнаруженные в 1965 г. в библиотеке Корнеллского университета в США (штат Итака). Рукопись носила заголовок: «Краткий очерк проекта Постоянного кадастра», в котором главным образом изложен способ действий, дающий возможность: 1) сохранять, с небольшой затратой труда, все возможные сведения относительно права собственности и расположения всех недвижимых имуществ королевства и пополнять их так, чтобы они оставались всегда пригодными; 2) установить самые справедливые пропорции в деле распределения налогов на эту собственность; 3) осуществить сбор налогов с такой легкостью, что в дистрикте, состоящем из двухсот приходов, один главный служащий, при содействии только трех помощников, сможет ежегодно, и в течение всего лишь одного месяца, без помощи каких-либо сборщиков и не причиняя никакого беспокойства подданным короля, не только произвести этот сбор, но также собрать самым точным образом необходимые сведения относительно всех изменений в праве собственности на недвижимость и занести эти сведения в кадастр для того, чтобы сочетать возвещенное в нем постоянство с внесением в него данных, соответствующих положению в данный момент, и 4) и т. д. и т. д.».

Этот заголовок Бабеф сообщил Дюбуа де Фоссе в письме от 3 июня 1787 г. Однако в нем есть отличие в пункте втором. В приведенном выше тексте говорится о «распределении налогов» на земельную собственность. В письме же к Дюбуа говорится о пропорциональном распределении «т е р р и т о р и а л ь н о г о налога или любой другой равноценной формы обложения (subvention équivalente)». Речь идет не вообще о налогах, а о территориальном налоге. Это изменение не случайно. С февраля 1787 г. в Париже заседало собрание нотаблей, на рассмотрение которого государственный контролер Калонн внес свои финансовые проекты, в том числе и предложение о введении «территориального налога» (impôt territorial). То, что Бабеф повторяет термин, употребленный Калонном, дает нам ключ к датировке начала его работы над «Постоянным кадастром». Первый вариант рукописи, в котором упоминание о «территориальном налоге» отсутствует, был, по всей вероятности, написан до созыва собрания нотаблей, т. е. в конце 1786 г. или в самом начале 1787 г.

В первом варианте давалось чисто техническое изложение методов осуществления кадастра. Второму варианту были предпосланы «Вступительные рассуждения», в которых затрагивались уже и социальные проблемы. Характерно, что тексту этого второго варианта предшест-

вовал эпиграф: «Какое преимущество имеет народ, который позволяет каждому гражданину думать и писать о политическом управлении! Предлагает ли он здравую идею, вносит ли полезное предложение? Оно рассматривается, обсуждается, принимается, улучшается. Если он говорит вздор, над ним посмеются и о брошюре забудут».

Эпиграф этот, как указано в рукописи, взят из известной социальной утопии Луи Себастьяна Мерсье «2440 год». До сих пор предполагалось, что с этой утопией Бабеф ознакомился только в 1791 г. Теперь мы имеем доказательство, что с этой, весьма популярной в свое время, утопией Бабеф познакомился гораздо раньше — не позднее весны 1787 г.

Поездка Бабефа в мае 1787 г. в Париж и попытка опубликования «Кадастра» не увенчалась успехом. Но в марте 1789 г. Бабеф возобновляет свою переписку о «Кадастре» с геометром Ж. П. Одиффре, изобретателем прибора, пригодного, помимо других целей, для значительного ускорения и упрощения землемерных работ (что было бы важно в случае осуществления кадастра). Бабеф намеревался включить описание этого прибора и способа его применения в свою работу, чтобы заинтересовать Одиффре в ее издании и распространении. Одиффре предложил Бабефу приехать в Париж для переговоров. В своем ответе от 18 апреля 1789 г. Бабеф сообщил, что собирается доработать «Кадастр», используя те книги, которые вышли на данную тему с 1787 г.

Свое намерение ознакомиться со вновь вышедшей литературой Бабеф осуществил со всей присущей ему настойчивостью и добросовестностью. В ЦПА ИМЛ сохранилась часть его рукописи (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 92), в которой он конспектировал прочитанные им произведения. К сожалению, уцелела только середина рукописи (стр. 4—7), нет ни ее начала, ни ее окончания. Но и на этих четырех страницах Бабеф резюмирует содержание 21 просмотренной им книги и брошюры. Судя по этой рукописи и по сноскам в печатном издании «Постоянного кадастра», он прочитал «Территориальный налог» Ленге, «Об управлении финансами» Неккера, «О королевской десятине» Вобана, «Опыт о конституции и функциях провинциальных собраний» Кондорсе, «Письма к доверителям» Мирабо, обращение к Генеральным Штатам Рейналя и Грегуара (тогда еще мало кому известного священника, а в дальнейшем одного из видных деятелей революции), «Проект о новых формах торговли зерном во Франции» другого будущего видного члена Конвента, Л. Бурдона, «Усовершенствованный налог» Обри де Сен-Вибера, «Проект общего кадастра» дю Тийе де Виллара, ознакомился с «Человеком с сорока экю» Вольтера и т. д. Он изучил также и ряд анонимных брошюр, в том числе «Сопоставление состояния финансов при Людовике XIV и Людовике XVI», «Политический катехизис», «Бичи сельского хозяйства», «Национальный кредит», «История, церемониал и права Генеральных Штатов», «Tableau territorial de la France», «Результаты провинциальных собраний», «О распределении подушной подати и двадцатины». Бабеф прочитал и ряд наказов — Кламара-су-Медон (который он очень высоко оценил), Шато-Тьерри, Анжера, Парижа.

В ходе чтения у него все больше росло стремление не ограничиваться лишь вопросами налогообложения, а осветить также важнейшие социальные проблемы. «Говорить об уничтожении права первородства,— отмечает он в этих своих конспектах,— сеньериальных прав, десятины, об установлении государственного образования». Вопрос об уничтожении феодализма, сеньериальных прав волновал его больше всего. Так, читая «Историю, церемониал и права Генеральных Штатов», в которой отстаивались сеньериальные права, Бабеф отмечал: «Оспорить настоятельно эту систему. Королевское притеснение (servitude) более жестоко, чем притеснение сеньериальное. Это кажется верным, но разве эти два вида притеснения не связаны?»

В результате этой напряженной работы текст своей первоначальной

рукописи 1787 г. Бабеф подверг значительной переработке. Его «Вступительные рассуждения» превратились в целую вводную главу — «Вступительную речь», в которой изложена была его социальная программа. Заново была написана первая глава, пересмотрен и дополнен весь остальной текст, разработаны предложения по обложению не только земельной, но и движимой собственности.

Вышедшая в октябре 1789 г. книга целиком была написана Бабефом. Позднее, в 1791 г., он писал об этом пикардийскому февдисту Антуану Ламп: «Единственным автором являюсь я... От г-на Одиффре я взял только тригонометрический графометр, аналитическое описание которого я дал. Ни одна идея, ни одна фраза в «Кадастре» не принадлежит перу этого геометра; он только геометр и больше ничего».

Все расходы по печатанию «Постоянного кадастра» нес Одиффре. Бабеф надеялся, что продажа книги выведет его из состояния жестокой нужды, которую он переживал в связи с прекращением февдистской деятельности, и что она принесет ему известность. Надежды эти совершенно не оправдались. Судя по письмам Одиффре, у которого хранился тираж издания, было продано всего лишь несколько экземпляров книги. О выходе «Кадастра» Одиффре поместил объявление в № 28 газеты «Révolutions de Paris» (p. 3) — «Cadastre perpétuel, ou démonstration des procédés convenables à assurer l'assiette et la perception d'une contribution unique tant sur les possessions territoriales que sur les revenus personnels; dédié à l'Assemblée nationale. Paris, chez les auteurs, rue Quincampoix, N 40».

«Кадастр» стал сейчас библиографической редкостью. Едва ли не единственный экземпляр книги хранится в Национальной библиотеке в Париже.

[2] Первоначально Бабеф намеревался предпослать «Постоянному кадастру» еще один эпиграф — стихотворный, сохранившийся в его черновых набросках:

Le lumière des tems ne peut être sentie
Par un peuple enchaîné, qui n'a plus de Patrie,
D'un pénible esclavage il se sent abatu.
Il perd ses feux, sa force, en un mot, sa vertu
Mais une Nation qui prend sa délivrance
Voit tout pour son bonheur, témoin l'heureuse France.
Elle est libre, en ce jour! tout y est Citoyen
Tous d'un commun acord, vont travailler au bien.

(Не может узреть света времен
Народ в оковах, родины лишенный.
Мучительное рабство его угнетает.
Теряет он огонь свой, силу, добродетель.
Но нация, добившаяся своего освобождения,
Видит, что все делается к ее счастью,
свидетелем тому счастливая Франция.
Она свободна! И в сей день всяк в ней гражданин.
Все в общем согласии будут трудиться
для общего блага.)

[3] Лопиталь Мишель (1507—1573) — знаменитый французский государственный деятель XVI в., королевский канцлер, сторонник веротерпимости. В бумагах Бабефа сохранилось несколько выписок из Л'Опиталя, к которому он относился с явным уважением.

[4] В тексте Бабефа противопоставляются слова «налог», «налоговое обложение» (impôt, imposition), подразумевающие, по его мнению, принуждение, и слова «взнос», «вклад» (contribution), предполагающие добровольное участие граждан в расходах государства. Так как в русском языке термины «взнос» или «вклад» в применении к налоговому обло-

жению не употребляются, в переводе противопоставлены друг другу слова «побор» (в значении насильственного обложения) и «налог» (в значении той суммы, которую граждане платят государству добровольно).

[5] Ленге Симон Никола Антуан (1736—1794) — известный французский адвокат и публицист. В 1764 г. опубликовал книгу «La dîme royale», вышедшую в 1787 г. вторым изданием под заглавием «L'impôt territorial»,— с этим произведением и ознакомился Бабеф в 1789 г. Работы Ленге (особенно его «Теорию гражданских законов») изучал К. Маркс, отмечавший, что Ленге сделал ряд глубоких критических замечаний о буржуазных свободах и собственности, что «ему ясен характер капиталистического производства». Вместе с тем Маркс подчеркивал, что «его полемика... против начинающегося господства буржуазии облекается... в реакционную оболочку. Он... отстаивает рабство, выступая против наемного труда» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 301, 347).

[6] Знаменитый французский маршал Себастьян Вобан (см. прим. 81 к разделу I) являлся автором книги «La dîme royale» («Королевская десятина»), в которой он настаивал на необходимости реформы французского налогообложения, уничтожения косвенных налогов и введения единого налога. Бабеф в 1789 г. ознакомился с этим произведением Вобана.

[7] Рейналь Гийом Тома Франсуа (1713—1796) — французский писатель и публицист. Наибольшую известность Рейналю принесла написанная им в сотрудничестве с Д. Дидро четырехтомная «Философская и политическая история... торговли европейцев в обеих Индиях» (1780). Книга подверглась преследованиям и подлежала сожжению, но имела большой успех. В первые годы революции Рейналь, избранный в Генеральные Штаты, резко поправел. Бабеф, очень ценивший Рейналя, не верил сообщениям о его поправении и еще в 1790 г. в «Пикардийском корреспонденте» брал его под свою защиту (эти материалы будут опубликованы во втором томе «Сочинений»).

[8] Резюмируя в своих подготовительных заметках к «Постоянному кадастру» брошюру «Бичи сельского хозяйства» («Les fléaux de l'agriculture»), Бабеф выписал расчеты автора, что «десятина поглощает около $^2/_5$ урожая с обрабатываемых земель». Особое внимание он уделил рассматриваемому в брошюре вопросу о «способах устранения бича нищенства».

Брошюру «Crédit National» Бабеф в своих заметках отнес к числу «аристократических», так же как и «Essai sur la répartition de la taille et des vingtièmes» (1787).

Готовясь к изданию «Постоянного кадастра», Бабеф ознакомился также с работой известного французского математика и политического деятеля Кондорсе (1743—1794) «Essai sur la Constitution et les fonctions des Assemblées provinciales» (1788). Судя по рукописям Бабефа, он был знаком и с другой работой Кондорсе — «Жизнь Тюрго».

[9] Указанная Бабефом третья часть «Постоянного кадастра» в настоящем издании не публикуется.

[10] Генеральный контролер финансов при Людовике XVI Жак Неккер (1732—1804) был автором ряда работ по экономическим вопросам. К. Маркс изучал, в числе других произведений Неккера, также и его работу «De l'administration des finances en France» (1784), на которую ссылается Бабеф. Маркс считал, что в произведениях Неккера сделана попытка изобразить противоположность классов при капитализме как «развитие противоположности между бедностью и богатством» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 301—305). Вполне вероятно, что знакомство с работами Ленге и Неккера отразилось в теоретической тетради Бабефа «Философский свет».

[11] Бурдон де ла Планш Леонар (1757—1815), автор цитируемого Бабефом произведения «Projet nouveau de faire utilement en France le commerce des grains», был впоследствии видным якобинцем, членом Конвента.

В 1793 г. выступил с другим проектом, посвященным также вопросам хлебной торговли, о создании «амбаров изобилия» (greniers de l'abondance) для собирания хлебных излишков, имея в виду уничтожение максимума.

[12] Бабеф в своих предварительных заметках к «Кадастру» конспектирует работу «Tableau territorial de la France». Он составил на основании ее и других произведений (Вобана, Вольтера, Неккера) таблицу земельной площади во Франции и сделал попытку подсчета, сколько арпанов земли придется на каждое земельное владение в случае общего раздела земли. Эту брошюру Бабеф также отнес к числу «аристократических» произведений.

[13] Конспектируя работу «Parallèle de la situation des finances sous Louis XIV et Louis XVI», Бабеф сопроводил заявление ее автора, что предлагаемый им кадастр «будет годен в течение 20 лет», пометкой «наш сохранится навеки» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 92).

[14] См. прим. 136 к разделу первому.

[15] Буленвийе Анри (1658—1722) — граф, убежденный защитник феодальной системы. Выступал против произвола абсолютной монархии в деле налогообложения. Бабеф, ссылаясь на Буленвийе, имел в виду именно эти его предложения.

[16] Силли — возможно, опечатка. Вероятно, Бабеф говорит здесь о крупнейшем французском государственном деятеле Максимилиане Сюлли (1560—1640), настаивавшем на налоговой реформе (см. его «Economies royales»).

[17] Сен-Пьер Шарль Ирене (1658—1743) — аббат; широко известен своим «Проектом постоянного мира» (1713); выступал также сторонником реформы налогов.

[18] Об авторе «Усовершенствованного налога» («L'impôt abonné») Шарле Луи Обри де Сен-Вибере см. прим. 15 к разделу первому. Его брат, депутат Учредительного собрания Пьер Франсуа Обри (1737—1800) в 1790 г. опубликовал «Cadastre général de la France». (См. *С. Бернстайн.* К истории «Постоянного кадастра».— «Французский ежегодник. 1961». М., 1962, стр. 485).

[19] Ввиду того что последующие разделы носят чисто технический характер, в настоящем издании они опущены.

[20] Об этом говорилось в § 5 части II — одном из опущенных в настоящем издании разделов.

[21] «Уведомление» (Avis) было составлено Бабефом после его возвращения из Парижа в Руа, вероятно, в ноябре 1789 г. Это было последнее обращение Бабефа к сеньериальным владельцам. Никаких практических последствий оно не имело.

[22] 19 мая 1790 г. Бабеф, по постановлению специальной судебной палаты Парижского парламента (Cour des Aides) как руководитель движения в Пикардии против уплаты косвенных налогов был арестован в Руа и препровожден в парижскую тюрьму Консьержери. Находясь в тюрьме, Бабеф энергично боролся за свое освобождение. Тогда же он начал писать публикуемую нами впервые рукопись, в которой он дал описание своей борьбы с братьями Билькоками, представителями судейской аристократии в Руа, ставшими с начала революции руководителями муниципалитета г. Руа. Предположения Бабефа были совершенно правильны. Доносы на Бабефа в податной суд действительно исходили от муниципалитета г. Руа и его руководителей, Билькоков. Эти доносы были поддержаны, как видно из сохранившихся документов, двоюродным братом Билькоков, депутатом Учредительного собрания Прево. Рукопись, хранящаяся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, № 173, 10 стр. in 8°), не имеет начала и окончания.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Звездочками отмечены документы, которые публикуются впервые.

ПЕРВЫЙ ГОД РЕВОЛЮЦИИ

ПОСТОЯННЫЙ КАДАСТР

Гракх Бабеф

СОЧИНЕНИЯ

т. I

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства **Ю. И. Хаинсон**
Художественный редактор **Ю. П. Трапаков**
Художник **А. А. Кущенко**
Технические редакторы
Л. Н. Золотухина, А. М. Сатарова
Корректоры **Е. Н. Белоусова, В. А. Гейшин**

Сдано в набор 16/IV 1975 г.
Подписано к печати 2/IX 1975 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 24,63. Уч.-изд. л. 27,9.
Тираж 34 000. Тип. зак. 70.
Цена 1 р. 97 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12
Отпечатано с матриц, приготовленных
во 2-й типографии издательства
«Наука»

1р. 07к.

ГРАКХ БАБЕФ • СОЧИНЕНИЯ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»